

АЛЕКСАНДР ПРОТАСОВ МЕСТО И ВРЕМЯ КНИГА ВТОРАЯ



International

Literary

magazine

Александр
ПРОТАСОВ

МЕСТО И ВРЕМЯ

Книга вторая

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА



ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ОВДОРОВА

**Александр
ПРОТАСОВ**

МЕСТО И ВРЕМЯ

Книга вторая

**Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024**

УДК 821.161.1'06(477)-32

П83

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

*Иллюстрации в тексте — Автора.
На обложке: Протасов А. «Триптих памяти»,
центральная часть, 2020 (фрагмент)*

Протасов А.

П83 Место и время" Книга вторая / А. Протасов —
Друкарський двір Олега Федорова 2024 — 384 с.

ISBN 978-617-8477-36-3

Во Второй книге автор продолжает путешествие по своим Местам, встречая очень разных людей, в меру сил изучает окружающий мир, размышляет о Времени и пытается уяснить своё место в нём.

«Раздумывая о прожитом, понимаю простую, в общем-то, вещь: эпохи надо уважать! Как уважаем мы людей в каждом Месте, так нужно уважать людей в каждом Времени. Давайте уважать себя, в любой эпохе».

УДК 821.161.1'06(477)-32

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)

ISBN 978-617-8477-36-3

© Протасов А., 2024

© Федоров О.М., видавець, Київ 2024

ОТ АВТОРА

По моим наблюдениям, каждая третья книга, исключая школьные учебники, начинается с эпитафии. Хороший эпитафия, даже если читатель забудет о нём на третьей странице, может сразу привлечь внимание и даже обнадёжить. Например:

Мемуары — это искусство придумывать правду.
В. Зиссер

Не вызывает сомнения, что придуманная правда гораздо надёжнее.

Так принято, что добротный эпитафия — это цитата из какого-то мудреца. Надо отдать им должное, оставили много хороших эпитафий. Например, как не взять такой, демонстрирующий уважение к читателю, с одной стороны, и небольшое кокетство — с другой:

...Содержимое этой книги — я сам. А это отнюдь не причина, чтобы ты, читатель, отдавал свой досуг предмету столь легковесному и ничтожному.

Это писал во вступлении к своим «Опытам» М. Монтень.

Судьба писателя — сочинять, перечитывать, редактировать, думать об иллюстрациях, общаться с редактором и издателем, опять перечитывать и, в результате — держать в руках книжку со своей фамилией на обложке, испытывая чувство, которое можно описать, скорее всего, как близкое к недоумению. Неужели это я написал? Это и есть результат всей работы? И что теперь с этим делать? Тем более что прав, прав был граф К. Штернберг:

Самая печальная участь старости в том, что в конце жизни человек становится одиноким среди поколения, которое не знало нашего более раннего времени, не может разделить наши воспоминания!

Соглашаясь с графом и оглядываясь вокруг, действительно видишь малонаселённый ландшафт, вернее — соплеменников хватает, но как-то они оказываются не столь родными. По признаку временного соответствия. Несовпадения. Кроме того, сложности коммуникации. Как-то получилось, что практически никому из своих, которых и так осталось немного, отправить pdf-файл предыдущей книги оказалось невозможно. У того компа нет и не было, тот вообще только телек смотрит или звонит по кнопочному телефону. Старость? Несоответствие техническому уровню века? Неповоротливость всего поколения? Рациональность? Самозащита от интернета и излишней рекламной информации? Правда, мне и самому дороже бумажные книги. Ещё одна ипостась и Места, и Времени: оказалось, что одна из внучек вообще отказалась читать книги на русском языке (одним потенциальным читателем меньше), а кто-то сказал, что переписывание своих дневников — весьма глупое занятие (ещё одним). Но книга существует, живёт уже своей жизнью.

Теперь вот надо написать предисловие ко второй книге. Довольно много очерков, глав не вошли в первую, просто по соображениям объёма, и это делало весь проект незаконченным. Но важнее, видимо, было то, что, потянув за ниточку времени, я как-то почувствовал, что клубок начал раскручиваться и настойчиво требовать к себе внимания.

Странным образом я ощутил, что эпизоды многодесятилетней давности всплывали из детства сами собой, причём с упрёком, мол, ты про нас забыл, не вспомнил, но мы же были, может, и не очень важными, но были. В то же время, связанное со «взрослой» жизнью, было как-то вяло, серо, невыпукло. Скорее всего, дело было в удивительной трансформации прошлого в настоящее. Тогда всё окружение не столько было, сколько воспринималось более красочным, душа активно работала и всё впитывала взахлёб, и каждый день был событием. Но чем ближе к современности, тем всё спокойнее струилась река жизни, хотя и были события, но насколько меньше они затрагивали.

Что же, в этом жанре есть небольшой допинг: я вытащил старые тетради, записи, зарисовки, фотографии, деловито сортируя этот «материал»! Нет, не столько даты напомнить, но воскресить, оживить образы, впечатления, саму атмосферу. Мест и Времени.

Вышла первая книга, есть и вторая, вот — уже у читателя. И тот же вопрос: для кого написано? Не буду скрывать, думалось, что это похоже на какую-то передачу чего-то важного детям, внукам. Но не надо предаваться иллюзиям! Цель — оставить наследство — так же естественна,

как и глупа. Но всё-таки жаль отсутствия заботы предков о потомках. Задача трилобитов была не только в том, чтобы создать свою экосистему, но и в том, чтобы создать условия жизни для потомков, включая и динозавров, и нас. Бог с ними, с неизвестными в десятом поколении потомками, для которых я буду приблизительно то же самое, что и трилобит, мне хотелось бы, чтобы внуки, которых я люблю, знали и помнили о нашей экосистеме. Они просто не очень догадываются, что это им крайне нужно.

Посвящение. Странно, почти все мои книги имели посвящения, а в этот раз почему-то даже и не вспомнил о таком элементе книжной структуры. Может, показалось излишней деталью? Послал книгу дочери, в другую страну. И написал: «Посвящается нашей семье». Наверное, это неплохой приём — в каждой подаренной книге писать своё посвящение, если это важно и нужно.

События, что есть вехи времени, наводят на размышления. Размышляя о прожитом, понимаю простую, в общем, вещь: эпохи надо уважать! Как уважаем мы людей в каждом Месте, так нужно уважать людей в каждом Времени. Плохое не заслуживает уважения, но заслуживает знания, и ничто не подлежит забвению. У незабытого плохого меньше шансов вернуться.

Благодарности. Я благодарен Борису Марковскому, шефу-основателю «Библиотеки “Крещатика”», как за то, что он пригласил в эту серию, так и за то, что предложил разместить электронный вариант первой книги на вебсайте «Вторая литература» (https://vtoraya-literatura.com/pdf/protasov_mesto_i_vremya_2024__izd.pdf). Благодарен Андрею Никитину-Перенскому, основателю этой электронной библиотеки, за то, что принял книгу на свои виртуальные полки. Благодарен неизменному редактору — Елене Мордовиной. Благодарен читателям, которые всё-таки не няли увещаниям Монтеня.

ХАБАРОВСК

Место — Дальний Восток. Время — начало 1970-х

— Офицер, едущий до Хабаровска, подойдите к воинской кассе, — прозвучал жестяно-женский голос репродуктора под сводами Конотопского вокзала.

Это он/она обращаются ко мне. Это я, выехав из Мозыря 31 июля 1972 года, приехал в Конотоп, чтобы пересесть на поезд Киев–Владивосток. Это вокзал, дорога и новая жизнь.

— К сожалению (нет, там, в глубине кассы, не было совершенно никакого сожаления, чего ей сожалеть, этих пассажиров тучи, и вообще, никто не знает, сожалеть надо или наоборот, радоваться)... просто... — билетов в купейный вагон, согласно воинскому требованию, нет, есть только места в мягкий вагон. Надо доплатить 80 рублей.

Как жизнь показала, надо было не сожалеть и не скупиться (тогда 80 рублей были, всё-таки, кое-какие деньги), а поблагодарить судьбу и кассиршу. Проза транссибирского экспреса, может, и хороша для уж больно поэтических натур, но за семь дней может несколько утомить.

Такая вот получилась инверсия, можно сказать, политико-социальный кульбит: отец когда-то был изгнан из армии по причине слишком большого количества офицеров, а я попал туда потому, что офицеров стало как-то маловато. А может быть, армия опять стала великовата. Но потом встречалось у нас в полку — было два или три майора, у которых личный состав целого батальона был только где-то на бумаге. Чёрт их, военных, разберёт.

Однако процесс пополнения не был отмечен излишней массовостью. Из многочисленных обитателей тех самых взводных палаток, что стояли в лесу недалеко от славного города Конотопа, где мы после четвёртого курса были на военных сборах, только мы: двое биологов, один филолог да трое историков — угодили в число тех, кому выпало исполнить почётный долг перед Родиной. Последних троих радостно встретил в своём же поезде, тоже в Хабаровск ехали. Филолог отправился на Сахалин, наш, второй — на Камчатку. С точки зрения гражданского человека, такой дефицит в сильно удалённых гарнизонах был вполне объясним,

но с военной — непонятен, ибо среди молодых (настоящих) офицеров считалось, что начать службу в Краснознаменном Дальневосточном было как раз большой удачей, для последующих продвижений по службе.

Странная вещь: судя по дневниковым записям, только после Иркутска остался я в своём купе один-одинёшенек, но совершенно не запомнились попутчики до Байкала. А ведь были, наверное, какие-то разговоры, дорожные байки. Был, видимо, сильно погружён в созерцание пейзажей за окном, да в писание писем, которые начинались «Милая...». Письма-дневники, на которые совершенно бессмысленно было ожидать ответа, по причине отсутствия обратного адреса. Ах, как жалко, что не последовал примеру своего друга, который писал письма сначала себе в дневник, потом, набело, редактируя — уже адресату. Где эти письма сейчас? Давно пропали.

Проза транссибирского экспресса заключалась в нескольких вещах. В те времена было очень распространено студенческое движение «в народ»: строить коровники, даже новые города, в период летних каникул. Некоторые становились временно проводниками поездов. У нас тоже была такая бригада. Нет сведений о том, как должно было быть по инструкции, но снабжение топливом этих небольших котлов, в которых кипятилась вода для чая, *де факто* обеспечено не было. Поэтому часть пассажиров, что помоложе, на каждой станции бегала по окрестностям в поисках каких-то дровишек. Бегал и я.

Друзья мои по несчастью/счастью путешествия в неизведанное ехали в купейном вагоне, на несколько вагонов ближе к хвосту поезда. Ходить в гости к ним, что бывало по вечерам часто, приходилось через вагон-ресторан. Ночью, да ещё из гостей, это было сопряжено с некоторыми трудностями, которые создавали тела спящих на полу персонажей камбуза, официантов. Если нет дров, то почему у поваров должны быть свои купе? Впрочем, купе, может быть, и были. Но выполняли другие функции. Каждый работник пищеблока имел свой запас спиртного, которым бойко торговали на станциях, особенно на глухих полустанках. К этим поездкам, наверное, слетались со всей Сибири. Хранить запас где-то было нужно.

Купейный вагон был больше похож на верхнюю палубу какого-то парохода, на котором мечтатели-эмигранты пересекали бурный океан. Если поначалу чувствовалась какая-то обособленность пространств, то потом всё как-то перемешалось. Дети и просто люди бродили между

купе, по коридору, бросалась в глаза именно эта броуновская подвижность. Хотя, может быть, я просто каждый вечер приходил как бы «на новенького», несколько преувеличивая то переменчивость, то незыблемость купейной жизни, что свойственно чересчур наблюдательным пассажирам мягких вагонов.

Перемещаясь встречь солнцу, приходилось ежедневно переводить часы: часовые пояса скользили под колёса вагонов, отбивая свой незамысловатый ритм — «Тик-Так», «Тик-Так». Реки, леса, степи, озеро Байкал! Вблизи не то Зеи, не то Буреи поразил вид сухой травы на телеграфных проводах, при взгляде с высокой насыпи. Бывают же такие полководья! Велика страна, длинна дорога, но всё равно рано или поздно заканчивается.

И вот, стою сотоварищи перед памятником Ерофею Павловичу на привокзальной площади. Вполне жарким дальневосточным утром.



С точки зрения большинства местного народа, памятник совершенно справедливо монументален, как, например, колонна Колону, Кристобалью, что на площади Барселоны. Никто его, этого Хабарова, сюда на Амур, надо понимать, не звал, как, впрочем, не звали и Колумба. Начальство направило, да жажда приключений на фоне возможных прибылей влекла. Но что-то у Ерофея Павловича не сложилось: своё же начальство в 50-е годы XVII века разжаловало, арестовало, а имущество забрало. Тем не менее, в XIX и XX веке город и небольшую желдорстанцию его именем называли. И никто доподлинно не знает, чем эти самые землепроходцы отличались от колонизаторов и оккупантов.

Впрочем, в середине XIX века земли по левому берегу Амура, включая и те, на которых потом возник этот город, где стоял наш герой, дипломатическим путём были

оставлены за Российской империей. А по правому — за китайской империей Цин. То есть с юга шли свои землепроходцы, а тот народ, что считался коренным на Амуре, наверное, в своё время тоже кого-то вытеснил или покорил, или ассимилировал. Как рассказывал мне потом замполтех нашего батальона Валера Цой, у китайцев этот город называется Бали. Так обычно и говорили в полку, мол, поехали в Бали, может, пива попьём.

Красная Речка

Такое загадочное переплетение мест, времён и людей. Одна моя студентка в одном киевском университете ходила в свою школу именно здесь. Отец её служил, правда, много позже меня. Для неё это был её «Городок», ходила в разные кружки в Дом офицеров. Но если принять во внимание геологическое летоисчисление, то смотрели мы с ней на одну и ту же панораму невысоких, но таких голубых гор Хехцира. Потом я случайно встретил человека, который был здесь солдатом, в том же полку (тоже много позже), санинструктором, рассказывал, что кого-то на полигоне не смог спасти после случайного ранения. Потом, уже в Киеве, на своей остановке автобуса встретил майора Адаменко, который был моим комроты, тогда ещё старлееем, он мне в конце моей службы характеристику писал, почему-то она сохранилась. Наверное, не случайные встречи. Но что должны были обозначать, неизвестно никому.

Хабаровск длинно-длинно тянется по правому берегу Амура, так вот, Красная Речка, район такой, — это самый юг. Место, где изначально возник город, представляло собой три больших возвышенности, между которыми были две довольно глубокие лоцины. Из этого получились улицы и бульвары, которые выходят к реке. На одной, говорят, высоко, если смотреть с реки, стоял очень красивый большой собор. Как маяк в Александрии. Однако не сжился с советской властью.

Надо сказать, что русская Сибирь и Дальний Восток так же молоды, как англосакская Америка. Хабаров покорял Приамурье в середине XVII века, сам Хабаровск был основан в 1858 году как военный пост Хабаровка, и только с 1893 года стал Хабаровском, то есть городком, потом городом.

Стоя перед героическим, естественно, эпическим памятником Ерофею Павловичу (в образе, также естественно — героя первопроходца), я бы сейчас поразмышлял о судьбах тогдашней Родины, современных землепроходцах и покорителях свободолюбивых племён. Но тогда мне было 22, и больше озабочен был я собственной судьбой, которая сложилась несколько не так, как планировалось. Вместо научной работы в академическом институте в Киеве очутился я перед этим таким далёким и географически, и в мечтах памятником.

Ярких первых впечатления было два. Первое — кабинет начальника кадров дивизии. Такой себе неприметный белообрый майор, хотя, формально и должен был нас ожидать, был несколько озадачен нашим совершенно невоенным видом. Познакомившись ближе со структурными особенностями армейской действительности, я понял, сколь могуществен был этот человек. Он мог запроторить тебя запросто куда-то на точку в тайгу, а мог оставить в самом центре этого мира, центре Округа на какой-то синекурной должности, а потом, года через два-три, организовать перевод, например, в Берлин, Бранденбург, под Варшаву, на худой конец. Но нам он предложил должности командиров взводов гранатомётных сил полка, здесь же, на Красной. Нам это не понравилось, и мы честно и дружно признались, что в артиллерии не тянем. Тогда — в пехоту. Но там же.

Я потом, часто вспоминая эту встречу, думал: а почему бы не спросить, нет ли у вас чего-нибудь «по специальности», вот, Евдокименко, лейтенант — международные отношения, его киевский друг — археолог, а я — зоолог. А интересно бы, ради эксперимента! Или, там, про перспективы дальнейшего роста расспросить, то есть не сидеть болванами, а показать, что вот, мы из столицы всё-таки, братской республики, не лыком шить.

Второе яркое впечатление на Красной Речке — Дом офицеров! Я увидел его и остолбенел. Это была точная копия того ДО, из моего детства, в том самом далёком-предалёком западном Городке! Даже афиша «Танцы» висела на той же колонне! И танцы были там же, в Малом зале на втором этаже — белые колонны, паркет блестящий. И пошёл я потом на эти танцы, прицепив на погоны по две маленькие звёздочки, и понял всей душой, что человек, отмеченный этими звёздочками, в глазах местных девиц есть некая величина весьма и весьма

ма отличная от нуля. И библиотека была там же. И на многих-многих книгах был овальный штамп «Библиотека Дома офицеров. Город Порт-Артур». Для китайцев, занявших свой Порт-Артур — деокупа-ция, что ли — они вряд ли имели ценность.

Что можно сказать о параллельности разных сторон жизни? Как в статике, так и в динамике? Это задачка из курса диалектики — о целом и частях. Нам кажется, что легко вообразить целое — книга, танк, человек, Луна. Всего-то надо, как подметил Лев Гумилёв, уловить контуры: «Мы не видим предмета, мы воспринимаем только контуры предмета». Всякое целое ограничено от своей среды. Контур описывает форму, но что форма! Телефон, который, помните, создал Старик Хоттабыч, аж из чистого золота, тоже имел необходимую форму. Только... не звонил. Истинное целое создаётся взаимодействием частей. Что же тогда важнее — детали или целое? Это и есть диалектика, ибо не живут они сами по себе, а вместе создают нечто новое, функционирующий материальный объект. Можно ли жизнь человека назвать материальным объектом? Нет, это явление, это процесс, который тоже есть и целое, и система отдельных траекторий.

Мелкие перемещения

Когда через несколько месяцев пришлось перебраться в полк на левом берегу, в Приамурскую, жить было негде, кроме как в бараке-общаге для офицерского молодняка, я нашёл какую-то избушку, флигелёк во дворе, снял её у хозяев за немалые тогда 30 рублей в месяц. Кроме прочего, хотел независимости. Но пришла осень поздняя, потом зима, стало холодно, пришлось-таки перебраться в барак в полку. Но какое-то время эта избушка была прекрасной декорацией для параллельной жизни. Образ отшельника, вынужденного отбывать некую повинность, но потом возвращающегося к себе в хижину, чтобы писать, для меня был очень заманчив. Если бы не зима...

Луна сегодня большая, полная. В белизне заснеженных крыш отражается и свет луны, и не совсем ещё тёмного синего неба. Верхушка берёзы качается на ветру, ствол её с одной стороны облеплен снегом. Но даже если смотреть только на её качающуюся верхушку,

то и в ней так много зимы. Сегодня воскресенье, я целый день потихоньку топил печь. А сейчас хочется зажечь свечку, чтобы бледноватая лампочка не мешала луне, но чтобы можно было писать.

И о чём писать? Может, о том дне, тихом и пасмурном дне начала лета, когда они сидели на пригорке, а вдалеке время от времени пробегали электрички, а за спиной были дома города, который ему скоро предстояло покинуть. Как и ту девушку, которой надо бы написать письмо, и которая, наверное, уже совсем забыла и этот день, и то расставание. Надо ей написать, даже не надеясь на ответ.

Или про то, какая замечательная вещь — оттепель! Вспомнил-ся маленький городок и чёрные мокрые заборы, и чёрные стволы деревьев, и голубоватый туман в сумерках над мокрым снегом.

Вот и начало рассказа, или повести, как получится.

Скрипнула форточка, она всё время хотела открыться, хотя и не было ветра, это было досадно, потому что это была ещё одна сила, которая хотела забрать из маленькой избушки тепло. Хотелось вспомнить что-то из летнего. Он представил себя на пляже. Вот, он лежит на песке, тёплом песке, песке, песке, который становится всё белее, белее, да это уже и снег. Тёплый снег, и он становится всё холоднее, холоднее.

Печка что-то совсем не хочет греть, хотя там и прыгают весёлые огоньки. Если поднести руки к огню, они становятся горячими и сухими, но за спиной всё равно стоит зима. Скоро Новый год. Хорошо бы написать какую-то сказку, вроде «Голубой стрелы».

Маленький мальчик и маленькая девочка спали. Во всём городе все маленькие дети спали уже. Даже самые неугомонные уснули. Просто у них такой обычай — встречать Новый год утром. И никто не помешает им придерживаться своего обычая. Они спали, и им, как всегда, было мало дела до взрослых. У них, у взрослых, тоже есть обычай. Только почему-то им всегда что-то мешает эти обычаи соблюдать.

Вот в печи мерцают угольки среди вспышек пламени, будто где-то далеко раскинулся город. Он смотрит на эти созвездия и ищет свой огонёк. Может быть, там спит маленький мальчик, встречая Новый год. А взрослый человек, хотя он и один, не будет спать до полуночи. Он вспомнит весь уходящий год и своих друзей. И ему станет грустно. Маленькие мальчики и девочки радостно утром встретят Новый год, и им не будет грустно, потому что они никогда не провожают старьёй.

В наряд!

Караул — это особая часть жизни армии. В мирное время наиболее соответствует собственно понятию армии. Три человека на пост (один стоит, другой спит, третий бодрствует, обычно тоже кимарит), начальник караула (начкар), помначкара — это действующие лица. Начкарами обычно ходит молодёжь — лейтенанты, помощниками — сержанты. То есть всего человек до двадцати, с оружием и боевыми патронами. Сколько этих инструктажей проведено, а хоть раз за службу солдат втягивал голову в плечи, когда из какого-то ствола при разряжании вылетала пуля, хорошо, если в потолок. Зачастую в гарнизонных караулах есть «губа» (гауптвахта) для провинившихся солдат. Это ещё одна точка охраны. В Приамурской «губа» была в том же бараке, что и караул. При смене караула под охрану переходят и обитатели «губы». В нескольких километрах от нашего полка, на той же пойменной приамурской равнине, возвышалась огромная антенна в виде ажурной стены (потом видел весьма похожее сооружение неподалёку от Чернобыльской АЭС). С красными лампочками по ночам. Какой-то пункт связи Тихоокеанского флота. Потому и сидели там в болотах моряки. «Губы» своей у них не было, посему время от времени пенитенциарные функции для флота выполняла наша. Разительным контрастом выглядели эти подтянутые, в чёрном, морячки в строю «губарей», на фоне зеленоватой массы нерадивых пехотинцев и танкистов. Правда, грехи были схожие — самоволки да пьянки.

Казалось бы, служба, приближённая к боевой, бди и охраняй! Нет, и тут покоя нету — приехал майор Морозов, начальник штаба, проверить караул. И то ему не так, и это. Схватил алюминиевый чайник с полки, да как запустит по полу, в чайнике почему-то керосин. Майор в истерике. Так подмывало дать команду: «Караул — в ружьё!» — да приказать выставить его под белы руки. Сдержался. Или побоялся.

Принесло как-то аж самого командира дивизии. Делать ему нечего, в таких чинах — караулы проверять! Так, мол, и так, товарищ полковник, «За время несения службы происшествий не случилось!» (кроме Вашего прихода). Что-то и этому не понравилось в интерьере. А я ему возьми да и предложи автограф свой в журнале дежурства оставить. Да ещё пальчиком показал, где расписаться. Разгневанный свалил, хорошо, что я на разборе полётов потом в штабе не присутствовал. Говорили потом, что сильно ругался.

С этими журналами, где фиксируется разная информация о текущей жизни караула, беда. Как-то, в мой же караул, солдатик на посту номер 1, при знамени полка, врезал очередь из автомата в потолок. Сняли с поста, отравили на «губу». Так я и записал в журнале.

— Ты что, сдурел, такое писать!!! — разорался дежурный по полку. Придёт проверка, это же ЧП!

— Так это же исторический факт! Правда жизни.

— Нахрена кому твоя правда нужна!

Заставили правду уничтожить.

Хороший караул был на Бычихе, это когда служил в танковом, на Красной Речке! Тайга, ближе к Китаю, чем к своему полку. Не карпом, а какая-то избушка. Покой. Одна беда, летом после поста солдаты десятками снимали с себя клещей.

Как-то вечером едем на тот дальний караул, новая смена. Вдруг на выезде уже с Красной Речки — белая фигура, девица какая-то: белое, в пятнах красных — кровь, очевидно. Что делать? У меня в кузове машины полтора десятка вооружённых солдат. Не хватало ещё впутаться в какие-то пьяные разборки. Тут дело милиции. Пришлось проехать. Но красное на белом — в мгновенном свете фар — долго стояло перед глазами.

Отпуск в сентябре

Старая дневниковая запись: «Вот и прошёл отпуск. В ушах ещё стоит гул вчерашнего самолёта. Впервые почувствовал, как сложно возвращаться в старую жизнь, к старым друзьям, к старой любви. Расстояния и время, всё против незыблемости состояний. Всё изменилось. Да и ты уже другой. Видел Ольгу только мельком, даже и не спросил, почему же она до сих пор начинает свои нечастые письма «Милый...»?

Сентябрь прекрасен на Дальнем Востоке, да и у нас, на Западе, тоже хорошо. Отпуск начался в Москве, встретил сослуживцев (какой военный термин! Стал уже вполне моим). Из столицы съездил к другу Валерке в Рязань. На несколько дней в Киев заехал, да собирал грибы у родителей в белорусских лесах. Вот и весь отпуск.

* * *

Друзья остались далеко и уже в прошедшем времени. После осеннего отпуска вспоминались другие времена года, да и здесь уж осень закончилась.

Мы шли по улице, и шёл снег. Шёл снег, но было холодно. Обычно, когда идёт снег, становится теплее. Небо было белым, и всё вокруг было белым. И казалось, что снег появляется из воздуха прямо над землёй. Он был виден только на фоне деревьев и домов. Что я мог ответить своему другу, ведь я никогда не был женат, но мне казалось, что с какой-то будущей женой (может, Ольга, может, другая) будет просто и ясно, ведь мы будем любить друг друга.

— Ну, так как ты думаешь, я прав? — Мишка тербил меня и требовал не столько конкретного ответа, сколько общей поддержки.

— А чем ты, собственно, недоволен, что тебя раздражает?

— Понимаешь, она почти сразу, как мы познакомились, стала говорить о свадьбе. Мы бы могли быть просто влюблёнными, а мы уже почти два года женаты.

— Так будьте женатыми влюблёнными. Так вы хотя бы не имеете сомнительного удовольствия скитаться по подъездам, кинотеатрам. Целуйтесь себе в тепле, в постели.

— А как хорошо было в подъезде... У нас было так много тем для разговоров.

Какой белый снег. Белый холод, белое пространство. Белое время зимы. Зима должна быть белой. Вспомнились строчки, написанные в прошлом году (или раньше?).

Снега нет.

А осень давно умерла.

Голый скелет декабря.

Чёрный скелет, бродит

По улицам пыльным.

Сумерки. Не отразится

В белых улицах

И площадях свет солнца

И свет звезды.

В этом городе живёшь

Ты...

Он подумал, это явно навеяно Аполлинером. «Срываю вереск, осень мертва...» Хорошо, что Мишка подарил ему перед армией этот сборничек. И где этот мост Мирабо...

— Ты знаешь, как хорошо было читать ей Аполлинера в декорациях подъезда. Что я ей, на кухне читать буду про осень, которая умерла?

— Может, для кухни есть какие-то другие стихи? Чёрт его знает... В постели читай. Ты посмотри, какой снег!

*В небе ангелы, ангелы в белом!
Нарядился один офицером,
Нарядился другой поварёнком,
Остальные запели звонко.
Офицерик небесного цвета...*

Помдеж

Ещё один тип наряда — помощник дежурного по части, помдеж. Основная обязанность — сидеть в дежурке, ожидая, не зазвонит ли телефон с какой-то вводной свыше. Эта точечность поступления информации тогда многое определяла. Можно пойти в туалет, вдруг в это время поступит важное сообщение, а дежурного на телефоне нет!!! Катастрофа. Но как-то обходилось.

Я сегодня помдеж. Стол, покрытый исписанной и изрисованной газетой, пепельница, чёрный телефон. Впереди ночь. Может, напишу письма. У меня посыльный сегодня молоденький солдатик, совсем мальчиком выглядит. И служить ему всего полгода осталось. Говорит со мной о доме, о грядущем дембеле. А в прошлом карауле хотел застрелиться. И не было бы его сейчас. Теперь его в караул с оружием до дембеля не пустят.

* * *

Мишка, привет! Что тебе, дорогой, сказать? Пишу тебе, пишу Ольге, пишу Петьке. Часто пишу письма и часто хожу на почту. Даже от Татьяны С. получил письмо и, конечно, написал и ей. Мой дневник совсем заброшен. Ты там, в городе, можешь встретиться с Ольгой, если захочешь, правда, тебе это ни к чему, а для меня она стала

какой-то героиней старого романа. Не могу ей не писать, она связывает меня и с прошлым, и с будущим. Но есть же и настоящее. Недавно встречали Новый год в клубе посёлка, как-то совершенно неожиданно увидел в одной девушке, которую и раньше встречал, так много необычного. Она как-то очень по-доброму смеётся. От души. Я думаю о ней, и почему-то всплывают стихи, всплывают, всплывают, может, это я сам написал:

Только руки правы.
Умирают слова, их не жалко —
Бесполезны и лживы,
В самой искренней искренности.
Только руки правы.
Слепоглухонемой,
Лишь рукам доверяю.
Две руки и ещё две —
Поменьше, ведут разговор.
Жарким шёпотом.
Крик прорывается жутко
Беззвучный. Только
Руки правы, и ведут разговор
Только о настоящем.
И на прошлом — забвеньё.

Ты не заметил, как много внимания мы уделяем прошлому? Странная вещь: когда оно было настоящим, в нём было хоть сколько-то однозначности. Потом его растащили по индивидуальным ячейкам памяти, где постоянно происходят такие метаморфозы! И всё прошлое — это такая мозаика, которой как целого, в общем-то, и нет. Она хорошая, эта Ленка, да, похоже, скоро надо уезжать отсюда. Пришлю новый адрес. Теперь что, и ей тоже писать? В прошлое или в настоящее?

Ленкомнаты

У замполита, майора Баранова, была такая концепция: отличники боевой и политической подготовки приходят и уходят, тем более что и у таких залёты бывают, а малые формы интервьюеров и прика-

зарменного ландшафта остаются (если не вечны, то надолго). Средни известному латинскому обобщению про жизнь и искусство. Понятное дело, не своими руками воплощал он этот принцип в жизнь. Память не сохранила, как мы нашли друг друга. Мало того, что он отзывал меня со стрельб (ленкомната важне!), ещё и организовывал переводы из полка в полк, вслед за собой. Именно так я оказался в Приамурском, потом опять на Красной Речке. Вычислил он и Колю Зайцева. Этот бывалый москвич долго скрывался от военкоматов, поэтому был на голову старше всех в роте. Он не только играл на гитаре и пел, но и складно, как печатная машинка, писал широкой кистью рубленным шрифтом: «Партия — наш рулевой», «Учиться военному делу...». Тут и я многому у него научился. Мне оставалось только на большой фанере изобразить бравого бойца в каске и с АКМ на груди. Как же ленинская комната без Самого Главного Коммуниста и Вождя? Трепетно, по клеточкам изобразил штук пять, хвала художнику Мыльникову, который изобрёл это клише — монументально-схематический, устремлённый в будущее профиль. Замполит определял и дизайнерский, лаково-деревянный стиль. Композиция агиток на стенах состояла из некоторого, довольно большого, количества лакированных мебельных досок, любил он под красное дерево, но в основном — сосна, реже — дуб. Добывать эту основу приходилось на древокомбинате. Устраивал он трудовые десанты: солдаты что-то погружат, нам за это обрезки столов и шкафов.

Зависть, безусловно, более часто встречаемое чувство, чем восхищение. Особенно в крайних, экзальтированных формах. Но как-то им было подмечено, что в армии ни способность «устроиться в жизни», ни неудачи не вызывали ни особой зависти, ни особого осуждения, ни особого сочувствия. Удалось стать хлеборезом на кухне — ну, повезло, или не повезло — просидел два года армии в коچهгарке караульного помещения, получая постоянные втыки от караула за недостаток тепла (там обычно службу несли «чурки», среднеазиатский сельский народ, с двумя-тремя словами русского словаря). Вместо нарядов ленкомнаты украшает — так он же Ленина рисовать умеет! Разжаловали в младшие лейтенанты — так он же напился и дал комбату под глаз, тот, правда, тоже был нетрезв (это, скорее, переходило в ранг объяснения, объяснить — да, осуждать — не стоит, все мы грешны).

Что касается собственно «наглядной агитации», то описывая в 2023 году (редактируя в 24-м) этот рассказ, думаю, что Ильич со своей мантрой «Учиться военному делу *настоящим* образом» (видимо, он это понимал, в смысле — как «не спустя рукава») был в чём-то прав.

Сами собой возникают исторические параллели. В 1973 году китайцы бузили на границе. Тревога за тревогой, спали с оружием в казармах. На занятиях по тактике начальник разведки рассказывал, что, «по нашим данным», вооружение у них слабенькое. Есть батальоны, в которых только у комбата пистолет ТТ, остальные вооружены ножами. И в кедах. Доктрину нашей обороны выдвигал такую: если будут идти, то волнами, мы одну покосим, но пойдёт вторая. Оказалось, что на вторую АКМ не тянет, раскаляется. По этой доктрине (не у него же, не у начальника разведки полка, она родилась), на вооружении СА была и солома, пропитанная напалмом. И так далее, бетонные колпаки для линии обороны в болото закапывали, танки — тоже — отстреливаться. А что было бы, не дай Бог, на самом деле? Рядом с нами стоял полк артиллерийский, с «Градами», а мы-то на антикварных танках, в которых только водитель в реальном экипаже.

Параллели. Под Бахмутом тоже было подобие волн (теперь — откуда не ждали), где была та солома?.. Только солома не решает всех военных проблем, армия должна быть «настоящим образом». Печально, что за понимание этого дорого приходится платить. Не, параллели не складывались. Игра похожа, фигуры не те. Но метафора «горит земля под ногами у...» подходящая.

Так вот, ленинские комнаты. Должно же быть место в казарме, где можно собраться на какую-то лекцию, письмо написать девушке. Конечно же, лучше это делать в окружении показателей выплавки чугуна и стали в пятилетку. Это просто как кают-компания на корабле. Неужели тогда и на флоте были ленинские кают-компании? Не знаю.

Но, как известно, всё сущее может пребывать в разных состояниях.

Вполне радостной тёплой осенью, где-то на второй-третий месяц службы, оказались мы втроем или вчетвером (такие же лейтенанты из нашего полка), в славном посёлке Шкотово, что в самой вершине Уссурийского залива, в полусотне километров от Владивостока, если чрез залив по прямой. Сопки, море, практически — океан под носом. Настоя-

щий Дальний Восток! Прибыли проходить учебные сборы. Собрался двухгодичный народ со всего ДВ. Повстречали радостно и своих, киевлян, теперь — сахалинцев и камчадалов. Да только нам места уже не нашлось, сказали командиры, что достаточно и без вас. Нам бы знать свою судьбу наперёд, то просили бы и молили, чтобы не отправляли в полк. Или там, бутылку поставить кому надо. Смирились мы, да и поехали обратно в Хабаровск.

А ленинская комната тут при чём оказалась, потому что в конце года, под лютые морозы, отправили нас вторично, теперь уж в военный городок посреди тайги, на 49-м километре. Так и называлось место «49 километр», от Хабаровска. Что изучали — не помню, но хорошо помню сугробчики снега на подоконниках в казарме, а по ту сторону окна были настоящие сугробы! Опять — со всего ДВ, но в составе как-то преобладали офицеры южного происхождения — из Ташкента, Самарканда, Душанбе. И были они по-южному и по-восточному страшно азартны, вследствие чего и стала называться ленинская комната «Казино». В сизом табачном дыму чуть не круглосуточно шла там игра.

Хорошо, что из множества человеческих пороков именно этот мне недоступен.

Постыдное приключение

Этих майоров было в полку много разных. Майор — это всё же старший офицер, что-то в нём, в майоре, есть отличное, перспективное, он может скоро дослужиться и до полковника. Или вот, Фидель Кастро мог себя и генералом утвердить, а был майор — просто Майор, это переводится как большой, старший, главный, короче. Это не капитан, который может застрять в карьере, например, запить и опуститься. В каких-то тургеневских романах именно вышедшие в отставку капитаны и были теми самыми сумеречными, серыми помещиками (собаки, девки, бабы, карты, неурожай).

Майор Курасов был подтянут, лицо его было сухим и аскетичным, это как раз тот офицер средних лет, которому идут галифе и блестящие хромовые сапоги. Он носил портупею на ремне, пряжка которого была со звездой, помню такую у своего отца, потом эту звезду с пряжки убрали, я думаю, что у него был ремень, который достался ему, может, от героя-отца. Наверное, родословная его офицерская уходила корнями в петровские времена.

В танковом батальоне нашем не так много людей, как, например, в пехотном. Только в командирских танках был полный комплект — от водителя до командира, всего четыре человека, поэтому маленькое происшествие, вроде выпивки, если разделить его на всех, имело большой вес, как если бы на состав пехотного батальона. Кто-то из нашей роты попался. Майор Курасов, замкополка по строевой, прознал и прописал наказание по принципу коллективной ответственности: выгнал всю роту во главе с командиром Григорьевым Пашей на кросс — 10 км. Конечно же — в воскресенье. Всех, да не совсем. Сел майор в ГАЗик, чтобы по спидометру отмерить 5 км до разворота, и меня на заднее сиденье посадил, наверное, полагал, что я своими успехами в беге только подорву боевой дух коллектива, хотя, на этом сухом и всегда сосредоточенном на мысли об уставе лице не отразилось ничего. Подчинился я безропотно. Сел да и поехал. Приехали, поджидаем бегунов. А у майора жена была очень красивая, как-то встречал её в посёлке. Бывают такие романтические пары, прямо как в кино про XIX век. Дорога идёт по насыпи, хоть и невысокой. А вокруг приамурская равнина. Только далеко голубая полоска Хехцира. Чахлые рощицы дубовые да маленькие кусты шиповника, как раз зацвёл. Отошёл я от дороги, нарезал элегантный такой букетик розовых цветов.

— Вот, — говорю, — вашей жене.

Так. От души. И никакого подхалимства, и никакой благодарности, что не заставил шлёпать по этой дороге, и никакого сочувствия к этим марафонцам (а я знал, что Пашка с похмелья приличного, вот это уже жестоко!). Какое-то чувство, что я вообще не здесь, а где-то далеко. Вне.

Майор ничего не сказал, но букетик взял. Как-то радостно за него стало, придёт домой с цветами, а...

Но как интересно судьба сводит людей! Не думал не гадал, что майорова жена доставит мне столько хлопот.

Как-то тихим тёплым летним вечером заступил в наряд. Помдежурного по части. Особой суеты нет, можно поспать по очереди, караул пойти проведать, что там на «губе», узнать. Но спокойно на этот раз отмеренные тебе судьбой сутки провести не удалось. Лето — время отпусков, майор Курасов остался за командира полка. С вечера поступила от него команда.

У кого-то из офицеров жена была алкоголичка. Дошло до серьёзных неприятностей со здоровьем, так вот, надо (только зачем снимать

с дежурства для этого помдежа?) на командирском ГАЗике доставить её с провожатым в Хабаровск, в клинику, а машину с водителем пригнать в штаб дивизии на Красную Речку, там у оперативного дежурного майор и будет. А самому на поезде рулить домой, в Приамурскую. Вроде, всё понятно, одна мелочь — где искать этого оперативного. После малосонной ночи, с раннего утра выехали. Проблема транспортная в том, что для поездов существует аж два пути через Амур — по мосту и через тоннель под рекой (мост ещё в начале XX века построен, а тоннель в 1937–1941). По тоннелю ходили только товарняки, в нём однопутная дорога больше 7 км длиной. Некоторые наши рассказывали, что случилось ездить на товарняке, сыро и страшно, да ещё на Приамурской только притормаживает, надо прыгать на ходу. Что-то ковбойское, но мне не приходилось. А для автотранспорта был паром.

На этот паром мы успели. Не пришлось ждать, и в клинику попали, сдали болящую с сопровождением — да поехали на Красную Речку. Знать бы только, что дежурных в штабе было два — просто дежурный, какой-то прапор, да ещё офицер — оперативный. Я к дежурному, прапор сказал, что никого майора не знает и не видел. Туда-сюда — нет майора. (Эх, была бы мобилка тогда, позвонил бы да и спросил: «Где вы, товарищ майор?»). Делать нечего, поехали домой. Опять паром, опять в полку. А в полку дежурный, мать-перемать...

— Где вы... вас с машиной там майор, командир полка, у оперативного дежурного дожидается!!! Пи**уйте обратно! Он машину ждёт, ему жену надо из города привезти.

Ну, раз жену, то ситуация стала ещё более драматичной. Тем же путём очутились опять на Красной Речке. Жена есть, а майора опять нет! Э, так мы, думаю себе, на последний паром опоздаем, на свой левый берег, ночью они не ходят. Надо хоть жену отвезти. Приехали к переправе, да не тут-то было! — очередь.

— Давай, — говорю, — Иващенко, дуй мимо очереди, в случае чего, отстреливаться будем.

Я же как из сейфа при заступлении на дежурство пистолет получил, так и таскаю его в кобуре, черт-те знает зачем, уже почти сутки. Хорошо, что хоть повязку помдежурного снял.

Жена майора (как звали, уже забыл, милая такая) посмотрела на меня, но промолчала, сразу видно — жена офицера! Едем мимо очереди, водители сигналият, протестуют. Их понять можно. И тут, в первый раз за этот дурацкий день, повезло — наша полковая машина и пра-

порщик знакомый со склада в ней. Да так стоит, что перед ним пространство, видимо, какого-то своего кореша поджидал. Влезли мы в эту дырку в очереди, вот и паром загружаться стал. Прапор недоволен, но сильно протестовать не решился, видит, что машина командирская.

Привёз жену майора к дому, попрощались. Вернулся в полк. Тут и смена подошла. Дежурный по части новый вообще ничего не понял. Да и что ему? Это было наше дежурство. Вышел я из штаба — и в посёлок. Хоть поужинать в кафе успеть. Решил даже в клуб в кино сходить. Да не тут-то было. Посёлок маленький, только суета в доме офицерского состава началась, сразу видно. Тревога!!! Дежурная машина из полка прилетела, попрыгали в кузов. Что случилось? Что за тревога? Оказалось, я во всём виноват. Майор Курасов, которого я так и не смог повидать за весь день, приехал на пригородном поезде, злой, как уссурийский тигр, объявил тревогу, шоб знали. Сбор в ленинской комнате. Мол, учебная тревога, проверка бдительности. Слава Богу, стали расходиться. Я тоже крадусь к двери.

— Иди сюда!

— Виноват, товарищ майор...

— Мудак! — больше ничего не сказал, всё-таки железная выдержка, не зря ремень старого образца.

Прошло несколько лет. Армия в прошлом. Мы с женой на второй или третий год после свадьбы поехали в гости к её брату, служил в Тбилиси, тоже танкист, только взаправдашний. Стою на тротуаре в городе, дорогу собираюсь перейти, смотрю налево, на машины. Приостановился военный ГАзик, пешеходов пропустить. А рядом с водителем — майор Курасов! Наверное, уже не майор, а подполковник. Странная вещь — и далековато было, и солнце в глаза, но сразу почувствовал, что мы друг друга узнали. Я даже подумал, что, может, остановиться. Нет. Проехал. А потом Алик, брат жены, сказал:

— Курасов? А, знаю. Соседним полком командует. У его ещё пряжка со старой звездой, сейчас такие, так сказать, не в моде, неуставная.

БРО (батальонный район обороны)

Идея по максимуму окопаться прочно жила где-то в очень верховных штабах. Надо сказать, что пойма Амура, во всяком случае, в обозримом мне тогда пространстве, представляла низменную заболочен-

ную местность. В гидрологии это определяется как территория диффузного стока. То есть, уклон земной поверхности так мал, что никакие ручьи, а из них речки не собираются. Та самая Красная Речка протекала на правом берегу, возвышенности на котором были дальними отрогами Сихотэ-Алиня. Потому и около того места, где возникла Хабаровка, сам Амур резко поворачивает на север, как бы огибая горы. В этих левобережных болотах и предполагалось окапывание на случай чего. Летом мы развозили по этим переувлажнённым землям бетонные колпаки, куда, по идее, должны были влезть три стрелка. Боюсь, что колпаки под своей бетонной тяжестью потом утонули в болоте. Пришла кому-то там в голову мысль устанавливать их зимой (будто здесь вечная мерзлота и не настанет лето с тем же болотом). С таким заданием и отправили нас — я, восемь бойцов, большой артиллерийский тягач (БАТ), малый артиллерийский тягач (МАТ), 8 лопат, 4 кирки, коробки с харчами — в заснеженную равнину. Какой-то домик недалеко от железной дороги.

Чем хорош муссонный климат? Своей предсказуемостью. Например, летом целый месяц каждый вечер может идти быстрый дождь, потом опять солнце. Если в октябре с океана не прилетит влажный воздух и не выплывет свой снег, то потом и не будет. Но если выпадет, что обычно бывает, то потом всю зиму дует морозом с материка, под сияющим сланцем над белой равниной. Встретил в феврале лейтенанта Крапивко, который полтора месяца торчал на полигоне — загоревший, как шерп с Гималаев, правда, только лицо, остальные части высывывать опасно — обморозишь.

Но пока снег не закрыл землю, приамурская равнина, вся покрытая рыжей сухой травой, в один момент может стать огромным пожаром. Горизонт весь вечером в огнях, солнце становится оранжевым, а в воздухе летит и летит чёрная паутина — обгоревшие травинки, такое себе Бабье лето с оттенком трагизма. Легко себе представить степь и тысячи костров чингизханова войска. Непобедимость не вызывает сомнения. Но приходит зима и всех их побеждает. Не говоря уж о весне, возрождении.

Кстати, о зиме и зимних явлениях. В конце зимы подо льдом в большой реке идёт своя жизнь, минога собирается на нерест. Около Владимировки, километрах в трёх от полка, рыбаки вырезали большие майны во льду. Лёд этот такими сияющими на солнце блоками был сложен целой горой, толщина сантиметров 80. Из этих майн потом доставали сети. Миног, замёрзших на льду, возили самосвалами. Как-то,

на день аккуратно Военно-Морского флота, говорили, утонул в Амуре адмиральский катер (как-то на учениях при переправе через Амур утонул плавающий БТР), это к тому, что река не менее опасна, чем море. Так вот, позвали моряки наших, на танке, по льду, водолаз полез, трос зацепил, катер вытащили. Лейтенанту Дубову ещё, как участнику операции, бескозырку подарили с надписью на ленте «Тихоокеанский флот», я же и говорю, что Амур — это почти море. Пока не было моста, в Комсомольске, на Амуре же, реку зимой по льду переезжали целые поезда.

Вот и мы под этим зимним весёлым солнцем дружно копали сначала снег, потом долбили мёрзлую землю. Я копал и махал киркой только, чтобы согреться. Тягач своим бульдозерным ножом что надо расчищал. Вообще, хорошо в командировке! Была даже своя банька. В субботу, из баньки, да под ярким солнцем, да в сверкающий снег горячей задницей! Одно создавало неудобство — повышенная, я бы сказал, излишняя активность подчинённых. Этот БАТ, обладая бульдозерным ножом и танковой мощностью, был прекрасным орудием для расчистки дорог, занесённых снегом, в интересах гражданского населения, которому дела не было ни до БРО, ни до возможной обороны. Подкалымить для водителя с товарищами было святое дело, справедливости ради, надо сказать, делали они это не в ущерб основной деятельности, втихаря (если не считать гула танкового двигателя). Но однажды — чу! — что за звуки в тихий зимний вечер? Вышел на улицу и только увидел два огонька красных габаритных (метра три между ними), поехали на БАТе в Николаевку на танцы! Что делать командиру?! Надо успокоиться, благо была с собой специально взятая из полковой библиотеки хорошая книжка — Г.Х. Андерсен «Сказки и истории».

Случай на «губе»

Наверное, и у других, бывавших начкарами, есть свои истории. То случайный выстрел в потолок при разряжании, то караульный на посту по зайцам очередь выпустит, то вдруг с поста исчезнет (бывало и такое), им тоже кажется, что приключения всякие происходят именно на их дежурстве.

Капитан Анисимов командовал отдельной танковой ротой. Это была не рота, а скорее, маленький укрепрайон. С десяток тяжёлых танков стояли в эскарпах, закопанные по башню в землю в небольшом отдале-

нии от полка. Солдаты постоянно там дежурили. Стволы направлены в сторону Амура, в сторону границы. Техника неподвижная, служба скучная. Только веником от снега танки очищать да тряпочкой протирать. Кто-то из этих танкистов залетел, на «губу» попал. А капитану доложили, конечно. Уже вечер, слышу из своей комнаты начкара возня какая-то, через две стенки, а стенки, как в Вороньей слободке

— За мной, Башратян, — командую помощнику, — что-то там на «губе» происходит. А сам думаю, может, бунт, может, не покормили. Может, уже караульного связали. Кобуру на ремне поближе придвинул.

Как капитана караульный на «губу» впустил, сказать трудно, наверное, побоялся его больше, чем начкара. Приходим, а этот педагог лупит своего подчинённого. Тот, понятно, сдачи не даст, ибо так инцидент останется в пределах «губы», а если капитан получит под глаз, то можно за фингал и в штрафбат залететь. Благо, Башратян здоровяк был, скрутили мы капитана, выставили на мороз, успокоиться. Досаду командира понять можно, ведь он, бля! всю душу в них вкладывает... Тем не менее, методы явно не те, да ещё в моём карауле.

Патруль

Вот это и значит — не повезло человеку. Такая, видимо, судьба была у этого майора. Где, с каких радостей или печалей мог набраться этим солнечным ранним днём? И куда его несло? Сидел бы у приятеля или приятельницы, проспался бы. Нет, судьба влекла его на простор, на скамеечку на остановке прямо на главной проезжей дороге Красной Речки. Но невезение состояло не в том, что надрался с утра, голова будет болеть, а в том, что некий лейтенант ещё вчера вечером, получив у дежурного по части свой пистолет, утречком дефилировал с двумя солдатами по этой самой улице, как бы охраняя порядок. Сказать честно, меня всегда функции военного патруля несколько озадачивали. Это потом, через много-много лет, стало не в новинку увидеть пару солдат во всей амуниции, с автоматами на улицах города, или БТР на въезде в город. А тогда ходили эти патрули больше для видимости. Зачем-то с пистолетом. Однажды, правда, я скомандовал своим задержать одного самовольщика! Да куда там, будут бегать солдаты за солдатами.

Вид пьяного майора сильно этого начальника патруля обескуражил, может быть, даже и оскорбил. Настолько, что ничего более гуманного, чем остановить военную машину да загрузить в кузов несчастное тело (патрульные это сделали с великим удовольствием), да отправить его на

гауптвахту, он не додумался. Начальником «губы» тогда тоже был двухгодичник, какой-то узбекский бывший студент. Потом окольными путями дошло, что этот майор собирался в академию. Строил, видимо, какие-то жизненные планы. Не повезло. Только потом пришло в голову, что надо было тому патрулю отправить его в офицерскую общагу проспать.

Наверное, это тому начальнику патруля не повезло. Такой грех на душе. Прости, его майор!

Самолётник

Почему из такой массы встреч, событий, людей, дней, вечеров, закатов, ночей и прочего память выбирает что-то совсем незначительное, маленькое, случайное?

Лежу в дежурке на «полумягком» (так написано в описи имущества этого помещения) топчане. Полумягкость его — из разряда армейских издевательств. Но, с другой стороны, почему в наряде подавай вам мягкие перины? Сегодня, конечно, воскресенье, раз я в наряде. Но это и неплохо. Тишина, и можно лежать. Вот я и лежу на топчане под окном. Кобура с пистолетом уже успела надоесть, не знаешь, куда её пристроить, особенно лёжа, но скоро уж, через четыре часа — смена.

И видно мне только голубое по-зимнему, хотя и по-ноябрьски, небо. Здесь, в Приамурской, уже зима. Небо синее и чистое, каким и будет всю зиму. И будет дуть морозный сибирский ветер с материка. На этом синем небе не полюбоваться ни светом, ни тенью в облаках.

Но движение есть! Из-за стены выплывает самолётник. Он переливается, извивается на синем небе, танцует в кривом стекле, то вдруг вообще разделяется надвое, потом под действием всё тех же оптических сил части соединяются — и самолётник ползёт дальше. И уползает из окна. И небо опять чисто. Я жду следующего самолётника. Они часто пролетают здесь из Хабаровска или Владика.

На Запад.

* * *

Ты знаешь, Мишка, мне кажется, что самое большое искусство, которому действительно надо учиться, это искусство не требовать от людей больше того, что они могут дать. Это и строго индивидуально, и распространяется на всё человечество. Это спасает от разочарований. Правда, закон этот имеет и обратное прочтение:

тогда и вы не требуйте от меня больше. Но если распознать пределы чьей-то души — большое искусство, и не всякому дано, то о собственной-то следовало бы иметь представление...

Давно не писал. Как-то не мог собраться. Вернее, собрать осколки. Разбился мой бокал, подобно взрыву смеха! Уже и зима закончилась, вот и весна на пороге. И как-то так одиноко стало. Взял, да и поехал к ней, к этой Лене. Подошёл к знакомому дому, а войти не решился. Час простоял, проходил под окнами. А там окно приоткрыто, и там гуляют, там смеются. И она смеётся. И кого-то весело зовёт по имени.

*Пойду по улицам шататься,
Войду в пустой вагон трамвайный —
Пусть увезёт в проулок дальний,
Где тополя шумят во сне,
Где по весне, где по весне
Меня никто уже не ждёт,
И я забыл уже давно
Тот дом,
Ту улицу,
Окно.
Ту девушку, глаза и руки,
И боль, и грусть
Тоски-разлуки.*

*Лишь иногда,
Когда вода
В снегу усталом
След пробьёт,
Вдруг оживёт,
Вдруг оживёт...*

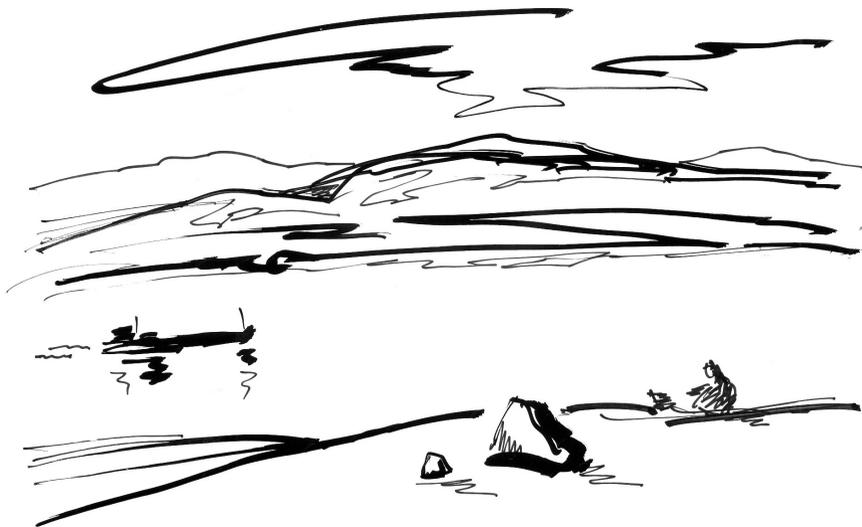
** * **

Мишка, привет! Пишу тебе из села Богородское. Тот случай, когда обратный адрес не имеет смысла. Это далеко от Хабаровска, вниз по Амуру, полдороги до океана. Что-то вроде прощания с этим местом, вернее, с этой местностью, с географией. Дань малосбывшейся мечте увидеть Дальний Восток. Ещё студенческие идеи. Думал поехать с одним товарищем, тоже дембелем, да не сложилось. Поехал один. Одному свободнее: иди куда хочешь, смотри, малюй, пиши. Свобо-

да, теперь свобода. Броуновского движения или выбора цели? Очевидно, что у этой новой жизни свои принципы организации, но всё ещё живую какими-то студенческими, доармейскими представлениями.

Чудесен и величав этот Амур, эта река с мужским именем. Загадочная вещь — эти гидронимы, почему одни женского рода, другие — мужского. К ним и отношение разное. От берега до берега одинаково, а отношение разное. Волгу всякая птица перелетит, а Днепр — только до половины.

Ещё переживаю (это короткие, почти вчерашние воспоминания) свою встречу с рекой. Наш корабль, такой большой у причала, теряется на речной ленте, между берегами. На правом — почти что горы, всё очень рельефно, всё подчёркнуто солнечным светом и тенями. Над ними клубятся розоватые облака, из какой-то долины поднимался наклонный столб радуги. Наверное, где-то прошёл дождь, но туч не видно. От этого ещё больше чувство грандиозности — где-то происходят процессы, причины которых, при всём их величии, кажутся малыми на ещё более величественном фоне целого. Даже зоологическая жизнь реки масштабна. Вечером вылетела масса ручейников, насекомые облепили весь ярко освещённый корабль. Миллионы, десятки миллионов. Можно представить, как личинки ползали по дну, массу их съедали рыбы, но экосистема реки выбросила в атмосферу оставшиеся миллионы, чтобы продолжить круговорот жизни.



Село большое, даже есть гостиница, это же райцентр. Но в гостинице мест не оказалось, пошёл по улице, привлекая своим видом беспогонного военного внимание местных баб. Посоветовали попроситься на постой к Андреевне. Живёт, мол, одна. Так что у меня теперь даже стол есть, чтобы писать. Жилище всё в вышивках на тему «Бог есть любовь». Прямо как в ленинской комнате очутился. Агитация не ниже уровня замполита Баранова. Андреевна читает субботние молитвы, адвентистка благоверная. Поразили меня длинные и, видимо, крепкие связи, где этот Бруклин с их центром, где это село, а расписание субботних школ на месте.

До самолёта на запад у меня ещё несколько дней, поброжу здесь по тайге, по реке, этулов наделаю, да и подамся к новой жизни. Новая дорога.

*Питайте к неподвижности презренье!
Я опускаю руки в волны счастья...*

Не знаю, как у тебя насчёт прощания с местами, где прожил, у меня как-то неоптимистично. Хорошо, когда оставляешь места и хочешь вернуться, и даже знаешь, что тебя могут там ждать. Счастье или несчастье — это дорога...

P. S.

Некая логика связи времён подсказывала, что та, ушедшая, в чём-то случайная армейская жизнь должна быть обязательно связана с современностью. Но что-то не вязалось, параллели казались искусственными, натянутыми, ненужными. И как-то ничего другого не приходило в голову, как вспомнить свою же старую выписку из романа Камю, которая, конечно же, читалась сейчас совсем не так, как полвека назад.

«...микроб чумы никогда не умирает... и возможно, придёт на горе и в поучение людям такой день, когда чума пробудит крыс и пошлёт их околевать на улицы счастливого города...»

Вот она чума и пришла. Чума не в ракетах, это скорее Оруэлл, чем Камю, чума сидит где-то глубже — во всех армиях. В печальном заблуждении, что сила что-то реально значит и может изменить. Чума и в бессилии ещё здоровых, тех, кто избежал контактов с крысами, в бессилии, а может, лени, иллюзиях, что рано или поздно все эпидемии как-то, да заканчивались.

Теперь, иногда посматривая в туманную даль случайно-военной молодости, я ловлю себя на том, что эти два года прошли как-то наподобие времяпровождения в вынужденной ссылке. Это большая мудрость и большое жизненное искусство — находить пользу, даже если обстоятельства против твоих планов, против тебя. Это тоже жизненный опыт, а он всегда бесценен, ибо жизнь одна. Состояние войны возвращало к тем годам, и я иногда жалел о том, что когда-то не сказал своим солдатам чего-то, как мне кажется, важного. Может быть, кто-то и запомнил бы, передал бы своим детям, и те бы не пошли воевать хрен знает ради чего.

Как-то сидели они в каком-то ожидании, разговоры, армейские байки. Один солдатик, уже мало осталось служить, рассказывал, как его угнетал некий сержант, откуда-то родом из Гомеля.

— Я этих белорусов теперь не люблю. Такой он правильный был. Всё заставлял по уставу делать. Всё говорил, мол, по уставу ты должен... Никакой свободы, угнетатель!..

И думалось ему потом, задним числом, как обычно, что надо было сказать этому солдатуку:

— Ты запомни на всю жизнь: людей надо делить не по вертикали (ладонь разрезает воздух, как нож, сверху вниз), не по границам и не по лицам, и не по разрезу глаз, а по горизонтали (этакую стратификацию воображаемых пластов показало очередное движение), кто сверху, кто управляет, а кто снизу, кто от тебя зависит. У нас к верхним всегда претензии, а посмотри на себя да посмотри на тех, для кого ты оказался сверху. И всё меняется. Вот ещё недавно ты зависел от родителей, а ещё немного — и будет наоборот. Каким ты был для них и каким ты будешь?

А ещё ему вспоминался случай, который не имел продолжения, такого, каким оно, казалось, должно было быть. Ехали откуда-то на больших «Уралах». Тяжёлая машина, военная, колёса громадные. Три машины, почему-то он старший, больше нет офицеров. Вдруг машины свернули — и по грунтовке к речке. Он с недоумением посмотрел на водителя.

— Это мы сейчас, товарищ лейтенант, машины помоем.

И погнали по речке. Дно каменистое, мелко для такой машины. Видимо, часто так ездили, проверено, дорогу знают. Можно и газануть. Брызги фонтаном, прибрежные кусты пригибаются. Метров через сто выехали опять на дорогу. Вообще-то похоже на какое-то сафари. Но жалел он, что не построил он их уже в парке, куда чистые машины пригнали, и не сказал:

— Вот вы, кто, может, с Урала, кто с Украины, кто из Сибири, наверное, у вас тоже около дома речки есть (они бы кивнули, соглашаясь). Вы что, оккупанты какие-то, на чужой земле? Здесь такие же пацаны живут, и речка для них — это речка их детства, а вы колёсами... Ещё бы на танках припёрлись, «помыть».

Чёрт его знает, что бы они ответили, но, может быть, придумались. А что фантазировать, он же ничего не сказал, промолчал. Один промолчал, другой промолчал, ну и вот...

РУДНЯ ДЫМЕРСКАЯ

Место — в Киевской области Украины,
время — от 1976 до настоящего¹

Я смотрю на фотографию 80-х годов: жена с нашими малыши детьми. Не без некоторого удивлением отмечаю: какая красивая женщина, мне кажется, что тогда, давно, так не думал! И вижу теперь, что черты эти тогда были, в основном, от отца, моего тестя, деда Степана. Теперь стала вылитая мать. У них в роду вообще занято: двое жёниных племянников — один на отца сильно похож, а второй — вылитый дед, каким видел я его на фото какого-то 1949 года. А корни у них тут, в этой деревне. Так оно и всегда в жизни — породнились, и происходит обмен местами и временами (правда, степень успеха в обменах бывает разной), рассказы о детстве, поездки к родителям, бабушкам, на родовые кладбища.

* * *

Лето школьное Зоя проводила у бабушки Тани. Вместе с кузенами (нет, не с кузенами, а с двоюродными братьями, отредактировала Зоя, ещё и Алик был, родной брат). Иногда бывала и на осенних каникулах. Поэтому не очень хорошо представляла, как жила бабушка зимой. Но, наверное, так же — топила печку, раз в неделю пекла хлеб, откладывая вечную культуру дрожжей в горшочке, от теста до теста. Ходила к сёстрам в гости. Молилась по утрам.

Родители Зои когда-то давно жили и росли по соседству друг от друга. Прямо общий забор был. В каждой семье было по четверо детей. Усадьба деда Ивана и бабушки Татьяны граничила с усадьбой деда Семёна и бабушки Ульяны, но у деда Ивана и дом был больше, и сад с плодовыми деревьями краше, и пруд с карасями. Всё вместе с карасями показалось, видимо, властям (говорили, не без участия некоторых родичей) излишним богатством — раскулачили, Советы забрали всё в колхоз, а семья с детьми оказалась на улице.

¹ Глава написана при участии Зои Протасовой-Ружинской.

Дед Иван ушёл в лес «курить курени», а бабушка Таня скиталась с детьми по соседям многие годы. Всё вынесла, пережила: и коллективизацию, и голодомор, и войну. Знала каждую травинку в лесу и в поле. Что можно есть, а что нет, какая травка от какой болячки.

Отложилось у Зои и такое: бабушка Таня была строгой, но справедливой. Она была очень набожной и внуков водила в церковь в село Феневичи на причастие. Дети летом не сидели сложа руки и, если не было другой работы в доме, просила пойти в лес насобирать шишек для растопки *грубки*.

Сельская жизнь. Сколько радостей приносит, но и сколько проблем! Он ведь и сам провёл детство не в городской квартире. Но те дни, которые были серыми, как-то не запечатлелись. Запечатлелись радостные летние утра. Впрочем, и серые были не такими уж скучными. В эти дни можно было сидеть у себя в комнате, лепить солдатиков из пластилина, потом, когда стал старше — читать. Да и хозяйственных дел с возрастом становилось всё больше. Двуручная пила с отцом, топор — поленница дров. Привычка к месту снижает уровень претензий к быту, ландшафту, способам преодоления жизненных трудностей. Кроме того, часто выбора-то нет.

* * *

Деревня находится за Катюжанкой. Если ехать в сторону Иванкова, повернуть с трассы направо, не доезжая речки Здвиг, проехавши через Гуту Катюжанскую, как раз попадёте в Рудню.

Хотел что-то вставить об истории села, но интернет выдал только, что в 1921 году через село прошёл некий рейд Армии Украинской народной Республики. В какую сторону — не уточняется, как и результат рейда. А вот раньше, как следует из труда какого-то Похилевича Л. И. «Сказания о населённых местностях Киевской губернии», 1864 г., «Дымерская Рудня (приписана к Свято-Михайловской церкви с. Катюжанка), на реке Здвиг такое же имеет местоположение. Жители обоего пола 90, причисляющихся к мещанскому состоянию. Здесь прежде, ещё в XVI–XVII ст. был железный завод. В настоящее время Рудня оживляется пребыванием в ней богатого откупщика, откупающего шинки в соседнем Демидовском имении и промышленяющего гонкой смолы, жжением угля и вообще извлекающего выгоду из окружающих казённых и частных лесов».

Сейчас от железного завода осталась только память в названии, а вот насчёт «извлекать выгоду из лесов», это дело продолжается: при повороте на кладбище всё растёт год от года территория лесопилки, лесоскладов, заборы, заборы.

Кроме того, по источникам 1970-х годов: «Тут є початкова школа, клуб, бібліотека». Помимо этого, «поблизу сучасного села на одному з островів річки Здвигу в старі часи була рудня. Звідси й походить назва села».

Если на речке Здвиг были острова, то, видимо, речка была немаленькая. Во всяком случае, пойма у неё сейчас обширная. Мелиорация прошла на славу: речка стала каналом, а теперь шлюзовое сооружение осталось да сухая пойма, где когда-то практиковали даже полив. Этих сёл с названием «Рудня» множество на Полесье, видимо, руда эта была, но уже закончилась... Пожалуй, как и «школа, клуб, библиотека». Причины, очевидно, сильно различны. Смерть этих клубов с библиотеками загадочна. Мало кому известна истинная причина, варианты: безразличие государства, телевизор, смартфон, компьютер, глобальномировая тенденция к одичанию?

Также и смерть ферм колхозных, не без тайны. (В Рудне руины находятся сразу за лесом, что у кладбища, на краю луга.) Такой парадокс: когда существовали, вместе с коровами, эти фермы, мы почему-то ни свет ни заря ходили в длинные очереди за молоком, если кто помнит, привозили в бидонах, продажа на улице, и кто бидоны перетаскивал, тому отпускали молоко без очереди. Теперь в Рудне одни развалины ферм, как и в других деревнях, а в магазине молока достаточно. И мяса тоже достаточно. Может ещё раньше надо было войну с фермами этими начать? Есть маленькая зацепка: тогда молоко стоило 30 центов за литр, теперь — евро с хвостиком. Про мясо молчу. То есть идея проста: если хотите, чтобы стало молока и мяса ещё больше, то надо и эти руины ферм под корень, под идеологический фундамент, снести, но придётся поднять до 3 евро.

Это так, к слову пришлось, как бы подтверждает мысль, что имеем дело с обычной полесской деревней.

* * *

Когда бабушки Тани не стало, домик, который они таки перед войной построили на отшибе, возле леса, перешёл к Зоиным родителям, хотя, по какому-то завещанию, был *спадщиной* сына бабы Тани, который, правда, жил в Беларуси, надо понимать, слишком далеко, чтобы пользоваться участком как дачным. Когда война началась, пришли нем-

цы, забрали сына бабушки, но он сумел из эшелона сбежать, там, в Беларуси, подался в партизаны, так и остался в других краях. Потом — в другой стране. Но детей к бабушке летом отправлял. О, эти судьбы домиков, домов, людей! Лес в двух шагах, огород — песок, правда, в пойме речки были тоже огороды, там, конечно, плодородно.

Интересно, наверное, было городским детям в деревне (кто б меня, как бы в обратную сторону, на лето отправлял в какой-нибудь мегаполис, к примеру — в Нью-Йорк!). Через всю жизнь проходят потом разные детали. Вот (Зоя вспоминает), как пошлёт бабушка за чем-нибудь к своей сестре бабе Кате, дом метрах в двухстах, а дорога песчаная вся раскалённая, босыми ногами не устоишь! Надо было по жердям забора, да потом по траве добираться. А походы за черникой на Мальчукову гору! Ранний подъём — и вперёд за дарами леса! Солнце поднимается, жарко, сухо в лесу, а план выполнить надо.

— Бабушка, ты посмотри, сколько мы уже собрали! — устали, жарко.

— А як же ми по селу будемо з напівпустим відром йти? Скажуть люди, що ми ледаці!

Вот, оказывается, что главный аргумент! Не масса собранной ягоды, а общественное мнение! Не показаться людям ленивыми, нетрудолюбивыми.

И опять пришёл к тому же вопросу. Труд, его стимулы, оценки, необходимость. Вся жизнь бабушки Тани, как и всех, почти всех, сельчан была труд. Труд, чтобы выжить. Если этот уровень был преодолен, то жить чуть лучше. Работа в колхозе за мизерную оплату, копеечная пенсия. Значит, надо делать что-то ещё, как для результата, так и для того, чтобы не подумали, что ленивый. Многого, наверное, не поняли бы баба Таня с бабой Катей в нашей жизни, да уж все давно переместились на сельское кладбище, где на фоне сосен стоит белая мать-Родина и на постаменте — фамилии рудницких мужиков, не вернувшихся с той, далёкой уже войны.

— Столько рассветов, как в Рудне, я никогда больше в жизни не встречала, — это Зоя, в ответ на мою просьбу добавить в рассказ деталей, — ещё зябкое утро, и солнце встаёт из-за речки.

Поминальные путешествия

Весна, Пасхальные дни. Почему-то с весной связано всегда, ну, может быть, не у всех народов, поминовение ушедших. Иногда, при

приезде в поминальный день, среди множества местных и приезжих на кладбище видел, как ходил поп с кадилом, а три бабы тонкими голосами при нём пели: «Смертию смерть поправ...».

— Давай поедем на следующее воскресенье, — сказала жена, — мы не были там из-за войны два года. Наверное, всё заросло травой, усыпано листьями с иголками.

И добавила:

— Надо поехать сейчас, потому что неизвестно, что твои анализы покажут.



Т. Диня

Поначалу мне стало как-то обидно, что моё здоровье уходило на второй и третий план, но потом я подумал, что вот это, наверное, и есть то, с чего нужно было начать эту главу. Какой-то особой христианский долг. Да, хреново с анализами. Да, всё может быть, и уже не сможешь ездить на родовое кладбище, хотя и не своего рода. Или, чего доброго, переместишься сюда навсегда (достоин ли?). И это было естественно, принимать во внимание разные варианты, так же естественно, как ехать на кладбище прибирать могилы. Потом эту эстафету надо передать новым поколением, хотя не очень надеюсь на них, они — другие. Досадно как-то чувствовать себя пограничем в этой череде поколений.

Пришло воскресенье, мы приехали сюда, и был хороший такой сыроватый и сероватый тёплый апрельский день. Занялись уборкой могил, их здесь немало. Вот бабушка Таня, вот тётка, отец, могила матери

двоюродного брата, да ещё по отцовской линии. А там дальше могила родного брата, который ушёл не так давно. Это всё какой-то обычный и понятный круговорот жизни и смерти, старого и нового. Да, сейчас приезжаем в село только на такие дни, но я вспоминаю, как ездили, когда ещё живы были родители Зои. Их тянуло на родину, и они жили довольно большую часть года в том маленьком домике от бабушки Тани.

Саша

Здесь, в деревне, он прожил только остаток своей жизни, будучи человеком, в общем-то, городским. В хате бабушки Нади висела большая фотография, где Саша в погонах младшего лейтенанта. Только закончил лётное училище. Но молодому бравому лётчику в те хрущёвские времена как-то места в армии не нашлось. Поэтому подался на Север и довольно долго работал где-то на Чукотке в полярной авиации, но вернулся с семьёй в Киев, потом какое-то время летал на больших пассажирских лайнерах, пришло время — вышел в отставку, на пенсию. Потянуло, видимо, его сюда не только родное село, где и мать жила, и тётка, и много родичей, но сама возможность более активной, чем в городе, жизни. Он весь ушёл в эту сельскую жизнь, что-то строил, что-то пристраивал к дому матери, закупал какие-то станки, возводил солидный сарай, всё это стало самым важным в жизни. Моей жене приходилось он двоюродным братом, одним из.

Когда он ещё был на Севере, выписывал разные журналы, но на адрес села, поэтому у бабушки Нади была большая библиотека. Зоя в школьные свои годы, летом, любила читать, прихватив на речку, всякие «Вокруг света», «Наука и жизнь». Были и литературные, например, «Дніпро», «Всесвіт».

В наших с женой поездках в Беларусь останавливались в селе у Саши переночевать, все-таки на завтра ехать уже на 85 километров ближе. Приезжали в конце дня, и Саша водил нас по своему огороду. Я ещё в детстве удивлялся плодородию этих полесских песчаных почв, казалось странным, что растёт что-то, кроме очитка едкого, на этом песке. В его огороде были неплохие урожаи. Помидоры он привозил знакомым и родичам в город. И вообще старался вести новаторское хозяйство. Например, разводил калифорнийских червей, которые создавали плодородный гумус.

На столе у него, в селе, лежала большая «Белая книга», посвящённая перечислению и анализу как негативов советской власти, так и просто преступлений. Он затеял долгую тяжбу, чтобы ему вернули конфискованный Советами дом его деда. Ничего, конечно же, не получил.

Он был добрейший человек. И я задумывался, как во одной душе уживается доброта по отношению к одному и активная неприязнь к другому. Он мог выразить свою неприязнь к русским, и в то же время жена его была откуда-то с Кубани, поженились они на Севере. Значит, и дети наполовину русские. Но спорить с ним не хотелось. Вспоминаю его вопрос:

— Чого ви не любите нашу Україну? — это мы, мужики, выходим покурить на лестничную площадку из его квартиры, где были, кажется, на его дне рождения.

Мы как-то не знали, что ответить, не совсем понимая, из чего он сделал такое заключение, да и как надо демонстрировать свою любовь, чтобы было это ясно видно. Уму, наверное, это было понятно, но он нам не объяснял. А оба сына его собрались и уехали на ПМЖ в Канаду. Наверное, это было для него очень тяжело.

В селе все любили его и уважали. Вот, стою перед его могилой, а рядом в ограде небольшой холмик, вроде детской могилки. Это сын привёз прах матери из дальнего заокеанского города. Она там жила у них последние свои годы. Всё смешалось, как и всегда в жизни — любовь к малой родине, к большой, поиски благополучия и счастья.

Беседа Зои с Аней

После поездки на кладбище — перезванивания с немногочисленными уже родичами и отчёты.

— Да, на кладбище ездили. Могилы убирали. Ох, якби ти була, я б тобі нашу двоюрідну бабцю показала б.

Показала б, будто она там стоит под сосной или сидит на лавочке. Неразрывность, непрекращаемость этих связей кажутся естественными, скорее — необходимыми.

И так далее, по всей родне. Как будто это сельский бал в клубе. Все под стеночкой, с платочками. Все родственники. Они и правда, где-то продолжают присутствовать. Эти кресты, памятники, фотографии, фамилии, годы. И эти поездки на кладбище охраняют весь деревенский усопший бомонд.

Но есть и ещё одна печальная, хотя в чём-то естественная сторона всего этого. Дети наши уже этой дороги не знают, их дети — тем более. И место это для них — не больше, чем сотни других мест. Ну, может быть, чуть-чуть не такое. А что говорить про внуков? Да я ведь и сам не был никогда на могиле своей бабушки, той, что видел в детстве, а была ещё одна, да два деда...

Впрочем, есть немного надежды, когда я смотрю на этот памятник с идущим на зрителя танком, ещё того образца, что мне был знаком по армии. Это могила брата жены, а у него два сына... У них, у сыновей, вообще-то, функция, более ценная для популяции — растить своих сыновей.

Верка

Сто лет. По всем меркам это много. Прекрасно понимаешь, что такая юбилейная дата не имеет отношения к живому человеку, но можешь услышать: «Ему было бы сегодня сто лет!». Никто не скажет о Леонардо, мол, было бы ему сейчас пятьсот лет, а про сто ещё говорят. Вроде бы, человек, хотя и ушедший, ещё не преодолел какой-то барьер между возможным и невозможным. Мы поехали на родовое сельской кладбище, потому что одной из бабушек исполнилось как раз сто лет. Могло бы исполниться. Песок, песок, полесский песок. Каждому дереву удивляешься, такая, кажется, бесплодная почва, а оно стоит. Да ещё и усыпает палой листвой могилы вокруг. Убрали здесь, надо ещё к тёте на другой конец кладбища сходить. Тут жена замерла перед одной оградкой, нет, оградой. Памятник за которой был знатный, даже и по меркам более роскошных кладбищ. В цветнике клубились какие-то растения и цветы.

— Да это же Верка!

— Да, точно, я её помню.

На поверхности полированного лабрадорита был большой портрет некрасивой женщины, в каком-то платке, замотанном на манер афганских талибов. Да, такой она и вспоминалась, маленькая, серая. Невнятная речь, неухоженность. В каждом, видимо, селе есть такой персонаж, сельский убогий. Несчастный, в общем. Историю жена слышала, но не ожидала такого финала её. Может, эта Верка в прежние, молодые ещё годы была привлекательной, во всяком случае, какого-то привлекла,

в результате чего получился ребёнок. Отдала она его в интернат, может, и забыла, может, вспоминала. Мальчик вырос, стал искать мать. Нашёл. Говорят, она им очень гордилась, потому что учёный. Мог бы забыть, вернее, не вспоминать, обидеться, что бросила, мог бы просто стыдиться деревенской дурочки... А он — памятник отгрохал, где только фото взял, и кто её снимал в этой *хустке*?

Почему-то вспомнилось, что в день похорон бабушки была тихая тёплая погода, день похож был на этот, хотя и не в августе, а уж поздней осенью.

Этюд на Здвиже

Как-то так получилось, что за много лет бывали здесь, в Рудне, только наездами. Хотя в одно лето привезли детей бабушке с дедушкой, продолжение традиций, но сами не остались. Пейзаж неброский, обычный для Полесья: сосны, пригорки, болотца да песок. Одна весна, правда, удивила. Едем по дороге, лес с обеих сторон, а лес белый, цветёт! Оказалось, что ирга распространилась сама собой, но пока не зацветёт, не видно её. Но это заносное, чужое. А вот оно и своё: делали дела на кладбище, время есть, давай съездим к речке! Речка-канал, луг сухой, не за что глазу зацепиться. Правда, облака клубятся над лугом. Под этими облаками как-то празднично белеет шлюз на речке. Мостик, опоры, где-то что-то подобное остановило взгляд Ван Гога. Нет, ландшафт не тот, климат не тот, но облака так и хотелось закрутить в этикие завитушки.

Отары белых облаков
Заполнили небесный луг.
День в конце лета.

Старый альбом

У входной двери, в коридоре на полу, увесистый альбом зелёного цвета, яркий представитель продуктов переплётной промышленности так, 60–70-х годов прошлого столетия.

— Это что за антиквариат? — спрашиваю у Зои.

— Дембельский альбом Сашиного брата. Помнишь, я рассказывала, он погиб на стройке, плита привалила. Не знаю, что с ним делать, наверное, надо выбросить. Из Рудни как-то привезли.

— Нет, что ты, это же память.

— Да я и его почти не помню, ещё маленькая была, когда его не стало, а остальные портреты мне вообще неизвестны.

— Из этого получается, что память — это информация.

— Не всегда, наверное, — душа-то помнит, как солнце вставало за речкой, а какая разница, в какой день, в котором часу.

ВИЛЬНЮС

**Литовская сторона — это Место.
А Время? Вообще-то давненько**

В начале 2020-х годов с этим местом, с этим городом меня ничего не связывало, кроме того, что там живёт мой одноклассник Сима (теперь, к сожалению, должен исправить — жил). Давным-давно расстались после школы, почти забыв о существовании друг друга. Такая интересная получилась закономерность: одноклассники куда-то исчезли, одноклассницы до сих пор не пропали из виду. Вот они время от времени и передавали от Симы привет. Но вдруг, после перестроек, революций, победы капитализма, Сима возник из своего Евросоюза. В Славянске жива была ещё его мать, да брат, который был украинским гражданином, в отличие от Симы, который был литовского государства подданный. А добираться к тем, что в Славянске, надо было через Киев, но, видимо, до известных событий ездил на поезде или летал через Донецк, так прямее. Фамилия у него оканчивалась на «о», поэтому после армейской жизни его семьи в нашем военном городке его родители перебрались на Украину, а Вовка, как и я, уехал учиться, он — в Минск. После автодорожного, с большой неохотой, поехал работать по распределению в Вильнюс. Так он мне потом сам рассказывал. Мне судьба такого не предлагала (я был распределён в Советскую Армию), поэтому о степени и причинах неохоты ехать в Прибалтику судить не стану. Жена у него русская, но говорил он уже с каким-то неуловимым прибалтийским акцентом. Фразы как-то интересно строил. Однажды возвращался он через Киев, созвонились, списались, встретились на вокзале, повозил его по городу, погуляли около Пантелеймоновского собора в Феофании. Посидели у нас дома, выпили по чарке, да и расстались, вечером улетел в свой Вильнюс. «Вряд ли ещё встретимся», — думал я, когда прощались. Потом померла его мамаша, и памятник поставили, не стало уж повода часто летать на восток Украины. Не ошибся я. И Симы уж нет, и Славянска, в прежнем виде — тоже.

* * *



Был когда-то поезд четырёх столиц — Киев — Минск — Вильнюс — Рига. В конечный пункт время от времени ездил и я, к тётке в гости. Это было в старой жизни. Теперь уже так привык к границам, что выглядит это не очень правдоподобно. В Вильнюс поезд приходил очень поздно, посреди ночи, чтобы в Риге быть аккурат к утрачку. Как-то мы приехали в Вильнюс на этом поезде, благо, что поздним летом, а может, ранней осенью. Компания учёных, на какую-то кон-

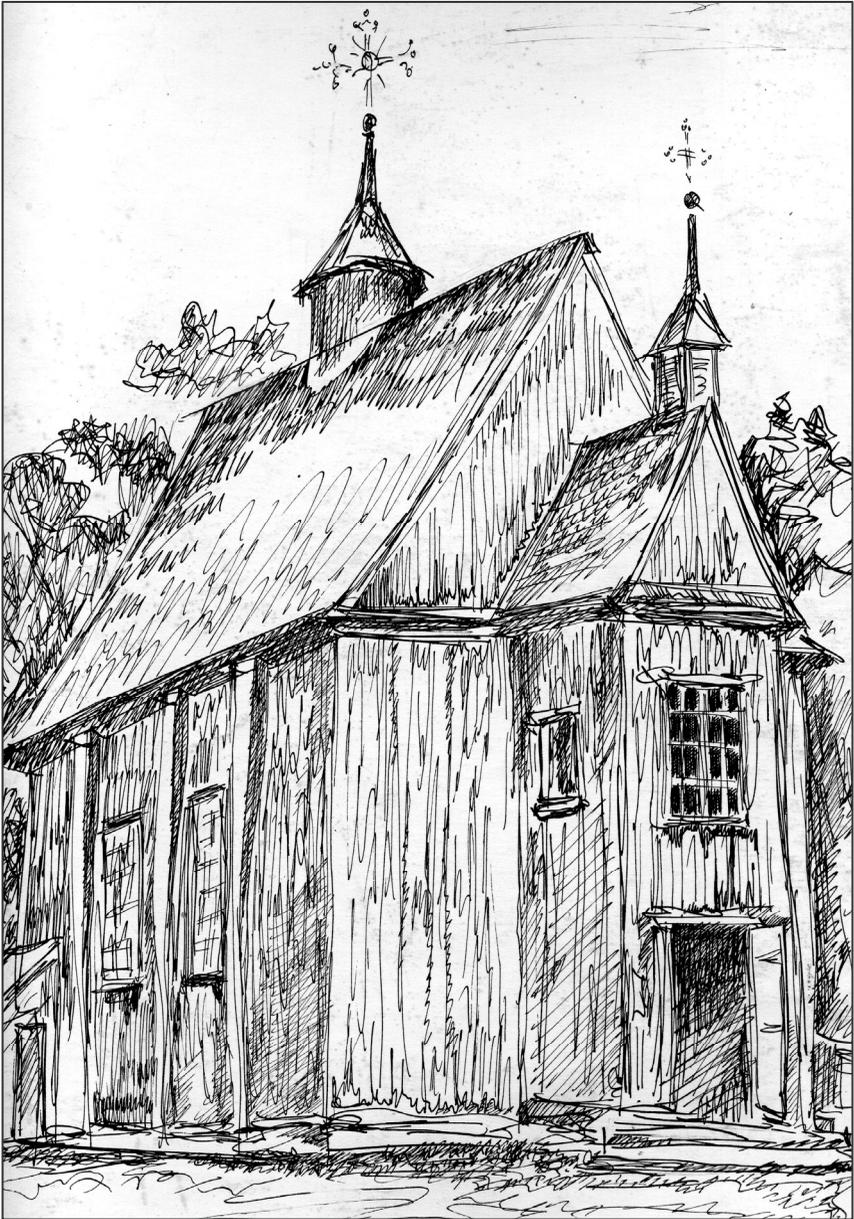
ференцию. В Литву на конференцию — всегда с радостью, организация была отменная. На сей раз нам надо было в какую-то глушь, на озёра, тем более интересно. Электричка только утром. Компания сложилась гендерно невыдержанная: я был один среди пяти или шести коллежанок. Запомнилась деталь: оказалось, что ни у кого нет часов, почему-то даже у меня. И пошли мы гулять по ночному городу. Как там рекламируют курорты: *Bodrum* или, к примеру, *Monte-Carlo never sleeps*?! Это хороший тон: никогда не спать — гуляй не хочу. Нет, этот город был обычным. Он спал, и крепко. Пустые улицы были полны многосотлетней старины. Уличные фонари причудливо располагали освещённые плоскости стен и каменные мостовые, летняя нестрашная темнота пряталась в нишах, под арками. За что уважаю католичество, так за то, что костёлы открыты почти всегда. Утро в храме, посреди непривычной готики, тишины, холода. Собор святой Анны! Жемчужина архитектуры вообще, не только виленской.

Часто так бывает: случайно сойдутся разные времена, хоть бы и в близких местах. Взял том «Живописной России», факсимильное издание, с оригинала 1882 года, чтобы навести какие-то справки в очерках о Белорусском Полесье (пожалуй, скорее — просто окунуться в саму историю), а он, этот том, как-то неожиданно начинается с «Литовского Полесья. Город Вильно». Это, собственно, и стало тропом, замкнулись воспоминаний контакты, этой главы.

Живёт себе город год за годом, не так, чтоб люди сами по себе, по своим календарям, дома и улицы — по своим, а все вместе. Живёт этот организм, экосистема, если хотите, своей обыденной жизнью, но приходит иногда что-то необыкновенное, и потом оказывается, история — как раз это самое и есть.

Четырнадцатого апреля 1812 года в два часа пополудни гром орудий и колокольный звон возвестили о прибытии в Вильно императора Александра I. Государь въезжал с Антокольского предместья, со Свенцянской дороги. Здесь ожидали его главнокомандующий первой армией Барклай де Толли, виленский магистрат, цехи со знамёнами и булавами, значками, литаврами, был здесь еврейский кагал, монашеская братия. Весеннее солнце способствовало праздничному настрою. Сотни людей заполнили улицы города. У кафедрального собора ожидал церковный капитул во главе с епископом. Студенты университета, университетский сенат со всеми профессорами и ректором Иваном Снядецким стояли отдельной большой толпой. Народ ликовал, и война была ещё далеко.

В доме Паца 25 апреля был дан бал в честь императора. Хотя этот дворец и назывался домом Паца, скорее, это был дом рода Пацев, всегда бывших на самой верхушке власти, что в Великом княжестве Литовском, что в Империи. В то время жив был Людовик Пац, который стал потом как-то адъютантом Наполеона. Двадцать третьего июня был дан очередной бал в пригороде Вильно, в Закрете. Здесь и получил Александр известие о том, что Наполеон перешёл Неман и уж находится в пределах Российской империи. На следующий день император уехал в Свенцены, где стояла армия. За ним ушли и войска Барклая де Толли. Город опустел и остался без единого солдата. Мост через Неман сожгли.



Двадцать восьмого мая депутация от дворянства, виленского магистрата встречали Наполеона в семи верстах от городской черты, ему были поднесены ключи от города. Но первым вошёл в город князь Радзивилл с уланским полком, уже за ним в город вступил Наполеон. Жест сей, видимо, должен был означать, что земля эта, с точки зрения организаторов действия, исконно польская. Получалось, что не оккупация, а освобождение (приём этот политический часто в истории встречается, что в старой, что в новейшей). Первого июля было утверждено верховное правление города под предводительством барона Гогендорфа. В каждой литовской провинции был назначен префект. Генеральным интендантом был Де Во, который занялся учётом казённых имений, в первую очередь тех, чьи хозяева не пожелали оставаться и ушли за армией. Вильно стало стратегическим пунктом, сюда свозили продовольствие, был создан госпиталь, который мог при необходимости принять до 6000 раненых. Административная деятельность была налажена. Наполеон славился в те времена не только ратными победами, но и отменной организацией на оккупированных или — как вернее? — присоединённых к империи землях.

Но у войны, как и у мира, свои повороты и свои написанные свыше сценарии, для маршалов, генералов и солдат: 23 ноября, при морозе под 30 градусов, прискакал Наполеон в Вильно в простых санях из Сморгони. Переменил лошадей и поскакал в Ковно, а 26 ноября, пробыв в России 5 месяцев и 14 дней, очутился за границей Российской империи. Через несколько дней, 30 ноября, в город прибыл Кутузов. Дважды он был литовским генерал-губернатором, всё было ему знакомо, он был ещё, к тому же, и большим театралом. На следующий день позвал к себе Матвея Кажинского, директора театра, уж больно преуспевшего в восхвалениях наемни рухнувшей власти и Наполеона, пожурил непатриота и пообещал завтра же быть в театре.

При почётном карауле 11 декабря Кутузов встречал императора, который наградил его Святым Георгием Первой степени. Во время торжественного обеда стреляли на Замковой горе из тех пушек, что повелел установить для салютов Наполеон. На следующий день Александр подписал манифест, провозгласивший всеобщее прощение, амнистию коллаборантам. Дворянство дало большой бал в честь императора, в том же доме Пацев. Такова история. И чего бы Наполеону, да при такой радостной встрече летом, не задержаться или не остаться в этом чудном городе Вильно? Судьба...

Более патриотично, конечно, было бы, если бы Вильнюс избрал меру пресечения этому самому Наполеону в виде пустого города и пожара, наподобие московского. Но Москва как-то входила в замыслы Кутузова (см. картину «Военный совет в Филях»), а Вильно нет. Чем отличается плановый пожар от спонтанного?

Как с точки зрения убегающего от врага войска, командования этого войска, должны жить те, кого они бросают без своей защиты? Хлеб-соль Наполеону — не от хорошей жизни, хлеб-соль как средство выживания. Впрочем, за давностью лет сложно судить о тонкостях мотивации. В одном небольшом, но старом польском городе видел такую камерную, не грандиозную, но всё же Триумфальную арку, как оказалось, ещё с тех времён, ждали Наполеона как освободителя. К общему разочарованию, пошёл другой дорогой, в этот городок не заехал. Но арка стоит.

** * **

Когда-то, на излёте движения по траектории социализма, занесло меня в довольно дальние страны, скорее — океаны. Я наткнулся на старые дневниковые записи, которые, вроде как, к тому месту не отнести. К месту — нет, ко времени — да. Потом мне увиделось, что там, далеко, всё было связано, переплетено, и с родиной, в том числе, хоть и неявно, с тем местом, о котором сейчас речь.

Был на корабле референдум о статусе Крыма. Но ведь бурные события в Вильнюсе уже разгорелись неделю назад. Что можно было изменить, да если бы и знать, в какую сторону? Кстати сказать, до этих событий в Вильнюсе, в январе 1991, Литва уже почти год как объявила себя независимой от Союза. Но, может быть, тогда ещё как-то не верилось в реальность глобальных перемен?

Теперь, когда прошло 30 с лишним лет и мир так изменился, а истории с Наполеоном, как и с Горбачёвым, приближаются к одному знаменателю, можно только сказать: как было — так было. Пошла история по таким путям — и тут уж ничего не изменишь. Уж каким могучим было Великое княжество Литовское, ушло — и не будет такого никогда. Парки Юрского периода только для кино.

Что вообще делать со свободами и разными историческими явлениями? Как ни странно, парадокс заключался в очевидности. Очевидно

свободолюбие, как очевидно и единение. Что важнее, даже с точки зрения международного, так сказать (никогда не понимал, что это), права — право на самоопределение, по этническому, клановому или другому принципу, или право государства охранять и сохранять свою целостность, как бы она ни появилась, ни установилась? Нет здесь ответа и никогда не будет. Потому что каждый — за своё, за свой интерес. Всё дело в диалектике этой борьбы этих самых противоположностей, такой диалектике, из которой, возможно, когда-то сложится такой социум, где гетерофобия и гомофилия будут уживаться. Казалось бы, чего проще — гармонизировать то, что разделяет и должно разделять народы, этносы, и что неизбежно приводит к симбиозу. С благополучием для всех. Разные языки? Пожалуйста, говорите на своём, пишите на своём, учите детей на своём. Нужен интерфейс между разными языками — придумайте новый или выберите общий. Что объединяет? Кооперация в экономике, общие законы здоровой конкуренции? Объединяйтесь, снимайте границы, договаривайтесь о правилах торговли. Можно подумать, что получается модель «хорошей империи», без вседвляющего центра. Так это уже и не империя...

* * *

Интересно было бы посмотреть на карту Литвы сейчас, да и всего Евросоюза, не будь тогда Кутузова. И Беларусь была бы в Европе, и Россия, аж до Москвы, а там бы и Украина подтянулась.

* * *

Как-то мы встретились с целой делегацией литовцев, на одной конференции в Беларуси. В начале двухтысячных. Мы жили в отеле многоэтажном, а они в домиках на берегу красивого озера, конференция была как раз озёрная. Такой гриль литовцы соорудили! Сидим, выпиваем, а молодёжь их как-то в сторонке.

— Что это они всё молчат? Девчата, присоединяйтесь!

— Так они ж по-русски не понимают.

— Ну, так выпьем по-английски! За дружбу! Бхай бхай!

* * *

Когда где-то в подкорке постоянно висит план, то сама жизнь подсыпает тебе то один, то другой материал: то книжку, то письмо, то ка-

кой-то забытый предмет. Вот и сейчас, из облака открыток, записок, фотографий, бейджей с конференций и прочего, что обычно скапливается на работе, на стенке, на шкафу, вроде магнитиков на кухонном холодильнике, выскочили остренькие рожки готики. Маленькая открыточка, собор святой Анны. Не поэма в камне, а стихотворение в кирпиче. Что более соответствует религии как таковой — камерность св. Анны, грандиозность Исаакия или кичеватость Лихеньского комплекса — действительно, один Бог знает. А на обратной стороне открытки: «1992, апрель, Ваш А. Григялис». Дорогой Антанас Ипполитович, рад привету от Вас, конечно, помню и Ваши приезды, и наши встречи в Вильнюсе. Уж запутался в истории — там независимость, и тут же воспоминания о тогдашней защите докторской диссертации, и танки, и олигохеты, и бентос... впрочем, так всегда в жизни и бывает. Наверное, Вы, дорогой Антанас, очень хотели увидеть свою Литву не в империи, а в союзе европейских стран. Готика, она вообще к Европе ближе, чем византийские купола.

* * *

Сима, дорогой мой одноклассник, никак тебе не позавидовал бы, если бы судьбой тебе было дано посмотреть-таки в новостях из своего Вильнюса на Славянск, где мамина могила, да и на всё, что накатило в 2022-ом.

СТРАКОНИЦКИЙ БУЛЬВАР

Место — улица в новой части города Мозырь.

Время — после 1995 и до войны

Когда я спросил у местного, отчего такое название у бульвара, он пожал плечами: «Что-то про белорусско-чешскую дружбу».

Бывает так, что всего одно событие разрывает тысячи связей. Когда умерла мама и продали квартиру, осталась только могила на кладбище в Дроздах. Только она да память о прошлых годах связывали с этим местом. Кладбище как-то пугало своими размерами. Через несколько лет оно поглотило поле и двигалось к железной дороге. И могила, которая когда-то была на краю, стала в середине. В ограде вырос кустистый тополь, который доставлял до поры до времени много хлопот по приезду на кладбище.

Все поездки в Беларусь теперь естественным образом начинались с кладбища, уборки, вырубания стволов и веток тополя, подкраски ограды.

Если быть точным, то поездки с окраской неординарности (за границу) начинались в районе деревни Александровка, после довольно длинного куска дороги от Вильчи, как бы по нейтральной полосе, где был украинский пункт пограничный. И все эти многочасовые стояния в очереди, хитрые таможенники, которые знали, где и что можно поставить в вину, и, наоборот, «хорошие» девочки (среди пограничников белорусских много было девушек, с украинской стороны — не запомнилось, не было совсем), которые не придирались к десятку картофелин на суп (говорите так: картошка варёная), всё это теперь было за пределами реальной истории. Дорога эта — одна из кратчайших на Киев. И в феврале по этой дороге, может, из Мозыря, через Наровлю, Киров, Александровку пошли танки, машины, БТРы, а эти вагончики на границе мало были похожи на крепость.

И этот геологический пласт накрыл другие пласты, спрессовал и метаморфизировал более глубокие, но от этого они не перестали существовать, такова судьба всех осадочных пород. Память — не исключение.

* * *

Несколько лет мы приезжали, как к родственникам, к своим друзьям. Точнее, это была семья одноклассницы моей сестры. Это чудесное чувство приезда в гости (главное, чтобы ненадолго, дня два-три), торжественные застолья, прогулки по вечерам к реке. Потом друзья перебрались к детям в Речицу, на постой проситься стало не к кому. Благо, что начала расширяться практика сдачи квартир на день-два. Вот мы и нашли с дочкой такую, как раз по адресу Страконицкий бульвар. И у новой части города, что возникла вместе со стройками нефтезавода и прочей индустрии, есть свой центр, там, где базар, наши же окна выходили в поля. А поля имели покаты́й вид, это были спуски с той самой гряды, что обрывалась крутыми берегами Припяти. И вся эта гряда была изрезана оврагами. Много раз в студенческие годы, когда приезжал к родителям, путешествовал по этим оврагам. Надо обязательно их дочке показать. Благо, один начинался совсем недалеко.

Овраг — это такая живая геоморфологическая структура. Может родиться из какой-то ямки, канавки, которые хоть как-то сконцентрируют воду наверху склона, желательнее — крутого. А дальше — всё, с неизбежностью повторений более или менее успешной работы системы: вода—гравитация—податливость грунта.

Молодой овраг крутосклонный, весь в потёках воды, бороздках новых овражков. Ничего здесь не растёт, здесь сыро и темно. Может прорезать склон до водоносного слоя, тогда и ручеек по глинистому руслу течёт. Но идёт время: там кустик, там деревце, хоть чахлое, в глубине, но корнями своими грунт скрепляет. Вот мы и спускаемся медленно по такому оврагу, деревья уже вровень с берегами. На дне следы потоков, трава, мусор какой-то. Я всегда пытаюсь представить, что здесь творится, когда идёт летний ливень. Страшно, наверное.

* * *

А почему бы летом не пожить на природе? Это местечко открыли мы с женой, в одну из поездок. Поехали искать место, где поставить палатку, после всех процедур и ритуалов на кладбище. Едем по дороге, вверх по течению реки. Карта старая, примитивная, засекречено всё. Вот тут, около села, большие луга, есть и ниточки грунтовых дорог. И река недалеко. То, что река недалеко, для села, может, и не

очень хорошо. Эти же луга весной все уходили под воду половодья. Теперь село окружено высокой дамбой, будем надеяться, беда от наводнения ему не грозит.

Люблю я дубы в пойме больших рек. Что привлекает сюда, на земную плоскость, изрезанную старицами, протоками, этих великанов? Как они появляются здесь, одинокие, как проводят десятилетия, а то и столетия, наблюдая смену времён года, половодья и уход воды. Может быть, даже мечтают, проведя уверенно старость, свалиться в какое-то болото и стать ещё через сто лет добротным морёным дубом? Кто их знает.

Три таких гиганта стояли на пригорке, над небольшим озерцом. Дорога луговая, твёрдая, как асфальт, пока стояла сухая погода, петляя между стариц, привела к ним. Тут и река рядом. Разбили мы лагерь, а когда пришёл вечер, с золотистыми мошками в лучах низкого солнца, сидели на берегу, наблюдали за ласточками, которые неумоимо носились над водой, а потом со всего стремительного полёта исчезали в свои береговых норках. Долгий вечер, вода в реке винного цвета, похоже на возвращение домой, на родину. Только дома уж нет.

* * *

Долго с Олей совещались за ужином, куда бы съездить со своего Страконицкого бульвара завтра, на целый день. Что нового посмотреть. Вспомнил я, что когда-то совершили первый свой турпоход «по родному краю», аж прямо до райцентра! Городишко этот назывался Копаткевичи. Скажу я тебе, Оля, что райцентр в прежние времена был для нас ого каким местом! Например, мы ездили на школьной полуторке на районный пионерский слёт. Ничего не помню, кроме суеты и обратной дороги, поскорее бы домой. Всякие олимпиады были, жизнь, короче, общественная. Из этого похода остался в памяти какой-то ДОТ, военных, скорее — довоенных времён. Холм за селом, на холме кладбище — и там же это бетонное сооружение, три этажа под землю. А из амбразуры можно было видеть за рекой луг, и далеко за лугом приречным — тот самый городок. А река называлась Птичь (эти белорусские топонимы, особенно гидронимы, всегда для меня отдавали каким-то праславянским язычеством).

Что ж, поедем, поищем следы воспоминаний детства. С дороги, ведущей на Пинск и, видимо, даже до Бреста, свернули направо. Копаткевичи ещё при моей бытности были разжалованы в рядовые городки,

заместо районного центра. Городок в основном одноэтажный, но Дом культуры солидный. И, что характерно, не заколочен, афиши висят: танцы, кино, артисты (!). У местного народа на приезжих глаз намётан. Вот и беседа. Дядька немолодой, но на воспоминание, как я тут пионером шесть десятков лет назад пребывал, отреагировал по-молодому, такая старина ему неизвестна.

— А ДОТы, их тут много! Мы, когда были пацанами...

Истории оказались похожи.

Осматривать в городке как-то нечего, поехали к реке, которая оказалась довольно быстрой, среди больших верб. Только вот на том берегу никакого луга что-то не видать, лес стоит. Потом, когда по мосту переехали на тот берег, добрались и до деревни, но ни холма, ни дота, из амбразур которого был виден когда-то луг, не нашли. И никакой пенсионер не сидел на лавочке, чтобы спросить. А в дом зайти постеснялись.

Надо сказать, что в Олином телефоне джипиес щедро показывал в лесу ДОТ, и ещё один, и ещё. Но на лесных дорогах стояли строгие предупреждения: вход в лес запрещён, ибо пожароопасный период. Тут с этим крайне строго.

* * *

Один раз поехал я один, и безлошадный, на автобусе. Сестра, тоже, собрав сыновей, мужа, невестку, внука, отправилась со своего Северного Кавказа в Беларусь. Могилу матери посетить, да, может, к родичам заехать. И меня пригласили, вот как получалось-то, место встречи другого и не выбрать — самолёты в Минводы уже не летали, через Донбасс и Украину с российскими номерами ехать не с руки. Не могли же просто так ехать, решили, что на существующий памятник надо мраморную плиту с портретом установить. Конечно, спросить хоть бы размеры памятника недосуг, к счастью, подошла. Нашли какого-то мастера кладбищенских дел, закрепили. Теперь с портретом, мать в медалях. Принято так, чтоб с портретом. Что ж так ехать далеко и не заехать к тётке и двоюродной сестре? Конечно, поехали.

Тётя была сильно больна, кузина встретила радостно, но была вся в заботах. Городок их, Несвиж, был чист и ухожен до безобразия, даже по белорусским меркам. Замок Радзивиллов отстроили, как с игопочки (в студенческие годы бывал там, была в замке туберкулёзная какая-то лечебница), но попасть за валы и врата не удалось — был выходной.

Пришло время прощаться и отправляться мне на автобусе домой. Билет в кармане, из Мозыря до Киева. Место расставания совпадало с местом встречи. Ничего не изменить. Приехали жарким августовским днём, автобус ночью. Отдыхали у речки целый день. Правда, не совсем у речки, песок вокруг, дюны. Жалею по сей день, что не знал тогда одного прекрасного местечка, мы потом уж с Олей его развели.

Поздний вечер, потом ночь. Автостанция закрыта.

— Наша автостанция государственная, а у вас автобус какой-то фирмы, никаких фирм я не знаю, — сказала кассирша, закрывая здание. — Государственные рейсы ходят днём.

И ушла.

Неуютно как-то под небом звёздным. Конечно, государственное, оно надёжнее, в него веришь, как в истинное, это тебе не случайные дельцы от транспорта.

Конечно, не бросили меня, стояли, ждали. Разговоры. Кажется, всё переговорили. Что-то из дальних воспоминаний: «А помнишь?». Что-то из недавнего. Ничего о политике. Ночь, автобуса нету. Однако стал некий народец собираться. Тоже на Киев устремлён, уже спокойнее на душе. Пришёл-таки, фирма не подвела. Так же, как годы назад, сажу у окна, та же автостанция, туда же еду, только не мать с отцом провожают, но всё равно, близкие люди.

Больше не виделись. Теперь Антарктида стала доступнее. Так жалею, не о том, наверно, говорили...

ОКЕАН

Место обширно — Атлантика, Индийский и даже, вроде бы, какой-то кусочек Тихого. Время — несколько дней 1990-го и 4 месяца 1991-го (с дополнениями из почти современности)

Не прошло и тридцати лет, как собрался я наконец описать это путешествие, получалось что-то вроде книжечки в сто страниц, но для полноценной книжки вроде маловато. Правда, один издатель предложил опубликовать у него в альманахе «Многоцветье имён», по частям. Две трети было опубликовано в двух номерах (Бог его знает теперь, где этот альманах, существует ли, дело было в 2021 году), так получилось, что всего половина путешествия была описана. Вот теперь попробуем сложить всю повесть, правда, получается более фрагментарно, ста с лишним страниц сейчас редактор нам не даст.

Формальное введение читателя в курс дела: в Академии наук тогдашней Украины время от времени в дополнение к довольно многочисленным геофизическим, океанологическим рейсам исследовательских судов организовывали и биологические (не считая морских биологов Севастополя и Одессы, которые тем и жили). В конце 1990 года был такой рейс на научно-исследовательском судне «Академик Вернадский» (не путать с речно-водохранилищным, с таким же именем, что был при Институте гидробиологии). Вот об этом рейсе и речь.

Этот рассказ — совсем не отчёт об экспедиции. Тогда, в самом начале 90-х, только предчувствовали, но, конечно, не могли знать, что история вот-вот сделает крутой поворот. Все ещё жили устойчивыми принципами отношений, правилами социалистического социума, но что-то исподволь менялось, уходило. И, как всегда, была иллюзия, что если что-то и уйдёт, то плохое, ненужное, а хорошее всё останется. Желание или предчувствие перемен — это всегда самообман, ибо, наверное, в порядке самозащиты, мы уходим от представлений о системной природе бытия — в диалектическое дополнение к хорошему жизнь всегда готова преподнести гадости, и наоборот. Сам рейс — это, конечно хорошо! А о плохом — не будем.

Корабли, люди, море, наука — оказывается, всё это может стать не просто отдельными словами, а слиться в один, волею судьбы сложившийся, и так же исчезнувший в прошлое фрагмент жизни. Может быть, самым знаменательным было то, что это были последние океанические рейсы украинской науки. Приближалась такая перестройка, которая камня на камне не оставила.

Ещё в конце 60-х для Академии наук Союза в ГДР построили целую серию судов. Главным, первым кораблём серии был «Академик Курчатов», кроме него были «Профессор Визе», «Академик Крылов», «Академик Ширшов», «Профессор Зубов», «Дмитрий Менделеев» и «Академик Вернадский». Последний достался Украинской академии. На нём работали морские гидрофизики.

Из основных характеристик судна: длина — 112,7 м, ширина по палубе — 17,6 м, осадка — 6,2 м, максимальная скорость — 18 узлов, автономность по топливу — 45 суток, район плавания — не ограничен. В экипаже 90 человек, научного состава могло быть до 60. (Но район плавания был очень даже ограниченным, зависел от финансирования академией.) Научная биография корабля обрывается на 44 рейсе, всего — с 1968 по 1992. В так называемые «лихие девяностые» сдали в аренду (с концами).



Этот наш рейс «Академика Вернадского» был под номером 42, проходил 127 суток, было аж 9 портов захода, что-то около 28000 миль по водам двух или даже трёх океанов (в водах Индонезии краешком за-

цепили Тихий). Научные отчёты, к которым приложили руки 53 учёных где-то, видимо, до сих пор хранятся. Хотя рейс и назывался ботаническим, из 6 отрядов 3 были гидрофизические. Это и понятно, потому что само судно принадлежало ГидроФИЗИНу (Морскому Гидрофизическому институту АН УССР). Это был рациональный симбиоз, поскольку биологи были не морские, а сухопутные, на переходах между сушей одного материка до другого можно было очень много интересного измерить в самом океане. А такого количества заходов в инпорты в одном рейсе мало кто из гидрофизиков видел.

Но ближе к делу!

Из дневника: «29 декабря. Севастополь. Пришла и ушла таможня. Что у меня смотреть? Провожающие махали с причала. Задумался над хорошей идеей: написать книжку для моих девчонок «Как я плавал».

Хорошая была идея, да не осуществил. Это ещё один пример того, как неординарное становится обыденным. А что писать об обыденном!

Первые впечатления. «Вышел после ужина покурить на кормовой палубе, а покурить-то не с кем, да и пойти в гости не к кому». Надо сказать, это чувство сопровождало до конца рейса. И не потому, что нелюдимый я человек. Но что-то здесь, на корабле, было совсем не так, как в привычных сухопутных, маломерных на водохранилищах, экспедициях. Может, просто не те масштабы?

«30 декабря. Прошли Босфор. Мост и византийский храм, окружённый ракетами минаретов. Постоянно звеню ключами. Здесь такая мода: всё держать запертым. Ушёл из лаборатории — закрыл, пришёл в каюту — открыл, ушёл — закрыл. И так целый день». В наших экспедициях такого никогда не было. Может, людей было мало, все на виду. А здесь полтора человека.

«На первой стоянке, на рейде египетской Александрии, поймали первую рыбу. Владислав Иванович сказал, что ей теперь уготована вечная музейная жизнь. А я сделал первый этюд на рейде Александрии. Лимонный вечер, серое море, много корабликов, город и берег на горизонте».

Новый год встретили в Средиземном море. При проходе Гибралтара над кораблём долго кружил и зависал какой-то вертолёт. Не иначе, как британская разведка. Атлантика встретила океанской зыбью.

«На широте 30° низко над горизонтом видна звезда Ахернар в Эридане, ярчайшая звезда в созвездии, то есть Альфа Эридана. Большую часть неба занимает довольно скучный участок — Мокрая область, в противовес ей северная часть неба сверкает яркими звёздами» (это из книги «Звезды», комментарий к карте №42).

Боюсь, что Ахернара ещё видно не было, потому что были где-то под 35° северной широты. Но ничего, мы шли к 30-й, и теперь была такая запись:

«7 января, 22-50. Нет! Ни на грамм не права книжка. Мокрая область, на которую направлен нос корабля, сверкает такой алмазной россыпью, как и всё небо. Стою на баке, кутаюсь в зимнюю куртку. А небо! Небо такое низкое, и на всех тросах, и на всех стрелах, и на мачтах рассыпаны звёзды. Большой Ковш стоит на хвосте, а хвост почти упирается в горизонт».

Была на корабле и некоторая, правда, всплесками, политическая жизнь. Запись в дневнике от 20 января сообщала, что прошло на борту голосование на Референдуме о статусе Крыма. Но голосовали, как помнится, только крымчане. Вот идёт по морю корабль, где-то на экваторе, он вроде далеко от своей земли, а вроде бы и как часть, островок, которому всё равно суждено вернуться. Правда, и корабли бывают разные, например, идёт какой-нибудь сухогруз под флагом Либерии или Панамы, понятно, что к этим государствам прямого отношения не имеет, а команда — частью из Бангладеш, частью из России, частью из Уганды. Какая уж тут политика.

Южный Крест

Когда-то очень давно, в студенческие годы, мы с другом помогали одному довольно пожилому, на наш взгляд, аспиранту в его научных изысканиях. Ему было лет 35. Дело было поставлено, как по тем време-

нам, на широкую ногу. Вечером нас пускали в планетарий, тот, что был когда-то в Александровском католическом соборе (наука и религия!). В середине зала, под куполом искусственного звёздного неба стояла восьмигранная клетка — и на все стороны света висели жёрдочки, на которых могла садиться подопытная птица. При жёрдочках были датчики, которые отмечали, сколько раз на ту или иную села птица. На какую больше — в ту сторону она и стремилась, такова была рабочая гипотеза. Небо над её и нашими головами менялось, то было как в весенние ночи, повелевая, как предполагал это аспирант, ей двигаться с юга домой, то как в осенние, и тогда надо было думать об обратной миграции. Птичка прыгала, а мы клевали носами.

Нам только кажется, что мы мало замечаем звёздное небо. Хотя большинство людей толком не знают, где на небе Лебедь, где Альфа Центавра, не каждый покажет с уверенностью даже Полярную звезду, мы воспринимаем звёздное небо как целостную картину, характерную для своей родной широты. Так же, как привыкаем к определённой высоте солнца над горизонтом в тот период года, когда листья облетают, или когда распускаются. Хотя днём мы видим атмосферу и только одну звезду. Корабль идёт к экватору — и знакомое небо остаётся за кормой. И над горизонтом, ещё совсем низко, вот-вот появится Южный Крест. Для романтиков северного полушария, коим был и я, это символ далёкой, надо сказать, очень далёкой мечты. Это, по сути, был символ Несбывшегося. Мечта и есть желание того, что вряд ли может свершиться. Правда, есть такое явление, как Надежда. Хотя трудно сказать, помогает она или наоборот, уводит в мир бесплодных мечтаний.

Изменения в небесах, в главной, одной из главных декораций жизни, не остаются незамеченными, хотя бы и на физиологическом неконтролируемом уровне. Хорошо выйти на палубу ночью, на бак, где световое загрязнение сведено к минимуму, только несколько мачтовых огней, которые тоже скорее воспринимаются как звезды. Я заметил, что с приближением к экватору изменилась не только конфигурация скоплений звёзд, но появилось больше каких-то тёмных, беззвёздных областей на небе. Там, где звёзды почему-то не живут. Какой-то космической жутью отдавало Магелланово облако. Зато стал ярче Млечный Путь, каким-то странным образом оповещающий, что это родные звезды нашей, домашней галактики.

Из дневника: «22 января. Радиограмма из Москвы: «Заход 23–25 в Людериц разрешён. Сбор морской фауны и флоры под кураторством доктора Роуза, вопросы сбора наземной решайте на месте». По этому поводу наш врач сказал: «Надо купить бриллиантов». На чёрта они. В общем, как высадка на другую планету».

Впрочем, перед обедом всё переменялось: идём не в Людериц, а в Уолфиш-Бей.

Будни

Большой знаток и поклонник морских экспедиций Георгий Шульман обращает внимание на глубокое различие отношений со временем у команды и научного состава. Например, у второго помощника капитана всё время карьеры в этой должности, из рейса в рейс, проходит по схеме: вахта с 12 до 16 и с 0 до 4. Ни одной ночи нельзя провести нормально, как все, от и до. Это имело и отношение ко мне в рейсе, потому что второй — ещё и канцелярия, готовит приказы и всякую судовую бюрократию. Мне надо было согласовывать с ним научные приказы, но поймать его было сложно, он работал и спал в противофазе со всеми. И так у всех, для каждого существует своё время-пространство на корабле.

Но, цитирую по Шульману¹, «ритм жизни научных сотрудников в рейсе не назовёшь иначе, как экстравагантным. Он определяется двумя основными факторами — погодой и наличием материала, оба эти фактора достаточно проблематичны». Так что никакого деления на рабочие дни, то есть будни, и выходные на корабле нет. Есть часы и дни работы, которые могут быть рассыпаны во времени, как звёзды на небе — закономерный хаос.

Здесь стоит сделать небольшое отступление о кораблях и экспедициях. Это и понятно — корабли разные, для акваторий разных и разных задач, но есть, оказывается, для них одна мерка, один масштаб для сравнения — человек. Так подумалось, когда перечитывал рассуждения упомянутого старого морского научного волка Георгия Евгеньевича Шульмана. Он предлагает представить себе взгляд на море с борта среднего рыболовного траулера, которые переделывали в исследовательские суда (до воды два с половиной метра), и срав-

¹ Г. Шульман «Морской порядок» из книги «Зыбкими дорогами планеты», 2003.

нить со взглядом с борта такого судна, как «Вернадский». Живое море расстилается у ваших ног, — пишет он, — обдаёт вас пенными брызгами, вы чувствуете себя как на «Кон-Тики»... слитно со всем, что происходит вокруг». Кроме того, 9–10 человек науки, помимо команды, это не 60. Что и говорить, сравнивать сложно. Особенно автору этих строк, с опытом, который сводился к нескольким десяткам экспедиций по водохранилищам Днепра. Но можно вставить «три копейки» в этот, в общем-то, бесполезный разговор. А знаете ли вы, морские волки, учёные-мореведы, в том числе, что это за прелесть — подняться после жаркого утомительного рабочего дня на мостик (если ты начальник экспедиции), оглядеть ближайшие берега, выбрать вместе с капитаном место да ткнуться форштёвнем в песок, а потом по трапу выйти в луга приднепровские! Ах, как хороши эти луга летним вечером. У каждого своё личное счастье.

Что касается отдыха, то особой популярностью на корабле пользовался бильярд на ютовой палубе. По своей конструкции бильярд был шайбовый. Понятное дело, при качке, даже минимальной, шары бы катались по столу, куда хотели, а шайбы, такие кружочки диаметром сантиметров 7–8 из какого-то эбонита, спокойно лежали в почти любую погоду. Хотя справедливости ради замечу, что за всё время путешествия ни одного сколько-нибудь серьёзного волнения увидеть не пришлось, значит и проверить штормоустойчивость этого бильярда. Признанным чемпионом был инженер 3 категории В. А. Котов (из отряда электромагнитных исследований).

Из дневника: «По вечерам обычно видеофильмы. Известно какие — боевики и детективы американского происхождения. Однажды, правда, поставили кассету с незатейливым названием «Муки любви». Но женщины быстренько покинули кинозал, ибо лесбийские муки их как-то не заинтересовали. Оставшиеся мужчины затеяли дискуссию: можно ли на советском корабле смотреть такое кино? Мнение склонилось к тому, что можно, но только не во второй половине рейса. Победила идеологическая сила в лице помощника капитана по пожарной безопасности, заодно — держателя всех кассет, Павла Александровича. Про лесбиянок прекратил, поставил «Если придёт завтрашний день». Посмотрели».

Тут надо отметить, что мы попали как раз на перелом идеологической битвы, в результате которой некоторые лучшие бойцы пали. Но не

совсем, частично. Это, как мне сказали, был первый рейс без замполита, это того, который «облико морале», какой-то там номер помкапитана. Он тройки формировал при выходе на берег да писал рапорты в КГБ. Он же занимался какой-никакой клубной работой. Теперь мы осиротели. Пом. по пожарной части — это, конечно не профессиональный идеолог Партии. Была у меня с ним одна история, забегая вперёд на пару месяцев. Вот такая.

Зашли мы уже на обратном пути из Сингапура в Анциранану (какая замечательная география, прямо как из рассказов капитана Врунгеля, только это была сущая правда).

Это был второй наш заход на Мадагаскар. В первый раз, после Намибии, заходили на юг острова, в Форт-Дофин. Там стояли на рейде. Малюсенький городок. А сейчас была Анциранана — порт посерьёзней.

К вечеру подошли к порту и стали у стенки. Спустили трап. Тёмная бархатистая тёплая ночь стояла над портом, фонари на судне и на пирсе светились как-то индивидуально, локально, а вокруг каждого была темнота. После ужина вышел на палубу. Внизу, на причале, прохаживались, болтали между собой молоденькие смешливые проститутки. Надо сказать, некоторые из них поднимались на борт.

Так вот, смотрел я на этих девчонок, изучал, как местную молодёжь, как на сельских танцах. На берегу у меня была довольно непростая задача — подзапасть кормом для моих хамелеонов, которые жили в террариуме ещё с захода в Форт-Дофин. Опрометчиво ими обзавёлся, как-то неудобно было отказывать шестилетнему мальцу, который предлагал купить целую бутылку из-под «Кока-Колы», в которой копошились небольшие хамелеончики. Рассчитался с ним горстью карамелек (деньги мадагаскарские не выдавали). Их, этих рептилий, надо было, оказывается, кормить. Что-то приносил с обеда. Благо, обнаружил, что в каюте обитает популяция тараканов, ставил ловушки, добывал таким образом живой корм. Можно было, конечно, просто выпустить рептилий в каюте, пусть бы себе сами пропитание искали, а мне тогда куда?

С этой заботой спустился по трапу, в самую гущу разврата. На свет действительно прибегали местные большие африканские тараканы. Начал за ними охотиться. Девушки наблюдали с интересом, потом потихоньку начали помогать. Набралась целая банка. И мне полезно, и им весело. «Пожалуй, достаточно», — решил я и вернулся на корабль.

Через полчаса врывается в лабораторию этот суррогатный замполит. Весь в благородном гневе, да ещё с какой-то примесью глубокой международной озабоченности.

— Ты что тут сидишь?

— Да вот, хамелеоны, — смутился я.

— Ты тут сидишь, — чуть не задохнулся он, — а там африканские (пауза, наверное, задумался, может, мадагаскарские) бляди тебе тараканов ловят!!!

— И что делать, вроде охота, то есть сафари, уже закончилась.

— Иди, хоть конфет им дай!!!

«Вот, — думаю, — гуманист хренов». Но вообще-то он прав, я же, видимо, не дал отбой. Хорошо, что он ещё не предложил их всех в каюту пригласить. Всех или по очереди?

Итак, идём не в Людериц, а в Уолфиш-Бей».



Уолфиш-Бей

С утра 23 января пришли. Стали на рейде, за бортом мутная, на взгляд холодная вода. Интересно было заметить, что шли мы в Намибию, а пришли в Южно-Африканскую Республику. Потому что этот порт — территория ЮАР, а у Союза вообще дипломатических связей с ЮАР не было, апартеид мы никоим образом не признавали. Выглядело пугающим недоразумением.

Заход в такую политически чуждую страну можно было рассматривать, видимо, как предвестие ветров перемен. Свидетельством нашего реального пребывания здесь, в логове апартеида, был щит при выходе из порта, на котором красиво было написано: «Добро пожаловать в ЮАР!». А сейчас в справочнике читаю: это самый большой порт Намибии. Вот загадка! Оказалось, что загадка не пространства, а времени. По настоянию мировой общественности и ООН, порт с городом, понятно, и с народом, был передан Намибии в 1994 году (надо сказать, ООН много на чём настаивает, да как-то мало к этому прислушиваются, к сожалению, случай с этим портом можно считать уникальным).

Кстати, о политике, которая есть перевоплощённый бизнес, хотя именно здесь имел место пример параллельного сосуществования. Об этом свидетельствовали пять-шесть больших океанских траулеров под красным флагом у причала. Как сказали нам потом рыбаки, суда постоянно пребывают здесь, рыба реализуется на месте же, валюта идёт, конечно, в Москву. А из Москвы в дружественную Анголу периодически прилетает смена экипажей, моряки потом добираются сюда, оттуда же улетают домой.

Получился у нас с рыбаками немножко международный скандал, я бы даже сказал, основанный на антиюаровском сговоре. Капитаны договорились перегрузить нам немного рыбы, запасы у нас не ахти, за всё надо платить валютой в портах, а тут, видимо, неким бартером обошлись. Как-то потом, уже в Индийском океане, состыковались с советским тунцеловом, притащили к нам на борт несколько большущих рыб. Так вот, ящики с рыбой быстренько перегрузили, да нашёлся шпион, доложил местным властям. Хоть суда и люди наши, да рыба юаровская. Нехорошо. Пришли разбираться, но, как потом говорили, после хорошего ужина, особенно украинской водки, конфликт был исчерпан. Экономическая выгода (с учётом затрат на ужин), в пересчёте на дол-

лары, у нас была, видимо, небольшая, но здесь эта буржуазная арифметика не проходит, здесь высшая математика отношений, особенно между рублём и долларом.

Да, ещё вспомнил, нас предупреждали: на юг от города по берегу не ходить. Там располагается некая недоступная для посторонних алмазная зона. А я ещё размышлял, можно ли добраться от Людерица до Уолфиш-Бея по суше. Нельзя! Как оказалось, наш доктор в чём-то был прав — алмазы где-то там в этой зоне, в пустыне, наверное, валяются просто на земле.

Берег — пустыня. Такая странность: вроде бы, вот она — влага, целый океан рядом, а на берегу сухо, пустыня. Да не просто пустыня, а одна из самых больших и сухих в мире. Будто стена невидимая между берегом и морем. И действительно, такая стена существует. Дело в том, что с юга подходит холодное Бенгельское течение, в то время как суша нагревается довольно сильно. Абсолютный годовой максимум на побережье 37°C, средняя за год температура около 15°C. Вот и получается стена нагретого над сушей воздуха, которая не пропускает влажный холодный морской. Но влага все-таки проникает, правда, в виде туманов, которые распространяются вглубь материка от нескольких десятков до сотни километров. Для небольшой растительности пустыни это имеет решающее значение.

Поскольку стояли у стенки, можно было просто по трапу сойти на берег, а там и выход из порта. Тучная африканка перетряхивает сумку, проверяет паспорт. Дорога от порта. Чистенький городок. Что бросилось в глаза: низкие заборы, маленькие зелёные лужайки возле домиков, чернокожие садовники тут и там ковыряются в земле. Удивила богатая флора декоративных суккулентов. Надо же чем-то садики украшать! Кактусы различные, молочаи, толстолистые, как наше молодило, кочанчики-капустки. Многие красиво цветут. С таким одним кочанчиком получила у меня интересная история, показательная очень в плане широты адаптаций у растений, а также с точки зрения экоморфологии. Представители этой толстолистой флоры попали и в мою коллекцию. Уже дома через несколько месяцев стал замечать в их облике какие-то изменения. Как бы ни кругл был кочан капусты, а всё равно это просто очень короткий стебель, на котором листьям тесно-претесно. Так вот, у меня в горшке этот спрессованный стебель начал расти. Дело было, видимо, в недостатке, с его точки зрения, света. Прошло некоторое время — и вместо тугого кочанчика в горшке была лиана с длинным

толстым стеблем. Более того, в пазухах листьев появились воздушные корни, типичное приспособление лиан. Кем же на самом деле было это растение? И тем, и другим. В зависимости от обстоятельств. Это, кстати, к вопросу об экоморфном облике организма.

Своих садиков, очевидно, у этих чернокожих садовников и не было. Уже потом, выйдя за город, пройдя с километр по дороге в пустыне, увидел посёлок негритянский. Пыльного цвета, низенькие домики, церковь торчит посредине, ни одного дерева. И много мусора по пустыне: пакеты, бутылки. Среди пустынной экзотики это выглядит особенно неяршливо и неприятно. Зато встретилось много бегунов, бег трусцой для здоровья (у них тут... а они всё равно бегают!).

Он поймал себя на том, что сейчас, рассматривая эти ландшафты, снятые из космоса неведомыми спутниками, и фотографии на экране компьютера, совсем из другого, сегодняшнего, времени, чувствовал себя не как посторонний, а как реальный свидетель. Вот этот массив скал, какой-то каменный щит, в Национальном парке Намиб-Науکلупт, он не абстрактный, не оцифрованный облик Земли, не чужой. Он там был, он это видел вблизи, реально. Был и видел, как пробежали 3 страуса. Этот городок Свакопмунд тоже был не чужим, хотя за эти годы он, конечно, стал совсем другим. Неважно, всё равно это был старый знакомый. Хотя и посещения-то всего было на час, заехали в музей колонистов (колонизаторов?). Вот зачем эти путешествия! Вся планета так становится своей.

Как всегда, впечатления зависят от деталей. В лавочке сувенирной основной предмет — бутылочки разного калибра с этакой местной достопримечательностью — песком пустыни. Слоями. От красного до чёрного, от белого до розового. А в маленьких пенициллиновых бутылочках — камешки полудрагоценные, яркие самоцветы. Ещё одна деталь: дворики, заборчики тщедушные, а на гараже замок, ну, чуть больше ногтя. С криминалом, видимо, здесь покончено.

На небольшой площади около здания полиции на постаменте стоял какой-то броневичок песочного цвета. Видимо, памятник местной истории. У каждой истории всякой страны есть свой броневичок. Честно сказать, эта ЮАР была всегда для нас столь далёкой страной, воспринимавшейся не столько как реальное государство, сколько как один из персонажей журнала «Крокодил», в котором политическим карикатурам уделялось немало места. Могучий негр в цепях и какой-то карлик-

колонизатор, эти две фигуры заслоняли простые, но сильно далёкие ландшафты, горы, пустыни, море. А география у страны была, как и история, но когда речь заходит о ЮАР, для так называемого старшего поколения ассоциации связаны скорее всего с государственным устройством, с несправедливостями межрасовых отношений.

Вообще, апартеид, разделение по этническому, религиозному принципу — явление гораздо более распространённое, чем кажется. «Германия для немцев!», где та грань патриотизма, за которой место любви к своему занимает неприязнь, ненависть к чужому? К тому же, апартеид многообразен. Если люди в своей стране лишены возможности говорить и писать на родном языке, в угоду неважно каким принципам, это тоже часть апартеида. Европейские колонизаторы здесь, в Африке, воевали с местными племенами ко́са, ко́са воевали с захватчиками их земель, хотя и сами ко́са не были здесь первыми. Так живёт мир. Существование этносов так или иначе предполагает определённую их изоляцию, что само по себе не есть предпосылка гетерофобии.

Ага, броневинок! Сейчас мне даже кажется, что тогда я откуда-то знал, что он символизировал. Да забыл. Исторические частности. Действительно, частности на фоне, может быть, самой длинной из человеческих историй. Некоторые антропологи и антропогенетики полагают, что именно местный народ, бушмены, представляют собой потомков одной из древнейших ветвей того человека, который, собственно, потом из Африки и заполнил весь свет. Где-то с XV века пришельцы с африканского северо-востока стали постепенно вытеснять местных в пустынные районы. Первыми же европейскими поселенцами были голландцы. В середине XVII века было основано поселение в районе нынешнего Кейптауна. Далее присутствие европейцев постепенно росло, и в 70-е годы XVIII века начались столкновения с местными народами, теми, что когда-то сами пришли с севера. Ещё история юга Африки представляет собой показательный пример геополитической активности больших империй. Когда Голландия оказалась под властью Наполеона в конце XVIII века, Британия никак не могла допустить Францию на стратегическую позицию — оконечность Африки, ведь это был важный пункт на пути в Индию. И англичане прочно утвердились на юге Африки. Но, как всегда в колониях, постепенно созревает некий свой местный синтетический этнос, который хочет жить по своим сепаратистским правилам. Тем более что в XIX веке

здесь были найдены богатые месторождения алмазов, золота, зачем же делиться с метрополией своим кровным? И начались англо-бурские войны. С точки зрения массовой морали, в такого рода войнах сепаратисты как-то всегда представляются такими романтиками-свободолюбцами, и чаще всего симпатии посторонних на их стороне. Боливар, Хосе Марти, Вашингтон, в отличие от их мало кому известных оппонентов, почитаемы. Скажем так, естественный распад империй всегда сопровождался лозунгами — Свобода, Независимость, Суверенитет. Но пассионарность сепаратистов была всего лишь вынужденным ответом на недальновидную политику метрополии: разумная и своевременная реорганизация торгово-экономических отношений с заморскими территориями сохранила бы столько жизней для созидательной деятельности. Но что такое Свобода без борьбы, тем более — без крови! Можно, наверное, придумать такую Утопию, как пришёл неординарный премьер-министр (не то в Мадриде, не то в Лондоне) и организовал Евро-Американский Союз на основе Испанской империи, которая завязала тесные отношения с Северо-Атлантическим Союзом, который был создан на основе договорённостей между Британией, Францией и Северо-Американским Альянсом (добавим к утопии ещё Союзное государство индейцев!). Грандиозная картина, но так странно получается: Конкордия представляется утопией, а Война, неважно за какие идеалы — обычным делом!

В 1961 г. ЮАР стала независимым государством. Но ещё в период Первой Мировой войны Южно-Африканский Союз захватил немецкую колонию Юго-Западная Африка, теперешнюю Намибию. Намибийская борьба за независимость привела к пограничным столкновениям и войне с участием Анголы, Кубы, при поддержке СССР. Но как-то устоялось: есть Намибия, теперь уже с Уолфиш-Беем, есть ЮАР, теперь уже без апартеида. Черт его знает, какую роль сыграл во всём этом тот самый броневичок, но если героев нет, их надо придумать. Вехи истории — это как раз и есть герои, реальные или мнимые.

Национальный парк

А на следующий день пришёл большой автобус, и мы поехали на экскурсию в парк Науклуфт. Это уже за границей, поэтому пообщались с двумя погранпостами, принадлежность которых могла быть определена по цвету кожи пограничников. Летучая поездка, но и маленькая научная экспедиция. Остались лишь детали, не фильм, а выхваченные слайды.

Дорога идёт по пустыне. Песок и не жёлтый, и не красный, цвета глины, а в тенях явно фиолетовый. И тут с какой-то возвышенности — дорога ушла чуть вверх — предстаёт недалеко от дороги дом. Большой, солидный, одинокий. Огромными буквами «SALE». Может, раньше это была ферма, может, отель. Какие поколения потомков европейских колонистов жили здесь, среди этой пустыни? Безысходнее этого предложения о продаже трудно что-то придумать. Но и другая мысль: об относительности. Это для меня пустыня мертва, безжизненна и бесперспективна, но есть ведь и другие точки отсчёта!

Вот мы уже в парке, ландшафт мало чем отличался от окрестного, может, больше стало скал, появилось какое-то впечатление замкнутого пространства, будто мы в каком-то кратере древнего вулкана. По левому борту автобуса возникло движение: откуда-то из-за скал вынырнули три большущих страуса и побежали наперегонки с автобусом. Поразительна сила жизни. Казалось бы, мёртвое море песка и камня, ан нет, бегают, живёт. И кто ж знает, как воспринимают этот биотоп страусы. Есть в этой Намибийской пустыне и львы, и жирафы, и слоны. Раз есть, живут, значит, достаточно им для жизни и воды, и еды. Кстати, о воде. В районе маленького городка Свакопмунд была маленькая речка, в которой я за 15 выделенных мне для отбора проб минут собрал кое-какой материал. В речке была солёная вода. Но самое поразительное — это следы воды. Так часто на песке видны эти потоки, вернее, следы потоков, и удивляет уже не столь малое вокруг количество воды, при этих следах потоков, а длительность сохранения этих следов. А если посмотреть на космоснимки, то поразит в пустыне целая сеть древних русел, в Сахаре они называются вади, в Австралии — крики, в Средней Азии — узбои. В больших пустынях их протяжённость может составлять сотни километров, ширина — десятки. Раз есть русла, значит, была вода. Ушла в песок, но, видимо, где-то там хранится.

Всегда так не хватает времени на простое созерцание. Вокруг скалы, почти не видно горизонта. Отошёл немного, за скалой такая первозданная тишина! Может, она такой очаровательной и недоступной казалась, потому что надо спешить, опять спешить, бежать. Дерево росло за скалой — и нельзя понять, что древнее, это искорёженное дерево или камни вокруг. А дальние горы на горизонте были синими и фиолетовыми, и такими нереальными.

Есть формы жизни, которые самым естественным образом расходятся со временем. У того свой путь, у них — свой. Вот мы добрались

до своей заветной ботанической цели: у наших ног растёт? лежит? возлегает? — раскинув свои гигантские листья, вельвичия удивительная. Поистине поразительное растение! Реликт, сохранила свой вид не один десяток миллионов лет, все родственники вымерли, а она живёт, оставляет потомство. У неё самые большие листья, самый короткий ствол, как для такого гиганта. Эта особь, что перед нами, может быть, росла здесь, ещё когда на севере континента правили фараоны.

Вернулись поздно вечером. Ночь была темна и прохладна. Когда засыпал, раздумывал: зря не отрезал голову у того трупа небольшого морского леопарда, который валялся на берегу, на пляже. И что бы я с этой головой делал? Чтобы добыть череп, надо было голову где-то сварить. Хорош бы я был с таким предложением на камбузе. А ещё — на берегу было много выброшенных волнами ламинарий, как будто я был на берегу не африканском, а на Белом море. А ещё приснились три страуса, которые бежали и бежали наперегонки с автобусом.

Ранним утром отвалили от причала. Впереди была неделя ходу до Мадагаскара. Надо было обязательно вовремя дать лево руля, чтобы не проскочить хвост Африки и не шлёпать 2700 миль до Антарктиды вместо 2450 до южного Мадагаскара.

«27.01.91. 21.55. На траверзе Кейптауна. На пеленгаторной палубе ветер и луна. Звезды в жидкой синеве, разбавленной лунным светом. Южный Крест, как раздутая стрелка компаса, повернул куда-то вверх. На горизонте сначала заметил огоньки, а потом на каком-то бледно-розовом фоне — гора-вулкан, дальше — большой массив Столовой горы».

Вот-вот уже можно было сказать: «Здравствуйте, уважаемый Индийский океан!». А наутро почувствовалось, что изменилась и окружающая среда: повеяло теплом и влагой.

Форт-Дофин

Ещё немного, несколько суток хода — и вот он, Мадагаскар. Море. Остров вдали. Утро. Кто-то рядом на палубе:

— Очень похоже на Крым.

На рейде Форт-Дофина: **«2.02.91. 23.00.** Самое поразительное, что от воды идёт явственный сильный запах мокрого грибного берёзового леса», вряд ли бы такое запомнил, хорошо, что записал, хотя сейчас представить себе этот запах уж никак не могу.

Стояли довольно далеко от берега. А с высадкой на берег получилась неувязка. Спустили наш спасательный катер — за нами никто не приходит с берега. Для меня это была первая высадка на берег, не по трапу и для работы. Но краем уха услышал, что надо брать с собой что-то для обменов с местным населением на берегу, денег тутошних у нас не было, а долларовой валюты и подавно.

На берегу был базарчик натурального обмена. Опытные захватили с собой с корабля нужные предметы, например, мыло, одеколон. У нас самих дома ассортимент был не ахти какой, но для местных это было «заграничное»! За большой складной нож выменял я настоящее африканское копье, ручная работа. Украшено было даже неким примитивным орнаментом. Всё было настоящее, сзади на конце древка был тяжёлый металлический хвостовик. На охоту с таким, известно, уж никто не пойдёт. В общем, ритуальная вещь. Именно ритуальная, хотелось думать, хотя, в общем-то, сувенир. Сколько самых когда-то нужных и важных вещей стали сувенирами! Как ни странно, в копье мне больше всего нравилось древко. Чёрного дерева, упругое и приятное на ощупь.

Удалось нашему руководству организовать экскурсию, и мы поехали на автобусе между холмами по острову. Вспоминался потом мост, речка, маловодная в этот период года, но в широком русле, и темно-зелёные могучие манговые деревья.

Лемутовый заповедник большого впечатления не произвёл. Может быть, потому что вокруг было только довольно пыльное редколесье. Стайка лемутов — хвост трубой, а хвост в черно-белую полоску — окружили, выпрашивая подачку. А вот дорога! Когда она поднималась на холм, было далеко видно и эти холмы, и дальние горы. И плантации с рядами зелёных агав, за которыми редко и прочно стояли слоноподобные баобабы.

Ещё вдоль дороги попадались очень бедные деревеньки и печи, где обжигался уголь. В этом ландшафте более чем умеренно залесённом, перспективы этих углежогов выглядели весьма плачевными, как и перспективы местных экосистем. В посёлке, ещё на берегу, я видел, как хозяйки прямо перед домиком на таких маленьких печках, больше похожих на наши реликтовые керосинки, готовили еду, как раз на этом древесном угле. Остановились недалеко от целого леса дидиеры. Деревья, больше похожие на кактусы, но с листочками. В нём пели огромные цикады.

Следующий ботанический объект был в каком-то болотистом месте. Солнце уже склонялось в сторону Африки, и всё отдавало нежной палео-

нтологической экзотикой. А вот и предмет нашего интереса: насекомоядное растение *Nepentes*. Какое изящество формы этого ловчего кувшина! Это тебе не росянка наших болот. Такой кувшин и лягушку какую-нибудь сожрать может. Не насекомоядное, а просто хищное растение!

Сумерки в тропиках коротки. Вернулись на берег уже в темноте. Вот он, берег, а вон там далеко — наш корабль. И никто нас не собирался возвращать на родной борт. И связи как-то тоже не было. Это в списке происшествий в дневнике было обозначено как «бардак». Все что-то предлагали, но ничего толкового сформулировано не было. Опять же, известен мне только результат: ночевать на берегу не остались. Пришёл какой-то неказистый местный буксирчик: маленькая палуба, без лееров — за что держаться? А когда отошли чуть в море, поняли, что свежо, волнуется море маленько.

Что за чудесный был морской переход! Мы оказались в центре удивительного мира. Черный купол звёздного неба был над нами, и море начало сверкать своими огнями. Да море и пропало, только бездна звёздная вокруг, нет ни низа, ни верха. Только сверкающая чернота.

В дневнике потом описано это приключение было так:

«Приехали. Оказывается, опоздали. Нас ждали в 17.30, а мы добрались к 18.30. Был у нас в нашей дневной экскурсии местный провожатый, симпатичный Серж, две недели как вернувшийся из Полоцка, из Белоруссии, учился там. Он и пошёл искать команду катера. Уже вечер сгущался, и тут начался торг местными сувенирами. Водолаз Миша вообще остался без штанов, видимо, что-то очень ценное выменял на них. Торговцы разошлись, и свет погас на пирсе. Совсем стало романтично: ночь, Мадагаскар, океан, коллектив с копиями. Наконец-то появились судовые люди. Катер маленький, да и открытый весь. Хорошо, что море сравнительно спокойно, не штормит. Планировали взять человек 20, но погрузили все 50. Отвалили и пошли в темноте. Стою на краю борта у рубки, держусь за какой-то поручень, а надо мной звёздное небо — качается в такт океанского наката. А внизу вспыхивают ночесветки в черной воде. Только чернота и звёзды. Звёзды на небе и звёзды в море. И Шереметьев рядом стоит, и тоже держится за поручень, и висит над водой. Высадка заняла не меньше часа. Два раз лопались концы, потому что у корабля и катера разная амплитуда колебаний. Запрыгивали по одному. Валера Неделин своими ручищами подхватывал. Я врезался головой в край порта так, что каска на уши налезла».

Всё обошлось, всем повзело, и нам, и начальству.

* * *

Индийский океан распростёрся до горизонта. А горизонт, вследствие круглости планеты, в общем-то, и недалёк — несколько десятков километров, но без каких-либо ориентиров эти расстояния очень сложно оценить. Потому, видимо, появилась такая запись:

«Какой могучий закат был сегодня! Но надо сказать, что лысая поверхность океана как-то изменяет и само небо. Казалось бы — небо во всей своей полной величественности, а без деревьев, без холмов, без человеческих масштабов, становится как-то меньше. Да, дело в человеческом масштабе, все мерки остались на земле. Океан всегда был лишь эпизод, временная трасса межконтинентального переноса. У Айвазовского в «Девятом вале» эта мачта и эти люди, за неё уцепившиеся, не столько для драматизации картины, сколько для масштаба. Иначе как узнать — Девятый это ВАЛ или просто красивая волна.

Ещё и для масштаба времени. Времени и пространства. Расстояние только знаешь, но не чувствуешь. В океане нет расстояния, есть время. Наверное, как в космосе. Возможно, время превратится в пространство потом, уже в воспоминаниях. Этого я пока не знаю».

Что ж, сейчас можно узнать. Нет, не превратилось. Только время жалось: было много дней и ночей, а стало — одно событие, как зашифрованная папка в компьютере — нужно усилие, чтобы разглядеть эти файлы дней.

В Индонезии

Остался у него и висит на стенке небольшой этюд: море какое-то сероватое, небо в облаках, дальний берег. Но вдалеке — парус необыкновенного василькового цвета! Этот парус был из тех деталей жизни, которые как бы впечатываются в твои основы представлений о мире, и нет никаких сомнений, что это важно, жизненно важно — море, дальние страны, мечта, парус цвета ультрамарин.

Разрешение на заход в Джакарту было получено, но только для отдыха, без возможности какой-то научной деятельности. Конечно, после преодоления Индийского океана этак по диагонали, отдых был просто необходим. Тем более что планировалась выдача жалования. Я заказал аж 20 долларов, задумал экономию на Сингапур.

Шопинг с элементами драмы

На следующий день загрузились в развозочный катер, который переправил нас до порта, до берега. Группы и друзей-попутчиков у меня было, вот тут-то и пригодилась бы уже оставленная в прошлом традиция ходить в чужих портах тройками. Кого замполит тебе дал в попутчики, с тем и ходи. Пришлось внаглую пристроиться к одной группе, хотя это им и не понравилось, но я же представления не имел, где эти торговые улицы. Надо было как-то выкручиваться. Добрались-таки до одного из торговых районов. Горы тряпок, витрины манят. Это сейчас понимаю, что всё это было полное барахло, но тогда! Джинсы всех сортов и видов, одежда в ассортименте. Хорошо было советскому человеку за границей. В том смысле, что любые признаки изобилия его радовали, как потенциального или даже гипотетического потребителя. Договорились встретиться в три часа в конце улицы. Денег было мало, поэтому свой шопинг я закончил быстро, как всегда, глубоко переживая ошибочные ходы в этой сложнейшей игре с буржуазными товаровладельцами. Слишком большим был выбор для неопытного глаза. Своим коллегам, оказавшимся такими шустрыми в плане покупок — что сказать, гидрофизики, многие из них уже десятки портов прошли — я, как знатокам заграничного рынка, завидовал. Поднаторели! Появились к трём, с большими сумками. Тут и я им пригодился. Посадили меня в каком-то ресторанчике с их покупками, а сами побежали дальше. Сижу, попиваю пиво, которым меня коллеги и снабдили для занятия времени. Ресторанчик в городе ещё чем необходим, конечно — туалетом. Говорит мне коллега Блинов: «Там туалет, только не перепутай, это вообще-то ванная, а туалетного антуража там вообще нет, такая канавка в полу».

Подошёл к нам и хозяин ресторанчика.

— From?

— Soviet Union.

He понимает.

— Ukraina, Russia.

— A, Russia, Gorbachov, Karpov, football — Lokomotiv!

Дальше — из дневника:

«Ушли мои хозяева, коим нанялся в сторожа. Минут через 25 приходит расстроенный Блинов — деньги из сумки украли! Взял по этому случаю ещё бутылку пива. А денег довольно много было, рублей на 80. Потом у него по дороге у новой сумки ручка оторвалась, это понятно, сумка была дешёвая. Сумка упала, там разбилась какая-то бутылка, он туда полез и руку порезал. Неудачи сплошные. Посидели не-

много, передохнули и двинули в порт. Напротив дома со скульптурой не то моряка, не то рыбака, в общем, с большим якорем — остановка шестидесятого автобуса. Но остановка специфическая, не как место, а как процесс. В автобусе кричат «Стой!», если выходит 1–2 человека, то автобус только притормаживает — и люди выскакивают через постоянно открытую дверь. Доехали-таки до автовокзала Tanjung Priok, хорошо, что хоть в какой-то автобус сели. А время уже 17–50. Мы бегом к моторикшам — по 500 рупий с носа, а денег почти нету. Давай бежать пешком, это минут 20 хода. Добежали до входа в порт, а там ещё до причала приличный кусок дороги. Тут велорикши. Просят 200 рупий, а у меня всего 100 осталось. Договорились. Видимо, он не поверил, что совсем денег нет. Сел на багажник велика (это не велорикша как кресло с велосипедом, а просто велик). И закрутил чувак педали. Обгоняет меня на моторикше Блинов. «Хорошо, — думаю, — хоть катер задержит». А Кукушкин где-то сзади, тоже на велике. Мой водитель ещё и заблудился, я ему точно не сказал, куда ехать. Картина, достойная пера Достоевского по своему драматизму: я на багажнике, этот чёрт завёз куда-то не туда, пусто вокруг, времени нет уже совсем. Вот кошмар в Южном полушарии! Наконец показался-таки наш причал. Соскочил со своим рюкзаком, отдаю последние 100 рупий, а эта сволочь говорит: «No! Why?» — и показывает растопыренную пятерню, мол, 500. Я ему: «Какого хрена?» А он и денег не берёт, гордый. Положил ему на багажник монету — и бегом к причалу, так он ещё этой монетой запустил в мою сторону. Рокеры поблизости свистят и хохочут. Бегу, да ещё с картиной Блинова (это он такой сувенир купил), рюкзак болтается. Проскочил на причал, а своих не вижу. Ну, думаю, всё — хана, попался. Буду нырять и плыть к кораблю. Наконец, о Боже! — стоит Блинов и свою картину ждёт. А на катере уже концы отвязывают. Немного нас осталось таких, почти опоздавших.

Хорошо на корабле! Хамелеоны и люди родные.

Вороватый здесь народ, в Джакарте. И шибко до денег жадный!».

Конец цитаты. Сейчас этот страх и ужас уже выветрился с годами, вспоминаются огромные деревья у причала, порт какой-то был не промышленный.

Что и говорить, в путешествие мы с коллегами отправились в сложные времена. Даже не в сложные, а в тяжёлые. Всё это было парадоксом на фоне грядущих, неизвестных тогда ещё перемен — какие ботанические экспедиции, если страна рухнет!

Не один десяток лет прошёл. Было ли чувство перелома? Может, потому что кризис чувствовался давно, годами жили в кризисе, смена флага и общественного строя мало изменили бытие. Годами была бедность и была какая-то надежда на перемены. Но для него эта надежда совсем не была оптимистичной. Никак не мог он вспомнить никакого чувства подъёма. Надо сказать, что так оно и не пришло. Может быть, потому что за эти годы больше изменились детали, но не суть, общий склад жизни мало изменился. Но это, пожалуй, размышления для другого Места, хотя и о том же Времени.

Хорошо писать дневник: как сегодня день прошёл, как сегодня думаешь, так и написал. Сложно, когда надо писать движение времени, события, вроде, те же, но оценки меняются. Так и надо приписывать: мысль от такого-то числа, такого-то года. Между рейсом и сегодняшней войной прошло много лет жизни, каждый из них внёс нечто своё в картину, которая сейчас окружает.

Сингапур

Как у каждого места, есть своя история и у Сингапура. Если говорить об онтогенезе населённого пункта, то родился он где-то в XII веке, и уже тогда был на перекрёстке морских путей между Дальним Востоком, Юго-Восточной Азией и Индостаном. Имя ему дали выходцы из Индии. На санскрите Сингк Пуре означает «Город Льва». Ещё один город льва, там, где этих львов и в помине не было. Только здесь, в Сингапуре, в отличие от Леона или Львова, лев трансформировался в химеру с рыбьим хвостом. Скорее это рыба, но с головой льва. Такова природа азиатского дизайнера химер.

И в девяностые годы центр Сингапура был полон небоскрёбами, они ещё и свои имена имели, а уж сейчас, на рекламных турфотоснимках — такие чудеса архитектуры! Дома-корабли, дома с садами, бассейнами и парками на крышах! Но странно устроен взгляд путешественника. Небоскрёбы тех лет как-то не запомнились. Может, только в первое утро стоянки на рейде, когда город появился из дождя, прохладного воздуха и тумана своими параллелепипедами. Издалека это более походило на многоэтажки каких-то спальных районов.

А вот запомнилась суета Чайна-тауна. Запахи! Ароматы специй, жареной еды, дыма. Большие двенадцатизэтажные дома-блоки. А из

окон, почти всех, торчат бамбуковые палки, на которых сушится бельё. Система «спрос-предложение» работает слаженно: на базарчике прищепки, похожие на жука-оленя. Мандибулы его легко охватывают бамбуковый шест, прищепка (европрищепка, что ли?) для верёвки имеет совершенно иной вид и строение. Память иногда сохраняет такие странные детали.

Наш корабль, как и десятки других, стоял на рейде. Странно было — такой могучий порт, хотя бухты большой удобной нет. Наблюдают с палубы, как по зелёной воде ползёт катерок-буксир. Всё с катеров, с барж: вода, топливо, вот продукты привезли. Ползут катера типа речных трамваев, пассажирские.

Мощный порт здесь потому, что Земля большая. Прошёл Тихий океан — надо передохнуть, вышел из Индийского, идёшь на Китай — опять стоит передохнуть.

Наутро пришёл и за нами пассажирский. Выход в город. Бывалые путешественники предупреждают перед выходом на берег: «Не бросай окурок на улице — сразу в тюрьму». Признаюсь, стерильной чистоты не увидел, но и мусора тоже.

Запись из дневника, после выхода на берег: «Поразили меня люди. Будто где-то в Улан-Удэ идёшь. Одеты просто. Но они могут всё купить. Живут без грязи. Ездят на хороших машинах. Хорошо и красиво строят. Правда, в Чайна-тауне простые многоэтажки, обшарпанные даже. Но без мусора». Пассаж насчёт того, что они могут всё купить, всплыл не зря. Выдали в качестве командировочных или зарплаты сингапурские доллары. Тут тебе и Марко Поло, и Гумбольдт со своей любознательностью заканчивались. Вообще-то вопросами купли-продажи испокон века занимались купцы. Они знали и умели то купить в дальних странах и привезти, что ты дома у них можешь купить без приключений, но с надбавкой за доставку. Это профессия. Может, поэтому, не будучи знакомым с тонкостями купеческой работы, так много времени потратил на поиски, чего купить. Списки сувениров (до трех десятков ближнего и дальнего окружения), списки презентов своим и т.д.

Вообще, исследование шопинга вот в таких экспедициях, с заходами в заморские порты, было бы, наверное, вполне интересно и для науки, социологии, например, но я материалами серьёзными не располагаю. У кого были деньги и возможности, покупали на перепродажу, привозили, спекулировали, как тогда называлось. Желание что-то

купить — вообще одно из важных человеческих качеств. Вспоминается один рассказ Булата Окуджавы. Попал он в Париж, стихи читал, пел, ну и, конечно, надо было что-то купить. Вроде всё рассчитал, сувениры, подарочки. Но тут случилась беда: завтра улетать, а вечером всплыл какой-то гонорар забытый. Валюта! Как отоварить? Чем? Ужасная история! Далеки уж те годы, когда в магазинах было пусто, стояли очереди, тряпки имели иную ценность. Иметь блат, достать, добыть — это всё приближало жизнь к природе, к тем доисторическим временам, когда от успеха охоты зависела жизнь. В каком-то смысле, это было более экологично, чуть не написал — более естественно, чем современное изобилие, много-многократное превышение спроса, бессмысленное расходование ресурсов. Но никто почему-то не хочет жить при военном коммунизме.

Вспомнил, как в конце 80-х возвратился из поездки в Югославию. Война ихняя была ещё в будущем, но царила чудовищная инфляция, при этом магазины, как на взгляд с Родины, были полны. Ужасные муки рациональных покупок. Больше всего поразила в Белграде цветочная продажа на площади. Розы, розы, розы — охапками. Такое было недоумение: очереди-то нет, и кто их купит? А что же они делают с ними, с непроданными? Товар-то был живой. Да ещё такой, что и на корм скоту не пустишь. А вопрос решался по-капиталистически просто: раз это процесс стационарный (вчера стояли, сегодня и завтра будут), значит, некая выгода имеет место. С тем размышлением приехал домой. На дверях подъезда объявление:

*«Талоны на сахар выдаются в ЖЭКе по предъявлению паспорта».
— Здравствуй, моя милая Родина!*

Сейчас сильно снизились контрасты магазинного пейзажа. А тогда ощущение этого контраста было частью нашей жизни. Оставим эти мучения бедности тем достославным временам. Хуже, когда бедность сопровождается ещё и невезением.

Решили мы с Владиславом Ивановичем, что уже пора осуществить покупку телевизоров. Небольших, но японских. Провели сначала рекогносцировочные обходы магазинов и магазинчиков. Несколько озадачило то, что как-то негде было зайти в большой универмаг, в главный телеотдел, и купить главный небольшой телевизор. Огромные универма-

ги, даже с водопадами, с какими-то невероятными произведениями искусства в виде нефритовых глыб с многофигурной скульптурой, все они были как улей набиты небольшими магазинчиками. Тот же базар, только в интерьере. Тогда это обескураживало, оказалось, что сейчас это норма. Вот мы и очутились в таком. Китайский человек притащил две коробки, как-то не особо приветливо спросил:

— Проверять будете?

— Да не стоит. Это же японские телевизоры.

— Тогда платите.

Заплатили. Пришлось взять такси до пирса за 5 долларов, а может, даже и за 6. Коробки одинаковые, с одинаковым товаром. Что-то дёрнуло меня поставить на «своей» какой-то крестик. Пирс — катер — поднимаемся по трапу на свой борт. Мой коллега распечатал у себя в каюте, вставил прилагаемую антенну — и давай наслаждаться местными программами. А я распечатал, включаю — а он молчит, как золотой телефон старика Хоттабыча. Вот вам и Япония, вот вам и японское качество, вот вам и Восток! Пошёл по кораблю к знатокам местных товаров. Не помогло.

На другой день с этой коробкой, с крестиком — опять на берег, надо же решить вопрос. Я, конечно, Владиславу Ивановичу этого не желал бы, но пусть бы он поставил крестик, хотя бы было кого винить (кроме китайского человека, конечно).

Думал, что китаец этот рассыплется в извинениях за товар такой плохой, а он сразу перешёл в атаку. А я читал, что если что, не дай Бог, товар подкачал, то ещё могут и подарок дать, где-то в душе на него рассчитывал. Фига с два! Тем более что был я один.

— Не может быть! Это вы сами виноваты!

— Я сейчас как стану с этой коробкой около твоей лавки и начну кричать: тут продают плохой товар, я тебе, блин, сделаю рекламу!

Поддействовало. Забрал коробку, но новую со склада не принёс, а всучил мне с полки уже работающий. Всегда хочется не с полки, а «запечатанный», но опыт с запечатанным уже был. И поехал я обратно на пирс, радуясь хоть такому исходу. И проторчал я с этой коробкой на пирсе до вечера, ожидая своего катера в порту. Зато у меня было много времени для наблюдений и зарисовок.

Сингапур тогда был город, в общем, небольшой. Я как-то пошёл вверх по течению речки, с названием Сингапур же.

За эти годы, что прошли с начала 90-х, Сингапур из просто правильно развивающейся страны стал одной из передовых в мире. Ясно, что из-за своей малости большого международного веса не получил, но, так сказать, в расчёте на душу населения вышел на очень высокие мировые позиции. Так говорили экономисты и новости мира. Ну и Бог в помощь, только можно было за них, далёких, порадоваться. И не стал бы он об этом вспоминать, если бы не попало одно сообщение, в эпоху того самого зловредного коронавируса. Именно всякие беды и неурядицы вскрывают некоторые интересные моменты жизни и её устройства.

Зазвонил тревожный колокол Уханя: беда, эпидемия, которая потом стала пандемией. И стали в Сингапуре всё чётко выполнять, чему китайский опыт научил — карантин, изоляция, тесты, отслеживание контактов. Вроде бы достигли хороших результатов, в мире стали их в качестве положительного примера воспринимать. И всем ставить в пример. Но что-то пошло не так. Меры борьбы всё строже, а заболеваемость растёт. И тут всплыл нюанс, особенности национального сервиса. Вся-то чёрная малоквалифицированная работа по обслуживанию этого красивого населённого пункта: улицы, здания, мусор, отходы и прочее — держалась на приезжей временной рабочей силе. Вероятно, малайцах, филиппинцах, вьетнамцах и т.п. Которые проживают в общагах по 20 человек в помещении. И деваться им некуда — с симптомами гриппа выходили на работу. И вирус этот распространяли. Это, как если бы римский плебс вдруг обнаружил, что ему самому в прямом смысле не поздоровится, если гладиаторы и прочие рабы будут жить хуже них самих. Убрать чужаков как источник заразы-то можно, но жить как? Наверное, сингапурцы могли бы в два счета выслать всех этих гастарбайтеров из страны, но кто все эти чудо какие красивые небоскрёбы будет обслуживать? Беда с этой лимитой! Особенно в условиях пандемии. Но сингапурцы — они такие, скорее можно представить, что они таки придумают отдельные кельи, может, капсулы для рабочих, если уж так надо. Пока вопрос оставался подвешенным.

Да, речка Сингапур. От устья, куда заходят морские воды, прошёл пару километров — и уже закончились высокие дома. Не деревня, но небольшие блоки, а на балкончиках взгляд выхватывает детали. На балкончиках малюсенькие такие алтари, со скульптурками божеств всяких, китайского толка. Маленькая пагода. Вот город и закончился.

Замечательное впечатление оставил зоопарк в Сингапуре. Вот что значит климат! Никого из южных животных прятать от холода не надо, поэтому живут они почти как в природе. Даже не помню, были ли вообще вольеры, клетки, ограждения. Видимо, были, но оставалось впечатление какого-то сафари. Самым замечательным представителем тропической фауны был редкий вид карликового бегемота. Розоватый с фиолетовым отливом, прямо как чернильный поросёнок.

Стояли мы в Сингапуре необычайно, как для экспедиции, долго, почти неделю. С родины должны были подлететь ещё члены экспедиции, на вторую её часть, на дорогу домой. Деньги закончились, без денег в городе не очень интересно. Да и работать надо! Правда, биотоп вокруг не очень подходящий: всё асфальт да бетон, да машины, лавочки и магазины. Но и здесь, почти в городе, мы ухитрились отобрать пробы. Пошли с Владиславом Ивановичем на какой-то дальний пляж. Методика изучения интерстициальной фауны¹ требует копания ям. Выкапываешь на пляже яму поглубже, поближе к воде, и ждёшь, пока наполнится. Вода, понятно, просачивается из окрестного песка. И все, кто в этой воде между песчинками живёт, попадают в эту яму. Здесь их можно планктонной сеткой ловить. Очевидно, что между песчинками могут жить только очень маленькие организмы, например, рачки-циклопы. Ихто Владислав Иванович всю свою научную жизнь и изучал. В чём достиг мировой славы. Копать ямы — дело не быстрое. Начали свою работу в тени большущей кокосовой пальмы, а когда закончили, тень уползла на много метров. Экзотика (с нашей точки зрения) прямо под ногами. Вот принесло морем кокосовый орех, выбросило его волной на берег. А он проснулся, лёжа прямо на берегу: вниз, как червяк, выполз толстый корень и ушёл в песок, а вверх уже тянется побег. И ничего ей, этой пальме, не нужно — только океан, только пляж да солнце.

Праздник Нептуна

Вышел матрос Шереметьев на палубу и сказал, глядя на океан: «Ты посмотри, болото какое-то!». Действительно, в одну сторону, на восток, прошли чуть не в штиль, теперь из Сингапура идём, а океан всё так же спокоен и тих. Тихий Индийский океан.

¹ Интерстициальная фауна — это разная мелочь вроде рачков, нематод, которые живут в воде, что пронизывает песок пляжа.

Как известно, пересечение экватора (на корабле, конечно) в первый раз отмечается для новичков праздником Нептуна. Кто, когда и где придумал этот ритуал, не знаю. Интернет подсказал, что праздник родился давно, когда парусники, пересекая экватор, часто попадали в штиль, на экваторе это бывает, как на ревущих сороковых, наоборот, постоянно дует ветер. Надо полагать, что это было нечто вроде развлечения для заскучавшей без лазанья по вантам команды. В силу погодных условий это экваториальное шоу могло, видимо, и затягиваться.

В нашем случае получилось несколько запоздалое действие, потому что в первый раз пересекли экватор, когда проходили Атлантикой вдоль Африки на юг — и не заметили, потом пересекли в Яванском море, идя к Сингапуру, потом ещё раз, пройдя Малаккским проливом и обойдя остров Суматра с севера. И вот, на третий раз, решили праздновать. Дело в том, что в Сингапуре к экспедиции присоединились три академика, то есть шоу было рассчитано, в некотором смысле, на них. Это понятно, кроме уважения к званию, финансирование экспедиции происходило не без их прямого или косвенного участия. Как помню, один таки был принят в клуб пересеченцев экватора. О других история умалчивает. Впрочем, академики были в возрасте, за свою жизнь могли пересечь этот самый экватор не единожды.

Итак, 11 марта произошёл праздник Нептуна! Готовились основательно. На палубе устроили большой бассейн из брезента, по правому борту протянули брезентовый же туннель — это чистилище. Я на этот праздник смотрел, конечно, не со стороны, с пеленгаторной палубы, как ветераны, а изнутри, будучи как раз в группе посвящаемых в членство клуба. Может быть, потому в дневнике и появилась фраза: «Главная наша беда — нет общего веселья!». Но, может, со стороны это всё и выглядело весело. Веселиться и подыгрывать общему веселью надо ещё уметь.

Как гласит нынче Википедия, в свиту Нептуна традиционно входят:

- черти (иногда заменяются пиратами);
- русалка (обычно мужчина);
- брадобрей, часто с топором;
- врач (по сюжету — врун, и его принято играть не судовому врачу);
- звездочёт;
- прочая нечисть.

Так и было. Практически все персонажи присутствовали. Мазали краской — это было бритьё. Потом было сидение на унитазах, и струя из него — прямо в зад. Потом — чистилище, та самая труба. Интересно,

что Нептун, а может, и главный чёрт, как-то избирательно подходили к жертвам. Одних, как меня, пускали по полному кругу, других — по урезанному. Пришлось и через трубу пролезть, и в купель прыгать. Ах, как важно было подыгрывать всем этим чертям! Наверное, это была ошибка режиссёра — не провёл он репетицию со всеми подопытными, они же (то есть мы), по сути, и были главными действующими лицами. Праздник, в общем, удался! Было жарко, солнце палило, океан был тих, и все кричали. Логично было бы устроить общий пикник-фуршет на верхней палубе, но не было.

Сейшельские острова

Почему-то хотелось писать строго по ходу времени, хотя это и было не обязательно. После Сингапура направились на Сейшелы. Это и есть времяпространство: желание сохранить последовательность. У события есть не только пространство действия, но и история. Опыт восприятия одного пункта зависит от предыдущего. Ведь мир не только такой, какой есть, но и такой, каким и когда мы его видим. Эти острова вплетались в общую картину впечатлений как раз не до, а после Нептуна, хотя это и не очень важно.

Острова. Сколько романтических строк написано были именно о них! Не просто дальняя заморская земля, но остров как символ дали, мечты. Выбросило бы море Робинзона на какой-то берег материка, стал бы он Настоящим Робинзоном? Нет, конечно, он был бы частичей чего-то большого, частью, но не самостоятельной одинокой единицей. В Индийском океане сотни отдельных островов и архипелагов, а всего в Мировом океане насчитывают много тысяч островов, больших и маленьких.

И с этим океанским пространством связаны судьбы островов, происхождение и история. Мадагаскар отделился от Африки, унеся с собой своих обитателей. Гавайские острова возникли как вулкан и до сих пор возникают. Тысячи атоллов в тропическом поясе обязаны своим существованием маленьким строителям — коралловым полипам. И только Сейшелы загадочны в своём происхождении. Дело в том, что земная кора существенно различна под сушей и под дном океана. В первом случае имеется мощный гранитный слой. А под океаном — только базальт. Так вот, Сейшельские острова, правда, не все, имеют гранитное

основание. Это какая-то потерянная часть суши какого-то материка. Эти круглые, обкатанные водой и ветром скалы, в отличие, например, от острых, угловатых вулканических где-нибудь на Тенерифе, бросаются в глаза на берегах, на пляжах. Пока этот вопрос с происхождением Сейшел остаётся загадкой, впрочем, из 115 островов архипелага только 41 гранитный, остальные кораллового происхождения.

Остров. Столица Виктория

Наш корабль был немаленький, но когда пришвартовались, а место нам нашлось около круизного лайнера «Royal Viking Sun», сразу стало ясно, что всё познаётся в сравнении. Стремительный форштевень, откинутая назад, будто встречным ветром, надстройка. Белый гигант. Только пассажиров видно не было, скорее всего, все на рифах, на пляжах. После выхода на берег повстречались и представители команды лайнера, почему-то оказавшиеся поляками. Вопрос первый и до предела прямой (они же видят, под каким мы ходим флагом): «Водка есть?».



Все воспоминания о Сейшелах сейчас — как короткие ролики на YouTube.

Ролик первый. Корабль подходит к острову Маэ. Приближается вечер. Короткий тропический вечер, необычайную короткость которого я так и не ощутил, вечер себе, да и вечер. И вот тут случилось чудо преобразования времён. На вечернем небе появились странные силуэты: это были летучие лисицы, которые отправлялись на поиски пропитания. Но, в отличие от наших летучих мышей, этих ночных стремительных стрижей, которых-то и не разглядеть, эти рукокрылые были вполне обозреваемы. Они летели неспешно, одна за одной, их было много. И казалось, что это птеродактили, и происходит это не сейчас, а миллионы лет назад, возможно, когда этот остров был ещё частью какого-то загадочного материка.

Ролик второй. На следующий день вышли на берег. Из порта дорога ведёт прямо в город Виктория. Столица Сейшельской республики. Может быть, сейчас это город больших отелей, но тогда всё хранило дух колониальной эпохи: двухэтажные домики, неширокие улочки. И это был единственный город на целую страну, на целое государство. На карте острова можно было видеть, что вообще каких-то оформленных поселений нет, вдоль дорог были разбросаны домики, большая часть их стояла вдоль берега. Вот главная улица, и вот вам — невысокая копия Биг-Бена, тех самых лондонских часов и башни.

Заглянули на небольшой базар. Там можно было увидеть на-а-а-стоящий сувенир, достойный небедного туриста. Сейшельский кокосовый орех чем-то напоминает женский торс, только в круглом объёме. Орех действительно уникальный. Во-первых, огромный, больше человеческой головы. Во-вторых, как это ни странно — эндемик. Единственная роща пальм на острове Праслен. Видимо, что-то есть в нём, в этом пальмовом орехе, ущербное с точки зрения мореплавания. Если обычные кокосовые орехи могут долго быть в море, они переносятся течениями на сотни, если не тысячи километров, то этот, хотя и попадал в воду, и прибывало его к берегам далёких стран, но не прорастал. Иначе бы не был эндемиком, уникалом Сейшел.

В Виктории есть роскошный ботанический сад. Конечно же, тропический. В тропиках и должен быть тропический. Но почему-то в европейских, или там, в американских садах кроме ёлок и лип есть множество растений из дальних стран. Интересно, что в высокоширотных бот-

садах обязательны оранжереи, имитации тропических условий и коллекции всевозможных ботанических див. Допустим, не на Сейшелах, но в Богоре, в достаточно богатой Индонезии, или в Сингапуре, можно же было сделать оранжереи для пихт, берёз, в том числе и карликовых из тундры, черники, морошки, крапивы, наконец? Даже снег можно было бы соорудить. Нет такого.

«Действительно, почему же так получилось?» — задумался он. Вопрос был неожиданный. А дело, наверное, вот в чём. Представим себе всю историю человечества — там, за зеркалом, в обратном виде. Ведь Индия была цивилизованной страной за тысячу лет до зарождения науки в Европе. И вот, развивается цивилизация, отправляются индусы в плавания в дальние страны, устанавливают свой флаг на далёких и диких Британских островах. Учёные привозят коллекции диких европейских зверей, все ходят смотреть на медведя, сначала бурого, потом и белого. Зоопарк растёт, закладывают ботанический сад, в оранжереях — дикие растения из Лапландии, из Сибири. Британцы, ирландцы, французы, жители всех колониальных территорий для нужд индусов выращивают пшеницу, рубят лес, добывают полезные ископаемые. Немножко для себя, но в основном для индийцев. Метрополия богатеет. И один географ-индус выдвинул смелую гипотезу, что, мол, за морем, что за Британскими островами, тоже есть земля и надо бы её найти и тоже присоединить к владениям Великой Индийской империи.

Не так всё пошло, не так. Вот вопрос в чём: был ли этот сценарий, по которому реально развивалось человечество, как гласит история, единственно возможным, и чем он был предопределён?

Прогулки в одиночку имеют свои плюсы и минусы. В этот день сложил в рюкзак маску, трубку и ласты — и пошёл из порта по дороге, против часовой стрелки, если прибрежную дорогу вокруг всего острова Маэ считать циферблатом. Порт был где-то на 6 часов, а на 11 часов были обозначены коралловые рифы. Так далеко я зайти и не планировал, хотя бы выйти на цифру 3. Автотрафик на дороге оказался вполне приемлемым для пешехода, как-то вообще не помню, чтобы машины мешали. Слева скалы, пальмы, справа — океан. И эти, такие необычные, округлённые временем, ветром и водой за многие тысячи лет, гра-

нитные изваяния. Они больше были похожи на модернистские скульптуры. Через час, под знойным солнцем, я был на большом пляже, пустом, пара домиков вдалеке под леском. Вот оно, неудобство одиночного похода: если хочешь искупаться, тем более, заняться исследованиями в воде, надо без присмотра оставлять на берегу вещи. Дно оказалось пологим и пришлось далеко отойти от берега. Ничего интересного на этом песчаном дне не было. Во всяком случае, при поверхностном осмотре.



Идём дальше. Инстинктивно перемещаться хочется от тени одной пальмы к другой тени. Прикинув время и расстояние, понял, что уже скоро нужно определяться с точкой возврата, чтобы не пришлось идти домой в темноте.

Я облюбовал уютную бухточку, правда, домики здесь были ближе. Бухточка была обрамлена всё теми же округлыми скалами, некоторые уходили в воду. Маленький пляжик. Невероятно прозрачная вода. Замечательное место для знакомства с подводным миром. Я опустил в воду, прямо перед маской мелькнула стайка мелких рыбёшек. И замер, лёжа у поверхности воды. В трубке были слышны мои вдохи, а потом я затаил дыхание. Совсем рядом с берегом открывалась невероятная бездна! Эти скалы на берегу были только маленькими шапочками великанов. Из этой бездны струился невероятный синий свет. Можно было догадаться, что там, где-то в этой бездне, был источник света почти чёрного индиго, и поднимаясь к поверхности, он всё больше смешивался с солнечным, становился ультрамарином, голубым. Вода была так

прозрачна, что очертания скал были видны далеко внизу, как это бывает ясной лунной ночью после грозы, когда воздух промыт от всякой пыли, испарений, мошек и всего, что мешает взгляду распространиться в невероятную даль. На скалах были небольшие группки кораллов, анемонов, полихет с венчиками щупалец, которые тоже, как в ночном воздухе, были однотонны. Но они были лишь мелкими-детальными величественной картины синей бездны.

Грузового пояса у меня не было и, ныряя, надо было достаточно сильно сопротивляться Архимеду с его законом. Удалось рассмотреть островки жизни, но это было не главное. Поднял голову из воды. Солнце уже намекало на вечер, а около моего рюкзака сидели местные пацаны и внимательно наблюдали за мной. Я вышел на свой маленький пляж.

— What about sharks here?

Один заулыбался и покачал отрицательно головой: акул здесь нет. К сожалению, конфетками я не запасся.

После Сейшел

Пути в океане неисповедимы, но следы остаются. В одном из отрядов была научная группа, кажется, из Ленинграда. Они занимались спецвопросами, а именно, обнаружением теплового следа за движущимися в воде объектами. Например, идёт какая-то тихая подводная лодка, никто не слышит, вроде как её и нет. Но можно увидеть. След остаётся. Он связан с прошлым временем. А как насчёт будущего? В частности, с его планированием. Было в дневнике так и записано 24 марта: «Идём на Коморы, в порт Морони». Но никакого Морони мы так и не увидели, скорее всего, нас туда не пустили. А пустили в Анциранану, что на Мадагаскаре, северном, где и была та самая история с тараками и псевдозамполитом.

Это уже было возвращение домой. Время подготовки предварительных отчётов о проделанной в рейсе работе. Конечно, надо было сразу определиться, что научные результаты его не могут быть выдающимися, выбрать надо было одно небольшое направление, вот то самое, по которому и была потом написана одна неплохая статья, а на всё остальное не тратить сил. И что же действительно важно? На что, на какую струю жизни надо было сделать акцент?

Сейчас он видел только две: надо было сразу писать книгу, хотя бы книжку (причём, внимательно и разборчиво), дополнять её рисунками из жизни. Делать этюды, зарисовки. Но это всё был взгляд из будущего. Что можно сделать с прожитой жизнью? Лучшее, что можно с ней сделать — это радоваться ей. Однако анализ прожитого скорее огорчает, чем радует. Мы всегда путаемся в масштабах: важность огромных событий, как нам кажется, перекрывают маленькие моменты, а ведь чаще бывает наоборот. Ну, вот такая была запись в дневнике, где-то в Мозамбикском проливе:

«Пошёл выключать свет в лаборатории. Луна, звёзды, покой над морем. Парохода будто и нет, а это я лечу в тишине (привычный шум двигателя не в счёт). Большой Ковш висит вверх ногами, а Полярная звезда вообще за горизонтом. Вспомнилась дача и как мы с Машкой лежали на крыше нашего маленького домика, изучая звёзды. Все-таки я эгоист, думал о своих впечатлениях. А ведь для неё это воспоминание на всю жизнь. Детство, ночь, а папка разрешил лежать на крыше и смотреть на звёзды, хотя уже и полночь. Собаки гавкали, и петухи пели...»

В Конакри

Долго пыхтели от Мадагаскара до западной Африки. Правда, и дел было много, в морских экспедициях есть прекрасная традиция — к окончанию рейса должен быть готов отчёт! Сколько станций исследований, сколько проб отобрано, предварительные результаты, некоторые гипотезы. Большие тома получают. Кроме того, этот материал уже дома, в лабораториях надо окончательно обработать. Статьи написать.

Прибыли, простояли несколько часов на рейде. Что-то согласовывали. Наконец, к вечеру ближе, подошли и пришвартовались у стенки. На пирсе собралась чернокожая толпа. Африканско-советский базар. Сувенирная продукция. Какие-то фигурки, маски, африканские фрукты. Деньги, бартер — всё в ходу. Парадоксы спроса: африканцам нужны зимние шапки! Оказалось, что многим приходится работать на рефрижераторах, а тёплой одеждой их, конечно, никто не обеспечивает. Вообще, это коммерческое движение под бортом не останавливалось все дни, пока мы стояли. Ходит один коробейник по пирсу и, подняв голову к стоящим на высоком борту судна, вскрикивает, рассчитывая на предельную доступность рекламы:

— Товар заебись! Хороша! Хороша!

— Что он там кричит? — спрашивает Татьяна, специалист по водным грибам, но явно не по лингвистике.

— Ты же слышишь — хороший товар, качественный, спустись да посмотри поближе.

— Ой, да я их боюсь!

Наблюдаем с борта. Что-то я вообще не помню, как ходили мы в город. Видимо, ходили, потому что отложилась в памяти какая-то лавка с масками. Что за маски были! Большинство, конечно, ширпотреб для туристов, но некоторые — действительно произведения! Именно то, что когда-то вдохновляло Модильяни.

Тут на пирсе внизу случился какой-то переполох. Крики, гвалт, скандал, причём при исключительном участии местных. Кажется, поймали воришку. Из-за пакугаза неспешно вышел полицейский. В руке что-то вроде увесистого шланга. Вот вам прокурор, вот вам и палач! Быстренько этот воришка оказался у него в руках. И пошёл он его лупить этим шлангом! Крик стоял невыносимый. Только можно было удивиться такой скорой реакции правоохранительных органов. Но, чуть приглядевшись, можно было вполне различить и элементы уличного театра. И удары были не так жестоки, и крики эти душераздирающие на десятой секунде стали фальшивить. Но, в целом, всем было понятно, что воровать, тем более у сограждан, нехорошо. Вообще — недопустимо. И расплата неотвратима.

Последнее пришлось проверить на своём печальном опыте. Решил как-то спуститься, видимо, проверить, действительно так ли хорош некий товар. Говорят, что представители негроидной расы отличают нас, представителей европеоидной, не только визуально, но и по запаху. Говорят, мы пахнем молоком. Скажу вам, что я такой запах ощущал в детском саду, когда приходил забрать вечером внука, детский запах, но, видимо, это ещё и этнозапах. Можно себе только смутно представить, в каком запаховом мире и пространстве живут собаки-ищейки! Для меня запах группы африканцев был запахом кокоса, на это обратил внимание ещё на Мадагаскаре, в окружении детей, когда они нам предлагали разный зоологический товар. Так вот, перемещаясь в этой жидкой толпе на пирсе и рассматривая всякую экзотику, вдруг вижу тянущуюся ко мне ручку с длинными пальцами, как у какого-то лемура. Так бывает в критических ситуациях, хотя ты ещё и не знаешь, что она кри-

тическая. Всё как-то замедляется, выпячиваются мелкие детали. Рука протянулась к моей руке и схватила часы. Браслет расстегнулся — и ловким движением часики мои были сорваны. Я ещё в Сингапуре думал купить новые, но тогда решил, что и старые, советские, вполне рабочие. Через секунду бандит отскочил и грациозно, как антилопа импала, полетел по пирсу в сторону пакаузов. Я сделал вялую попытку догнать с криком «Полиция!!!», да куда там! Никакого правосудия не последовало, сочувствие масс ощущалось только сверху, с палубы, где всегда кто-то стоял из наших, наблюдая. Все, пахнущие кокосом остались безучастны. Наши наблюдатели говорили потом, что он ещё и грозил мне ножом, хорошо, что я его не догнал. Потом живущие здесь наши соотечественники рассказывали, что это обычное дело: не только тихонькое карманное воровство, но и выхватывание, выдёргивание, отрывание и т.д. Как-то, говорят, ехали в посольство на машине. На коленях — папка с бумагами. На перекрёстке остановились, не успели оглянуться: мгновенное движение черной руки через открытое окно — и папки нету. Бумаги воришкам, конечно, не нужны (может, на самокрутки?), но хорошую папку можно, видимо, продать.

Ещё одно впечатление было связано тоже с дорогой. Это было уже не в центре, пригород какой-то Конакри. Поехали на ботаническую экскурсию. Вдоль дороги был базар. Не только и не столько в понимании «тётка сидит чернокожая со своими бататами», а базар какой-то мебели, лавчонки, стройматериалы, опять мебель, козы, навесы из травы и листьев. Африканский капитализм. Я этот торговый пейзаж потом часто дома вспоминал, когда вдоль Окружной дороги в Киеве стали, как грибы расти магазинчики, базары стройматериалов, строительных камней. Всё было очень похоже. Афро-украинский вариант «*стало*го развития», начало пути устойчивого развития. Эти два географически различных символа смешались, чисто механически.

Пыль, поднятая на дороге, оседала на досках, так же, как и на диванах. Может быть, африканских продавцов и волновало, что красная пыль оседает на всех этих товарах, да крыши никакой не было, и негде было взять, был, очевидно, и покупатель, который тоже мирился с простотой торговых нравов. Теперь уж, наверное, как и у нас на Окружной, построили магазины.

А потом мы приехали к какой-то речушке, остановились под большим манговым деревом. Если бы я потом, через много лет, не увидел сейбу, то, без всякого сомнения, отдал бы пальму первенства среди

дерев тропических манговому дереву. Могучая крона темно-зелёного тяжёлого цвета, замечательные плоды. А может, оно приглянулось потому, что в ландшафте зачастую имело совершенно такую же функцию, как наши дубы: возвышаться, доминировать, демонстрировать могучую силу жизни.

Стоянка наша имела не столько научно-ботанический смысл, сколько организационный. Дело в том, что в Конакри тогда активно работал Научный Центр, в котором было много сотрудников из Севастополя. Погрузка — разгрузка, что-то привезли (возили через два океана), что-то забрать надо. Опять же, и эта работа потом подошла к концу, впрочем, подробности международного научного сотрудничества мне неизвестны.

Санта-Крус-де-Тенерифе

Итак, возвращаясь из океанического научного рейса, корабль последнюю остановку в пока ещё чуждом капиталистическом мире сделал именно здесь, на Тенерифе. Порт Санта-Крус. Оказалось, там ждало меня письмо из дома! Вот как хорошо, если известен твой маршрут, мореплаватель, то можешь предложить родным и близким написать на адрес порта, судно такое-то, моряку такому-то, и доставят! Вот сейчас представил себе какую-то испанскую девушку, которая работала таким портовым почтальоном. Тогда, в неинтернетную и несмартфонную эпоху много, наверное, писем приходило морякам. Приходит корабль, а у неё уже пачка писем готова. Было что-то здесь от полевой почты.

Берег поразил тогда меня своими чёрными вулканическими скалами. Большой монумент — крест на площади (это он и есть — Santa Cruz), старая неинтересная церковка, пустынный парк с бетонными скамейками, отделанными синими изразцами. Это запомнилось. Ну, и конечно, муки отоваривания последних денег. Валюты!! Приближалась небогатая товарами родина. Впрочем, есть возможность заглянуть в старые записи.

Из дневника: «22 апреля. Уже так въелось, что это день рождения Ленина. Он тут явно ни при чём. Хорошо, наверное, будет на Канарах. Весна на Канарах! Это, наверное, прекрасно! Вот если бы стояли у стенки и недалеко был бы город!». На следующий день: «Остров появился на горизонте горой вулкана Тейде. Ближе, ближе, и это вам не Маэ, не зелёные склоны, а острые зубцы базальтовых скал. Город распыпан белым рисом. Стали у стенки, и город был рядом».

Свободно вышел на пирс — и отправляйся себе в этот мир чужого острова. Как бы при входе в город с портовой территории была площадь и крест. Город не обширный, и я бродил по нему с упоением. Только вот не было какой-то ожидаемой старины, средневековых кварталов. И это была моя первая встреча с Испанией! Попалась только одна небольшая церковка, этакого средиземноморского вида, беленькая, с черепичной оранжевой крышей. Очень странно, но не помню, чтобы был большой центральный собор. Видимо, был, иначе, где же я слушал этот детский хор?

Я увидел объявление: «Фестиваль хоров» — и зашёл. Прекрасная акустика и хор, дети в белом все, хорошо пели перед алтарём. Было мирно и спокойно под сводами собора. Я ещё как-то подумал, вот, мол, это и есть настоящее путешествие в дальние страны — спокойное созерцание другой жизни, а не суета, что купить, где не продешевить, куда бежать, чтобы найти какие-то растения, где найти водоёмы. Слушателей было немного. Недалеко сидел некий сеньор обывательского вида, средних лет. Не помню, как вступили в обсуждение происходящего. Он понял, что я нездешний, и спросил:

— De donde, señor? (Откуда?)

— De Union Sovietica.

Он был как-то неожиданно для меня сильно удивлён.

— I senior esta en la iglesia? (И сеньор в церкви?)

— Si, esto es interesante para mi: escuchar los niños. (Мне интересно послушать детей.)

— Usted es comunista? (И сеньор — коммунист?)

— Si, claro, soy de URSS. (Конечно, я же из СССР.)

Видно было, что он потрясён таким сочетанием. Видимо, коммунист в церкви был явлением выше его каких-то принципов и устоев. А может быть, он считал, что я своей чуждой идеологией её осквернил. Но неприязни не выразил. Я как-то тогда не подумал о таком варианте.

Хотя активность советского рыболовного флота на Канарах уже миновала свой пик, были ещё магазинчики специально для русских. Магазинчики назывались «Миша», «Наташа». Был там свой ассортимент и, видимо, свои постоянные клиенты, понятно, и свои цены. В Сингапуре такие тоже были, это всеморская традиция. Поскольку наши здесь бывали часто, не существовало и непреодолимого языкового барьера. Купил я в таком магазинчике совершенно роскошные складывающиеся,

да ещё в футлярчике, да ещё не пластиковые, а со стёклами тёмные очки. И всего за 100 песет, что даже меньше 1 доллара. Маленький шопинг-успех, но как приятно!

Стоит ли их, эти успехи, считать частным, скрытым или даже немножко стыдным элементом индивидуального бытия, эти покупки и мысли о них? Наверное, нет. Ведь за интересом к ассортименту, к тому, что важно, привлекательно и, наоборот, неважно, стоит целая панорама жизни. Говорят, финны, приезжая в Союз, интересовались только дешёвой водкой, что говорило о морально-торговом климате дома. Не было этой мишуры ширпотреба у нас, понятно, что большой ценностью считались всякие тряпки. И так далее. Товары — это не частный вопрос, это часть ноосферы. Так же, как биосфера продуцирует живую биомассу, так и общество продуцирует для своего существования товары, которые могут и должны быть обменены на другие товары.

Не читая Смита, Риккардо и даже самого Маркса, можно было делать некоторые заключения только из своего опыта. А опыт был таков, что удалось на своём веку повидать и почувствовать на себе разные общественно-экономические формации, как зрелый социализм, так и крайне незрелый капитализм. Его всегда удивляла тупость и близорукость власть имущих. Как можно было проповедовать с одного конца, что бытие определяет сознание, и предполагать, что будут процветать колхозы, основанные первоочередно на сознании важности идеи, а уж потом — на экономической выгоде? Получая когда-то, во времена развитого социализма, более 200 рублей в месяц, он вдруг обнаружил, что нет у него реальных стимулов бороться за 300. Купить машину было просто так нельзя, была очередь, распределение. Жена одного его друга даже имела такую должность — распределитель автомобилей, в одном солидном ведомстве. Только этим и занималась. Загранпоездки тоже были лимитированы, построить дачу — негде купить материалы, да и земли не дадут. Одно время народ думал даже, что вложение капитала — книги. Надо было властям просто наполнять магазины всяким барахлом, и, вероятно, не было бы таких потрясений, перестроек, распадов. Да, нет, насытились бы джинсами, захотели бы авто, потом дом, потом... Как про Золотую рыбку. И потом, насытить барахлом, это тоже экономика, надо было его произвести, а до Китая — сверхактивного товарного донора — было ещё далеко.

В гастрономе искал сушёные бананы, хотелось привезти домой такой экзотики, но не нашёл, справляюсь у продавщицы, а мне некий сеньор на чистом русском языке говорит:

— Нет у нас сушёных, у нас обычных навалом, зачем нам их сушить?

Оказалось, что этот уже немолодой человек был ещё из тех испанских детей, которые в период гражданской войны оказались в Союзе. Так хотелось с ним поговорить, не сложилось. И зачем ему рассказывать первому встречному свою жизнь?

Можно ли сказать, что мы вернулись в Европу? Географически архипелаг ближе к Африке, африканский по сути географической, но не политической. Это уже с XV века часть Европы, часть Испании, ну, и Евросоюза, впоследствии. В этой экспедиции история наша интересно повторялась: то мы побывали в ЮАР с неприемлемым нам, коммунистам-интернационалистам, апартеидом, то вот в Испанию, где ещё маячила тень диктатора Франко, попали. И опять же, экономика важнее политики оказалась. Как и Уолфиш-Бей, так и Санта-Крус на Тенерифе, Лас-Пальмас на Гран-Канариа были базами советского рыболовного флота. Базы не базы, но суда наши там очень даже принимали.

Надо сказать, что за прошедшие годы и этот товарно-экономический пейзаж кардинально изменился. Он помнил, как в его детстве многое, что было связано с мировыми советским рыболовством, было как-то на виду. День рыбака, картинка в газетах, где мужественные рыбаки в зюйдвестках, преодолевая натиск морской волны, ловят и ловят рыбу для стола советского человека. Народ волновала проблема снижения вылова тихоокеанской сельди (а селёдка была отменная!) и замена её какими-то иваси. А китобои! Китобойная флотилия «Слава». Он полез в интернет и зачитался! Была ещё флотилия «Советская Украина». Такая вот трансформация жизни и сознания масс: от романтики Моби Дика до флотилии «Слава», потом до «Гринписа» — спасай китов! Если бы не японцы, то все киты теперь дожили бы до старости и своими утонувшими трупами поддерживали бы существование очень своеобразных островков жизни на дне океана. Впрочем, из той почти тысячи китов(!), которую во второй, третий год существования флотилии «Слава» добыли одесские китобои в приантарктических водах, большая часть попала именно на дно (ске-

лет и мясо), поскольку нужен был жир (заработали десятки миллионов рублей, валюта). Китобоев побороли экологисты, а рыбаки, во всяком случае, отечественные, как-то загнулись сами.

До прихода средневековых европейцев Канарский архипелаг был заселён племенами, которые сейчас называют гуанчами, но, скорее всего, было много разных племён на островах. Прибыть сюда, понятно, можно только морем, однако каких-либо свидетельств о мореплавательских талантах у гуанчей европейцы не обнаружили. Впрочем, и на Мадагаскаре не видно было древних кораблей или хотя бы культуры строить большие мореходные лодки, а народ-то приплыл аж из Индонезии! Мы всегда в вопросе заселения островов ищем ближайšie точки на материке, как наиболее реальные источники мигрантов, однако, пример Мадагаскара показывает, что есть самые необычные варианты. (Как видим в последние годы, Средиземное море — серьёзное море таки! — стало более чем преодолимо для тысяч мигрантов.) От Африки до Канар немногим более ста километров, но есть основания полагать, что гуанчи были представителями европеоидной, а по некоторым представлениям, и вообще особой расы. Как тут не выдвинуть гипотезу об Атлантиде? А мегалитические остатки культуры? Пирамиды на острове Тенерифе, которые изучал Тур Хейердал, так же сложены, как и пирамиды Мезоамерики. А если кто-то из мигрантов тогдашних промахнулся и поплыл себе мимо Канар, аж до Америки?

Замечательно было свободно ходить по чужому городу. Хотя по дороге на рынок, кстати, очень интересной архитектуры, был мост через довольно глубокий каньон, речка была скорее похожа на ручей. Но раз есть каньон, должна была быть и вода. Наверное, в давние времена здесь был стремительный поток. Мы смогли спуститься в каньон и отобрать пробы для последующего изучения водорослей. Это были последние научные действия в этом рейсе.

Через пару дней стали удаляться острые зубчики прибрежных скал, потом и весь остров стал погружаться за кромку горизонта. Впереди был небольшой кусочек Атлантики до Гибралтара.

Вся жизнь на корабле крутилась вокруг отчёта о проделанной в рейсе научной работе. Как всегда, обещаний было больше, чем выполнения их, но и эта работа двигалась. Приходили уже и воспомина-

ния о начале рейса. Он уже постепенно уходил в историю, время-пространство океана разворачивалось по обратному маршруту. И приходили мысли о том, сбылись ли романтические надежды. И приходил он к выводу, что романтика отнюдь не в море, не в Африке, не в островах. Романтика — она дома, на берегу, в книгах, фильмах, может быть, это часть поисков своего места в мире, которыми живём в юности. Романтика — она в иллюзиях. И нет смысла ехать далеко за романтикой. Нет здесь никакой романтики. Есть много воды, нудная жизнь замкнутого пространства, жара.

Конец апреля, 28 число. Показались оба берега, берега двух континентов. Вот и всё. Прощай, океан!

Солнце садится уже за Гибралтаром. Африканский берег синь и зелен. И розов чуть-чуть. Очертания берега чётко и резко видны на фоне неба. Фиолетово-розовый эффект заходящего солнца потихоньку пропадает. Потом показывается гора, серо-лиловая, она светлее неба, кажется, что снежная. Потом из-за горы стал показываться краешек луны. И оказалась она огромной, оранжевой. Пространство далёкого берега, за много миль отсюда, через серо-голубое пространство моря почти незаметно уходило вдаль, за корму, а луна всё поднималась и поднималась, отсчитывая своё космическое время.

Маленькое возвращение

Наступили так называемые Новые Времена! Заморские страны стали доступны не только морякам, дипломатам и руководству страны. Тенерифе, Майорка стали поначалу таким символом «роскошной» жизни, теоретически доступными, но всё равно каким-то исчезающе далёкими. Однако, что не говорите, разглядывание карты мира приобрело больший практический смысл. От острова Фуэртевентура, что в Канарском архипелаге — до африканского берега всего 60 миль. А берег африканский довольно безжизненный: между Рабатом и Нуакшотом 2000 км, и ни одного города! Это предостережение для желающих покинуть Испанию в её островной ипостаси и мигрировать в Африку, вопреки установившейся в последние годы моде на обратное движение. Совет на всякий случай, ибо и мы с женой собрались на Тенерифе (чартерный

рейс, курорт, вулкан, пальмы, бананы, попугаи...). Время было — июнь, как одеваться, если ты летишь к африканским берегам? На дворе было прохладно, дождик. Рюкзак сразу стал пополняться свитерком, рубашкой с длинным рукавом, курточку надо взять.

В том недостаток повести, построенной хотя и на твоих собственных, по определению — уникальных впечатлениях, но никак не на уникальных фактах. В этом самолёте человек 150 и все видят одно и то же, все летят провести время на Тенерифе. Загадочно выглядит многочисленная популяция совсем малых детей. Можно подумать, что в Турции с детьми отдых не такой же, да и дешевле. Наверное, родители знают какой-то секрет. Впрочем, одна оригинальность была. По прилёте все 148 разбежались по своим автобусам, которые развезут их по отелям на южном берегу острова. А мы — в персональную (от турагентства) машину «Мерседес», и — на север острова. Загадка такого распределения пассажиров решается простым климатическим фокусом. Влажный воздух с Атлантики перехватывается горой-вулканом Тейде, поэтому на севере чаще облачно, чем солнечно и жарко, а на юге — вечный местный антициклон. Солнце, жара из Африки (если мало своей). Только вот пейзаж здесь, как наблюдаем из окна машины — выжженная сухая растительность, плантации укрыты затеняющей сеткой. Любителям морского солнечного отдыха, конечно — на юг.

Почти сто километров от аэропорта до Пуэрто-де-ла-Крус — хороший способ посмотреть в общих чертах на остров. Где-то на полдороги, в районе Санта-Крус, растительность меняется. Стало зелено: кустарники, виноградники, драконовы деревья, араукарии.

Замечательно с утра обследовать новый город! Если бы мы пошли по набережной направо, то пришли бы к замечательному черно-песчаному пляжу, который расположен как-то так, что на него накатываются большущие океанские волны. Но мы пошли налево, потому что интернет подсказал, что где-то здесь можно сесть на бесплатный городской туртранспорт в виде поезда на резиновом ходу. Вид у этих поездов всегда какой-то клоунский. А на нём можно добраться до местной достопримечательности — «Лоро-Парка», видимо, там много попугаев. Туда мы не пошли, а вышли на пляж Playa del Castillo. От этой самой

кастильо-крепости мало что осталось. Черный вулканический пляжный песок выглядел очень странно. Особенно как материал крепости же, которую соорудил паренёк на пляже. Он поливал его время от времени водой, и тогда всё строение было будто отлито из асфальта.

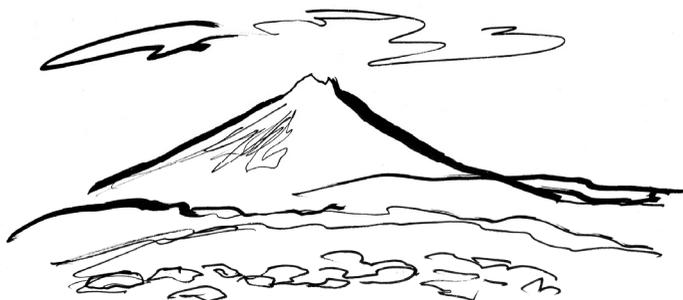
Хотя и двадцать лет назад я свободно ходил по городу, по острову, но сейчас был совсем другой уровень свободы.

Поедемте в Саната-Крус! Сели в автобус (здесь они называются на центральноамериканский манер квагуа, наверное, там, за морем, у них какой-то особый сигнал — *cuagua*, так звучит), да и поехали. Проехались в почти пустом туристическом двухэтажном автобусе по городу. Странно, как запоминаются, скорее, впечатываются, даже не в локальные воспоминания, а в образ места некоторые детали. Скамейка, выложенная синими изразцами. Пустой, как и тогда, парк. Закончилась экскурсия по городу, как всегда — походом в большой универмаг. Новое воспоминание, теперь уже этого временного уровня. У входа в универмаг рядом со мной сидит на лавочке местный человек, оба ждём своих жён, которых поглотил шопинг. Испанец время от времени бормочет, как бы обращаясь ко мне: «И сколько можно там ходить? И что там можно делать?!». Я вполне разделяю его недоумение. А потом мы, чтобы разрядить нервную обстановку, начинаем внимательно наблюдать, как какой-то дворник усердно метёт улицу большими пальмовыми листьями.

Тут он решил не поленился и разыскать те фотографии. За двадцать лет, от первого посещения Тенерифе, так много изменилось! В том числе и фотография. Он вспомнил, что в той экспедиции был у него плёночный фотоаппарат «Зенит», да ещё кинокамера узкоплёночная. Беда была в том, что достать плёнки для съёмки фильма в достаточном количестве не смог, было всего пять кассет. Всё было в дефиците. Небольшой фильм всё-таки получился. Да пришла новая беда — прогресс. Кое-как переснял с экрана фильм, прокручивая на трескучем проекторе, этот узкоплёночный на видео, но потом как-то очень быстро и это видео устарело, не успел оцифровать. Теперь и у него, и у жены было по фотоаппарату, снимай — не хочу, не думай о количестве кадров, можешь фото, можешь видео. Сегодня, когда прошло ещё десять лет, об этом и писать смешно. Уже и фотоаппаратов для бытовой такой съёмки нет, вернее, то ли снимаешь при помощи телефона, то ли звонишь другу через фотоаппарат.

Не два, не три, а очень много — в одном. Но практика показала: надо быть начеку, не успеешь оглянуться, и все эти фотки могут стать недоступны. Делайте побольше зарисовок, такой можно дать совет. Поедьте, поедьте, в этот раз — на Тейде!

Пока можно посмотреть — посмотрим. Снимок из окна автобуса, который долго взбирался в гору, лес, пасмурно как-то. Наконец вынырнули из-под облачного одеяла, вот оно, уже под ногами, внизу, накрыло северную часть острова. И лес закончился. Трудно найти более показательный экологический пример. Торжество идей Гумбольдта! Вдоль дороги сухие склоны и подушковидные растения с малюсенькими листочками. Экономия влаги на первом месте! И Гора, большая Гора впереди, на фоне голубого неба.



Вот она, диалектика в чистом виде! Созидание и разрушение. Единство и борьба противоположностей. Когда-то, миллионы лет назад, родился на дне Атлантики вулкан, рос, рос, почти догнал Эверест и вышел в атмосферу. Уже не просто вулкан, а целый остров. Подрос ещё на 3–4 километра, Эверест отдыхает в своих Гималаях. Что интересно, за это время пополнил вулкан не только сушу новым островом, но и гидросферу: в расплавленном базальте до 8% воды. А что до разрушений, то при извержении в XVIII веке целый городок вулкан разрушил.

А потом и подушки пропали, только камень. Лунный ландшафт. Такой, наверное, была Земля миллиардов пару лет назад. Кабинки канатной дороги плывут над склоном. Верхняя станция — уж совсем недалеко от вершины. С этой высоты видно, что конус современного Тейде — это всего лишь часть большего вулкана, кальдера древнего внизу окаймлена кольцом гор.

Безжизненно вокруг. Но биосфера тут как тут. Уж не говорю про бактерий, которых сюда люди приносят, — муха прилетела! Да ещё такая наблюдательная! Отрезал и положил на камень ломтик яблока, она сразу к нему, наслаждается, наверное, кислым соком. Вроде пустыня вокруг, а недалеко от нижней станции канатки наблюдаю, поджидая автобус, возвращаться в город, целую колонию больших ящериц. Красавцы! С голубым горлом, чёрной спинкой. Опять же вывод: раз живут и размножаются, значит хватает им и пищи, и воды. А уж пространства сколько!

А ещё, увидел на фотографиях, уже не моих, зимой-то вулкан в снегу! Вот тебе и разгадка того каньона, что под мостом в Санта-Круссе, как идти к рынку. Неслись тысячелетиями бурные потоки. Опять же — диалектика: видя следствие, можно так-сяк догадаться о причине.

* * *

Ах, как прекрасно было бы сейчас вернуться на Сейшелы, на Мадагаскар, в Сингапур, в конце концов, может, даже сравнить пейзажи и впечатления! Но в чём-то мне жалко, что прав Гераклит: не стоит два раза в одну воду, тем более что новых мест много-много больше, чем старых.

ОДЕССА

**Место — берег Северо-Западного Черноморья.
Время — уже лет 30**

Он проснулся от летней знойной дрёмы и обнаружил себя на лавке в парке на крутом берегу, за которым было море. И порт. В эту жару в конце лета парк имел жалкий вид, почти такой же, как и он сам, на окраине этого парка. И чего было тут сидеть, да ещё и умудриться задремать? Нет, не умел он организовать свой досуг, никогда не умел. Поэтому слегка злился на своих местных друзей, конечно, на кого же ещё, не на себя же. Но и на себя. За свои иллюзии. Неужели непонятно, что у всех свои дела, свои заботы. Своя жизнь. Приехал в командировку, так решил свои дела и — дуй домой! Добавил ещё один день, думал провести с друзьями, а они заняты. Ну, так и пошёл бы себе на пляж. Но это же надо было организовать. Самому. В том и дело. А ещё он подумал о своём и чужом. В этот парк десятки лет по выходным ходил один академик с женой, наблюдал за жизнью миниатюрной городской природы, получилась целая интересная книжка. Это просто был его родной парк. И было ему тут не скучно.



Одесса — город красивый. Одесса — город необычный. Нельзя сказать, что необычайно красивый, но своеобразный. Может быть, потому что, ну, как Питер, например, или Екатеринослав-Днепр (нынешний) был задуман как город, а не вырос сам собой из какой-то деревни. В такие города влюбляются. Многие — на всю жизнь.

Отпечаток этого города был так силен и так заметен, что одесситами люди остаются навсегда, даже уехав в другие города, другие страны, другие миры. Незабвенный Александр Иванович Иванов, знаток микро-

скопических дунайских водорослей, замечательно весёлый и жизнерадостный, потрясающий певец. Большой знаток и любитель своеобразного вилковского вина. Широкодушная одесская душа. Всюду у него были друзья. Везде и все его любили. Как-то свела нас экспедиционная судьба в Вилково. Дунайская Венеция. Действительно, каналы. И мостки-тротуары. И как пошли мы по этим тротуарам, заходя к знакомым да друзьям чуть не в каждый дом, да как отведали вина (почему-то в большинстве случаев наливали из чайников), что обратной дороги почти и не запомнил.

А вот ещё Олега с биостанции вспомнил. Фаната подводного мира Чёрного моря. Собрал на биостанции университета коллекцию, чего бы вы думали — не угадаете — якорей, найденных на дне. Есть там и очень древние. И фильмы замечательные снял. Настоящий черноморский Кусто! Но оказалось, что почти самым большим увлечением его были маленькие растения, похожие на камешки — литопсы. Он мне показал свою оранжерейную коллекцию там же на биостанции. Какая необычная красота! Один такой камешек и у меня в горшочке растёт теперь.

Воспоминания о месте, о людях всегда приходят по какому-то сигналу, что-то замыкает контакты в сетях памяти. Вот и сейчас, конечно, вспомнил о своих друзьях-коллегах, но хотелось бы не так и не в такой печальной связи. Может быть, хотелось как-то обыденно, но несчастье враз превращает обыденное в исключительное. Беда пришла, откуда не ждали. Может, и не ждали, но вероятности просчитывали. Какова вероятность того, что в старом столетнем здании с электропроводкой семидесятилетней давности при включении киловаттных нагревателей (декабрь, а отопления ещё нет) могут произойти неприятности вроде замыкания и пожара? Большая вероятность. Так оно и получилось одним утром в начале зимы. Загорелся дом на Пушкинской. Да почти весь и выгорел с утра до трех часов дня. Интернет, дроны, дом сверху, вид сверху на дым и обвалившуюся крышу. Был в этом доме и один биологический институт, и был у него директор, мой друг Борис Александров. Сначала — «на связь не выходил», потом — числился в списках пропавших без вести. Среди других 15 человек. Из разных учреждений, дом-то большущий был.

Никак не мог сосредоточиться. Каждые полчаса смотрел одесские новости. Репортеры вызывали уважение: искали очевидцев, снимали, собирали информацию. 15 человек пропало. Только в конце месяца

стало известно точно, что погибло 18 человек. Жуткая катастрофа. Тогда боялись и того, что стены старого здания могут рухнуть, и тогда даже о поиске тел говорить было бы сложно. Как-то не везёт Одессе с возгораниями, то по злему умыслу, то по халатности.

Почти месяц не могли похоронить: то искали, то экспертиза. И пока не было похорон, всё казалось, что это какая-то ошибка, недоразумение. И всё! Стал город для меня каким-то далёким и чужим.

Они, мои одесские коллеги, там очень успешно работали, да и сейчас работают. После того, как крымский морской институт выпал после 2014 года из состава Академии наук, в стране Одесса и её гидробиологи стали практически единственным центром исследований Чёрного моря. Я о них вспомнил ещё раз, когда услышал очень оптимистическую новость: правительство выделяет большие деньги на не то постройку, не то закупку корабля для исследований Антарктиды. На фоне отсутствия научного современного флота на Черном, Азовском морях, на Днепре, эта новость показалась неоднозначной. Борис как раз и боролся за такой, свой азово-черноморский научный флот, по сути, за его возрождение.

У Бориса с Лианой замечательные дети. Дети вообще замечательные, все. Но эти были ещё и успешны. Создали какую-то дизайнерскую фирму, получили очень престижную международную премию. Я был рад, что моя дочка с ними дружит.

Борик часто и много ездил. От Киева, в Президиум Академии наук, на разные заседания, до Австралии, какая-то там была конференция. Наверное, не только хотелось или было надо, но и ещё что-то. Он мне как-то рассказывал:

— Приехал я, захожу в дом, а Лиана мне сразу: «Ну, рассказывай!» — «А что именно, с чего начинать?» — «Начинай так: вот я прощался и закрыл за собой дверь...».

Борик чарующе артистично рассказывал одесские анекдоты. Вспомнился какой-то вечер на веранде их дома, весёлая компания. Анекдот (да нет, это, скорее, была быль, всё перемешалось) про то, как профессор Гринберг, дабы заострить внимание слушателей, начинал свою научно-популярную лекцию где-нибудь на заводе, в обеденный перерыв, словами: «...Я видел Гитлера!».

Но что-то не клеились сейчас в весёлый коллаж эти воспоминания.

А что же город? Дома, театр, бульвар над морем, лестница? Нет, для меня скорее это огромные платаны. В них что-то от тропической сейбы, им там, в Одессе, очень хорошо. Я думал, что в более южной и даже более морской Барселоне они должны быть ещё могучее. Но ошибся, Одесса победила, барселонские платаны были хилые, невзрачные. Почва, видимо, не та. Да и климат, видимо, в Одессе *платанический*.



МЕР'АБА

**Место — Турция, Анталийское побережье.
Время — 2010-е. «Мер'аба» — это не место,
это «здравствуйте» по-турецки, может — «привет!»**

В октябре 2014 года Исламское государство Багдада и Леванта, насколько я понимаю, ещё несколько гипотетическое (а кто их там на востоке разберёт), атаковало в Сирии курдский город почти рядом с границей Турции. Танки, антитеррористическая коалиция во главе с США, беженцы, война. Я летел в Турцию на курорт из страны, где тоже антитеррористическая операция. Тоже стреляют, взрывы, беженцы, война. Оказалось, что в мире происходит не только разгул глобализации, но, к счастью, пожалуй, и локализации, хотя бы войн. В одном конце страны воюют, в другом — гуляют. Чума во время пира.

Беженцем, в каком-то смысле, этой последней войны был и я. Поскольку летел один, причин одиночества было больше, чем одна, кроме прочего, не нашёл общего языка с некоторыми домашними по вопросам текущего исторического момента. Войны, как известно, проходят не только по окопам, но и по головам.

Тёплое Средиземное море накатывало свои волны на гальку. Я сидел на пустынном пляже между двумя курортными центрами — Кириш и Чамьюва, в устье какого-то высохшего потока. Как потом оказалось, большая часть этюдов будут сделаны именно отсюда, с этого места. Пейзаж с мечетью. Пейзаж с морем. Пейзаж с горой Тахталы.

Мечеть, какая-то новостройка, действительно маленькой вертикалью торчала около точки схода лучей всего пейзажа, поддерживая всю перспективу.

Всегда кажется невероятным, что это вода, поток пробил себе дорогу через горную цепь. Но факт был перед глазами: русло уходило от моря к горам, а там, как театральные кулисы, в дымку уходили горы рядом, обозначая перспективу долины, теряющейся в горах.

Сюда, за пределы отельных пляжей, нечасто забредают курортники, кои здесь в основном русские, украинские, белорусские, немного немцев.

Я пришёл по малоезженной дороге, замусоренной, хотя и не так сильно, как это могло быть у нас. На этот большой, в основном галечный, пляж съезжаются местные, по выходным. Обязательный коврик. Может быть такая печка, самовару подобная. Чай пьют. Посидеть не берегу, чай попить — «мангал» называется. Радужно путника встречают, приглашают. Жаль, что кроме «мер'аба», то есть «здравствуйте», ничего не знаю.

Вся улица этого курортного городка Кириш — сплошные магазины, впрочем, это обычно во всех таких местах. Большой спрос на русскоговорящих продавцов, поэтому множество их из бывшего Союза, из Киргизии, Казахстана. Оказалось, что в СССР было много турок, которых депортировали в Среднюю Азию, например, с Кавказа. Теперь их потомки возвращаются в Турцию, как бы на родину.

Жалею я, что вопреки законам рынка не подсел к компании продавцов и не расспросил, откуда они и как живут. Всё сведено до базарных отношений.

— Эй, друг, захады в наш магазин.

— Не, мы уже всё купили.

Кроме как продать подороже то, что куплено подешевле, нет другого способа заработать на жизнь. А «наши» смотрят, как смотрели на продавцов, выходцев с Кавказа, на своём базаре — заезжие спекулянты. Только признак приезжести поменялся местами. Но экологоэкономическая связь остаётся: без продавцов нет нужного товара, без покупателей нет денег. На этом и сходятся.

Не первый раз, видел уже две курортные Турции. Условно — русскую и немецкую. В первой, на юге, русские (русскоязычные) сами поддерживают эту панибратскую (порой и хамскую) атмосферу. Обе стороны смотрят друг на друга несколько свысока, как продавец и покупатель на базаре. Но по большому счету, все они из одного класса — среднего. На западе Турции — по-другому. Между приезжими и местными всегда дистанция. Вроде, больше показного уважения. Но в первом случае — гораздо душевнее. А впрочем, кому как нравится.

Это сообщество плохо говорящих по-русски мужчин почему-то возвращало меня к моей армейской жизни. Весь этот среднеазиатский контингент, в первом или в двадцатом колоне, представлялся мне чем-то вроде солдат моей роты.

Торговая рота, отельная рота. Хорошо, что военные конфликты с Турцией маловероятны (сплунем через левое).

* * *

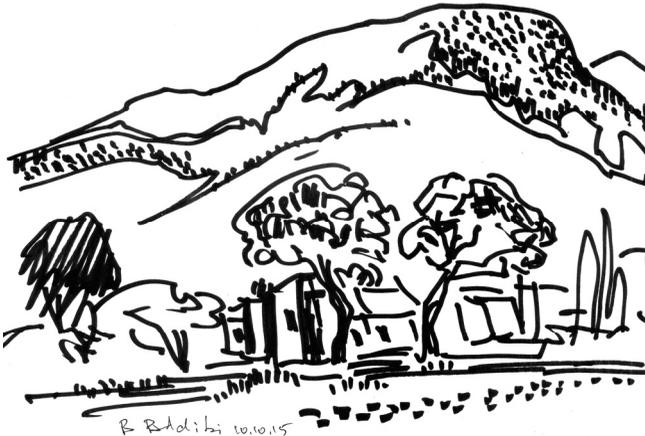
Перечитывая эти записи в 2017 году, сильно задумался. Как много произошло, в том числе и в этой области мира!

Перечитывая эти записи в 2019 году, отметил то же. Впрочем, для Украины и украинцев особых пермен не было. На пике конфликта в Сирии турки сбили российский военный самолёт. До войны, или там, до военного положения дело не дошло, но россияне довольно долго в Турцию напрямую не летали. Потом возродилась дружба. Та, что лучше хорошей войны.

Приходится добавить, что «перечитывая эти записи» в 2024 году, отмечаю, к сожалению, что мир изменился сильно, а война передислоцировалась самым нежелательным образом. Но если бы из Киева летали самолёты, то в Анталию было бы много.

Музыкант

Где ты, дорогой Абдулла? Уж сколько лет прошло. Стар, наверное, стал. Но, может быть, и до сих пор ездешь на галечный пляж в Бельдеби со своей Ириной ловить маленьких кефалек. Уже тогда ты был пенсионер, хотя военные выходят на пенсию рано. Что уж нас свело — и не помню. Кажется, я делал какую-то этюду с соснами на берегу и маленькими белыми коттеджами, а ты подошёл посмотреть, а может, и поговорить. Разговорились, благо, что русская жена, откуда-то из Сыктывкара, подхваченная здесь же на курортных берегах, поднаучила русскому.



Был Абдулла военным музыкантом. Хорошая служба, играй себе марши, наверное, приятная, особенно, как посмотреть со стороны. Приезжал из большого города по воскресеньям, из Анталии, сюда в курортную зону, как и многие городские турки. И один приезд как раз совпал с моим днём рождения. Абдулла этого не знал, но так уж получилось — имел при себе музыкальный инструмент. Весьма экзотический. Сделан он был из высушенной тыквы, струны, может быть, скрипичные, а может, и специально сделанные из бараньих кишок. А смычок был в виде простого маленького лука. То есть инструмент был из разряда смычковых. Что-то было неизменно африканское в нём.

И запел ты мне, Абдулла, песню, о чем не знаю, наверное, про любовь. Но уж больно грустна была она. А кто сказал, что любовь — это только радость? Это и грусть, и печаль может быть. Вот такой мне сделал подарок Абдулла. Посидели немного на пляжном пригорке, разошлись. Ты — ловить свою рыбку, я пошёл к скалам в конце пляжа написать какой-нибудь этюд. Да, ещё с Ириной его поздоровался, она загорала и равнодушно наблюдала за нашим маленьким концертом.



ЦЮРИХ

Место — в Швейцарии, Европа. Время — 2006 год

Теперь, когда экзотика европейской средневековой архитектуры для меня как-то потеряла свою экзотичность, а цены на городской транспорт (там) не столько удивляют (здесь), сколько пугают (хотя как пенсионер, езжу бесплатно (здесь же), вернее — оплатив прежним нелёгким трудом, когда толпы прохожих (там) не более чем приложение к городскому пейзажу (который утратил..., см. выше), а то время, в отличие от печальной современности, как-то не отмечено было ничем экстраординарным, я нахожусь в затруднении, с чего начать и как построить повествование. При том, что начало у истории было и носило признаки неизбежности, определённой некими играми Судьбы.

Мне как-то попала одна обширная статья по вопросам речной экологии, которая показалась мне настолько полезной и многообещающей (в смысле информации и идей), что я написал автору просьбу прислать другие статьи, а заодно и некоторые цитируемые источники. Но поскольку автор оказался человеком не только весьма занятым, не только наукой, но и администрированием (это был профессор и шеф большой лаборатории Джеймс Вард, который, впрочем, довольно скоро закончил свою успешную карьеру в Швейцарии и подался на пенсионную жизнь к себе в Калифорнию), то ответила на мою просьбу его секретарь, госпожа Рапин. Христиан оказалась человеком коммуникабельным и в чём-то агрессивно-альтруистичным. После нескольких писем, где, возможно, я упоминал о недостаточном количестве научной литературы здесь, у нас, я получил извещение с печатью таможни, мол, надо забрать груз, поступивший из Швейцарии, килограммов много, и пошлина такая-то. Пришло ко мне вместе с этим письмом вполне объяснимое смешанное чувство радости и досады. Как у всякого нормального человека, отношение к таможене у меня сложное, скорее неприязненное, чем благостное, причиной же неприязни, как обычно, выступает простой, почти всегда безосновательный

мелкий страх. При слове «таможня», особенно вблизи границы, я испытываю чувство амнезической лихорадки: не завалялся ли где в кармане какой-то незадекларированный бриллиант?! Моё обратное сообщение в Швейцарию о малой вероятности получения интеллектуального груза было воспринято Христиан (написал ей по электронке) с ужасом: «Я же у завлабораторией деньги выпросила на этот багаж, а если вернётся?!».

Преодолевая целый комплекс фобий, обратился в окошечко к сыровой (более всего ассоциировавшейся с надсмотрщицей ГУЛАГа) гражданке в форме, мол, груз пришёл на моё учреждение, но денег на это самое мыло нет и не будет. Она процедила сквозь зубы:

— Сделайте переадресацию на домашний адрес...

О! Получилось! Звонят с почты: «Заберите, Бога ради, вашу посылку, 100 килограммов!!!».

Так я стал обладателем полутора кубометров научных журналов и книг. Старых, конечно, но полезных.

Оказалось, что у Христиан есть связи с Украиной и не научного толка. Не знаю подробностей, но когда как-то само собой зашла речь в нашей переписке о её возможном визите, то оказалось, что она может приехать из Коломыи, где у неё чуть ли не крестница живёт. Правда, когда у меня оказался телефон этих колумыйчан и я пытался выяснить подробности приёма, например, куда бы стоило поехать, что показать, чем интересуется, то ничего, кроме информации о полном безалкогольном поведении Христиан, не получил. Как-то они не захотели идти на контакт, может, это было что-то вроде ревности. Благотворительность вообще была где-то в основе её миропонимания. Например, она опекала какую-то молодую польскую пару, женская часть которой была аспиранткой в университете, а муж, учитель географии, при ней, велосипеды в Цюрихе чинил.

Христиан приехала в мае. Хорошие были деньки, тепло. И на даче деревья цвели. И город в каштанах цветущих. Приём гостей предполагает какую-то программу. Но от программы Христиан отказалась, она, на вопрос, что бы хотела посмотреть, ответила:

— Простую жизнь, как люди живут, ходят по городу, на реку посмотреть.

Надо сказать, что это сложнее, чем устроить экскурсию в музей. Нам эта простая жизнь не кажется заслуживающей внимания.

Однако вот что вызвало её интерес и оставило, наверное, неизгладимое впечатление. Печерск, Мариинский парк, потом вышли к тому обелиску, что у Вечного огня. Был какой-то, видимо, выходной день. То и дело подъезжали машины, и молодожёны приносили цветы к огню. Как укоренилась эта традиция, сколько было в ней чего-то казённого, и сколько действительно от души, Бог знает. В своё время я сам стоял перед этим огнём при аналогичных обстоятельствах, но и сейчас не могу признаться ни в рабском почитании навязанных сверху правил, ни в особом патриотизме, ни в подкаблучном (с первого дня) отношении к взглядам на желания молодой жены выйти в свет в наряде. Обычай такой был: не венчание, так обелиск. Довольно похоже — воздать хвалу и заручиться некоей поддержкой нематериальных сил.

А Христиан стояла и смотрела, и мы вместе с ней. А пары подъезжали, оставляли цветы. Может, ей были интересны фасоны платьев, может, было приятно смотреть на молодых и счастливых, может, просто этнографическое, в чём-то экзотическое наблюдение.

Почти через 20 (о, Боже!) лет прочитал в дневнике: «...много поездившая, социально активная, жизнерадостная, общительная и милая женщина посетила нас в сентябре 2005 года», это о Христиан.

* * *

Ответный визит был задуман вдвоём с Олей, но потом к нам присоединилась ещё и Зоя, получился семейный тур. Дело в том, что та самая польская пара должна была уехать на каникулы в Италию, а мы могли бы обосноваться в их жилище. Не стесняя Христиан.

Стоит заметить, что те ребята поехали не просто в Италию, на море, а в дом, принадлежащий Христиан. Это был не совсем дом, а какая-то средневековая крепость или форт, фотографии Христиан нам присылала. Красивое было местечко, даже экзотическое. Она называла его «Castel», то есть крепость.

Лететь на самолёте, по тем временам, нам представлялось слишком дорогим мероприятием. Решили ехать на автобусе, но автобус шёл только до Штутгарта, что, как известно, совсем не в Швейцарии, а в Германии. И Христиан с этим вариантом согласилась, приехала за нами на машине.

По фотографиям, записям дорожным можно было много восстановить в памяти, но почему-то этого не хотелось. Хотелось воскресить сам дух, атмосферу этого путешествия. Впечатления от людей и пейзажей. Просматривая одну свою записную книжечку, наткнулся на стиш, это как раз о впечатлениях. Отчего-то вспомнился один рассказ Гашека, как глубокий криминалистический анализ летучего стишка раскрыл так много важных деталей («О! Эти палочки! О, грудь, О, барабан!» — оказалось, что это ассоциации поэта-очевидца с номером машины — 1130, на которой смылись преступники).

Швейцарская тетрадь

*Мы пили сок из одуванчиков,
Гуляли по музеям.
Здесь ни развалин нет, ни Коллизеев.
Всё чисто, всё в порядке,
Даже крыса однажды только пробежала,
Да и то — в квартале
Средних классов.
Мы также ели сыр,
А дорогое мясо
Производило этот сыр
В лугах зелёных.
А горы! Горы были безупречны
В своей остроконечности.
Снегами
Нас освещали,
Когда видны были в тумане.*

Действительно, сок или, может, варенье, из одуванчиков было, только не помню точно обстоятельств. Может быть, Христиан угощала собственным вареньем, это было как раз в её духе. Помню, моя мама как-то сварила из цветков одуванчиков медового вида варенье, как-то это всё связалось...

Дом и город

План наш относительно самостоятельного проживания в квартире тех самых поляков провалился, что было несколько досадно, потому что не хотелось сидеть втроем на голове у хозяйки (мы даже каких-то хар-

чей прихватили из дому для автономного проживания). Поляки из итальянской крепости возвратились раньше намеченного срока (это были, кроме той пары, ещё и её мама с папой и дядя, что ли, они приехали в отпуск из Лодзи), не покидало чувство неудобства ещё и перед ними, всё казалось, что они не догуляли свой отпуск, чтобы оправдать своим присутствием свой отказ приютить чужих гостей. Впрочем, это некая конспирология, доказательств нет.

Крыса действительно присутствовала, выскочила из будки, где стояли мусорные баки, и пробежала по дорожке. Это было на территории, где несколько домов, трёхэтажных, образовывали что-то вроде квартала, это был кооператив, с гаражом подземным, детскими площадками, домиком — залом для мероприятий — от собраний жильцов по делу до банкетов. И цвели огромные сакуры! В одном из домов мы и пребывали. Адреса сейчас не помню, конечно, их надо записывать, особенно если плохо ориентируешься. Вот и мы как-то не записали, надеялись на память.

В один день, освободив Христиан от забот о нашем досуге, поехали в Берн. До вокзала добрались на трамвае, а вечером, на обратном пути, решили пойти огородами напрямик, днём как-то ходили. И немножко потерялись. Был у нас ориентир — бассейн какой-то, нам его Христиан показывала со стороны. Вечер наступил быстро. Не темно на улицах, но пустынно. Не знаю, может, в итальянской части Швейцарии как-то по-другому, но здесь всё на немецкий лад — ни души после захода солнца. Вот и блудим мы, никаких джипизсов в телефоне ещё не было. На счастье, едет какой-то мальчик на велике, провидение его нам послало. Оля, как наш переводчик, машет, останавливает, тот в недоумении. Тогда Оля к нему с невинным вопросом:

— Подскажите, битте, как пройти к бассейну?

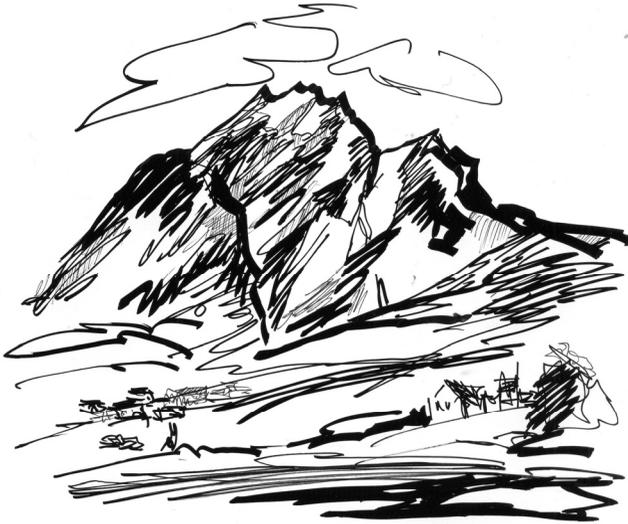
Пустые улицы, темно, тишина.

— А вы что, купаться собрались? Может быть, там уже закрыто...

Надо сказать, что сюжет с незнакомым городом и отсутствием ориентиров был одним из излюбленных в его мелкокошмарных снах. Эти потери направления, предметов и ориентиров. Главное — некого спросить. Неоткуда ждать помощи. Правда, чаще всего какие-то мальчики на велосипедах встречались. Вот когда перестанут, тогда уж совсем плохо.

Гора Пилатус

Христиан расстроилась два раза на этой экскурсии. Первый раз, когда, приехав в Люцерн, увидела, что гора Пилатус закрыта облаками (а ведь с неё можно было в ясный день увидеть такие прекрасные Альпы!). Второй раз, когда на горе, куда поднялись, охранники настоятельно не рекомендовали кормить хлебом чёрных с жёлтыми клювами горных дроздов (они же совсем ручные!).



До чего же красиво место, где построили город Люцерн, эти римляне, хоть и древние, но в градостроительстве понимали толк! Чудное озеро с длинным названием Озеро Четырёх Лесных Кантонов, река, гора Пилатус как фон. Мосты, конечно, мосты! Самый старый, с XIV века, Капелльбрюкке, весь под крышей, деревянный, каменные опоры и какие-то сваи не очень соответствуют ширине реки. Кажется, что река полноводная, горная, быстрая, своенравная, а мост какой-то домашний, как по дороге на рынок. Но самое интересное, нигде в других местах такого не припомню, чтобы мост пересекал реку не по кратчайшему пути — перпендикулярно берегам, а под углом. Идёшь под крышей этого моста, так и кажется, что навстречу тебе — горожанин какого-то там 1300... года рождения.

На гору Пилатус, можно сказать, имени Прокуратора, который не то был здесь с визитом, не то вообще похоронен поблизости, можно подняться либо в кабине канатной дороги (с промежуточной станцией), либо на поездочке с зубчатым колесом, которое толкает его вверх по рельсам. Наверное, можно и по-альпинистски на своих двоих или четырёх (первый такой, описанный подробно подъём был в 1555 году). Мы поднялись на канатке. Далёкая зелень равнин и предгорий внизу недолго радовала, вошли в зону облаков, только туман, скалы и снег. Под самой вершиной горы большая площадка, на которой и два отеля, и туристы, и местный развлекающий народ с гармошками и гигантскими рожками. Видимо, длина музыкальных (сигнальных) духовых инструментов как-то коррелирует с высотой гор, ибо эти рожки выглядят гораздо более массивно, чем карпатские трембиты. И гудят зычно! Кормить дроздов нам не разрешили, мол, птица в природе должна добывать себе пищу сама. Боюсь, что дрозды были другого мнения. У них, кстати, был как раз строительный сезон. Где-то среди скал вили себе гнёзда, тут и там по альпийскому лугу бегали птички с большими усами: это так они собирали сухую траву, полный клюв травинок. Ещё была какая-то тропа с туннелями, где туман и суровость пейзажа как раз работали хорошо: всё это сопровождалось комментариями Христиан о знаменитом местном драконе.

Горой Пилата дневная экскурсия совсем не закончилась, конечно, надо было пойти ещё в какой-нибудь музей. Надо сказать, швейцарские музеи сильно преуспели в просветительстве. Здесь тебе и геология, и оптика. Был такой зеркальный лабиринт в мавританском стиле, огромный калейдоскоп, куда можно было сунуть голову и с другого конца снять все десятки отражений. Недалеко от чистого озера, того самого, с длинным названием, Христиан показала нам объект могучей эколого-просветительской силы: несколько десятков кубометров спрессованного пластика из одного миллиона бутылок! Никаких лозунгов за чистоту окружающей среды не надо.

Водопад

Поехали в городок Нойхаузен-ам-Райнфалль, последнее означает: водопад на Рейне. В путеводителе сказано, что это самый большой в Европе равнинный водопад. Водопады, оказывается, бывают равнинные и горные. Его негорность — это всего лишь 23 м перепада высоты, тогда как Плитвицкий большой водопад, который я когда-то видел в Хорватии, имеет более 70 м, его, наверное, нужно считать уже гор-

ным. Но дело не в высоте, а в том, сколько пронесится воды в этом скачке. Семьсот кубометров в секунду впечатляет! Если вы думаете, что вода существует в трёх ипостасях — жидкость, пар и лёд, то здесь, около замка Вёрт, где смотровая площадка, вы вполне готовы предложить четвёртое состояние: несущаяся, разбивающаяся в пыль, взлетающая, висящая в воздухе, бурлящая вода — и ещё много эпитетов!

Бывает так, что необычность, малореальность явления, будь то в природе, будь то в социуме, просто ощущается, ощущается в первую очередь, предшествуя пониманию, объяснению. Это, видимо, и завораживает. Всё это буйство воды создано движением, падением, скоростью, но, в то же время, всё выглядит как явление стационарное: знаешь, что каждая капля улетает в мгновение ока, но её место занимает другая. И так уже что-то около 15 тысяч лет...

Рейн за послеледниковый период менял своё русло несколько раз! Как считают геологи, та скала, что сейчас торчит более, чем в ста метрах посреди водопада, была когда-то берегом реки. Теперь к этой скале на длинной тупоносой плоскодонке подвозят туристов, которые могут подняться на небольшую смотровую площадку под неизменным красным с белым крестом флагом. Наблюдать за этой лодкой немного страшно, потому что до того, как она войдёт в зону небурлящей воды за скалой, она долго борется с волнами, пока доберётся от левого берега до середины реки.

Существовало несколько проектов поставить силы природы на службу швейцарскому народному хозяйству, например, ГЭС построить. К счастью, нашлись противники из числа водопадолюбителей. Это к вопросу о благах демократии.

Немного о науке

Было бы странно, если бы Христиан не помогла и в каких-то научных поползновениях. Они оказались интересны не столько результатами научными, сколько совпадениями. За несколько лет до этого приключения нашёл меня какой-то молодой аспирант по фамилии Уилсон, из Канады, уж больно нужны ему были моллюски из Днепра. Ещё интерес к украинской дрейссене, которая очутилась в Великих озёрах, не пропал на научных просторах Америки. Поехал я на Днепр, добыл ему образцы, зафиксировал спиртом для специальных генетических анализов, такой случился альтруистический порыв. Но целая проблема оказалась с пересылкой биологического материала. Хорошо, что таможен-

ник посоветовал просто слить спирт из посуды с моллюсками, мол, со спиртом — это пожароопасно. Так или иначе, получил материал аспирант, в диссертацию свою вставил, даже не знаю, упомянул ли меня в благодарностях. Но переписка вялая сохранялась, поэтому о его переезде в Цюрих из Канады я знал. Встретились, опять же, с помощью Христиан. Пообщались, оказалось, что он нашёл какие-то связи с Одессой, Днепр ему больше не нужен.

Вторая встреча была с великаном Южкой. Этот финн стал заведующим гидробиологической лабораторией после Варда, бывшего шефа Христиан. Понятное дело, она и встречу нашу организовала. В просторном кабинете, скорее, лаборатории, висел большущий сухой гидрокостюм. О, наш человек! Пообщались с «нашим человеком», рассказал ему про гидробиологию киевского пошиба. Он немного о своей лаборатории. На том и расстались. Но тут опять пересечения. В начале российско-украинской войны одна из наших коллег очутилась в Цюрихе, через десятые руки просит, чтобы я порекомендовал её Южке, как специалиста, а Южка стал уже где-то в ректоратах большим человеком. Меня эта связь времён несколько обескуражила, Южку, наверное, тоже, когда написал ему. Правда, никаких особых эффектов, дело продолжения не имело. Но он вспомнил! И готов был посодействовать. Молодец, Южка!

По стране

Как ни утомительно принимать гостей, потчевать достопримечательностями, я верю, что совершенно искренне Христиан говорила: «Это всё только привкус, проба страны, вот когда приедете во второй раз...», а мне приходила мысль, как же устроить такие же экскурсии, если она приедет ещё раз к нам? Сейчас всплывают разные детали страны, увиденного маленького её кусочка. Зашли в книжный магазинчик, интерьер старинный, а на полках с десятком бюстиков Ленина. Оля удивилась: «Смотри, так много Ленинов!». А продавец, андерсоновского совершенно вида, или один из братьев Гримм (?) удивился ещё более: «Вы такая молодая, а знаете Ленина?!». Она и СССР знает. А вот, на той же улочке, и доска мемориальная: «Здесь жил Ульянов, он же Ленин». Связь веков.

Кстати, о веках. В детстве в моей коллекции марок, основу которой мне подарил когда-то кузен, меня озадачивала страна неизвестная *Helvetia*. Оказывается, жили когда-то здесь племена хельветов. Это как

когда-то рядом с древними латышами жили племена древних же кривичей, так они до сих пор всех русских «креве» называют. Хельветия, во всяком случае, на марках осталась, хельветы растворились в истории. Теперь швейцарцы, с тринадцатого века всё объединяясь, объединяясь, с начала девятнадцатого дали обет нейтралитета, и процветают себе спокойно. Чем не пример для подражания? Можно ли говорить о современном швейцарском едином этносе, если говорят там на четырёх языках? Не так уж много было моих наблюдений, но ни разу не видел (не слышал), чтобы один говорил по-немецки, а другой отвечал по-французски или по-итальянски. В Киеве вполне обычна картина (с войной, правда, всё менее обычна), когда двое беседуют на двух языках сразу, каждый на своём. Наверное, главное, чтобы государство (а в нём, как всегда, перекося есть, то в идеологии, то в национальности, то ещё в чём) не мешало естественным процессам слияний и разлияний этносов, субэтносов и прочая. При этом, опыт многоязычия Швейцарии, опять же, показывает, насколько неуместно административное управление там, где процессы должны идти естественно. Например, большая часть швейцарцев считает неродным, не своим (значит — «неправильным») немецкий язык Германии, и говорит на своём швейцарском немецком больше половины всего населения, то есть сам собой складывается «язык межнационального общения», межязыкового, в данном случае. И французский у них тоже свой. Есть что сравнить и над чем подумать!

Что ещё там было в поэме? А, дорогое мясо... Проезжали мы где-то около Сен-Галена, интересный такой ландшафт — всё зелёные холмы, будто специально насыпанные. Может, это древние курганы? А по ним коровы бродят, экологические, как сказала Христиан, потому что никаких комбикормов, только травка.



А что, в конце концов, сам Цюрих? Из большого озера вытекает большая же река Лимат. И кажется это странным, потому что приток в озеро как-то неочевиден. Мосты и набережные. Музей, где ваноговский старик в соломенной шляпе, солнечный весь, и Модильяни, и Сезанн, и Моне со своим не то утром, не то вечером в Лондоне. А ещё в музее было много детей, которые сидели на полу и что-то рисовали.

P.S.

Life does not mean to wait until the storm has passed, but to learn to dance in the rain. Жизнь не означает ждать, пока шторм пройдёт, но учиться танцевать в дожде.

Эту фразу, неизвестно кому принадлежащую, прислала мне Христиан. Эта фраза относится к тем предложениям, с которыми спорить сложно. Но дожди бывают разные. Как, впрочем, и танцы. Дело, конечно, не в погоде. Это простенькое иносказание надо понимать, видимо, так: автор принимает такую концепцию — лучше гибкая адаптация, чем долгое пережидание неблагоприятных условий в криптическом состоянии. Вот так интересно — поначалу мы определились с этой сентенцией как с бесспорной, а теперь уже видим два варианта, которые, по сути, равноценны.

Получил от Христиан письмо. Её машина была спрессована между двух грузовиков на дороге. Долго лежала в больнице. Через год получил ещё одно письмо от Христиан. Болезнь. Курсы лечения. Борется...

Не знаю, при чём тут дождь... и что с ним делать?

Дождь по стеклу. Ночь.

Капли, как слезы.

Вижу в окне отраженье.

Я думаю, что когда случилась война, Христиан бы первая позвала к себе. У них же нейтральная страна. Но не равнодушная.

ГРУДЗЁНДЗ

Место — Польша. Время — наше, 2019

Город с таким труднопроизносимым названием (Grudziądz) расположен на Висле, километрах в 50 ниже по течению от Торуня. Когда-то это была территория крестоносцев. Хотя местные историки трактуют несколько по-другому. Это, мол, местный народ пригласил, скорее, нанял, крестоносцев для своей охраны. Так или иначе, остался замок на берегу реки. Хотя эта возвышенность и называется в путеводителе замковой горой, это скорее небольшой холм, но от паводков, очевидно, спасал. Есть ещё башня с собственным именем — Климик — идеальный цилиндр, чудо кирпичного искусства.

Конференция наша была за городом, на озере Рудник, в небольшом отеле, тоже «Рудник». Ударение на первом слоге (ударение на предпоследнем слоге, если их много, это непреложный закон польского произношения, иногда на наше, разнуданное, куда хотим, туда ударение и ставим, и слышим, звучит забавно). Но два раза в городок удалось попасть. Городок как городок. Между крепостной стеной и рекой приятный лужок, за ним широкая въездная дорога в главные городские ворота. Древние ворота, сейчас большого смысла не имеют. Ратуша, пристроенная к замечательному костёлу, высокий памятник неизвестно кому.

Поскольку конференция была посвящена водным проблемам, нас отвезли в город и коллективно, осмотреть уникальный исторический объект — очистное устройство канализации начала прошлого века.

Вот где оно, лицемерие человеческое, проявляется более всего. И это не индивидуально, это биосферно! Все восторгаются незабываемыми пейзажами, свежестью луга, утренней дымкой над городом, милыми улочками, мельницами Монмартра. И это правильно! Но этот «праздник, который ...», будь то Париж, Прага, Москва или Владивосток, имеет и другую сторону, как бы так сказать, не очень праздничную, будничную. Чрево Парижа — это не только разнообразная еда, красота ассимиляции, но и неприглядность диссимляции. Все эти краковы, варшавы, торуня, лондоны, киевы тулились к вислому, сенам, волгам, днепрам не только потому, что нужна была вода потребляемая, но и

вода поглощающая. Вернее, поглощающая речная экосистема. В некоторых местах не только додумались, но и воплотили в жизнь идею — собственные сточные воды очищать. Органика, или, прямо скажем, говно, оно есть естественный продукт и естественно в природе утилизируется (хотя тоже есть пределы возможностей и больших даже рек), а вот мусор всякий надо концентрировать и убирать. Это, в общем, всем известно, хотя и составляет основу целой санитарной науки.

Нам повезло: эти основы излагала поразительно красивая экскурсовод с длинной косой. Явно я как-то погорячился, сделав однажды обобщение, что польская Куявщина не сильно богата красивыми женскими лицами. (Но не исключено, что она была приезжая, может, например, из Украины... или предки киевляне, что не исключено.)

Сама конструкция «очищальни» находилась довольно глубоко под землёй, в огромном колодце (три этажа под землю). Работать здесь было крайне тяжело, в этой атмосфере аммиачной вони, приходилось спасаться водкой, говорят, помогало. Для нас была демонстрация механизмов — вращения зубчатых колёс, вращений каких-то щёток, исторический экспонат был почти живым. Теперь уж находясь в полной музейной чистоте.

Надо сказать, что бактерии, которые разлагают всякие отходы, они, в общем-то, просто находятся на своём исконном месте. Вся биосфера так и устроена: то, что для одних отходы, для других — манна небесная и пропитание. Поэтому для круговорота утилизаторы так же важны, как и продуценты. Не то среди людей. Уж как воспеть хлебопашцы и жнецы, да хлебопёки! Но где ж прославление труда ассенизатора? Однажды (в середине позапрошлого века), жарким летом Лондон так загадил своими отходами Темзу, что и парламенту пришлось эвакуироваться, событие вошло в историю как «Великая вонь!».

Поднимались вверх по крутой винтовой лестнице. На одном из этажей как-то по-ресторанному стояли столики с голубыми скатертями в клеточку. На них корзинки с конфетками. Конфетки были не простыми, а юбилейными. Написано: «120 лет городского водопровода» (соответственно, и канализации).

Что-то вспомнился Чонкин в гостях у его соседа, народного академика Гладышева. Как они дегустировали самогон из утилизированной органики.

Всё относительно, включая брезгливость. Пожалуй, это — в особенности. Где-то в Южной Корее есть парк с золотыми скульптурами дефецирующих людей. Ходят туристы, смотрят, селфи, наверное, делают. По ныне покойному, к несчастью, городу Припять ходил служебный автобус по маршруту, который был указан на табличке: «Центр (или Аптека, точно уже не помню) — Фекалка». Автобус как автобус.

Всё имеет, как минимум, две стороны, обе, в общем-то, равноценны. Более того — диалектически связаны и необходимы.

ЛЮБЕНЬ ВЕЛИКИЙ

Время — 2014 год, весна. Место — недалеко от Львова

Расставляя «Места» по какому-то рейтингу (структура повествования требует, хочешь не хочешь), я совершенно не знал, куда пристроить этот Любень, в соседство с чем. Случайная поездка, санаторий, сероводородные ванны, правда, довольно долго, целых три недели. Но поехал я туда как раз весной 2014 года, в самый пик революционных событий, из бурной столицы на периферию, но окраину знаковую, ту самую, многие ценности которой вдруг стали и в столице на первом политическом плане.

Поезд на Львов — вечерний, значит, надо в купе укладываться спать. Попутчики — пожилой львовянин, несколько навеселе, и всё не может пристроить свои «мешты», поминутно поясняя, что «мешты» это по-львовски — «башмаки». Считает, что в Киеве это необходимо разъяснить. Ещё была молодая дама, из тех, что всегда сетуют на отсутствие гендерных различий в купе поездов, но поселившись среди дам, также бывают многими и многим недовольны. Похоже, что её командировка в столицу не была достаточно успешной. Улеглись. А утром все расстались, как всегдашние случайные попутчики.

Вокзал во Львове был изрядно красив, но неухожен как-то, и площадь при нём тоже была какая-то крайне бестолковая.

— Нет, тут до центра далеко, пешком долго идти придётся, садись на трамвай.

А мне на трамвай пока и не надо было, поскольку направлялся в некое село, а может, городок, Любень Великий. Сероводород там, говорят, прямо по лесу в ручейках. Такое было время, меня в этом селеместечке встретил плакат: *«Любень це Європа!!!»*, а я и не сомневался.

Этот «Великий» Любень¹, который существует, возможно, в противовес или дополнение к некоему «Малому» (то ли вырос из малого, то ли Малый пропал в истории, неизвестно, но в округе отсутствует), пред-

¹ Монорусскоязычный читатель, чего доброго, может подумать, что Великий — это Величественный, ну, как Пётр Великий, отнюдь, это просто Большой.

ставлял собой большой посёлок, скорее сельского, чем городского типа, в двадцати с небольшим километрах от Львова. Поселение в этом месте известно с XIII века. Собственно, известность получил из-за сероводородных источников и торфяных грязей, то есть в бальнеологической области, которая существует здесь чуть не 400 лет. Да и как стационарный санаторий лечебница известна, надо сказать, давненько, с 1778 года.

В начале весны здоровьеискательного народа было совсем немного, как оказалось, на то повлияла и поздняя Пасха, после неё, в начале мая, уж начали собираться стаями. Идя навстречу моей просьбе, ответственная за размещение пообещала в мой двухместный номер никого не подселять. Это, скажу вам, большое благо, даже и для непишущего человека, а я притащил с собой ноутбук, правда, интернетом тут как-то не озаботились (рассмотрев внимательно окрестности, нашёл потом ресторанчик с WiFi-ем). Пора года была замечательная, как раз всё оживало, начинало зеленеть, за эти три недели я прожил с этим лесом, парком целую историю, от почти голых веток до летней зелени. А ещё за окном моего второго этажа было большое дерево с гнездом горлиц. Сначала гнездо было хорошо видно, и птицы уже усаживались на яйца. Потом скрылись в пене белых цветов, а под конец моих ежедневных наблюдений — в зелёной листве. Напротив санаторного корпуса была не то небольшая церковка, не то часовня, явно католических обводов, но передана с какой-то стати православной общине. Ещё был сухой фонтан, скульптура которого имела большие претензии на строгость античности: могучий герой, выкрашенный извёсткой, боролся не то со змием, не то с плезиозавром.

Кроме отмеченного выше сакрального строения, городишко мог похвастаться и монументальным костёлом. Был когда-то здесь и замок со рвами и валами, да всё уже давно травой поросло и сравнялось с землёй. С храмами здесь вообще порядок! На пять тысяч жителей кроме костёла — солидный храм греко-католический, церковь православная. Последняя довольно впечатляющей новодельной архитектуры с некими гипертрофированными луковичками, имеющими сходство, на первый взгляд, с небольшими дирижаблями. Что вполне отвечало стремлению быть ближе к небесам. Есть ещё и хорошо отреставрированный дом, почти дворец, местного, надо понимать, хозяина середины XIX века — Бруницкого. Всё это стало объектами моих архитектурно-ландшафтных пленэров.



Этими пленэрами да ваннами, да поездками по окрестным городкам, да наблюдениями за пробуждением леса было заполнено время. Дубы, огромные, древние, долго стояли по-зимнему несуетно, долго готовились к выпусканию листков. И далеко-далеко улетел мир, из которого однажды позвонили: «Где противогазы нашего отдела?!». Эх, где времена, которые любовно пестовал наш начальник по гражданской обороне Лев Аронович? Давно вы канули в Лету! Начальник сей готовил нас к защите от какого-то мифо-гипотетического врага, а у них там, в том мире, откуда звонили, вполне реальный агрессор стоял почти что у порога. Чёрт их знает, где эти противогазы сейчас, а был большой ящик.

Медицинские истории

Отметив мою заинтересованность историей и элементами краеведения, бывший не то главный врач, не то директор, подвизавшийся ныне на простой меддолжности, презентовал мне свой труд — брошюру с историческими справками о местных краях и самом этом лечебном учреждении. Труд печатный был 2013 года выпуска, ещё до известных событий.

«Великий Любень має свою героїчну, а підчас трагічну історію... [и далее, перевод мой] ...и причина состоит в том, что наши земли посто-

янно пытались поработить, захватить соседи, в первую очередь, короли Польши, Венгрии, московские цари и императоры. Они никак не хотели признавать самостоятельной украинской державности и лживо искажали и фальсифицировали нашу историю, бессовестно считали наши территории своими. Таким образом, население постоянно попадало в хищные руки и когти ненасытных соседей». Привожу развёрнутую цитату, потому что это квинтэссенция местного взгляда на историю с географией, и шире, чем местного. И корни этого внешнего давления уходят в глубокую древность, седую-преседую старину: «Конец I тысячелетия до н.э. — вандалы нападали, а это значит, что ещё до нашей эры с территории Польши уже были нападения на будущие украинские земли...». Мне показалась, что это сродни идее преформизма в биологии: уже в сперматозоиде сидит ма-а-а-ленький человечек, он просто потом растёт. Так, ещё до нашей эры, где-то в бронзовом веке, в истории сидел уже маленький-маленький... скажем, Кучма... и все наши проблемы.

Что делать, подумал он, если между написанием и редактированием проходят годы, и жизнь меняется непрерывно? Не сильно вникая в нюансы, можно было только с горечью признать в 2024 году, что как ретроспекции медика, так и футурология были во многом правильными. Соседи явно проявили себя не с лучшей стороны. Он вполне мог теперь укоризненно заметить: «Я же предупреждал!!!».

Брошюра сия, конечно, не серьёзный исторический трактат, исследование, но тем важна, что отражает некое общественное мнение, распространённый в народных массах взгляд на историю. С другой стороны, это часть того, что, собственно, и формирует этот взгляд. Рондо, в общем.

Когда история абстрактна, скажем так, чужая, то её легче воспринимать как объективное знание чего-то произошедшего. Это история не твоих мест. Но стоит только примерить её на пережитую тобой современность, и оказывается, что ты сам уже не объективен, сам, как и другие, веришь по большей части тому, что подтверждает как-то твои собственные концепции. История популяции каких-нибудь динозавров может быть вполне точно научно, однозначно изучена. История человечества не будет объективной никогда. Может, только для крокодилов.

Присоединение западных областей Украины в 1939 году описано в этой книжке как результат соглашения между СССР и Германией по разделу Польши, что, в общем-то, уж никакой не секрет. От этого периода здесь, на этой земле, остались печальные воспоминания о репрессиях НКВД. Множество раз, с детства, пожалуй, видел те радостные плакаты, призванные оправдать 39 год, который кардинально откорректировал несправедливые, с точки зрения Союза, соглашения Рижского договора. Плакаты, видимо, сильно преувеличивали радость местного населения, было и вполне реальное сопротивление. Призрак Франца-Иосифа, отряды сечевых стрельцов были ближе, роднее. Бывают же воспоминания и о «хороших» империях. Потом пришла нацистская Германия, на целых три года и «на перших порах окупації розпочалося громадсько-культурне і національно-духовне відродження». Сочетание «окупація» и «відродження» звучит, признаться, довольно неоднозначно.

Оккупации. Было над чем задуматься. На своём веку, правда, он был знаком (только по рассказам) с несколькими вариантами. Оккупация в 1941, про которую рассказывала мать, была чёрным временем выживания. Маленькая дочь, хорошо, что потом раздобыли козу, с молоком стало легче, с чего жили и как выживали — непонятно. Расстрелы евреев, мать скрывала чудом спасшуюся из смертной ямы еврейскую девушку, прятала младшую сестру, чтобы не увезли на работы в Германию. Партизанам помогала. И всё время — постоянный страх. Оккупация была страхом, смертельным страхом.

Когда немцы оккупировали Киев, разные учреждения, включая некоторые институты Академии наук, продолжали работать, только часть людей была эвакуирована, но кто-то же и остался. Репрессированному в 30-е годы, но потом оправданному учёному из Института гидробиологии (его организовали накануне войны) Д.Е. Бенингу просто не выдали талон на эвакуацию, то есть билет на поезд (из воспоминаний академика А.П. Маркевича). И пришлось ему работать в остатках института в оккупированном Киеве. Его судьбу разделил и Н.В. Шарлемань, директор Зоологического музея, который был до войны присоединён к Зоологическому институту. Только первый из этих учёных потом оказался в Гёттингенском университете, а второго из Познани (отступали они вместе с немцами) наши вернули в Киев, наукой заниматься не позволили, но хотя бы в лагеря не сослали. В старые советские времена само упоминание этих учёных было

не то, чтобы под запретом, но не рекомендовалось, это он помнил. Как жили рыбы в Днепре, по данным исследований профессора Бенинга в 1941-1943 годах, оставалось для советской науки тайной.

Очевидно, что оккупированные территории и население этих территорий должны работать на благо оккупантов. Да, сказали, наверное, в своё время немцы Скоропадскому: можете создавать свою державу, но она должна исправно поставлять хлеб нашему немецкому (тогда ещё не арийскому) населению. Военные национальные подразделения, как и полицейско-карательные — тоже обычная примета действий метрополии. Австрийцы (вопрос: оккупанты ли они были?) создали войсковое подразделение Украинських січових стрільців, немцы — дивизию «Галичина». К тому можно добавить, что белорусскую деревню Хатынь сожгли с её жителями не немцы, а полицаи сформированного в Киеве полицейского подразделения. Вообще, заметил он для себя, жизнь на «неподконтрольных территориях» всегда для неподконтрольных малоизвестна. Считается, что достаточно знать, что «там плохо или очень плохо». А захватчики, в свою очередь, всегда уверены, что пришли надолго. Например, быстренько переименовывают улицы: Театрален штрассе — это киевская Фундуклеевская, она же (тоже в прошлом) Ленина, она же Богдана Хмельницкого в настоящем. Сегодня как раз на ней немецкое посольство, напротив одного из тех театров. Наверное, всех пришельцев-победителей следует считать оккупантами, но вот, если надолго или очень долго... Можно ли считать римской оккупацией захват и установление римского правления на Пиренейском полуострове (длилось больше, чем полтыщи лет)? Сначала была оккупация, потом — полная перестройка жизни. Разных примеров в истории не счесть.

Насчёт возможной перестройки жизни читаю дальше: «30.06.1941 у Львові з балкона „Просвіти” було проголошено Акт незалежності Української держави». Но немцам что-то в этом балконе не понравилось — и Бандера угодил в тюрьму, потом в концлагерь. И немцы были уже не те, что в 18 году, и фон исторический был уже не тот.

Может, мне неизвестны какие-то особенности тогдашней жизни во Львове, но вот так выйти на балкон и объявить (ещё спрашивается — кому?), что в границах (на сей момент) Третьего Рейха будет существовать некое образование, Независимая (от кого?) Украина... Как, интересно, выглядел план государственного строительства? Каковы планировались границы этого государства? Да и вообще — насколько реально?

Он уж дёрнул за ниточку — клубок завертелся. Клубок информации, цепочки документов. Клубочек показал, что тогда он очень слабо представлял себе ход событий, а уж о причинах можно было строить конспирологические конструкции. Столько десятилетий прошло! Но ведь это было частью мировой истории, которая, подобно кино, имеет совсем немного оригинальных сценариев. История, она, вроде, и похожа на науку, но имеет свои научные особенности. Вроде бы — факты и есть факты, события и есть события. Оценки различны. Посмотрел он разные документы, фотографии, книжки, да и отложил. Был ли действительно балкон? А может — зал? Это всё частности, детали. Понял он, что всё дело было в вопросах. Не «что было?», а «почему было?», «как такое могло быть?». Вопросы рождаются от непонимания, недостатка информации, от желания понять. Его герой-биограф чувствовал, именно в этом месте повести связь пространства-времени. Как, мечтая о своём, национальном, о свободе своего этноса, представляли будущее, в котором неизбежным было разнообразие? Разнообразии граждан. Он понимал, что не охватить всей этой проблемы, да и не стремился к этому. Но его волновала, скорее, не конкретная история, а сама идеология национально-этнической идентичности, на фоне процессов интеграции. Здесь были свои оценки, ибо он не считал неизбежным и исторически оправданным верховенство прав тутси над правами хуту (или наоборот). В чём была эта свобода, о которой как в поэтической форме, так и в прозе выражали свои чаяния пассионарии? И на свободу разный взгляд у разных людей и частей населения. Есть ли разница для мексиканского педана, кто собирает подати и в какую казну — в Мадрид или в Мехико? Кто станет богаче — испанский граф или мексиканский помещик? И что первично — деление людей вертикалями — на А-говорящих и Б-говорящих, или горизонталями — на тех, кто сверху и подчинённых? Надо сказать, что священно-иерархические структуры процветают как в империях, так и в моноэтнических государствах.

История. Просто ряд событий, которые выстроились в цепочку, как бусинки, нанизанные на нитку времени. У каждой горы, каждого моря, каждой реки есть своя история. Понятная геологу, ландшафтоведу. Свои документы. Я люблю рассматривать карту реки Припять: вся пойма в таком кружеве кривых зеркал — это водная гладь стариц, озёр. И все они когда-то были руслом реки, Река меняла течение, оставляя

документальные свидетельства своих странствий. А эти искорёженные тектоникой, вздыбленные пласты осадочных пород, которые так впечатляют на каком-нибудь склоне горы, но которым бы лежать горизонтально! История их определённа, почти по законам ньютоновской физики: если известны силы и объекты, на которые они влияют, то историю можно просчитать далеко вглубь времён, да и в будущее. Совсем не так с историей человеческой. Вычитал у Норберта Винера, того, что отец кибернетики: как просчитать и предсказать форму облака, если каждая частица пара, из которого оно состоит, занимает место случайно? Статистика! Но, заметим, при этом типов облаков совсем немного — кучевые, слоистые, редкие — вымяобразные, перистые. То есть факторы, которые формируют облик, находятся не только и не столько внутри, сколько вовне: ветер, атмосферное давление, температура земной поверхности или океана.

Как похожи исторические судьбы многих государств, народов, империй! Далёких и в пространстве, и во времени. Истории народов то и дело возвращаются к одним и тем же моделям, зачастую с одним и тем же результатом. Глубинные причины не всегда ясны.

Прошло девять лет. Довольно локальная, частная история, которую можно было наблюдать тогда, в 2013–14, на киевском Майдане и других майданах поменьше, стала достоянием всемирной. Может быть, были уголки в лесах Амазонии или пустыне Атакама, в которых бы не слышали теперь об Украине. Кто был ближе, знал некоторые детали, кто дальше — что-то про то, что большая Россия напала на соседнюю Украину. Война была, в общем.

Был конец марта, после недавнего снежного циклона сияло солнце, и это внушало оптимизм. Тот же старый письменный стол, новый ноутбук, лёгкий, прочный, купленный как «компьютер беженца», на всякий случай, а вдруг опять придётся убежать от войны, те же книжки. И всё тот же вопрос, хотя Любень и в пространстве, и во времени сильно отдалился. Вопрос об исторических конвергенциях, совпадении путей, хотя и в разные эпохи, остался. Мысли о совпадениях была навеяна книжкой об Иване Мазепе, с подзаголовком «Життя і пориви великого гетьмана». Дочитав до середины повести, он вернулся к титульной странице: авторы — Илько Борщак, Рене

Мартель, Париж, 1931 год, перевод издан во Львове, в 1991 году. Не исключим вмешательства переводчика начала 90-х, но и тогда не устаёшь удивляться написанному, будто сегодня, сейчас.

Бог с ним, с тем Мазепою, с его идеями, хитростями, жестокостями, любовью, не в нём даже дело. Дело в договоре между ним и шведским королём. Несколько тезисов из документа, который автор, Борщак Илько, нашёл где-то в архивах Франции.

— Его Королевское величество обязуется оборонять Краину и часть Краю казаков, присоединённую к ней (в каких границах мыслилась обороняемая территория, неясно). Посылать туда срочно войска, когда будет необходимо или когда гетьман будет того просить.

— Если войска задержатся надолго, король передаёт их в командование гетьмана или его наследника, и они будут использовать их так долго, как будет необходимо.

— Всё, что будет завоёвано на давних московских владениях, принадлежит победителю согласно праву военному. Но всё то, что будет признано как прежняя собственность украинского народа, будет передано или сохранено для украинского княжества.

— Украинский князь и Генеральная Рада будут управлять и далее в соответствии с правом, каким пользовались до сих пор, в соответствии с давними законами...

Всё это очень напоминало надежды на Евросоюз и НАТО, на их безусловную поддержку, с одной стороны, и сохранение собственной полной свободы, с другой. Зачем это было Карлу XII, не очень понятно. Отхватить кусок территории, которую Россия считала своей, чтобы ослабить противника Петра и иже с ним? При этом не тратить силы на оккупацию Украины, а держать её верным вассалом и охранником границ своей собственной империи? Как ни крути, это был (со стороны Мазепы) план перехода из одной зависимости к другой. Полтавская битва этот план разрушила. Через двести лет Павло Скоропадский создал Украинское государство, и тоже — в условиях оккупации, теперь — немецкой. Эксперимент исторический в начале XX века был интересный, но революционные бури в Германии, поражение Кайзера в Первой мировой, внутренние украинские распри эксперименту помешали. Чудно получилось, что реликтом этого периода сохранилась Академия наук Украины. Это само по себе интересно. Тем более странно, что именно культурные институты страдают во всяких исторических передрягах более всего.

Мазепа как-то не давал покоя. Чтобы ознакомиться с обратной стороной медали, полюбопытствовал, что писали другие историки. За давностью лет мы как-то недооцениваем Карла XII, а ведь в Европе он был тогда очень большой силой! Силу уважали. Даже по нынешним временам представить логистику таких боевых действий сложно: где Швеция — и где Малороссия-Украина? Но армия Карла пришла и, надо полагать, совсем непритворно Мазепа, узнав о вторжении шведов в украинские земли, воскликнул: «Дьявол его сюда принёс!». Но, надо признать, очень выгодно было Мазепе, если бы Карл и Пётр воевали бы между собой подольше. Как ни велико было влияние России-Московии, всё же Украина-Малороссия в часы Мазепы имела большую автономию, хотя бы то, что имела своё войско казацкое, царь ими не командовал, а просил гетьмана привести войска, если надо. Подконтрольная Мазепе территория была под влиянием Москвы, войска которой уже были крепко биты шведами. Мазепа сделал ставку на Карла, вполне реально оценивая его европейскую мощь, но для Карла тот самый договор был, очевидно, не критично важен. Предвидеть итог Полтавской битвы не мог никто. Впрочем, Мазепа мог бы больше помочь шведам и с провиантом, и с воинами. И помог бы, если бы за ним пошли массы. Борщак, который вообще не решается нигде покритиковать славного гетьмана, где-то вскользь отметил, что Мазепа так много сил потратил на создание именно своей национальной аристократии, не потому ли война манифестов (между ним и Петром), информационная война, была им, по сути, проиграна: народ не понял и не услышал его.

Бог с ним, с национально-освободительным романтизмом, никак нельзя исключить и его из планов, мечтаний, даже у таких прагматичных лидеров, как Мазепа. Ведь уклад жизни каждого этноса, который формируется веками, неслучаен. Это огромный опыт отношений с соседними народами, с природой, своим ландшафтом, способами эксплуатации ресурсов и многого другого. Никто не хочет расставаться с этим опытом, никто не хочет насильственного изменения своих традиций. После полтавской Карловой катастрофы и для Мазепы развернулась катастрофа, как и для всея Украины: была разгромлена Січ, этот реликт традиций казацтва, имперское влияние Москвы росло, мир Восточной, да и Западной Европы менялся бесповоротно.

Бог знает, что делать с этими эпизодами и пластами истории?

Ещё мне этот медик-историк поведал, что Галичина вообще-то начинается где-то в испанской Галисии, простирается затем от Франции до

сего Любенья, а может, ещё и дальше. Вообще-то эта легенда, а может, и не легенда, о средиземноморских корнях галичан, в народе жива (известно же, что язык басков близок к грузинскому, эти туда, те — сюда). Действительно, среди галичан встречаются такие лица, чернявые, кареглазые, средиземноморского, в общем, типа. Может, и были такие оккупанты много-много лет назад, да успешно были ассимилированы славянами. Так бывало в истории с незадачливыми (а может, счастливыми) оккупантами.

Ботаника с зоологией

Бог с ней, с историей, вот ботаника здесь чудо как хороша! Парк, старый, видимо, когда-то ухоженный, теперь больше похож на лес. Только кое-где видны следы аллей. Например, аллея из огромных берёз. Множество отдыхающих, болящих, приняв свои процедуры, когда-то заполняли этот лесной ландшафт. По тропинке можно пройти к старому, одному из первых, источнику. Сейчас течёт ручеек с серной водой, да розовое от серобактерий дно украшает его. После краха советской власти начался период упадка в здравнице. Мало того, что в те времена помогали профсоюзы, деловая и оборотистая директриса санатория вышла напрямую на руководство Львовской железной дороги, мол, постройте нам корпус, а мы ежегодно будем лечить бесплатно 100 или больше ваших работников. Сработало. Корпус, столовая. Был даже бассейн. Он, правда, сохранился и до сих пор, но в виде сухого пустого параллелепипеда с голубой внутренностью, меж зелёных кустов. Почему-то разруха всегда соседствует с разными революционными переменами. Бывает, что и наоборот.

Каждый день я ходил в лесные окрестности или в село-городок, выполнять свой ежедневный урок на пленэре. Вот торчит шпилем стройный костёл за изгибом улицы-дороги. Вот речка и весенняя зелень, вот церковь воздухоплавательной архитектуры. Сюжеты находились легко. Может, потому, что сероводородные ванны благотворно влияли как на соматическое, так и на психическое здоровье.

Иногда, на эмоционально-положительном фоне, некоторые детали как-то особо задевают. Ходишь невесёлым, видишь что-то уродливое, ну и что, мне и так гнусно на душе. А вот когда не гнусно, то и мимолётные встречи могут задеть. Это как пятно от «Зелёной ФЦ» на новой белой футболке (и нафиг было надевать белую футболку, когда идёшь на этюды в лес?).

Бетонный космос

Я шёл по тропинке, нет, скорее, по лесной дороге, давно не езденой, поросшей травой, но ещё угадывающейся в лесу. Она стремилась, похоже, в сторону реки. Привела меня к развалинам, сумрачное кирпичное строение. Кирпич был мокр, и цвет был густой, связанный с его воспоминаниями о сырой, живой глине. В торце здания был огромный пролом в виде кривой арки. Рядом были загадочные цилиндрические сооружения, похожие на цистерны, бассейны. Пожалуй, это было что-то, вернее, остатки чего-то, связанного с очистными сооружениями. Большая редкость в наше время. Вот и эти пришли в более соответствующее месту и времени состояние.

Я прошёл мимо какого-то обширного колодца, бетонного кольца, уходящего вглубь, ниже уровня земли, с пластиковым мусором на дне. И пошёл бы дальше, но боковым зрением заметил какое-то движение. Странно, но почему-то среди весеннего дня движение какой-то жизни меня не удивило, не озаботило загадкой, а испугало. Что-то глаз такое бесконтрольно увидел, что первая мысль была: «Крабы! Может, Членистоногие?» — «Фу ты, чёрт, какие здесь крабы?!» — была вторая мысль. Остановился, стал разглядывать, опять же, с каким-то опасением, готовый в любую секунду отскочить прочь. Я пялился на эти полиэтиленовые бутылки, среди них не было прозрачных, всё покрыто какой-то странной пылью. Были они похожи на бельма у брейгелевских слепых. Были и коричневые, выпуклости которых были, как груди босховских негритянок на его триптихе «Рай». Тут и там сияли голубые этикетки и пакеты. В этом круге не было ни одного клочка живой земли, травы или воды. Но была влага на осклизлых стенках, на которых тускло зеленели мох и водоросли. И тут глаз стал различать обитателей этого затерянного мира. Экий впечатлительный! — ну, бетон, развалины, мусор, ничего особенного. Но сильно отдавало какой-то камерной сталкеровщиной.

Обитателями были лягушки. Я бросил на дно ветку, движение возобновилось. Был даже прыжок, но в основном, это было замедленно-испуганное перемещение с какими-то контрактурно-вытянутыми лапками. Достал фотоаппарат, зумом сделал картину более детальной. Как Бейтс в лесах Амазонки про себя воскликнул: «Какое биологическое разнообразие!» — «What fantastic biodiversity!». Действительно, эта нелепая модель биосферы поражала неповторимостью не только общего, но и частных. Вот совершенно красно-коричневый экземпляр. Вот ярко-

зелёная, даже похожа на непомерно большую квакшу. А вот серая жерлянка, как-то вывернула своё оранжево-пятнистое брюшко. Ещё и ещё, разных размеров, в разных позах.

Возможно, в этой сырости собирались какие-то мелкие насекомые, комары да мошки, и служили каким-никаким пропитанием, была в этом концлагере какая-то пища. В боковой стенке заметил конец ржавой трубы, видимо, это и был вход, он же и выход из круга. Но туда никто не стремился. Эта обречённость вызывала не жалость, а скорее брезгливость, и тот же непонятный страх.

У меня ещё была свобода, идти по этой самой малоприметной лесной дороге, хотя и заброшенной, заросшей, ненужной. Идти и, например, размышлять о судьбах народов, которые также вынуждены жить рядом. Однако, это вынужденное сообщество представителей батрахофауны выглядело более гуманным хотя бы потому, что они попросту не приспособлены пожирать друг друга...

Вышел действительно к речке, вот и асфальт в посёлок, на столбе объявление:

Збирання віноградних
Равликів. Телефон:
09724572597¹

¹ Звонить не стоит, это я номер сам придумал.

ЛЬВОВ

Место — город львов (каких львов, откуда?).

Время — лет 30 назад, потом — недавно

Поездка во Львов, давнишняя, вспомнил о ней сейчас, в связи с этим рассказом. Коллективный туризм. Едем всем отделом во Львов! Это как-то стало практиковаться в 70-е, даже ходили по Союзу такие туристические поезда. Львов был для советского человека очень какой-то западный город (Львов да Рига — места съемок фильмов про Запад). Конечно, в ночном поезде выпито было немало, а Тарас, самый шумный и активный, к тому же, долго простояв в тамбуре в беседах после питья, ещё и сильно простудился. Его высокая и понурая от болезни фигура стала какой-то эмблемой нашей экскурсии.

От всего города, кроме чувства прикосновения к архитектуре не нашего вида, осталось, пожалуй, только воспоминание о Лычаковском кладбище. Даже не само кладбище, а то, что кладбище может быть предметом эстетической экскурсии. Что-то в этом было новое и не совсем обычное. Впрочем, я никогда этого элемента урболандшафта, архитектуры не пропускаю, во всех поездках. Ещё были какие-то замки. Итак, город на западе Украины, со многими элементами западности. Тут тебе и барокко, и рококо. И музеи, и кладбище, как музей.

* * *

Прошли годы, как пишут в романах. Из одного места поблизости Львова, где пребывал на отдыхе, можно даже сказать, на лечении, выбрался я в город. В трамвае номер 1 зачем-то был WiFi (западность). Но действительно путь от железнодорожного вокзала, куда пришла маршрутка, до центра оказался неблизкой, можно было бы, например, поиграть в какие-то игры или узнать погоду или новости. Но никакого современного гаджета у меня не было. Поэтому смотрел в окно. А за окном были дома и костёлы. Ещё (долго не мог подобрать слова) внушительный памятник Бандере. Какое-то до боли знакомое пальто, развеваемое ветром истории. Мне как-то одна приятельница на одной экскурсии по западным регионам, кивнув на очередную памятник, сказала: «Это тут местный Ленин». Обилие памятни-

ков могло сравниться, видимо, только с бюстами Ататюрка в Турции. Что-то было в этом от Востока (западная версия). Я вспомнил, как одна наша аспирантка из Львова горько жаловалась, что на каком-то телеканале в конкурсе (!) на самого знатного, знаменитого (выдающегося, может) украинского деятеля победил не Бандера. Представители киевской интеллигенции пожали плечами, мол, это ваша, локальная история. Может, и локальная, но стоит памятник, значит кому-то это нужно и даже свято.



mm

Был это 2014 год, тут и там пестрели плакатные напоминания о «Небесной сотне», совсем близко были ещё события Майдана, а впереди разверзалась бездна многолетней войны (откуда тогда я это знал?). Но город жил, как всегда, своей городской жизнью. Только вот не ожидал я, что постигнет меня такая странная неудача. Я провёл в городе целый день, да ещё в каком красивом городе, но так и не смог найти подходящей точки для путевого этюда. Протаскал в рюкзаке этюдничек без дела. Из всего живописного запомнился только один большой клён, молодая листва которого скрывала какое-то серое барокко.

Путевая тетрадка, записки о поездке в сторону Львова были озаглавлены «Путешествие на Запад». Это разделение Украины на запад и восток существовало как бы всегда, не в смысле стран света, а ментально, с тех пор как она могла считаться географической индивидуальностью. Причины этого разделения скорее внешние, чем внутренние: большее или меньшее влияние соседей. Если принимать, что украинская Галичина это исконная часть европейской Галиции аж до Франции и Испании, то понятно, что это не могло не оставить своего следа на всём. Что-то помешало распространиться этому галицийству до Днепра и за Днепр, вот от этого и разделение. Впрочем, можно пойти и с другой стороны, с восточной.

Комбинат

Наконец-то потеплело и на Галичине. Мелкая суета происходила на львовской площади Рынок, а я зарисовывал перспективу какой-то улицы и прятался в тенёк, в куртке становилось жарко. На груди был фотоаппарат, а в рюкзаке бутылка водки. Мы договорились с Игорем встретиться в центре.

— Привет, Саша, ты где уже? — это он звонит.

— В городе, в самом центре, недалеко от фонтана, дядька голый с трезубом, Посейдон, не, написано «Нептун».

— А, знаю, хорошо, иду.

Мощной была фигура Посейдона-Нептуна, морского властителя, с трезубцем в руке. Несчастная живая скульптура в виде позолоченной девочки в убранстве XIX века притулилась рядом.

Собираясь в эти края, собственно, во Львов, спросил в Галерее у Петровича, нет ли знакомых, с которыми можно было и стоило бы встретиться. Ответ был скорый: конечно, с Игорем, известный и замеча-

тельный керамист, и вообще — хороший мужик. Я всегда старался пользоваться такими знакомствами. Как-то получил адрес в Питере. Незабываемая была встреча с одной художницей, однокурсницей Петровича, да ещё в её мастерской.

Вот и он, встретились. Конечно, не ради меня встреча, а из уважения к рекомендательному звонку из Киева. Несколько помоложе меня, невысокого роста, моей комплекции, симпатичный гид. Никакой особой цели у нас не было. Как человек искусства, повёл меня по галереям, без провожатого так сразу и не найдёшь. Да и будешь ли искать, если нет конкретной цели. Вот современная керамика, не сильно меня интересует, но галерея расположена в чудном дворике, похожем на одесский. Пространство двора всё окружено галереями, нет, не художественными, а просто открытыми балконами, вернее, одним длинным, с которого вход в квартиры. Ещё попали в мы в магазинчик оригинальной, как на киевский взгляд, направленности: сакрального современного искусства. Не иконная лавка, а просто галерея религиозной тематики. Ангелочки, висюльки в виде крестиков, иконки, просто картинки, но обязательно сакрального содержания. Небольшой левкас: святой Миколай летит над землёй, дети с ним и с земли машут, совсем мультяшный стиль, но элементы святости присутствуют. Я этих Николаев не то чтобы собираю, но как-то уже скопилось порядочно иконок, одна, например, из Ликии, как раз из того городка, где святой своей благотворительностью и занимался, другая — из церковки при бывшем царском дворце в Ливадии, ещё одна почему-то из города Толедо. Памятные, в общем. В этих, львовских, краях распространена техника подстекольной живописи, это когда сначала надо написать блик на носу, потом нос, потом лицо, а уж потом — фон. Вот и пополнил свой иконостас таким ещё Николаем. Очень живописным.

— Город у вас замечательный, особенный. Но хорошо бы посмотреть ваши работы, Игорь. Раз уж я здесь.

— На жалость, в доме, где сейчас мастерская, ремонт, всё перетасил в старую мастерскую. На комбинат. Наш Художественный комбинат.

— А у меня как раз в рюкзаке есть.

— Тогда надо закуску по дороге купить.

Ничто не сплавивает мужиков более, чем любовь к искусству и распитие под редиску местной горилки.

Сели в трамвай и поехали вверх, на Лычаковскую. Я вспомнил, что у меня дома есть одна работа Игоря. Нечто вроде фарфоровой белой

братины, или утки-лебедя, на ноге-подставке. Вроде вазы или конфетницы. Когда-то мне ребята из Галереи подарили, наполнив тубиками красок. Юбилей отмечал какой-то, было приятно, свойский подарок. Особенность его керамики именно в этом белом глянце, а ещё в таких вельветовых в полосочку плоскостях, из которых и состояла форма. Мне казалось, что в этих плоскостях, иногда замысловато искривлённых, было что-то футуристическое, техническое. А то вдруг проглянет из-под тонкой пластинки — поля шляпки — личико какой-то героини Ватто. В целом — очень узнаваемо. Впрочем, видел я его работ не так много, чтобы судить об особенностях и характерностях именно его стиля.

Вот, говорят, свой почерк, а чем он отличается от штампа? Последнему почему-то всегда придают негативный оттенок. Но ведь штамп — это инструмент, порой просто необходимый. Почему бы не воздать хвалу Гутенбергу, не только как технарю, а как художнику, который создал новое явление — книжный хор. Согласитесь, рукописная уникальная книга — это, конечно, шедевр, но тираж — это уже нечто другое. Я не имею в виду оформление, уникальность рукописного шрифта, а книгу как целостное явление. Тот же Ван Гог, ведь он в последние годы жизни то и делал, что тиражировал свой стиль, свои длинные мазки, обводки. Можно ли представить, чтобы все его работы были различны по технике? Он нашёл свой метод и включил Гутенбергов станок. Проживи Винсент дольше, к примеру, как Пикассо, тоже бы, наверное, нашёл свой, другой, голубой период. Есть гипотеза, что жизнь на Земле появилась сразу в виде примитивных экосистем, каждая была уникальна. Но смогла продолжиться на три с лишним миллиарда лет, только пойдя по пути эволюции бесконечного тиражирования индивидов. Благо, при тиражировании встречаются опечатки, что и дало пищу биоразнообразию.

Те же Художественные комбинаты времён социализма. Часть их функций была в тиражировании образов вождей. В том историческая правда, любые власти охочи до исполнения в художественных формах, где фараона, где солнцеподобного инки, а то и одного из Ильичей. Однако комбинаты давали художникам материалы, печи для обжига, концентрировали квалифицированных технологов, в этом была своя неглупая логика. В связи с тиражированием прекрасного

вспомнились флорентийцы Делла Роббиа, придумавши майолику, они стали тиражировать разные элементы архитектурного декора, шло, говорят, ещё в XV столетии нарасхват. Дело не в тиражировании, как обычно, а в качестве того, что создано, неважно, в скольких экземплярах. И, повторюсь, тираж — это хор, это другой жанр, в отличие от индивидуального вокала. Хотя, одно другому не мешает, диалектика!

Мы приехали. Поблизости главного здания картина была невесёлая.

— Здесь были стекольные печи. Сейчас напоминает Гамбург после бомбёжки союзников.

— Ну и что же теперь со знаменитым львовским *гутным* стеклом?

— Ничего, равно нулю, почти абсолютному. То же самое с литейным цехом, с керамическими печами. Мы с ребятами скинулись, купили печь для керамики, но слабенькая, с прежними не сравнить. А ещё, так технологии теряются. Ведь бронзовую скульптуру не каждый сможет отлить, это годы учёбы, опыт нужен. А стекло варить!

— Парадокс, но, глядя на Киев, памятников новых появилось немало. Гетьманы, козаки на конях. Где-то же их отливают.

— Чёрт их знает, может, в Киеве мастера есть. Столица. Идея монументальной пропаганды любой власти близка.

Огромный зал, нет, это, скорее, надо назвать цехом. Хотя и были длинные столы, выделены отдельные рабочие места. Расположились мы вблизи собрания работ Игоря, хотя здесь он уже не работает. В дальнем углу цеха я заметил несколько загадочных предметов, и по цвету, и по размеру, и по форме. Это были большие глыбы того самого стекла. Они походили на гигантские капли, их, видимо, выдавливали каким-то прессом из печи, под пылью угадывалось разнообразие цвета. Такой ультрамарин, как в стекле, вряд ли где-то ещё можно найти.

— Да это американец какой-то приезжал. Говорил, что такая стеклянная болванка 20–30 тысяч долларов у них стоит. Но эти по каким-то причинам забраковал, так и остались, на память. Думаю, он за них заплатил, за работу и материал. Он-то сам ничего не делал, только мастерам команды давал, да весь процесс на видео снимал. Бегал вокруг мастеров, творил, надо понимать. А фильм, наверное, классный получился, эффектный: огонь, расплавленное стекло, цвет, свет...

Ни тарелок, ни стаканов не нашлось, да что за беда, когда банкет устраивается в мастерской у керамистов! Нашлись какие-то затейливые сосуды, для редиски — декоративные тарелкообразные предметы. Выпили по сосуду. Не терпелось осмотреть. Пошёл с фотоаппаратом по цеху.

Царство формы как таковой! Ибо ни содержания в этом, ни смысла не просматривалось. Цех разделён на зоны столами-верстаками, стенки увешаны полками. И всюду: на полу, на полках, на верстаках — стояла самая разнообразная глина. Разнообразие было в формах, ибо сам материал был однообразен, серо-зеленоватого цвета, белым он становился после обжига. Игорь сказал, что это была какая-то особая, придуманная и разработанная именно здесь смесь, имела свои особенности обжига. Какие-то ингредиенты привозили аж с Кольского полуострова.

Сосуды, их было среди глиняных предметов большинство, в основном были округлыми, и всё это чем-то напоминало китайскую терракотовую армию в период начала раскопок, когда из земли, из глубины времён, вылезли только черепа солдат. Я бродил между столами, боясь наступить на какой-то керамический образец, я извивался между пыльными поверхностями. Казалось, что всё это брошенное своим маршалом войско хмуро смотрит на меня как на чужого, бесполезного в своём любопытстве человека.

Кроме Делла Роббиа пришёл на память ещё Джорджо Моранди. Его в чём-то однообразные натюрморты со светлыми сосудами. Раньше мне казалось, что это какой-то надуманный, искусственный мир изысканного натюрморта, но нет, весь этот Моранди, полка за полкой, метр за метром реально разворачивался передо мной. Упорный творческий труд, если, как оказывается, стал сизифо-мартышкиным, не даёт законченного результата, удручает и лишает жизнь перспективы.

Я подошёл к нашему живому уголку среди этого танатоценоза. Выпили ещё по сосуду, колбаской и редиской из майоликовой тарелки закусили.

— Послушайте, Игорь, а как мы выглядим на фоне общемирового, ну, общеевропейского движения к прогрессу творчества?

— Что до европейского, то поляки приглашают работать.

— Так езжайте! Ещё многое сделаете. В вашей манере или найдёте что-то совершенно новое.

— Вот, кстати, о манере или даже о новых идеях. Был тут один американец, или англичанин, уже не помню. Посмотрел мои работы

и говорит: «Как так можно распылаться? У вас слишком много тем». А я ему говорю: «Меня, наоборот, многие упрекают в однообразии!» — «Нет, — говорит, — у нас совершенно по-другому: если ты однажды хорошо слепил правую руку, и это стало признанным, её купили(!), то ты уже для всех — Художник Правой руки! Тебя только так и знают, и покупают. Это твой “трейд-марк”». Видите, есть и такие подходы.

— Да, здесь ключевое слово «трейд-марк». Но ведь ты же попадаешь в рабство к этой самой «Правой руке»! Если ты эти вазочки, в своём, уникальном стиле породил, то и должен вести по жизни как своих детей. Скорее наоборот, они тебя будут тащить за собой.

— Но я же могу, имею право что-то попробовать, хочется чего-то нового.

Прозвучало оптимистично, но как-то чересчур, под сводами этого большого саркофага.

Мы поднялись, и хозяин подвёл меня к чему-то, покрытому клетчатой ворсистой материей. Он приподнял её, и там оказалось несколько скульптурных портретов. Милая женская головка, мужественная бандеровка в кашкете сечевых стрельцов, какой-то интеллигент, может, писатель. Материал — шамот розоватого цвета — был близок по фактуре к человеческой коже.



У меня как-то всё сжалось внутри. Это было похоже на процедуру опознания в морге. Вот они — тела, а души далеко-далеко. А мы здесь стоим и пытаемся узнать, что это за люди, чем они жили. И главное — почему эта скорбная экспертиза выпала на нашу долю?

Не исключено, что вся эта территория, как и многое в стране, уже давно продана и только какие-то мелкие нестыковки затормозят процесс воздвижения на том месте какого-нибудь торгово-развлекательного комплекса, казино, отеля, банка. Мне показалось, что к торцевой стене уже ползёт кран с той самой гирей-шаром, как у Феллини, и вот он уже готов сокрушить стены.

Маятник времени, как маятник Фуко — пока летел туда, здесь уже что-то сдвинулось, и черта на песке не совпадёт с прежней. Может быть, эти Комбинаты и Котлованы — всего лишь неудачная эволюционная форма, и подобно великому Пермскому вымиранию 200 миллионов лет назад, которое опустошило моря не ради смерти, а ради жизни нового, все эти перестройки выведут к светлому будущему? Эх, палеозой! Как по-новаторски, удушающее прогрессивно представлялись тогда грядущие стада динозавров!

Ничто не стоит на месте, всё несётся в этом вихре жизни, от малого, так печально поющего сверчка, до целых народов. И «куда же несёшься ты, Русь?», в этом вихре, — вопрошал незабвенный Николай Васильевич, куда несётесь вы, Малая, Белая, Черная, Красна, Великая Руси? Где же та вершина, которой жаждете вы достичь? Нет вершины. Только зыбкая атмосфера, а дальше — пустота, звёзды, планеты. Что же искать среди планет? Нет там края.

— Я же пошёл сторожем в школе работать, от этого искусства не проживёшь, да и через двое на третьи сутки остаётся время для керамики.

Такие истории. Дворник Платонов, сторож Игорь. Видимо, эти профессии есть совершенно необходимое приложение к настоящему творчеству. Что там писал по этому поводу Дали?

— Художник должен быть богат, ибо это даёт ему свободу. А она нужна ему как никому другому.

Но у него есть опасность стать сибаритом. Так свобода трансформируется в рабство второго рода. Бедность порождает несвободу первого рода (простой вариант), богатство — второго рода (сложный вариант). Замкнутый круг и ловушки вокруг. А творить-то надо.

Да, беда с этими творцами.

В июле 2019 года в интернете прочитал:

«У Львові відбулися громадські слухання проекту містобудівного обґрунтування реконструкції будівлі Львівського художнього виробничого комбінату на вул. Козланюка, 17 під готельний комплекс».

Вряд ли можно было ожидать чего-то другого. Но всё-таки хотелось бы послушать эти самые *громадсько-общественные* слушания. У нас всё трансформируется в ту сторону, где земля идёт или под отельные комплексы, или под развлекательные центры. Или под доходные дома. Думаю, что все эти горшки, кувшины, фигурки превратились в черепки. Образовали культурный слой. Слои культуры. Или культуру слоёв?

ДРОГОБЫЧ

Место — на Западе Украины. Время — не так давно, 2021

Это не совсем правильно получилось: древний, исторический Дрогобыч шёл как бы неким приложением к курортному Трускавцу, с его всего лишь столетней историей. В одном туристическом интернет-описании предлагалось соединить эти два городка трамвайной линией, мол, курортникам делать нечего, смотреть в Трускавце не на что, никакой занятой истории, достопримечательностей, пусть шастанут в старинный городок, просвещаются. Но как показали наблюдения, ни тому, ни другому это не надо. Каждый живёт своей жизнью.

Было здесь, в Прикарпатье, когда-то море, да высохло. Остались залежи соли под землёй. Вот это и стало основой существования поселения здесь много веков назад. Был и такой период расцвета: стали добывать нефть, да так рьяно, что вывели Австро-Венгрию на третье место в мире по добыче нефти, правда, это было давно, в XVIII веке. И как написано в справочниках, много здесь было новаторского, например, первое в Европе освещение улиц керосиновыми фонарями. Там, где деньги, там и прогресс.

Благодаря всяческим историческим пертурбациям, которые способствовали спешному освобождению вилл, солидных домов их хозяевами, обширно расположился музей, в нескольких строениях. Вот «Сакральне мистецтво», в одноэтажном, может быть, купеческом доме. (Где бы были все эти экспозиции, и не только в этом городке, если бы не революции, войны? Нового-то специально для музеев ничего не построили. Нет, музей Ленина построили, правда, в столице, правда, сильно давно.) В другом барочного вида доме — Дворец искусств. В этом дворце остатки скарба графа Лянскороцького. Судя по портретам, семейство было большое и древнее, оставшиеся потомки (где они, может, в Сиднее?) на семейные портреты, видимо, своих прав не заявляют. Множество таких портретов история выплеснула на стены разных музеев. Но почему-то именно здесь показалось это большой бестактностью — выставить чужую жизнь на обозрение, вроде бы оправдывая сам факт изгнания этого графа из родового дома. Впрочем, справедливости ради,

стоит признать положительную сторону — хоть что-то благодаря этим, уже музейным, стенам осталось, могло вообще исчезнуть. Музей как таковой, в общем, ни в чём не виноват. Что облуктура, во Львове, выделила из наследия графа, отделив часть в областной музей, то и хранят. Хранят, например, некий сосуд под названием «Аквариум» японского фаянса, литров этак на 100. Роспись кобальтом по белому. Может, и граф (быт этого раскулаченного графа никак не давал мне покоя) держал в нём пару карпов. Но музейная работа требует своего. Мои зарисовки аквариума породили у администрации вопрос, не специалисты ли мы по керамике, не можем ли мы помочь установить, кто же этот Юширо Като, чьё клеймо, как они прочитали смогли, украшает сосуд? Желание докопаться до истины всегда вызывает уважение. Нет, мы не по керамике, но попробуем помочь навести справки, мол, не лыком шиты, и в Японии имеем друзей.



В воскресенье город пуст. Как у добропорядочных евреев — шабат. Вот тебе и встречай, принимай в гости туристов. Кому встречать? Пуст, ибо в воскресенье надо отдать долг костёлу или церкви. Здесь как-то торг неуместен. Это кто как видит, кому-то и обязательные политинформации представлялись естественными, даже необходимыми. На идеологическом фронте не бывает ни затишья, ни перемирия.

В городе была одна из самых больших в Восточной Европе синагог. Хоральная синагога ещё недавно имела весьма жалкий вид, теперь отстроена, как с иголочки. Говорят, за деньги какого-то богатея из Москвы. Удалось посмотреть её изнутри, впервые был в таком заведении. Величественно. Пришлось, правда, кипу надеть (правда, я так и не понял, эта кипа действительно ритуальный головной убор или можно было просто в бейсболке, лишь бы голова была покрыта). Здесь, под сводами, свои исторические справки. Впрочем, оригинальность только в фамилиях жертв и пострадавших от разного рода нехороших людей. Изучая плакаты на стендах, задумался.

Всегда 1939 год официально обозначался как год возвращения Украине (скорее — Союзу) исконных западных земель, ясное дело, Советская власть должна была оправдывать свои действия, сговор с Германией, что она и делала. А тут читаю на стенде: 1939–1941 — «годы советской оккупации». Как это там, «100 лет оккупации»... Тогда, логически рассуждая, 1944–1991 тоже должны обозначаться как аналогичные годы. Что ни говори, здесь своя история и своя география. А главное — своя логика!

При обширности и разнообразии страны Украины, эта региональная история как-то не очень воспринимается как всеукраинская. Свои герои, свои победы. Хотя, если разобраться, если сталинская пропаганда делала из местных героев всесоюзных врагов, то крах указанной пропаганды как раз и должен был привести к возрождению героев.

Зашли в бедненькую галерею современного искусства (но и на том спасибо, всё-таки несколько небольших залов, опять же в каком-то доме из «старого времени»). Вполне симпатичный чей-то был особнячок, недалеко от центра.

— А что раньше здесь было, в этом доме? (Оборот «до революции» в этом регионе неуместен).

— Російська школа.

Понятно, стала не нужна. В синагоге сказали, что евреев в городе не более сотни, а в синагогу ходят от силы тридцать. С русскими, наверное, та же картина, если они вообще ходят в церковь.

Пошли дальше. По улице Ивана Франка. Начало прошлого века, с его нефтепереработкой и некоторым промышленным бумом, оставило много строений со следами модернизма. Очень интересные балконы у этого дома. В виде раковин, кои заставили вспомнить, пожалуй, и Гауди. Надо зарисовать.

А что за дискомфорт, пожалуй — нелепица! Из окна в доме за спиной (стиль — хрущёвская двухэтажка) доносится парадное выступление какого-то телевизионного адмирала:

— С днём Военно-морского флота!!! Ура!!!

Где-то там, в Питере или Севастополе, прогремело в ответ: «Урааааа!!!».

* * *

На остановке маршрутки, которая курсирует между городками, местный таксист приглашает: «В Трускавец? Поехали, по цене маршрутки». Это по 17 гривен с носа, в то время как в самом Трускавце по городу (в любую точку) стоит 60–70.

Опять же, здесь, у них, своя логика.

Ах, да, ещё! Та история с аквариумом имела продолжение. Я написал Изуми Маэда в Токио, мол, что это за такой Като, который делал фаянс столь большими тиражами, что сосуды эти докатились аж до Дрогобыча? Изуми написала в какой-то провинциальный музей керамики, те долго молчали, потом ответили, что этот Като не был выдающимся керамистом, но был предприимчивым человеком, и отправил свои изделия на Всемирную выставку в Вене в каком-то там 1873 году. Ах, как радовались, наверное, в семье тех самых Лянско-роцьких, когда папа притащил из Вены такое заморское чудо! Написал в Дрогобыч, в музей про то, что узнал, поблагодарили, правда, привета и благодарности профессору Маэда не передали. Зато Япония стала как-то ближе.

Есть в городе ещё прекрасная деревянная огромная церковь Святого Юры. Была когда-то, видимо, в центре поселения, но время изменило значимость пространства, центр ушёл далеко. Да что ей центр, она сама — центр.



ХАЙФА

Место — Земля иудейская. Время — конец 2010-х

Хайфа в конце весны была холодна, зелена и дождлива. Гора Кармель и прочие возвышенности трудами многих поколений приобрели вид ступеней, где зелёный склон тут и там обрывался розово-охристым сколом горы. Стайки геометрических домов песочного и белого цвета, будто сбежавших с картин кубистов, цепочками ютились по склонам, обозначая траектории невидимых снизу дорог и улиц.

Это днём, а вечером — только огни. С горы видно, как город под нами развернулся широкой дугой тысяч огней вокруг залива. Сбоку в таинственном свете прожекторов золотился купол главного бахайского сооружения.

* * *

Сегодня целью нашей поездки была деревня художников. Дорога вилась между холмами, мы спускались вниз.

— Несколько лет назад здесь был большой пожар, горели все холмы, — это говорит мне Дима, немолодой, уже практически местный, но из бывших наших, сегодня он меня сопровождает.

На горе мемориал: обелиск, пламя, сделанное из железа, фото сгоревшего автобуса, погибло почти 40 спасателей. А тюрьма, которая на самом верху холма, не пострадала.

Птица с одним крылом

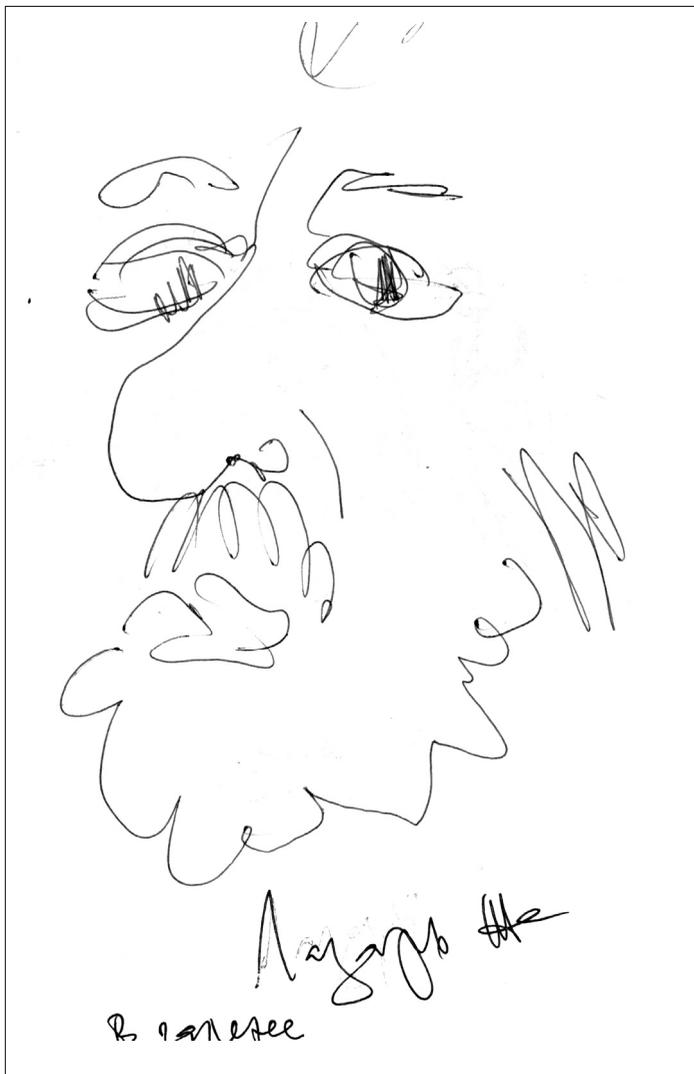
В деревне художников скульптуры на каждом шагу, что и понятно. Тихо и пусто в будний день. На одной улице сильно пахнет цветущее апельсиновое дерево.

Наверное, здесь бывает и многолюдно: вон какой большой амфитеатр, наподобие античного. Будто остался ещё с римских времён.

В галерее, которая, как оказалось, уходила вглубь несколькими небольшими залами, встретил нас Лазарь, седой, курчавоволосый,

с живыми глазами и бойким языком. Мы спросили, где посмотреть малоразмерную керамику, например, глиняные свистульки, и он направил нас к Володе, но сказал, что про свистульки здесь не слышал.

— Свистульки имеют отношение к отпугиванию духов, а у евреев духов нету, у них всего-навсего один Бог.



Володя сидел в своей книжной лавке и поправил нас: «Не Володя, а Вова!». Я стал перелистывать одну книжку на иврите, любуюсь и дивясь незнакомому шрифту, а он заметил:

— Вы держите книгу вверх ногами.

— Но мне так буквы иврита кажутся более устойчивыми. Видите, у них, у многих, такой тяжёлый верх, горизонтальное соединение палочек.

— Может быть, но прочитав так нельзя, Вы просто открыли книгу как европеец — чтобы читать слева направо, а надо справа.

Про свистульки и он ничего не знал. А когда мы спросили, где можно в Хайфе сделать подрамник и натянуть холст, вернее, холст с уже написанной картиной, то он отправил нас к Боре. Тот был на следующей улице, тоже в маленькой галерейке. И он сказал:

— За подрамником надо ехать к Фиме, это в Хайфе, там, в общем-то, промзона, но вы найдёте, я ему позвоню. И он дал нам адрес.

В конце тропинки мы нашли небольшую гончарную мастерскую. Там были гончарные круги, современные, с электроприводом. О, радость коллекционера! В небольшой миске на полке были глиняные свистульки. Они были какие-то странные, изображали собой птицу, но почему-то только с одним раскрытым крылом. У многих было совершенно чётко видно, что этот глиняный отросток был просто отрезан ножом. Я вспомнил, как давно, в Тобольске, в косторезной мастерской Селима, он рассказал легенду про птицу без ног. Она летала и летала, и никогда не могла найти себе места не Земле. Видимо, это была какая-то космическая птица. Здесь же была загадка какая-то, с этой птицей с одним крылом, вернее — с целой стайкой птиц. При таком увечье она не могла взлететь. Надо сказать, что наземные птицы, в отличие от вечнопарящих, встречаются и в природе.

Почему-то эта приземлённая птица сплелась с образами и этого Лазаря, и Вовы, и неизвестного ещё Фимы. Тот московский, или питерский, или киевский двор, в котором прошло их детство, не мог не быть для них родиной. Настоящей Родиной, по рождению, тем местом, которое ты не выбираешь, а получаешь в великий дар от жизни. Вот, улетели сюда, улетели, как та птица, что парит и парит в великих сферах своего великого этноса, а может, бескрыло ушли пешком за простыми земными необходимостями? Да он и сам живёт не там, где родился, сам иногда тоскует о земле, которой уже нет ни в пространстве, ни, тем более — во времени.

На одинокой скамейке под безлистым в этот сезон, но с яркими красными цветами деревом с названием заманчивым африканским — «Эритрина танзанийская» — съели по бутерброду и поехали помаленьку к Фиме в промзону.

* * *

— Как вы туда попали? Надо ехать налево, а вы направо! — Это Фима кричит по телефону, руководит нашим трафиком.

В Хайфе, не знаю, как во всей стране, избегают делать перекрёстки, все пересечения превращают в рондо, на круглых клумбах, кстати, можно разместить всякие скульптурки и растительность. Так безопаснее, тот, кто по кругу, всегда имеет преимущество.

Промзона как промзона: фабрички, какие-то мастерские.

— А я уже вас вижу, — Фима мелькнул в окне.

Фима добывал свой хлеб искусством печати фотографий на холсте и натягивания этого холста на подрамники. Для изготовления последних имел соответствующий станок. Но не имел мастеровитых рук. И холст натянул нам плохо, но сказал: «Я сейчас побрызгаю водой — и он натянется». Развёл, конечно, шекелей на 20. Такой вот Фима. Но он нам дал адрес некого Виктора, который, в отличие от Фимы, не говорил по-русски.

— Он по-русски не говорит, но зато сделает вам раму.

Опять пришла в голову та же мысль. Про избранный народ. Избранный, это, наверное, тот, который вроде как рассеялся, вроде как должен был раствориться, а, напротив, только окреп. А неизбранные куда-то пропали. Люди, может быть, ещё живы, а народа нет. Китайцев тоже много по миру. Но они все вместе не ходили по пустыне. Загадки этносов.

Башня из слоновой кости

Эмма Степановна была довольна и недовольна тем, что я привёз от наших общих знакомых рукопись книги. Книга, их общая, как бы вернулась, вроде бы радоваться было нечему, поскольку дело не доведено до конца. Но появилась возможность всё доделать самой. По своему хотению и своему умению. Коллеги не выдержали какой-то экзамен. Она помогала всем и во всём, но хотелось и немного ответной признательности. Впрочем, это было моё сторонне наблюдение.

Двадцать три года она жила в этой стране, русская, приехала с мужем. И я не слышал от неё ни одного критического слова ни о быте, ни о властях. Все ругают своё правительство, налоговую, пенсионную и судебную систему. Она оставила в России эти атрибуты истинной любви к родине. Может быть, принятие действительности как, в общем-то, лучшего, что могло бы существовать и случиться, и было той приобретённой чертой именно в этой стране. Мне всегда казалось, что конструктивный фатализм свойствен иудеям. Хотя она таковой не была.

Она говорила:

— Это наши солдатики, наши защитники, — когда мы ехали в электричке, а по проходу шныряли пацаны в зелёном и кипах, и с потёртыми автоматами, которые как-то неудобно болтались на длинных ремнях.

— Это наша пустыня, там далеко, в этом районе — важные объекты, — опять с гордостью.

Ни одного прямого слова против арабов или палестинцев, но всегда звучало: они живут по соседству и рядом, и их благополучие очень зависит о нас.

Одно прозвучало как бы упрёком здешним порядкам. Мы заехали на кладбище. В стене, в нише, был портрет, знакомый мне по журнальным статьям и книгам, её мужа, большого учёного, лежали камешки. Положил и я несколько.

— А вот, когда я умру, то меня не похоронят здесь, это же еврейское кладбище. Многое можно изменить, даже в мире. Только не это.

Наверное, это и было главным следствием, но и причиной еврейской избранности. Отделённость от прочих. В общем-то неплохих людей, этих прочих, но... не наших. И тут надо было идти до конца. И после конца: жить вместе можно, разлагаться в прах — нет.

Быт её был прост. И вся жизнь крутилась в доме вокруг некоего подобия столика, скорее — пюпитра, на котором стоял ноутбук. Статьи, переписка, рецензии. Настоящий мир был там — в интернете, никогда не виданных и никогда не увиденных в будущем, но важных людях, делах, идеях. Много корреспондентов было из бывшего Союза, и большинство либо просили помочь, либо предлагали сотрудничество, реально — одно-стороннее. Помочь отредактировать, протолкнуть статью в крутой журнал, побороться с рецензентами. Это требовало времени, и стало его побольше после оформления шести томов трудов покойного мужа. В университете у неё, как у профессора-эмерита, то есть на пенсии, была маленькая комнатка, где вся эта работа, плюс студенты, продолжалась.

— Главное — писать статьи, — говорила она, но потом добавляла: — Живу как в башне из слоновой кости, но у каждого свои привычки.

Надо было заполнить жизнь в такой хорошей, но беспокойной стране. Пожалуй, это удалось.

Музей Ралли

Поехали в музей Ралли! Был совершенно уверен, что это что-то про автогонки. Да, думаю, интересно. У каждого мужчины есть что-то притягивающее к автомобилям, к охоте, к бабам. Оказалось всё не так. Это просто хороший музей искусств. Более, чем хороший.

В полученном буклетике отмечено специально, что расположен музей вблизи водонапорной башни. Действительно, ориентир виден издалека. Конус верхушкой вниз на толстом столбе. Оптимальная форма для водного хранилища. Вокруг — простор. Белое здание, черепичная крыша. Да здание не одно. Огромный двор, окружённый колоннадой в мавританском стиле. Во дворе фонтан из шести струй, которые сливаются в одной точке. Звезда Давида. За фонтаном — бюсты великих евреев. Что не великий человек — то еврей! Колумб, Спиноза, Сервантес. Что из того, что Колумб был еврей? Надо же было кем-то быть. Может, это ему и помогло добиться своего, заветного. Но всегда мне это желание привязать великих к своему этносу казалось странным. Выдающийся татарин, выдающийся украинец, замечательный, непревзойдённый момелуку (есть такое племя на Амазонке). Этническая принадлежность в большинстве случаев рождается с человеком. Не часто бывает, как у художника Вифредо Лама, который до 20 лет считал себя китайцем, а потом — кубинцем. Вот, если бы за звание Великого Еврея надо было бы бороться (не за Великого, а за второе)! Если бы в Великие Евреи, и не только в великие, принимали бы самых-самых, тогда бы это была заслуга! Стоит ли гордиться тем, что досталось тебе даром? Тем не менее, это одна из самых распространённых человеческих слабостей, может, и болезней: гордиться своим происхождением. А может, я и не прав, может, это необходимая гетерогенность, следствие слишком уж широкой экспансии человека как биологического вида? И большое, и самое большое должны иметь свою структуру, а структура есть взаимодействие частей, вот тебе и части. Этносy, расы, племена, государства, рабочие коллективы, просто компания.

Скульптуры мексиканца Марио Агирре были большие, почти в рост, и все эти обнажённые сидящие, стоящие, идущие, беседующие

между собой были по-индейски в меру пышными, и, казалось, что бронза бархатится темной кожей.

А ещё был целый сонм слонов на длинных муравьиных ногах — скульптуры Дали.

Дали-Ралли.

Магазинчик

Вот она, оказывается, как выглядит — машина Времени! «Русский», совершенно некошерный магазин. Надо сказать, я сам давно в России не бывал. Наверное, потому и экзотика. Но нет, присмотрелся, нет, дело не в месте, не в России. А во времени. Интерьер ещё тех гастрономов, продавщицы, так и кажется, что вот начнут считать на счётах, сколько с вас. Да и посетитель — какой-то ещё тот, можно сказать, советский. Я так вошёл в роль путешественника во времени, что даже начал усиленно радоваться тому, что витрины-то не пустые! Да-да, для полного сходства именно этого не хватало: ограниченности ассортимента! Хорошо бы ещё очередь за колбасой вписать. Очереди не было.

Как, оказывается, цепко схватывает память связь места и времени.

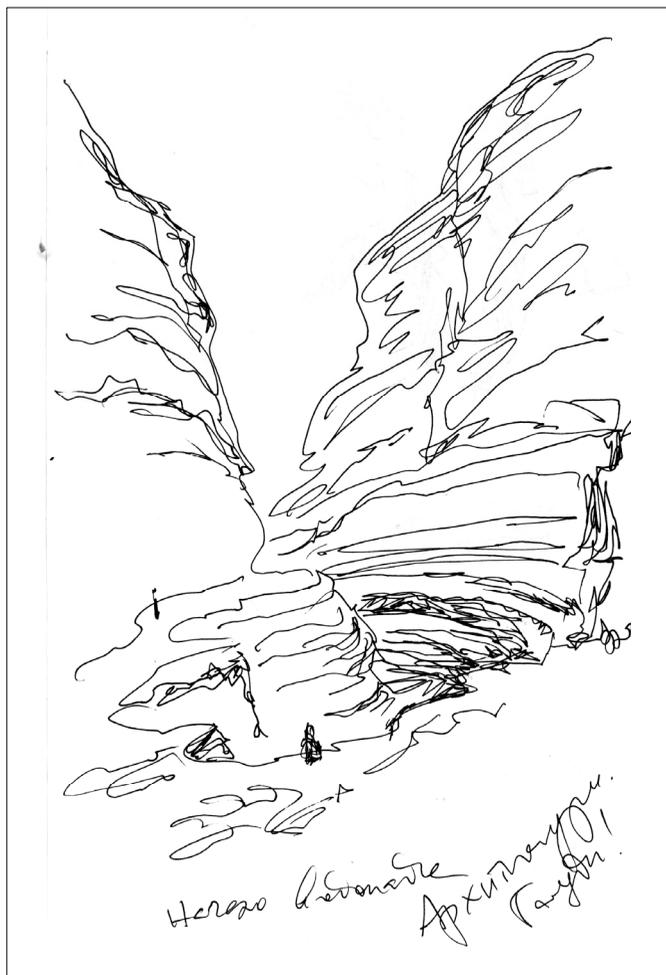
Пустыня

Наше путешествие по пустыне Негев продолжалось два дня. Мы проехали её почти всю, с севера на юг и обратно. Ранним серым субботним утром выехали на юг. Суббота была выбрана для старта не зря — шабат, нерабочий день, меньше будет машин. Да, машин было немного.

На юге — пустыня, ещё южнее — море, уже другое, уже тропическое. Но на море нам не надо. Нужна пустыня, каньон и кратер, это скорее — туристическое, для меня, как для гостя, а по делу — надо поискать какие-то эфемерные водоёмы с какими-то не менее эфемерными водорослями.

Зелени всё меньше, сухой земли всё больше, дальние холмы с сиреневым оттенком. Чудо, что делает эта невидимая, но где-то рядом существующая вода. В понижениях, в ложбинках — какая-то травка, даже деревья. Цвет пустыни Негев обманчив. Скорее желтовато-серый, в дымке — фиолетовые тона. Пологие холмы, покрытые, как где-то в окрестностях Коктебеля в октябре, пожухлой, иссушенной травой. И от этой иллюзии пропадает чувство необычности. Только когда ступаешь на землю, понимаешь, что никакой травы, хоть бы и пожухлой, нет (и не бывает здесь), а это какой-то щебень, камешки, да редкие сухие кустики.

Все каньоны суть перевернутые вверх тормашками горы. Горы пусты. И на вершине этой горы часто можно встретить её причину — хоть реку, хоть маленький ручеёк. Не будучи свидетелями всего целостного процесса, мы не в состоянии сопоставить следствие с причиной. Вся эта уходящая к небу стена, каждый её уступ представляют собой разрешившееся противоречие между горизонтальностью тверди и вертикалью, по которой действуют силы, устремляющие воду откуда-то сверху и куда-то вниз. Может, поэтому каньоны поражают больше, чем горы. Своей необъяснимостью.



Каньон Аведат был огромен. Стены были розовато-песочного цвета. Земля когда-то подняла это дно моря, и осадки были слоисты. Бог ведь, о чем эти слои говорят, наверное, как кольца на дереве: одно тысячелетие было благоприятным для роста, другое — совсем нет.

Я не мог отделаться от мысли, что всё это мне напоминает какую-то архитектуру. Только когда поднялись к небольшому водопаду, меня осенило: да это же Гауди! Та же плавность линий, балкончики, изгиб изящный всей конструкции. Не было только деталей. В этом и различия между Природой и человеком — Природа творит обобщённо, а человек путается в деталях. Да он и сам всего лишь деталь.

Кратер по соседству с городком Мице Рамон оказался совсем не кратером, а огромной длинной впадиной. Какой роскошный ковёр коричнево-фиолетовых тонов, охры, сиены! Мы спустились вниз и оставили машину около какого-то озерца, пошли через холм в долинку. Порадоваться здесь можно было виду замечательной панорамы с голубоватой окантовкой горизонта дальними горами и множеству каменных обломков какого-то серо-карминного цвета. Чуть ли не в каждом обломке были отпечатки окаменевших растений. Листья были большие, значит, и растения были внушительные. Миллионов двести лет тому назад здесь было, очевидно, много воды. И был лес.

Сложности иврита

Валентин Абрамович отказался учить иврит. Когда приехали уже насовсем в Израиль, пришлось задуматься о языковом барьере. Жена пошла учить иврит, надо же как-то общаться с социумом, тем более — с государством. Валентин Абрамович в своей научной работе вполне обходился английским. Вплоть до того, что на компьютере вообще не стало русской клавиатуры. Но интересовался:

— А о чём они там говорят, каковы доминирующие темы?

— Да, в основном, о деньгах, что где подешевле купить.

— Так зачем же я буду учить язык? О чём я буду с ними разговаривать?

Солдаты

Солдат не должен выпускать оружия из рук. Так мне сказали по поводу моего вопроса о мальчиках с автоматами. Хотя они и были в форме. Я думал, что это в электричке патруль, оказалось, просто едут по делам

или в отпуск. Это меня озадачило. Довольно сложно мне было представить мальчика с АКМ в метро, едущего в воскресное увольнение к бабушке на блины. Черт его знает, что у него в голове? Я и в армии их опасался, этих вооружённых мальчиков. Как-то на моем карауле солдатик на посту номер один, в штабе при красном знамени полка, стоял себе, стоял, да как выпустит полпрожка в потолок. Через фанерную стенку барака-штаба сидел начфин, так чуть не под стол залез. Оказалось — некие последствия дедовщины, обиду затаил. Но при чём тут потолок?

Эти автоматчики одинокие, их присутствие было чем-то очень специфичным для страны. Страны, вечно воюющей.

— А у нас солдат надёжен! — было сказано мне. — У вас же не хотят в армии служить. А у нас вся молодёжь хочет служить.

Что-то заставляло безоговорочно поверить в особенности национального войска.

Историческая судьба решила проверить этих мальчиков. Сейчас 2024, год проверки. ЦАХАЛ, ХАМАС замелькало так же, как Украина, Бахмут. Результаты процветания обычно весьма различны, войны, к несчастью, очень похожи.

Сады

Если вы полюбовались сверху панорамой города, остановите свой взгляд на этих террасах, которые, как огромные ступени, спускаются куда-то к морю. Бахайские сады. Внизу не то собор, не то местный Капитолий. Купол золотом отсвечивает, но немного странно, полимерно, пластмассово, может, слишком яркое золото. Можно, обойдя по дороге, попасть к основному входу в эти сады.

Тишина, покой, деревья. Кукольная ухоженность, тщательность до болезненности.

Это не собор, хотя архитектура роднит. Это усыпальница основателя. Гармоничная эклектика. Единичное не может быть ни эклектичным, ни гармоничным. Нужна система, сравнение.

По золотистому куполу — треугольники с каким-то камнем внутри. Напоминает то самое Око, что в христианских храмах. Да на долларах. По бокам дверей — некие символы: пятиконечная звезда, девятиугольник. Павлины-скульптуры в саду чугунного цвета с аляповатой позолотой.

Надо снять обувь, чтобы войти по коврам со стороны бокового фасада в дверь, которая ведёт вовнутрь здания. За аркой сетка-кисея, за ней много подсвечников на десять свечей. Не горящих. Усыпальница. Девочка-служительница, охранница, скорее, наблюдает за туристами.

Был просто склон горы, теперь — очаровательный парк. Была простая земля, теперь — храмоподобный мавзолей. Был человек, теперь — тишина, которой хочется поклониться.

Посади дерево.
Лучше — сад.
Время течёт как река.

Война

Когда началась украинская война, и это Место, хоть и издалека, стало выглядеть неоднозначно. Видимо, не зря один из популярных комментаторов сравнил будущее Украины с Израилем. Мол, ожидает нас многолетняя конфронтация, и не будет надёжного мира, и не будет уверенности в том, что завтра не прилетит что-то «оттуда», с восточного берега. Западный берег, восточный берег... Но не только он, многие пророки не смогли напророчить этого взрыва жестокости там в октябре 23-го. Вот и сравнялись — здесь война, там война. Теперь уже я пишу Эмме Степановне: «Берегите себя!».

LLORET DE MAR

Место—курортный городок в Каталонии, по-местному—в Каталунии.
Время—лет пятнадцать, потом—лет пять тому назад

Нет, к продолжительному времени это место отношения не имеет. В каком-то смысле—полуслучайное место. Один раз он был тут неделю, потом ещё раз приехал, руководствуясь некоторыми (оказалось потом—неточными) воспоминаниями об особенностях ландшафта. На этот раз прилетел в Барселону один. В Льорете тот же променад, тот же пляж, дуга которого охраняется двумя скалистыми мысами. В первый раз он приезжал сюда с дочкой, ей было лет 18, да, она ещё была озабочена подарком-сувениром для своего парня, который, кстати (Не кстати? Нет, вполне подходяще!), стал потом её мужем. В общем, они, папа с дочкой, тогда неплохо провели время, купались, днями ходили по окрестным тропам, рисовали и даже съездили на день во Францию, в какую-то отреставрированную, почти новодельную, крепость. Сейчас было довольно холодно—октябрь. А старые тропинки, несмотря на прибавление десяти лет собственного возраста, оказались довольно короткими.

В основе планов поездки были две идеи. Обе определённо связаны с иллюзиями. Первая иллюзия состояла в том, что успех творчества обязательно определяется переменной места, вернее, связан с поисками особого места, где пишется весело, прямо, как бы, само собой. Освобождение от обыденного, будничного, возможность пожить с некоторой беззаботностью у моря (поехать к морю в несезон...), чему-то должны были способствовать, хотя бы и написанию этих записок. Кроме того, зарисовки и этюды, для чего приходилось таскать с собой краски и даже небольшой мольберт, можно было делать в этих одиноких поездках, не оглядываясь на всегда куда-то спешащих спутников. Другая причина, тоже частично иллюзорная, состояла в том, что эта поездка была приурочена ко дню рождения, да ещё и юбилейного. Казалось, что одному разменять седьмой десяток без лишних гостей, вообще без них, будет как-то спокойнее. Да и просто хотелось провести время исключительно по собственному усмотрению.

Таким образом, основной темой этого рассказа мог быть глубокий анализ образа героя, одинокого старика, если сказать прямо.

Вот тебе Место — и вот тебе Время! Когда предложил жене, мол, поедем вместе куда-нибудь отдохнуть в период моих юбилейных торжеств, чтобы таковых избежать, сам сомневался в искренности этого предложения. Но когда она отказалась, сославшись на большую занятость каким-то мероприятием, даже стало немного обидно. Так или иначе, пройдя все процедуры организации, как всегда — заранее, в каком-то отрешённом, невыспавшемся состоянии оказался в самолёте при полной свободе, ограниченной только траекторией полёта.

Из автобуса, что развозил туристов по отелям, высадили где-то в городе, мол, туда, к пляжам, где первая линия отелей, нам нельзя. Сопровождающая кивнула головой:

— Вы же чемодан свой не забудьте!

С каким-то удивлением заглянул в багажник автобуса: действительно, мой чемодан. Ещё не проснулся, вполне мог так и пойти искать свой отель налегке. Но почувствовал и тонкость намёка: так поучают одиноких стариков, которые приезжают на курорт вопреки не то, что традициям, но каким-то главным законам жизни! Потом отмечал не раз: на этом курорте множество было пожилых, многие — в колясках, кто в самодвижущихся, кто в сопровождении няни. Правда, много было пар, способных ещё передвигаться самостоятельно, обычно взявшись за руки, они бродили туда-сюда. Нет, на этом сосредотачиваться нельзя. Просто, как говорят, в некоторых странах есть спецфонды, чтобы пенсионеров «в несезон» отправлять пообщаться с морем задарма. Я же приехал, как обычно, на пленэр, для поездок по окрестностям, для зарисовок, приставания к местным с вопросами — какова же тут жизнь? Ничего не изменилось, я всё тот же! Это будет правильная стратегия.

Тащился со своим чемоданом на стареньких колёсах, всё боясь, что они отвалятся на стыках тротуарных плит: цок-цок, бом-бом. Пришлось остановить какого-то занятого телефоном полицейского: «Где тут отель «Империал»? Он не знал, даже куда-то позвонил, и там не знали, пока он не додумался спросить у меня адрес. Оказалось, что не «Империал», а «Метрополь». А что? Очень похоже, особенно для славянского, с оттенком СССР, уха.

Бывают же такие чудеса! Встретить такого хорошего человека! Девочка на рецепции по имени Берхиния (Вирджиния, можно и так сказать), подала мне карточку гостя с номером 113. Я сразу почувствовал недоверие ко всему этому отелю.

— Нет, — говорю, этот номер меня не устраивает!

— Вам что, номер 113 не нравится? — (Поняла, она меня поняла!!!)

— Нет, не нравится, — говорю. — ¡No me gusta!

Она куда-то позвонила — и тут же подаёт мне ту же карточку, но с номером — 212! Причём, так искусно исправленным, что мне это показалось каким-то фокусом, если не чудом: вот был один номер, теперь — другой. Мне эта сказочность понравилась, даже очень.

Вид из окна номера был интересный: метрах в трёх, на той стороне улицы, была стена соседнего дома, жёлтого цвета, какие-то балкончики, панно из изразцов — Божья мать (у меня и соседей собственный алтарь!). Уже в самом конце своего пребывания узнал я, что эта щель между домами была действительно полноценной улицей, да ещё какой — имени Мигеля де Сервантеса Сааведра! Если высунуть голову из окна, то можно было в дальнем конце этой улицы увидеть и Средиземное море!

Море нынче было холодным. Пляж практически пуст, хотя на променаде народу много. Осень и здесь, в Медитеранщине, тоже осень.

Часто после своих поездок с этим громоздким оборудованием для живописи спрашивал себя: стоило ли за этой живописной добычей ехать так далеко. С неудобствами? Но бывали одна-две удачные работы, которые оправдывали всё. Кроме того — нельзя поддаваться разочарованиям. С оценками важности зарисовок было проще — за суетой быстрых линий всегда прятались какие-то воспоминания. Кроме памяти оптической или, там, обонятельной, то есть по прямой линии «объект-рецепторы», есть ещё и какая-то сложная двигательная память. Неподконтрольная связь между глазом и рукой, мозг фиксирует линию на бумаге через движение пальцев, движения только ему известного набора мышц. Так я думал, распаковывая чемодан и рюкзак, где были краски и мольберт. Вдохновляясь новым, хотя и не совсем, местом.

Итак, Льорет-де-Мар. Если фонетически правильно, то Джёрет или Йорет, так и в каталонском, и в кастильском вариантах. И тогда был Йорет, и сейчас тоже. Надо ли дважды, а то и более приезжать в одно и то же место? Нет ответа. Сколько ни возвращайся, всё равно это уже не то место, нельзя дважды войти в одно и то же место, реку, лужу и прочие

водоёмы. Но эти отличия можно считать и незначительными. Как карта ляжет. Новое? Хорошо! Знакомое? Тоже хорошо! Главное, чтобы было хорошо.

Довольно быстро понял, что идея писать мемуары была не очень жизненна, потому что на этих курортах свои некие правила, свой быт, свои, скажем так, законы. Можно подумать, что это была первая попытка — уже ездил, уже знал, но всё была какая-то надежда обрести какую-то особенную свободу. Хотя никто тебя не принуждает, тем не менее, появляются соблазны экскурсий, поездок. Другая страна, жалко терять возможность что-то новое осмотреть. Туристическая суета, мелкомиграционное беспокойство.

Состоялось ли бегство в рай одиночества? Рай ли это? И что с этим делать? Во-первых, не будем-таки суетиться, во-вторых, надо осмотреться.

Надо сказать, задумка получилась интересная: писать о Месте, находясь в самом этом месте. Не воспоминания, а реальность.

Что значит —
Возвращение туда,
Где было, может быть,
Получше, чем
Вовне? Что значит —
Возвращение к
Пейзажу? Всё
Те же сосны.
Белая стена. Но
Я уже не тот.
Тогда неужели
Можно говорить,
Что мир не изменился?
Ради Бога!
Считаем неизменным.
Так удобнее, тем боле,
В каком-то смысле
Это — даже правда.
Наверное, и я
Не столько изменился,
Поскольку вижу тот же
Пейзаж морской

И белый пляж,
И те же сосны.
Впрочем, не
Уверен.
Возможно,
Это —
Дань воспоминаньям.

Точно, как этот возникший в путевой тетради стишок, спонтанно бродили мысли: что из того, что раньше был здесь, а если бы не был, что такое старое, и что такое новые впечатления? Казалось, что в этом есть какой-то скрытый смысл. Но смысла не было. Во всяком случае, в том, чтобы искать какие-то несуществующие связи. Вопрос не в том, что воспоминания всё равно приходят, но радуют они или нет? А почему они должны радовать? Ах, эти самодеятельные поэты! Всё им подавай какие-то скрытые смыслы. Совершенно определённо вырисовывалась линия рассказа: человек в возрасте приезжает в место (может быть, он не специально приезжает, потом оказывается, что его влечёт туда судьба), где когда-то было хорошо, какие-то встречи, воспоминания. Из, может быть, ста сюжетов-клише, этот один из популярных. Вспомнился какой-то фильм с Бельмондо, он ещё там какую-то фетишную куртку выторговывал у пожилого туриста. Как раз для кино, где легко путешествовать во времени, хороший сюжет. Но в данном случае — не актуальный.

Сосны

В каждом пейзаже есть какой-то доминирующий элемент, не в смысле занимаемого им пространства, но в смысле какого-то особого акцента. Это индивидуальный взгляд, у каждого свои акценты. Для меня здесь, этакой эмблемой места были сосны. В небольшом парке на южном мысу около деревьев и кустов висели таблички с ботаническими паспортами. Сосна алеппская, или иерусалимская. Название указывает на ареал. Иерусалим — понятно, второе название, видимо, связано с тем самым Алеппо, городом, который был у всех на слуху в последние годы, в связи с сирийской войной.

В общих живописных планах, а эти сосны покрывают все окрестные горы, прибрежные скальные уступы, эффект особенного создаёт

нежно-зелёная внешняя сторона крон. Весь массив зелёного не однороден, а имеет богатый и очень изящный рельеф. Как-то сразу понимаешь, что при всём сходстве моря и гор, ты не в Крыму. При ближайшем рассмотрении бросается в глаза какая-то очень упорядоченная конструкция толстых ветвей, которые создают округлую, аккуратную крону. Ствол тоже красив, он покрыт серебристыми небольшими чешуйками, границы между которыми всё-таки красноватые, что создаёт привычный для сосны тёплый оттенок стволов. Нашей сосной как-то не украшают улиц и скверов, здесь же сосна — вполне декоративный элемент. Очень хороши они были на небольшой площади перед собором Sant Roma, в двух шагах от моего жилища. Самое интересное было то, что стволы этих больших деревьев были там изящно изогнуты, причём все — в разные стороны, явно не обошлось без участия какого-то садовника.

* * *

Его герой, кажется, осмотрелся на новом старом месте. Но, по большому счету, не это было важно, разберётся герой как-то и с маршрутами, и с сюжетами. А вот как «на примере» своего героя уразуметь переход между состояниями — зрелого человека — старого человека? Дело в том, что он был не только объектом, но и субъектом, сам наблюдал, сам присматривался к окружению. Старики стали привлекать его внимание (почти так же, как интересные женщины). Как это там было у Розенбаума? «Уже старушки кажутся родными, а девочки — как куклы заводные...» В первую очередь, эти появившиеся с некоторых пор переживания и мироощущения стоило бы как-то организовать, систематизировать. Уже потому, что смены состояний не хотелось, потому что очевидна была конечность того, в чём происходили эти переходы. Но это была гипотетическая философия, а не реальное восприятие завершения жизни, которое вообразить невозможно. Все эти кладбища, крематории и прочие атрибуты были только внешним оформлением чего-то, что не воспринять никак. А вот галерея образов немощных, разваливающихся — это было реальностью, вполне воспринимаемой. И что из этого следовало? Следовало то, что всё это его как-то занимало, может быть, как занимали толстовских девушек их будущие свадьбы.

Сюжеты

Я привык воспринимать новое место через новые сюжеты. Вот интересный цвет, вот уже готовая композиция, вот деталь, которая организует пространство.

Давно апробированный приём: обхожу возможные маршруты и выбираю сюжеты. Они потом как-то сидят в голове, наверное, идёт с ними какая-то работа там, в подсознании. Целый день впереди, пойдём по известной тропе.

Чтобы добраться до неё, надо пройти вдоль всего пляжа. То есть вдоль всего морского фасада города. Дуга променады, повторяющая изгиб бухты, перспектива обрамляющих её пальм, шеренга параллелепипедов-отелей. В конце, на мысу, силуэтик castell — крепости. Оказалось, кстати, что это совсем не настоящая крепость, а жилой дом, построенный где-то в 1930-е годы, стилизованный под крепостцу, с башней.



Первый сюжет нашёлся прямо под этом нефортификационным сооружением, вернее, если стоять спиной к тяжёлым, как и положено, непреступным воротам. Так приятно видеть прямо готовую композицию! Высокий холм, скорее утёс, часть этого самого мыса, срезан, жёлто-розово-оранжевый скол скалы. Под ним дорога, рядом — лодки на берегу. На холме — дом о двух этажах, простая коробка среди тех самых сосен. А на стене дома — тени от деревьев. Всё. И деталей не так много.

Пошёл по тропе, которая лепилась к скале: оградка, лесенки, тоннельчики. Курортная тропа здоровья по-каталонски. После длинной лестницы вверх, утомившись, присел и увидел сюжет второй. Три больших гранёных камня. На широких, какого-то оливкового цвета плоскостях прямо так и написано: «Сезанн». Сложно объяснить словами, в чём этот эффект, скажем так: у Сезанна плоскость живая, градиентная, а когда уходит от



тёмного к светлому, то на границе этой плоскости — другая плоскость, тёмная, что уже и создаёт систему всей картины. А задний план был из мягких очертаний сосновых крон. Да, ещё акцент важный: яркий белый домик с арочными окнами наверху, небольшой, но сверкающий между зелёным. Третий сюжет нашёлся неподалёку. Сложная композиция из скал, растительности, сбегавшей зелёным потоком по ним, лестниц каких-то, опять же, сосен и белых стен виллы, в дворике которой сосны эти, в количестве двух, вроде как отделились от прочих, как какие-нибудь барчуки от толпы крестьянских детей.

Так и прошёл первый день, который, в общем, определил программу. Во всяком случае — экскурсий.

Дождь в городе у моря

Обидно, оказалось, что на морском курорте плавки стали самым ненужным предметом. Октябрь. Северо-западный угол Средиземного моря. Влияние Атлантики через Пиренеи. Пришёл циклон. Посидеть бы дома. Но, на курорте, как принято, всё настроено на суетливую беготню. Экскурсия, поездки, прогулки по окрестностям. У меня ещё пленэр в дальних бухточках. Совершенно некогда осуществить план, связанный с письменным столом, которого, собственно, в номере отеля и нет, а есть так, нечто, но писать, конечно, можно, что вообще большая удача, бывает, что и без стола вовсе. Зато кресло плетёное вполне удобно.

Йорет — улочки, все в прямых углах. Между тротуаром и домами, между стенами домов, между улицами. Первая, пляжная линия отелей напоминает средневековый город, где было мало места, потому дома узкие и жмутся друг к другу. Но высокие. Приехать к морю в несезон, как писал Бродский, имеет кроме материальных выгод ещё и тот резон, что количество временных, но вполне материальных обитателей существенно снижено относительно возможного летом, хотя как в этом, так и в каждом курортном городе, возможности внутреннего объёма почти безграничны.

Какое милое имею в своих анналах воспоминание. Кавказское побережье, где-то под Сочи. Мы с женой во втором, южном свадебном путешествии (или это было уже на второй год после свадьбы — первое было на Белое море). Тогда можно ли называть его свадебным? Ходим по посёлку, ищем жильё на неделю. Говорят, на неделю нельзя, потому что принято менять постель раз в 10 дней, то есть отсчёт времени — декадами. Неважно. Какой милый фанерный домик нашли! Под огромным инжирным деревом. Впервые попробовал спелый живой инжир. Таких сарайчиков можно было настроить, сколько хватило бы фанеры! Что и делали. А пляжи — они бесконечны, правда, ночью с них пограничники выгоняли!

Летом всё выглядит в Йорете так же, как и сейчас, осенью, включая зелёные сосны, много людей на набережной, но пляж, пляж полон людьми до отказа! Сейчас на пляже пусто. Это создаёт чувство свободы пространства и открытости горизонта. Гуляющих вполне достаточно для создания умеренно праздничной, почти карнавальной атмосферы.

День, как и предыдущие, с утра был облачный. В Sant Roma колокол пробил 11 часов. Этот небольшой собор, надо понимать, Святого Романа, при довольно затейливой архитектуре, с арками, башенками, ещё и затейливо украшен изразцами, в чём-то на манер Гауди. Пора на природу, на сегодняшней пленэр. Пойдём к южным скалам.

Надо сказать, это был удачный выбор маршрута. Ответвление тропы, по которой шастали туристы, привело меня на отдалённую площадку. Вернее, это был тупик тропы, за ним прямо был обрыв. Скала была гранитная, но гранит какой-то рыхлый, настоящий, из гранул, зёрен, откуда и само название его. Эти зёрна осыпались здесь много лет, маленькие терраски, скорее ступеньки, были округлы и сами представляли собой интересный объект для живописи. Площадка моя была какого-то желтоватого цвета, с оттенком оранжевого. А внизу, в метрах пя-

тидесяти, бушевал прибой, но с обрыва вся сложная пульсирующая динамика волн превращалась в довольно статичную картину белого кружева пены вокруг скалистых островков и берега. Динамику прибоя определяла мерная зыбь на море, которая была видна по широкой траектории (вверх-вниз) небольшого туристического теплохода «Neptune», продвигавшегося от пляжей Бланеса к Йорету.

Долго не решался поставить мольберт на этом пятачке. Всё ещё останавливала неудача в Тоссе. Позавчера поехал в Тосса-де-Мар. Милый уютный городок в 12 км (если, как пишут турбуклеты, идти по тропе здоровья по берегу, и километров 25–30, если вилать на автобусе по шоссе). Уютный городок, даже в магазинах ни одного индуса или марокканца, все свои, по-домашнему. Пляж дугой, речка пересыхающая, на южных скалах сохранилась почти что настоящая крепость. По дороге от крепости тропа вилась по обрыву, и скалы ближайшего мыса были, как застывший гранитный водопад. Отличную точку нашёл, да потерпел полное фиаско. Причина тому была, видимо, в материале. Бумага затребовала широкого мазка, плоскостей, а я ничего из них не смог вылепить в этом мелко мозаичном мирке. Да-да, именно «Скалы в Бель-Иль» с этой суетой небольших мазков, импрессионистическая техника в классическом варианте, могла здесь быть полезным инструментом. Только там было море хмурое, а тут пестрота бликов. Солнце пригревало прямо по-летнему, только прохладный ветерок с моря напоминал об осени.

Смирившись уже с неудачей в Тоссе, а также проделав соответствующий анализ, начал писать с верхнего левого угла. Вообще, конечно, много есть разных приёмов, но у меня сложились два, которые приводят к совершенно разным результатам. Если коротко, то «с верхнего угла» — это значит, видя всю работу как бы уже законченной, ты только проявляешь, делаешь видимым для чужого взгляда то, что там, на холсте, уже есть. Правда, есть, только пока перед тобой натура. Отсюда и импрессионистические приёмы: покрывать холст разноцветными точками мастихином именно таким образом — между Моне и Синьяком. Второй приём — «подмалёвок», когда объекты получают сначала свой контур, своё место, а потом происходит что-то вроде раскрашивания. Ни один из приёмов не лучше и не хуже, и выбор зависит, порой, от настроения.

За спиной время от времени появлялись туристы, но не беспокоили. Только Пол (Ирландия) и Жозефина (местная) начали громко восторгаться. Может быть, им просто было хорошо вдвоём в этот солнеч-

ный день, среди скал и зелени. А тут ещё и экзотическая фигурка художника (лично я себе подобных, с мольбертом, ни разу не видел, пленэр вообще уже вымирающий род арт-деятельности).

Пришлось немного поспешить, потому что солнце начало переводить всю картину в контровое освещение. На кустах мирта, покрывающего склоны, неподалёку копошились вполне городские голуби. Неужели они собирали эти красные ягоды? Я попробовал, очень смолистые какие-то. А им, может, и нравятся.

А вечером прошёл обещанный интернетом дождик. Слабенький такой, всего 2 мм осадков. Но прогноз оправдался: осадки были? Были!

По прошествии довольно многих лет встретился ему один поэт, который тоже пребывал когда-то в Йорете, от чего остался стих «Льорет-де-Мар в ноябре»:

*розовее под цвет Риохи
выяснение отношений
голубям достаются крохи
горизонту платок нашейный*

*как жара экономит силы
Лорке я предпочту Мачадо
пересохший фонтан разрыва
выстрел в тире мишень вприпрыжку
и прогулочная строптиво
тень качивает малышку¹*

стих по форме перекликался с поэзией Пабло Пикассо, но написание было более чем понятно.

Поедмте в Монсеррат!

Настал день оплаченной заранее экскурсии, пришёлся он как раз на день рождения, как и было запланировано, то и другое. Почему бы и не поехать в какое-то примечательное место, с минимальными организационными сложностями? Заплатил, сел и поехал, гид всё расскажет и покажет. Есть у этого способа свои недостатки, несвобода, в первую очередь, но за всё чем-то надо платить. Предстояла поездка в Монсеррат.

¹ Это стихи Александра Самарцева.

Что это и где это? И почему туда ездят туристы и не только. Если на Гугл-Земля искать, то это Monestir de Montserrat. Но это и гора Монсеррат, на которой монастырь, собственно, и расположен. По прямой от Барселоны километров около сорока. Поставив точку на карте на горе, провёл радиусом километров 30 окружность — действительно, стоит эта гора, хотя и не на ровном месте, но поблизости гор в 1000 метров нет. Это такой горный кряж, километров до десяти длиной и высотой чуть больше тысячи метров. Метры, в общем, не важны, но гора выделяется своим объёмом, хоть и на холмистой, но не гористой местности. По одной легенде, гора как раз была создана ангелами в качестве украшения ландшафта. Кроме того, они её декорировали. Гиды и путеводители говорят, что название переводится как «разрезанная гора», но на catalan «*резать*» будет «*tancar*», ближе кастильское «*serrar*» — «*закрывать*», но это будет «монте сerraдо» — закрытая гора. Ангелы его знают, что они там резали или закрывали, но вид у горы действительно необычный.

Утро. Мы подъехали к станции местной маленькой железной дороги, которая поднимается в гору, до монастыря. Было довольно туманно, и была видна только нижняя часть горы, остальное терялось во мгле. Но и здесь, а потом ещё и на фотографиях, общих планах, была видна какая-то закономерно повторяющаяся конструкция горы. Представить процесс образования можно было двояко. Мне больше нравится лифт-теория, или аналогия с подзорной трубой. Представьте себе, что на равнине поднимается огромная плоская гора, плато как бы выдвигается из земли, наверху зелёное поле, лес, а окружают его обрывистые склоны. Потом на этом плато посередине поднимается на метров двести новая, с плоской вершиной. И так до высоты больше километра. Вроде как раскрывается подзорная труба. Чередование зелёных галерей и серых гранитных склонов. А венчают всё, как можно увидеть уже там, наверху, около монастыря, забавные такие гранитные «пузыри», не подберу другого слова, для этих продуктов выветривания. Этакие дирижабли, поставленные на попа. Что касается дел рук человеческих, то вызывает удивление и восхищение (если смотреть издалека, с отрога горы, правда, видел только на снимках) некая горизонталь, на которой стоят многоэтажные дома. Не город, но и не ожидаемые древние монастырские строения. Вблизи этот городок на скале стерильно чист, многолюден и замысловато вписан в ступенчатую модель, когда крыша дома есть площадь, по которой поднимаешься к другой, например, соборной площади.

Надо понимать, что от того монастыря, который был основан ещё в 1025 году, не осталось ничего. Особенно после разрушения его в начале XIX века солдатами наполеоновской армии. Как он возрождался, как там появилась главная святыня — Божья Матерь Монсерратская, Бог знает. У всего есть своя история.

Путешествуя по Испании в XIX веке, Константин Скальковский сделал такое замечание в своих «Путевых впечатлениях...» (1873): *«Нет народа в мире, менее склонного к метафизике, чем испанцы; даже религия их так близка к идолопоклонству, что не даёт рассудку почти никаких отвлечённых понятий»*. Это он, конечно, преувеличил. Хотя, надо признать, Иисус пытался изменить суть, но не так уж бдителен был относительно формы. А форма: иконы, храмы, митры, скульптуры, алтари, песнопения — всё это — ох как влияет и на содержание! Сын — понятно, Отец — скорее производное от сына, чем наоборот, а уж Дух Святой! Есть чудо, есть скульптура, вполне материальна, женщины с необычным лицом. И вера в необычные силы, которые, как бы в благодарность за веру в эти силы, помогут, направят, исцелят. Давно уже никто не верит в реальность высоко калорийной манны небесной, но немножко чуда хочется всем. Поэтому нескончаем поток паломников, верующих и не очень, к этой сидящей на троне, с младенцем на руках, скульптуре. Как и нескончаем поток печатной продукции с изображениями, по пол-евро, по два евро, и дороже.

Часть своих немалых доходов монастырь вложил, кроме обустройства экстерьера и интерьеров, в библиотеку (тысячи томов, манускрипты) и арт-музей.

Давно известно, что в музеях, где разрешено фотографировать «Без вспышки!», в выигрыше остаются только те, кто просят: *«Сними меня на фоне Гогена, Пикассо, Мадонны Монсерратской»*, получая свои портреты в приличном обществе. Большая часть экспозиции — старая каталонская иконопись. Есть,



кстати, очень неожиданно, довольно большая экспозиция старой русской иконы, которую выставляет уже много лет какой-то инкогнито, может быть, вывезенная из России ещё в смутные времена начала прошлого века. Особенно запомнился Никола с житием на сочном зелёном фоне, довольно необычном для иконописи, особенно старой (на что указывало наличие ковчежка, выемки, которая образует нечто вроде рамы).

Никогда никакой музей не охватить весь. Вот одно что-то запало в душу, вот другое привлекло внимание. После дня хождения по Эрмитажу, унёс в памяти пару работ Сислея, да несколько Марке. Так и здесь. К примеру, озадачил сюжет необычный. Всякая необычность, как правило, есть следствие недостаточной информированности, скажем так. Дама может быть и простовато одетая, но с благородным лицом, довольно крупного сложения, кормит грудью старика. Дама оглядывается насторожённо. «La Caritat Romana» — «Римское милосердие», так называется картина. Чувства вызвала неоднозначные. Была в этой всей композиции какая-то дисгармония. При всей близости, не было между фигурами какой-то логической связи. А сюжет оказался классическим, хотя и не очень распространённым. По легенде, корни которой усматривают ещё в мифологии этрусков, некий древний римлянин Цимон (может, и Симеон, или Семён) ожидал в тюрьме смертной казни за какие-то грехи. Тюремщики думали, видимо, на чём-то сэкономить, и сняли его с тюремного довольствия, мол, потихоньку сам загнётся от голода. Однако, на свидание с ним дочь его Перо (Перо) пустили, осмотрев, не несёт ли чего съестного. Из сострадания к отцу она стала кормить его своим молоком, видимо, за пределами тюрьмы имела младенца. Это настолько впечатлило тех, кто осудил старика и держал под стражей, что они его помиловали. (Может быть, это самое, последнее — милосердие помилования как раз больше всего и стало причиной появления легенды.) Есть версия притчи, в которой персонажами были мать и дочь. Поблуждав по некоторым источникам, нашёл несколько примеров воплощения сюжета. По правде сказать, самым наивным, но самым жизненным, мне показался фрагмент фрески из Помпей. Была ещё одна интересная работа Макса Сауко, где кормящая была почему-то беременна, с отнюдь не невинным взглядом исподлобья, кормимый — с нимбом над головой. Я потом с работами этого весьма интересного автора из Сибири в интернете познакомился, но это уже другая тема.

Если бы я знал эту историю, то там, в музее, мог бы рассказать её своему случайному спутнику. Нас было в туристическом автобусе двое одиноких старичков. Все парами, а мы — поштучно. Такой себе простой, в тапочках резиновых на босу ногу, жилетке, которая развевалась крыльями, как у летучей мыши. Когда вышли из автобуса, сразу прицепился ко мне. Узнав, что я в музей, пошёл, но был очень разочарован тем, что талончики, выданные нам гидом (в счёт оплаты тура), в музее как билеты не проходят. Это билеты на какую-то дегустацию ликёров монашеских в специальном зале, при каком-то местном гастрономе, где ликёры можно было и купить. В отличие от Прадо или Национального музея в Барселоне, здесь монахи стариков задарма в экспозицию не пускают, но, кажется, была какая-то скидка. Он что-то бормотал себе, осматривая картины, и только около какой-то, очень темной, изрёк: «Чёрный квадрат». Явно скучая, он мне предложил вместе поехать на днях в Барселону, в океанариум.

— Но, извините, как же мы встретимся, я из Йорета, а вы где живёте?

Вопрос мой его озадачил. Где он живёт, так и не сказал. Видимо, расчёт был прост: где его гиды взяли, туда и вернут. Потом мы пошли в собор, и толпа нас разделила, он потерялся. Потерялся он и во второй раз, когда все уже собрались в автобусе. Все на месте? Нет, этого дедушки нет. Дедушку ждали минут сорок, а у меня было какое-то чувство вины. Потом оказалось, что он пришёл на стоянку заранее, но как-то никого не застал, ждал, даже связался с посольством (видимо, российским), а потом уехал сам на поезде вниз, к подножью горы. Об этом как-то узнали гиды, и мы поехали за ним. Туристы в автобусе, особенно одна с каким-то странным акцентом, шипели, но он яростно отбивался и винил во всём организаторов поездки. В чём-то я был с ним солидарен, организация была не ахти какая. До Барселоны 40, до Йорета ещё 60, возвратились поздно. Откуда уехали, туда и возвратились: стоянка автобусов около дансинг-клуба под названием «СССР». В Каталонии любят, видимо, всякую археологию.

Каталонский тупик

День, в который я поехал в Жирону, оказался знаковым для всей Каталонии, да и для Испании. Был объявлен приговор организаторам референдума по независимости Каталонии в 2017 году. Народ вышел на улицы, поначалу протестующие очень резко перекрыли дороги, в том числе железную, толпы парализовали работу аэропорта Эль-Прат.

Возвратился я в Йорет из Жироны, протестующей, переполненной полицейскими и народом, хоть и на своём, рейсовом, согласно билету, автобусе, но поздно вечером. Потом понял, что могло этого и не произойти. Блокаду аэропорта сняли, не без участия полиции, хотя сотня рейсов была отменена. Туристы всегда почему-то думают, что жизнь страны, в которой они пребывают, их не касается. Иногда очень даже и касается. Тем более, что рассчитывать на помощь в этой чужой стране не особенно приходится, примеров масса, ещё с прошлых протестов, что были несколько лет назад. Через пару дней надо было возвращаться домой, напряжённо как-то было.

Почему тупик? Потому что сепаратистские настроения зашли в этой Каталунии так далеко, что уж никак их не усмирить, они будут только углубляться. А центральной, мадридской, (каталонцы полагают — кастильской) власти никак нельзя поступиться принципами унитарности. Для Испании это понятие довольно сложное, ведь сама Каталуния и сейчас автономия. Поступиться нельзя, потому что есть и баски, и канарские сепаратисты. И пошло-поехало. Евросоюз тут слабый помощник, в нём таких проблем хоть отбавляй, а о механизмах каких-то сплочения никто и не думал. На эти темы несть числа уже написанных трудов научных, околонаучных, политических и просто всякого разного, как во славу единства народов, так и во славу независимости и свободы. И логики — абсолютно никакой!

Полёту на северо-восток, домой, предшествовала, как всегда, спокойная ночь. Самолёт улетел даже не в этот день, а как бы почти на следующий, в 23 часа 59 минут. Казалось бы, подарили тебе целый день за границей! Но не тут-то было. Номер надо освободить в 10 утра, и что потом делать до восьми вечера, когда намечен трансфер в аэропорт? Главное — где пребывать. Благо летом — жаркий день и длинный тёплый вечер, хоть купайся иди, а тут уже в 6 часов сумерки. Всю ночь измерял время вместе с колоколом Sent Roma. Он отбивал часы, а я считал удары колокола. Потом опять на час засыпал. Сероватым утром, невыспавшийся и с чувством собаки, выгнанной на улицу, пришёл после завтрака к выводу, что надо отдать 30 евро, за дополнительных полдня, да ещё поспать до 2 часов. Как оказалось, деньги были потрачены не зря. Кроме поправки здоровья и душевного состояния, благодаря некоему стечению благоприятных совпадений, узнал, что трансфер перенесли на 2 часа раньше (всего-навсего). Вот уж действительно, колокол оказался не только не виноват, но даже и оградил от неприятностей. Как

всё-таки хорошо не отставать от прайда. Наш украинский прайд долго мариновали в каком-то захолустном терминале, и всё это больше было похоже на эвакуацию.

Но всё обошлось, толпа украинских туристов из терминала «Д» переместилась в соответствующий «Боинг» от компании «Азур», а с ним — и в столицу Украины

Перелистывая дома путевую тетрадь с набросками и заметками, наткнулся на такой стишок-впечатление:

Ветер с моря
Гонит волны.
И на них видны барашки.
Цвет воды уже зелёный.
Это значит,
Что приходит и
Сюда, как видно,
Осень.

КОВЕЛЬ

Место — западная граница Украины. Время — март 2022

Шёл двенадцатый день нелепой, а потому особенно страшной российско-украинской войны, мы пытались преодолеть оцепенение, пришедшее за недоумением. Какими странными воспоминаниями были учения по гражданской обороне в далёкие 80-е годы. Отрабатывали систему оповещения и эвакуации учреждения в некую точку для продолжения работы в условиях войны. Теперь — ни указаний, ни оповещений. Но делать что-то надо. Сидеть, бежать?

Век коммуникаций не только удобен, но и страшен своей беспристрастностью. Раньше, когда новости передавались из уст в уста, они всегда были окрашены каким-то эмоциями, теперь это ушло. Теперь они окрашены полярностью — нашими эти новости преподносятся или чужими (новостная гетерофобия имеет место быть). Днём ещё можно было как-то всё происходящее отстранить от себя, уйти в обыденное, которое становилось символом чего-то потерянного, и даже начать писать пейзаж, видимый за окном, маленькими мазками, чтобы писать долго, занять время. Там была стройка, два высоких дома, уходящая к горизонту равнина, за которой, ближе к горизонту, были видны далёкие дома города, и на которой белели клочки выпавшего вдруг, в первый день весны, снега. А всё воздушное пространство хотелось заполнить чёрными птицами. Под вечер стаи грачей пролетали перед окнами. Птицы были похожи на самолёты.

Но становилось темно, и ночью было совершенно невыносимо ожидание какой-то беды. Матрац сняли с кровати, положили в коридоре, подальше от окон, под эфемерную защиту внутренних простенков.

Наконец-то дети из Киева уехали со своими детьми. Стало меньше переживаний.

Уезжать, не уезжать... И дом уже не крепость, и дорога полна опасностей. Решились всё-таки на отъезд. Дальше последовал, если

можно так сказать, ряд удач. Первой был разговор с племянником, который вызвался отвезти нас на вокзал. Два дня назад он отправил жену и сына на границу, у него уже был некоторый опыт. Перспектива ехать на вокзал самим, а потом бросить где-то машину никак не радовала. Уже решившись на отъезд, весь вечер как-то вяло собирались, не понимая, что сейчас обдумывание каждой мелочи так важно. А что обдумывать? Всех мелочей не забрать с собой. Не захватить с собой всего этого маленького мирка. Большая беда беженца в том, что жизнь его разделена на два равноценных по значимости, но разных по продолжительности фрагмента, лучше сказать, этапа. Один — это дорога, и она требует своего, поменьше всего, только самое необходимое. Второй, если удачно пройдёт первый — это жизнь после дороги. И он требует всех обычных жизненных мелочей, всего груза этих мелочей. При этом, всё, даже деньги, универсальность которых так важна в мирное время, теряют свою ценность перед лицом неуверенности, неопределённости.

Полки с книгами. Теперь это скорее декор, тем не менее, что бы хотелось взять с собой? Может, эту книжку Набокова? Он много писал о жизни в эмиграции. Но зачем (где-то там) перечитывать детали, если уже и так остались в душе, теперь уже более понятные мне, как читателю, и горечь этого бега, и всё угасающие надежды вернуться.

Рюкзак, сумка и чемоданчик, жизнь покажет, что оставил безрасудно. Но сейчас важно, будет ли она эта жизнь там, вообще.

Прошло два года, и от этих мучительных сборов, и от чувства беды. И вспоминать особо не хотелось, но что-то заставляло разобратсья. Чувство ненастоящести, спектакля, абсурда, нелепости. Куда? Зачем? Почему? Теперь он знал, как прошли эти годы. Это было уже прошлое, то, чего уже нет, но что можно анализировать, вспоминать, переживать заново. Оценивать. За эти два года жизнь не стала более организованной, напротив — менее определённой. Может быть, этого, пришедшего сейчас чувства фатализма, которое, в чём-то ограждает от лишней суеты, тогда и не хватало.

* * *

Слишком рано Влад приехал за нами утром. Так ещё хотелось поперекаладывать вещи, добавлять, вынимать, оставлять, творить рациональное будущее.

— Много берёте с собой, а если придётся бежать или стоять в толпе много часов?

— Бросим, что делать.

Поехали по городу. Дорога то пуста, то пробка. Это из-за блокпостов. Противотанковые ежи, стенки из мешков с песком. Сварные конструкции — эти самые ежи — вносили некую новую графику в знакомый облик улиц. У вокзала было не так уж и много машин, а думалось, что здесь немислимое столпотворение. Влад побежал куда-то и быстро вернулся: «Там на вокзале толпа, все рвутся на Львов. А на 13 пути стоит поезд до Ковеля. Советую на него и садиться. Все боятся ехать близко к белорусской границе, поэтому там будет ехать людей меньше». Действительно, оказалось, что в поезде, электричке, обыкновенной, старой, ржавой, есть свободные места. Нашли себе местечко в первом вагоне.

Сидим и сидим в поезде. А он никак не отправляется. Соседи сказали, что уже два раза меняли маршрут, он сначала был в сторону Львова. Людям всё равно куда ехать, лишь бы на запад, к границе. А не едем, потому что неполная загрузка поезда. Парадокс такой. Не полностью забит. Вон, моя соседка — сама сидит и сумка на соседнем месте. И что такое в Зине (познакомились) есть, что никто не подсел, сумку забрать не предложил, так и ехала. С ней была её домашняя соседка, Татьяна, ехала с одним розовым рюкзаком, потому что в Америку, к дочке должна была лететь, из Гамбурга. Какого Гамбурга? Где этот Гамбург и как до него можно добраться?



Эвакопоезд, вернее — эвакоэлектричка, просматривается, это тебе не плацкорт,ходишь из тамбура в вагон, и весь он перед тобой открыт, как деревенька в долине при взгляде с какого-то холма. Женщины, дети, стариков как-то мало, коты в клетках, собаки, этих больше, всё на виду. Дальше надо пройти — до грязного мокрого туалета через три вагона. Неожиданно, скорее, очень ожидаемо, но — вдруг, тронулись.

В начинающихся сумерках уходят назад городские огоньки. Караваевы Дачи, Пост-Волынский... Потом поля, перелески за окном, мелкий снежок. Плохо видно — грязные стёкла. Диалог «пассажир — машинист». Слышен только голос машиниста на весь вагон.

— А отпусти ты кнопку! Сказал — и отпускаяй!

— Откуда я знаю, когда приедем!

— Кто знает? А никто не знает!

— Куда едем? Как и договаривались — в Ковель.

Никогда не доводилось мне слышать такого бурного общения машинистов с пассажирами. Но это делало тех двух парней в машинистской кабине частью нашего сообщества, всего двух, в самой голове гусеницы-поезда. Их голоса в динамике звучали по-хозяйски, определённо успокаивали, это возвышало тех, кто управлял этим поездом, над всеми остальными. И этот монолог, часть диалога, как-то поддерживал душевные силы, связывал с активной жизнью. Да, это ещё одна сторона жизни беженцев — ограниченность активности: сиди, жди, что за тебя решат, как поступят, куда привезут. И это рождает свою порцию неуверенности и страха.

Так странно получилось, что читал в последнее время то биографию, то романы Набокова, где всё проникнуто этим эмигрантством. И вот оно, тут как тут. С тоской об утраченной жизни. Какая она была, эта жизнь? Мила она сейчас именно своими мелочами, свободой, которую надо было, оказывается, ценить, только как это делается? Ведь это была простая естественная мирная жизнь. Это всё равно, что как-то по-особенному ценить простой воздух, которым дышишь. Приходил на память черныбыльский опыт. Тоже — какая-то чёрная сила, совершенно не неизбежная, вдруг захватила всё, всю жизнь, принесла страх за детей, себя, сломало обыденное, простое, жизненное.

Поезд медленно полз, и всё время казалось странным, что он таки прорывается куда-то в неизвестность, несмотря ни на что, преодолевает невидимые преграды в недружественном пространстве. Все чувства обострились — и опасность была за каждым деревом, которые проплывали за мутными, грязными окнами. Приближалась ночь. Зина выстроила информационный мост «поезд–Киев–поезд–Ковель», кто нас встретит и кто отправит сразу на границу? К счастью, сын её подвёл, никто в Ковеле не собирался нас встречать, и вообще, там комендантский час, какая граница! Сейчас страшно представить себе, что бы было, если бы-таки отправились в ночь, самостоятельно, бежать, стремиться, устраиваться. Организованность, во всяком случае, на этом этапе, победила хаос, во всяком случае, в отдельно взятом регионе.

И у этой многочасовой дороги есть конец. Ночь. В Ковеле на станции встретили волонтеры (это чужое слово сильно прижилось, в силу крайней важности того, что эти люди добровольно и безвозмездно делали тогда) и мальчик военный с автоматом. Проверка паспортов.

— Скільки років? (Моложе 60 лет мужчин не выпускают из страны.) Это ко мне.

— За сімдесят, а що — добре зберігся?

Темнота на перроне, только фонарики налобные, и почему-то все светят в глаза, это встречающие-проводящие, вместо того чтобы осветить нам общую дорогу, светят на нашу небольшую толпу. Куда смотрят, туда и светит...

Начали формировать группы. Наша должны добраться до школы номер 12. Благослови небо этих добрых людей! На автобусе подъехали к школе. Эти фонарики, они как-то совершенно изменили представления о пространстве, времени и событии вообще. Так я и дошел, рассказывая что-то сопровождающему о тяготах дороги, от автобуса до школы, опомнившись лишь на пороге: а где мой чемоданчик? Пошли обратно с местным: «*Спокійно, у нас не крадуть!*». Потом нашёлся чемоданчик, уже в школе, кто-то притащил и оставил в вестибюле. Накормили в школьной столовой. Учителя за официантов, директорша распоряжается, и так уже не один день. Спать уложили в классе на матрасах. Наш оказался надутым и на вид весьма уютным, но на деле — худоватым, воздух из одной половины, что под спиной, вышел

довольно быстро. Хорошо, что прихватил впопыхах два пледа из дому. Плед — это находка для беженца. Зина выискала пледы и здесь, в кучке помощи беженцам всякими тряпками.

Всю ночь девочка, склонная к истерикам (я её ещё в поезде слышал) плакала и кричала: «Я хочу домой!». Мы все хотели домой. Даже несколько собак, которых беженцы прихватили с собой, и те хотели домой, но, к счастью, молчали. Никто не знал, куда деваться самим, а тут ещё эти четырёхлапые. Как славно, если нет у вас собаки, особенно если придётся вам спастись бегством от бомб, ракет, либо каких-то других летающих предметов!

Он лежал на зыбком матрасе, под стенкой, в классе какой-то школы, в неизвестном городке, недалеко от государственной границы той страны, которая уже много десятилетий была его домом, так сложилось. И границу эту теперь надо было пересечь, потому что другое, ранее дружественное (так считалось) государство, используя танки и прочую бронетехнику, уже пересекло эту границу, к счастью, не здесь, а километрах в пятистах-семистах восточнее. В тёмном классе, с окнами, завешанными, как и положено во время войны, когда комендантский час, всхлипывала и плакала девочка, вскрикивая ежеминутно: «Я хочу домой, к папе». Он лежал и думал, что, наверное, хорошо, что Мишка не дожил до этого дня. Тот не принял ни революции, ни национального возрождения, ни всей новой украинской политики. У него была очень старенькая бабушка, а может, и прабабушка, ещё из дореволюционных дворян, она тоже была против октябрьского переворота, может быть, это у Мишки был наследственный синдром неприятия всяких революций. Впрочем, он был не очень здоровый пенсионер, и его мнение и политическая ориентация мало кого интересовали. Но у Мишки была своя концепция мироздания. Вполне хорошо разработанная. И в ней вряд ли нашлось бы место этой войне. Как-то трудно было представить его оценки происходящего сейчас, в Киеве оставались его дети.

— Ну что, Мишка, не ожидал ты всего этого?

— Нет, не ожидал. Суки поганые! Бомбы, ракеты, это зачем?

— Да, конечно, суки. Но, всё на свете имеет свои корни, свои причины. Большинство думает, что дело в одном-единственном шизофренике с маниакальными наклонностями.

— Да нет, тут длинная цепочка: Ирак, Ливия, Югославия, Донбасс, да ещё сколько войн! Это всё следствие того, что война как средство утверждения своей правоты не утратила в глазах людей своей инструментальной ценности.

— Согласен, мы живём в мире, где нет тормоза, который не позволяет перейти каких-то общих границ дозволенного. Доказывая своё, но не войной.

— А что эта война? Когда она началась, в 2013, 1919 или, может, 1653? Когда зародился этот конфликт? А может, в 1939?

— Эти «если бы» в истории! Почти ясно и наверняка понятно, как надо было поступать целым народам, если бы они знали своё будущее и последствия, если они поступят по-другому.

— Понимаешь, все живут в страшном парадоксе. Пока не сказана вся правда, нет пути к решению конфликтов, но правда для каждого — это только то, во что он верит. Сейчас, на фоне очевидной агрессии, предыдущая история как бы всем известна, но она уходит на второй план, хотя всё имеет свои причины. Жертва агрессии есть жертва, упрекать жертву не пристало, но всё-таки отделаться нельзя от каких-то сравнений, параллелей. Помню, как-то мелькнуло по телевизору, в новостях, и отнюдь не с комментариями милосердия: мёртвых людей, по ту сторону фронта, десятками закапывают в общий ров. Одна война не должна порождать другую. Это колесо смерти не должно быть вечным.

— Отвратительно мне любое насилие. Оно основано на неуважении. Знаешь, что стало одним из толчков для решения об отъезде? Ты этой обстановки не знаешь, не довелось тебе почувствовать, когда воеет воздушная тревога, становится очень тоскливо. Особенно остро понимаешь, что ничего в этом мире не можешь изменить. А потом, когда вроде бы затишье, хочется свободы. Люди, вроде бы, ходят по улице, пойду и я. Отнесу картошку, что на балконе, в гараж, в подвал. Сложил в большой рюкзак и пошёл. В гаражном городке один Олег, который ремонтирует машины, сейчас без дела споняется. Перепросились парой слов на злобу дня. Шлагбаум закрыт, а где охрана? Стало интересно, а как бы я осуществил план выезда в сельскую местность, на дачу, если шлагбаум закрыт, и где охрана? Только потом понял, что идти в одиночку среди гаражей было опрометчиво. Обратную иду, в гаражах уже ни души. И на улице пусто, около ворот рынка — встречу парень какой-то, в наморднике от ковида, а может, в балаклаве, лица не видно. Проходит мимо, куда-то стремится.

— Слава Україні!

— Слава, слава, — пробормотал я, ну, не привык я к этим приветствиям, как в западных областях говорят — «Слава Ису», они там так говорят, а я не привык. Но это теперь даже не приветствие, это стало паролем, наш человек или не наш. И не только в географическом смысле. Потому он резко развернулся.

— Стій, хто такий?

— Місцевий, вулиця А, дом Б, квартира В. Картоплю до гаража заносив.

— Документи є?

— Паспорт, показати? — машинально потянулась рука к карману. Он неловко — какой из него вояка! — выхватил из кобуры на груди пистолет.

— Стій, не підходь! А що там на вулиці?

— Нікого немає, у гаражах також.

Развернулся и пошёл быстро своей дорогой. И как-то мне стало ясно, что война она шире, чем я думал. Понятно, насилие, страх, стреляют, но что-то ещё между людьми случилось. И вот, лежу на этом полусдушемся матраце, благодарю простых хороших людей за отзывчивость, жалею, что пришлось рыбок в аквариуме оставить, в том числе и тех, что ты мне подарил...

Стал Мишка куда-то удаляться, уплывать, пришёл-таки тревожный и туманный сон.



Утро, школа, ожидание. После обеда прикатил большой автобус, обещают доставить через границу, и даже до самого польского Хелма. Перед погрузкой жена, почти приблизившись к месту посадки, вспомнила: «А где же мой рюкзак?». Ага, с документами, деньгами. Бегом обратно в школу — лежит, дорогой (в прямом смысле), поджидает («У нас не крадут!»). И так, счёт стал 1:1, кто чемодан потерял, кто рюкзак. Поехали к границе. Граница — это ожидание, ожидание, даже и в мирное время. А тут это всё многократно усилено. Люди, машины, автобусы, опять люди. На украинской стороне зашёл пограничник, поставил печати в паспорта, не вникая особо ни в год выдачи паспорта,

ни в его качество. (Позже мы встретили одну тётю, которая въехала в Евросоюз только с одной справкой о вакцинации.) Зина получила в свой просроченный пять лет назад загранпаспорт такую же печатку, как и все: выезд из страны — X марта 2022 года. Какая там таможня, какие декларации!

И выехали в нейтральные воды, коими были, под нами, под мостом, воды Западного Буга. Было ещё светло, изгиб реки, левый берег, польский, круто изменял течение реки. Берега были невнятного бурого цвета, хотя и отдавали охрой, прошлогодняя трава и остатки зарослей тростника окаймляли поток свинцовой воды, стремящейся, как и мы, в другую страну. Туда же, по направлению к Атлантике, двигался и поток людей, то менее, то более плотный, но не прекращающийся. Женщины и дети, дети. Всё темнее, темнее, вторая ночь. Закономное сплошь слилось в какую-то однородную картину, без деталей. Была одна доминанта — неизвестность. Мост соединял теперь, а река разъединяла два мира — мирный и военный. Вирус, пандемия, которые тоже были эмблемой беды, неуверенности, он не признавал границ, и это по особому спланивало человечество. Война разделила всё вполне чётко, на разные миры. Мирный мир был небезразличен к нуждам военного: палатки, столы, вода, бутерброды, но всё это ещё там, на другом конце очереди из автобусов, людского потока.

— У меня только одни трусы! За мной!

Череда женщин спускается по трапу автобуса. Никакого туалета. Мост. Ушли куда-то в хаос темноты, света фар, огней, теней. И мне пришлось пристроиться у какого-то автобуса. Атмосфера исхода. А люди всё идут, идут, а мы стоим, и фары в воздухе позднего вечера светят тревожно, будто впереди не мир, а всё та же дорога беженцев, без конца. Впрочем, дорога действительно была, для многих очень даже непростая, но они пока этого не знали. Вот и Большая Евросоюзовская Земля! Да, действительно, война была пока ещё только на острове.

Вышли из автобуса. Строения польского погранперехода, очередь в зале к двум окошкам: отметки в паспорте о въезде в Унию. Опасения, что могут, как пять лет назад, когда ехал в Польшу, отобрать колбасу, не оправдались. Ввози что хочешь. И про деньги не спрашивали. Глобальная переоценка ценностей. Если каждый бегун имел с собой хотя бы доллар, то уже в Унию поступило 2, 3, 5 миллионов. Правда, некоторые ценности сохранили своё значение: Зина для тех, кто обещал встретиться в Варшаве, ещё в Ковеле прихватила блок сигарет.

— Кто хочет ехать на Варшаву, собирайтесь в центре зала! — это уже вокзал Хелма. Сформировали группу на вагон — и отправляют к поезду. Какие длинные переходы, какая тёмная ночь. Чемодан непосильной тяжести стал, лестницы бесконечные перехода на какой-то там путь. Ещё когда работал украинский телефон, получали СМС из Германии, мол, в Варшаве вас встретят. Жена брата мужа подруги, Ася. В три ночи должны быть в Варшаве.

Оказалось, что рассказ был совершенно не о месте, о времени. Наверное, всякий, убегающий от катастрофы, не верит в линейность, необратимость процесса. Вынужденное перемещение предполагает (хочется верить!) какие-то циклы, возвращения.

ВАРШАВА

**Место — Восточная Европа, но скорее — Центральная,
а по настроениям — Западная. Время — мирное и военное**

Когда-то, возвращаясь из командировки, из одного польского города, что ближе к Балтике, шесть-семь лет назад, я прикидывал не то, чтобы план, но общую канву очерка в некую, тогда гипотетическую, книгу о местах, где в жизни пришлось побывать, главу под названием «Варшава». Здесь как раз и надо было пересечь на поезд до Киева. Собственно, тогда было всего два часа между поездами, и смог я прогуляться в окрестностях Двожеца Центрального, мимо той самой высотки «Подарок Сталина», немного по парку Свентокрыскому да по Маршалковской.

Я хотел начать так: «Перспектива Маршалковской — одна из самых унылых, когда-либо виденных мною». Пройдя немного по парку, окаймлённому рядом голубых пластиковых сортиров, полюбовался народными гуляниями, были даже какие-то состязания. В спортивных группах преобладали инвалиды, это обозначало, что кто-то подумал о том, что и они тоже должны где-то и как-то отдыхать.

Около парка висится бывший, скорее — полунастоящий Дворец культуры и науки: в двери северного, заднего, непарадного фасада ещё входили люди, а на верхних этажах зияли черные дыры окон. Брошенный, но частично.

Вид высотки-подарка от советского тирана, но где-то и послевоенного триумфатора, которую вообще-то надо было причислить к объектам всемирного архитектурного наследия, наводил на грустные мысли о бренности всего. Во всяком случае — эпох. Фигуры-колоссы внизу, у подножья небоскрёба 50-х годов, олицетворяющие силу и могущество народа, впечатляли не только размером и формами, но и содержательностью поз! Особенно силён был один каменный персонаж, который держал толстенную книгу, в недрах которой была вся мудрость мира, и называлась она — огромные буквы на каменной обложке — «Kapitał». Каменные, железобетонные, керамические муляжи книг, осо-

бенно таких, тоже — некий символ эпохи, уже нынешней. Какая разница, есть ли под каменной обложкой буквы и мысли, если никто читать не собирается. Опыт шумеров, с их керамическими страницами летописей, был воспринят, как это часто в истории бывает, несколько извращённо. Теперь, в связи с украинской войной, точно найдут деньги на снос небоскрёба и построят какой-нибудь «Шератон».

Вспомнились прежние приезды сюда, когда работали в конце 80-х совместно с польскими коллегами на озёрах, и поезд Киев — Варшава исправно привозил нас в Польшу каждое лето, довольно много раз. Однажды пошли в Музей искусств (прекрасная экспозиция), в другой приезд — пошли через Вислу на рынок, он же стадион, уже, правда, начинавший зарастать лесом. Литовские и калининградские граждане мешками продавали янтарь, китайские — всякие тряпки в кругах расположенных ларьках и магазинчиках вокруг стадиона. Говорили, что это самый большой такого рода рынок в Восточной Европе, в Западной они были как-то ни к чему, а может, просто не пробовали организовать. Хотя, у рынков, как у многих элементов биосферы, есть важное свойство самоорганизации.

Тогда, в конце 1980-х, вспоминаю, бросались в глаза новые для нас, приезжих из СССР, элементы непонятной нам тогда польской окружающей среды — брошенные пластиковые бутылки, теперь — брошенные вдоль улицы электросамокаты. На неброшенных то и дело проносились по тротуару подростки. Как и тогда, удивляла ненужность некоего ценного предмета. Зачем тратить силы, материалы, чтобы потом валялось? Бутылку можно было приспособить для массы нужных дел, можно из старых делать новые. А уж ненужный, брошенный самокат, его, хоть, как бутылку, не заберёшь себе, для более разумного использования, поскольку он от какой-то фирмы, чья-то собственность, но уважение надо иметь! Это как-то не укладывалось в рациональную модель социума.

* * *

Мартовской ночью 2022 года Ася с Янеком встретили нас на перроне вокзала Варшава-Всходня, уже опустевшем от по-тараканьи быстро разбежавшихся беженцев. Две высокие молодые фигуры и мы — два уставших до чёртиков старичка. Они сняли для нас, для отдыха, номер в отеле, но тут мелькнула альтернатива отдыху. Встре-

тились с попутчиками по электричке, ещё той, теперь казавшейся такой далёкой, на Ковель. Мы ждали Асю на перроне минут 10–15, а Татьяна уже стояла в зале вокзала с бесплатным билетом до Берлина. Как-то неудобно стало отказываться от гостеприимства поляков, о чём мы потом немного и жалели, а немного тому и радовались.

Водитель такси, в котором ехали в отель, оказался земляком. А, земляк, как-то сам собой вырвался вопрос:

— Ну, и как тут живётся?

— Десять дней назад была жизнь более счастливой. Мало приходится спать. Только что вернулся с границы, гуманитарку отвёз, своих забрал. Они из Кривого Рога добрались. Кошмар, что на границе делается.

— Мы сами только оттуда, правда, с чуть более спокойного участка.

Поспать на хорошей кровати в отеле «Арамис» прекрасно, только нет ни чайника, ни стакана, пустота районной гостиницы. И такой тоской от этого неуютно повеяло, таким эмигрантским несчастьем, что выть захотелось. Конечно, кипятильник с собой, архаика советских командировок. Но коренным образом впечатления не изменяет. Приехали поутру Ян с Асей — и двинули мы на вокзал. Да, конечно, надо было ночью брать билет, очередь километровая в кассы, хотя и поразительно быстро движущаяся.

— Два билета до Берлина.

— Бесплатных уже нет, есть за 210 злотых на завтра на 6 утра.

— Давайте хоть эти. Хорошо, что пять лет три сотни злотых хранил, на всякий случай. Случай, к сожалению, как вообще, так и лично для моих злотых, пришёл.

Обманчиво, ох, как иллюзорно, показалось, что мы просто в отпуске, просто едем куда-то в гости, сделали остановку у друзей. Никак мозги не хотели переключаться на реальность. Делать нечего, завтра так завтра, с утра так с утра... Ян сообщает, что его тётя Доня ещё со вчерашнего дня нас ждёт. И поехали мы к тёте по варшавским улицам, оказалось недалеко, в варшавский двор, в варшавскую квартиру.

Как, наверное, любому путешественнику, мне всегда было Интересно, а что там за окнами, в этих домах, особенно в домах не наших. Всегда казалось, что там какой-то особый мир. Это как в каком-то лесу — гнёзда все разные, есть обычные, простенькие, есть очень замысловатые. По сути, гнездо, это как продолжение самого обитателя, оно

с ним связано. Так и ближнее пространство человека — самый ближний и самый замкнутый его мир. Я ещё помню времена, когда мы ходили друг к другу в гости. Устраивали застолья. Мы открывали двери дома для друзей, а бывало, и для случайных попутчиков. И это было нормально, часть жизни. Взять бутылку, снедь, посидеть на кухне, поболтать. Пригласить домой на день рождения (прекрасный повод раз в год навести порядок в доме, «люди придут!»). Потом это стало уходить. Совместные трапезы переместились в кафе, ресторанчики. Спрашивается, о какой политической проблеме можно спорить до хрипоты в кафе? Время определило место, а место — стиль и содержание коммуникаций.

Квартира тёти была о двух комнатах, окна выходили в большой двор. Типичный городской: дома, дома, несколько деревьев, но больших. Картины на стенах. Это тётя начала после выхода на пенсию рисовать, да так увлеклась, что есть на что посмотреть, скажу я вам. Впрочем, для Польши, с её традициями, хотя бы и той же плакатной рекламы, разнообразной живописи, это не удивительно.

Встретила нас Доня, полное имя — Доната, добрым столом.

— А, Doniu, a wódeczka jest, hyba?

— Oj, Alaksandrze, oczewiszcze!

Европа, все-таки, неудобно спрашивать, видимо, бывают тут и такие, что водку не пьют — нет! сразу бух — бутылку на стол. Наши люди — славяне! Выпили мы за счастье, за победу, за дружбу между народами. Хорошей, как всегда, оказалась польская водка. Вот теперь пришёл релакс! Нафига нам этот Берлин! Билет есть, хоть и рано надо вставать, и застолье удалось. Картины посмотрели, похвалили, о живописных приёмах поговорили, о политике тоже, хотя и поверхностно. Пойдёмте-ка погуляем.

Поскольку были мы в центре города, где всё концентрируется, что люди, что символы времён, на улицах был как будто праздник. Праздник жёлтого и голубого света и цвета. Украинские флаги, дома подсвеченные. Солидарность, в общем. Маршрут был для меня, особенно поздним вечером, незнаком, шли к королевскому дворцу. Город, что сверкал перед нами, был очень красив. Вот так — два взгляда, два строения.

Ну, конечно, дорогая Доня, ты встала с нами в пять утра. Конечно, пришло такси вовремя, хотя, как ты говорила, в случае чего дойдём до

вокзала пешком, тут недалеко. Приехали, конечно, на вокзал слишком рано, стояли, ждали. Говорили ни о чём, и так было всё понятно: спасибо за приют, вряд ли увидимся ещё, но будем помнить эту встречу. Пока можно было видеть из окна вагона, Доня махала нам.

* * *

Так сложилось, что теперь в Варшаве живут дети. Беженцы, но уже привыкли, хотя, говорят по телефону, очень тянёт домой.

ААХЕН

Место — Германия.

Время — времена холодной войны, потом — горячей

Хотя можно поставить это Место в главу о призрачных Местах, на самом деле оно оказалось полупризрачным. Очутился-таки там, правда, ненадолго.

Был у меня в 1983 году первый раз в жизни шанс самостоятельно поехать за границу на конференцию, научную, какие-то инфузории, раковинные амёбы, честно сказать, большим специалистом в них я не был, но был относительно молод, вполне мог сойти за обучающегося. В те времена этих конференций, тем более приглашений, было немного.

Узнал, что есть такой город — Аахен, туда и приглашали. Была долгая переписка, вымогательство вспомоществования от приглашающей стороны, и это название города стало как бы символом ожидания такого замечательного приключения. Прочитал о нём, что город известен с античных времён, город заложили ещё римляне, привлечённые целебными источниками.

Но в ночь на 1 сентября этого самого 1983 года некий «Боинг 747» летел с Аляски в Корею, да как-то заблудился, на полтыщи км зашёл в советское воздушное пространство. И это на фоне весьма сложной политической обстановки: то американские корабли в Охотском море, то их разведсамолеты над островами. Может быть, в другой обстановке и обошлось бы, полетел бы он себе в Гималаи, это уже не наше дело, но так сложилось в угаре холодной войны — подняли истребитель, дали команду сбить самолёт-шпион — да и дело с концом. Почти 270 человек нашли могилу в проливе Лаперуза. Вот так всем не повезло, а ведь номер бортовой был HL-74442 (с одной семёркой), дата первого полёта борта — 17 марта 1972 года (2 семёрки).

Совершенно неуместная нумерология. Наверное, написано было давненько. Тот, что над Донбассом был сбит 17 июля, вообще был под номером рейса 777... Как-то, будучи в бахайском саду, разглядывая мистические украшения построек, обратил внимание, что не 7, а 9 есть хорошее, надёжное число.

Политико-военные игры до этой катастрофы происходили, в общем-то, без потерь, а тут — жертвы и звериное лицо Империи Зла! Это потому уж были разные гипотезы, а тогда — советская пропаганда реагировала, как всегда, вяло и в целом тупо, западный мир — живо, но тоже тупо. И никто тогда не знал, что эта дикая война с «Боингами» только в начале своего пути.

В общем, ответственные курирующие органы настоятельно посоветовали город Аахен в таких неблагоприятных политических условиях не посещать. Но как-то отложилось это место, как почти моё, знакомое, значимое.

Он задумался над тем, что эта непоездка сыграла важную роль в дальнейшей его судьбе. Может быть, она помогла бы преодолеть неуверенность, робость перед тем, внешним миром. А может быть, преодолеть и простую лень, которая мешала организовать потом активно эти перемещения в пространстве. Через много лет был шанс так же, задарма, поехать в Сантьяго-де-Компостела (ещё одно призрачное место, но кроме раскаяний в лености, ничем для него не примечательное), на северо-западе Испании, поленился, не собрался, а шанса не вернёшь.



Хай бы они провалились, эти шансы! Война 2022 года дала такой шанс. Спасаясь от воздушных тревог, ракет, как тех, которые прилетели, так и ещё не прилетевших, оказался в Германии. Вот и Аахен, город, который как-то мелькал в воспоминаниях, скорее, своим названием, чем реальным урбанистическим ландшафтом, просто точка на карте. Надо сказать, что везде в русских текстах Аахен пишется как Ахен, но мне с двумя буквами, как в оригинале, нравится больше.

Был город-призрак, вроде бы существует где-то на Земле, но не по-настоящему. А вот получилось, что стою я на этой площади, а передо мной огромное здание ратуши, на площади фонтан, народ за столиками (ах, эта неизбывная тяга — пожрать совместно на свежем воздухе!). Впрочем, не заглядывая в тарелки,

следует отметить, что большинство просто за чашечкой кофе, или там, за стаканом пива. Просто посидеть, потрепаться. В те давние годы, с которых начат был мой рассказ, это публичное сидение только в буржуазном кино можно было увидеть. Правда, не то Феллини, не то Антониони реализмом прошёлся по этой уличной жратве, но то Италия, паста, а здесь Германия и колбаски. Город этот — бывшая столица Священной Римской Империи (С.Р.И.). Всего-то.

В Аахене есть солидный университет, и вообще, он считается очень студенческим городом. Это и видно на улицах: молодёжи множество, хотя и день не выходной, а рабочий, кажется, среда. А ещё — много красивых лиц, наверное, потому что со всего света съехались.

Вот и я мог идти много лет назад по этим улочкам. Город, наверное, был другим, шутка ли — 40 лет, тогда были и ГДР, и Западная Германия, занавес тот самый, который нас от них, а их от нас изолировал, чтобы поддерживать и у тех, и у других представления, что там, за занавесом, люди совсем другие, и если что, то от «других» к «врагам» перейти легче. Эх, шёл бы я тогда по этим улицам, как бы всё было мне интересно, как было бы всё ново! Вот только не было бы тогда такой детали, жёлто-голубого флага, большого, около ратуши. Да и флага такого тогда вообще не было, был где-то в истории, в «Белой гвардии» Булгакова. Сейчас сим флагом немцы выражают солидарность с Украиной, в частности, лично со мной, потому что идёт война, потому что они против России, которая... Такая вот история, которая тогда могла бы показаться плодом сильно больного воображения. Да и зачем брать 40 лет, когда ещё 40 с небольшим дней она казалась невозможной. А такой ли уж и невозможной? Югославия, СССР... империи, что большие, что малые, что совсем малые, распадаются тяжело.

Итак, стою я на земле Евросоюза, бывшей земле С.Р.И., есть над чем поразмышлять, о судьбах народов, например. Но не для туристов такого рода размышления, а я как раз сейчас туристом тут и есть, осматриваю достопримечательности. Собор, в частности, имперский, которым немцы очень гордятся.

Всегда, когда я вижу старые здания, задумываюсь о том, что много веков назад всё вокруг было по-другому, хотя и эти соборы тоже, конечно, изменились. Этот вообще в конце XIX века капитально реставрировали. Но ландшафт был много столетий назад другой, окружение другое, люди другие. Сейчас где-то внизу по улице, между домами, в перспективе, стали видны вертикали готики. Было впечат-

ление, что ратуша на горе, а собор в долине. Но когда дома были маленькими — и собор был велик и, конечно же, доминировал над всем, между ратушей и собором большая площадь, немного покатаая, не крутая, каменная.



Как гласит история, в этом соборе короновались многие столетия (!) императоры, что удивляться, самому собору чуть не тысяча лет. Такая была империя, может, и прообраз Евросоюза. Священность её как раз в архитектуре и видна. Хотел быть Аахен третьим Римом, скорее, вторым Константинополем. И двуглавый орёл на знамени, и арки византийские, которые с востока пришли, и мозаики в золоте. Был Аахен столицей империи, переняв эстафету столичности ещё от Франкской империи Карла Великого. На крыльях орла чёрного, что на флаге, было почти 60 гербов, вот сколько было объединено местечковых и городских земель. Трудно сейчас сказать, что дала им тогда империя, наверное, была и оппозиция таким слияниям, но главным было, конечно, объединение под флагом католицизма. Вот так, одной головой смотрел орёл на запад, правда, потом одна из них на гербе потерялась, другой смотрел на восток. Католики называют православных ортодоксами. Получается, что двуглавый как бы исконнее, архаичнее. Между этой архаичностью, византийскими устоями, в лапах двуглавого орла, и демократичностью, как провозглашалось и подчёркивалось на каждом историческом углу, собственно, и шла сейчас война на родине.

Византийская часть собора, если смотреть от ратуши, как бы составляет центр архитектурной композиции, но, хотя рифлёный купол, похожий на кактус, широк и просторен, придавили его и стрельчатая готика, и барочно-классическая крыша по соседству. Арки, колонны, вертикали; действительно — имперский символ: всего хватает, гармония, сильно замешанная на истории, которая сама диктует гармоничность негармоничного.

Эта империя, хотя и жила долго, но так динамично меняла свои границы, флаги, гербы, орлов, да и общую конструкцию, что потеряла признаки исторической целостности, во всяком случае, для таких историков-любителей, как я. Великая Римская именно в Аахене принимала в свои императоры, Карла Великого там гробница в соборе. Его тоже, видимо, стоит считать императором, а не королём. Но достаточно про эти империи, посмотрим на город.

Когда вышел на ратушную площадь, не зная ещё, что это администрация, подумал, мол, вот какой чудесный собор. Действительно, всё здание в фигурах и скульптурах, прямо даже как-то на манер индуистских храмов, только пропорции не те — более кубично. И обратный фасад хорош, со своими глубокими арками.

Вот и сижу спиной к этим аркам, а лицом к Имперскому собору, там, где не единожды возлагали короны на головы. Грандиозность, в сочетании с эклектичностью. Византийское поражает и радует в интерьере. Тот большой купол, что верблюдам горбом на силуэте собора, изнутри весь в мозаиках и изумительных орнаментальных росписях.

Целебные источники, которые привлекли ещё римлян, видимо, и сейчас где-то функционируют для лечебных целей. В городе есть Галерея, куда, наверное, много лет назад ходили горожане и отдыхающие за целебной водой, но теперь вода хоть и течёт, написано, что пить категорически не рекомендуется.

На ночь остановились в отеле, в самом центре. Парковка была в подземном гараже, выезжая, не очень опытный ещё наш водитель, Маша, зацепилась чуть дверью за колонну, потом на довольно сложном перекрёстке, почти на выезде из города, решила при левом повороте не уступать дорогу одному быстро движущемуся по прямой и, как потом оказалось, нервному нахалу, но вовремя нажала на тормоз. Да и вся эта поездка была подарком маме на день рождения. Мама подарком осталась очень довольна.

МИЛАН. КАНТУ́

Место — Европа. Время — военное время, XXI век

Итальянским друзьям

Возвратившись из этой в чём-то случайной итальянской поездки, начал лихорадочно писать очерк о путешествии, спешил, казалось, что надо выполнить какой-то долг, надо не забыть чего-то очень хорошего и важного. Может быть, эта поспешность и вредит повествованию. Поспешишь — сохранишь детали, отложишь — останутся какие-то самые эффектные впечатления, только, вот, может куда-то исчезнуть само желание писать, новые впечатления накрывают старые, как пласты геологических отложений. Копайся потом в этих ископаемых.

Волею печальных событий российско-украинской войны Европа оказалась гораздо ближе, чем в прежней жизни, как-то почувствовали некую новую степень свободы. А почему бы нам не навестить друзей в Милане? Благо — отпуск, хотя и вынужденный, этаким эмигрантский. Списались и полетели в конце мая.

Знакомство у нас было давнее. Годы прошли, когда в одно непримечательное лето позвонил приятель, мол, приехала Татьяна, сейчас она с мужем здесь, заходи, наверно, будет приятно встретиться. Сколько лет, сколько зим! Да, встречались на конференциях, а, защита диссертации! Потрепались, повспоминали. Про общих знакомых из учёной среды, про Италию, где живёт она уже много лет. Расстались, может, опять надолго, может, навсегда. Но завязалась переписка.

* * *

Мы до ночи сидели за компом, пытаюсь зарегистрироваться на рейс какого-то лоукостника, сайт выбрасывал всякие странности, мол, не можем окончательно зарегистрировать, что-то маленьким шрифтом про миграционные службы. Забоялись мы, а может, вообще украинским беженцам не рекомендовано шастать по Европе? Но мы решили ехать в аэропорт и там разбираться. Ещё приплетались какие-то предупреждения, уже реликтовые (к счастью) о вирусах, пандемии. В общем, Европа была как бы несколько против нашего вояжа.

Однажды, по дороге в один польский город, сев в поезд, раскрыв путевой блокнот, я начал с первого слова писать поэму. Прямо как Чичиков. Потом, когда было написано чуть не полсотни глав разного размера, недоумевал — как это оно само собой рождалось? Вот и сейчас, в самолёте, который торчал загруженный уже почти час после намеченного в билете времени взлёта, хотя и чувствовал некоторую искусственность своего порыва, но написал:

Самолёт застрял на земле. Это тревожно.
Старая дама у меня за спиной читает
По-русски новости с фронта.
Что в Мариуполе, что в ДНР. Про
Абрамовича с бывшим «Челси».
Будто это Париж и княгиня, сто лет назад, 1922(!),
Перебирает ещё поступающие вести с Родины.
Немецкая речь, девочка
С дырками на коленях. Кто б мог подумать,
Это будет считаться красивым?
Кажется, всё уже было, но что-то приходит,
Даже войны подвержены этому
Историческому круговороту.

* * *

Обошлось, взлетели и приземлились. Европа признала нас за своих, равнодушно и безразлично, в Бергамо ни одна таможенная собака на нас не обратила внимания. Переписка перепиской, но Вальтер, муж Татьяны, встречал у выхода багажного с табличкой: во-первых, все в масках, во-вторых, в лицо мало знакомы, давно встречались.

Когда через сорок минут дороги я спросил, а сколько километров от Бергамо до Кантú, оказалось, что около сорока, но что-то немножко заблудились. Далеко синели горы, мелькал индустриальный, в основном, пейзаж. Но вот и город. Можно, наверное, было навести подробные справки, найти немало фотографий, но я удовлетворился собственной фантазией, представляя себе малюсенький, запылённый, с элементами средневековья городок, где окна нашей гостиницы будут выходить на малолюдную главную, базарную площадь, а через дорогу будет дом наших друзей, и мы будем ходить к ним на чашку чая. Я видел эти узкие улочки, каменные дома с небольшими окнами, старую церковь с белыми стенами.

Но город оказался гораздо больше, улицы — шире, церкви, и не одна — серо-каменные, и не белые, а отельчик наш самодельный (некий семейный бизнес) был на границе собственно города и луга с лесом.

Дом

Он, как заветное пространство, дом — это не только стены, это тайны общения внутреннего домашнего мира и его обитателей. И не каждого пускают в дом своих маленьких тайн. Когда раскрываются эти истории, когда та или иная фотография на стене уже связана с каким-то дедушкой или университетскими друзьями, дом может начать смотреть и на тебя, гостя, снисходительно, а может даже и благосклонно. Этот мир безделушек так сложен, таинствен и наивен! Каждая из них, как живая планета, жива только потому, что окружена таинственной атмосферой воспоминаний, ассоциаций. Их, этих зверушек, тысячами можно найти на блошиных рынках, но это уже не планеты, это безжизненные астероиды, лишённые биосфер. У этого дома была богатая биосфера, с высоким уровнем биоразнообразия. Были здесь и бабочки ярких открыток, цветистые раковины тарелочек с видами неслучайных городов, были популяции зверушек из разных глин, металлов и деревьев, картины как пейзажный фон разных экосистем, маслянно-графические петербурги, миланы, мински с церквями и отражениями в воде, были кружевные птички и велосипедики под стеклом. Были портреты дальних и ближайших родственников, были иконы, в том числе и собственного рукоделия. В углу стоял мольберт с начатой картиной, а телевизор на своём плоском экране демонстрировал бесконечное вращение педалей на «Джиро д'Италия». Это был живой и нескучный дом. Правда, при таком количестве элементов системы требовалось много энергии для поддержания антиэнтропийных процессов.

Садик

Эта замкнутая в стенах и стекле биосфера имела счастливое продолжение в пространстве, отгороженном стеклянной дверью, которая пропускала в маленький садик, опоясывающий четырёхэтажный дом почти наполовину. Часть его была на коренной земле и здесь могли расти деревья, другая была на крыше подземного гаража, поэтому слой грунта был невелик, здесь только трава. Дело не в ботанике и не в успехах садоводства. Дело в том, что это был оазис, здесь отдыхала душа.

Здесь произрастал лук, рассада помидоров в горшке. Здесь должно было начаться буйство огурцов. Как замечательны эти собственного производства микроскопические урожаи!

Милан, Брера и другое

За неделю до поездки нам был прислан подробный план действий, на каждый день, когда и куда. Имея немалый опыт путешествий и вообще жизненный опыт, говорящий о малой доле выполнения таких планов, с одной стороны, и будучи большим любителем планов, с другой, я принял их точность где-то 50 на 50. Не такова была Татьяна! План выполнялся скрупулёзно.

День второй, по плану — Милан, Пинакотекка ди Брера. Железнодорожная станция оказалась довольно далеко от города, вообще-то, в другом городке. Поезд, конечно, не пришёл по расписанию, это одно из неперменных свойств итальянских поездов, во всяком случае, по моим не очень многочисленным наблюдениям. Поэтому ехали долго, что-то объявляли, люди выскакивали на перрон и переходили в другой поезд, потом мы опять ехали, благо не очень спешили. Всё-таки приехали. Миланское метро довольно обширно, но в памяти только паутиная сеть и осталась. Зачем изучать подробно, если Вальтер, получивший в нашей маленькой команде титул Командора, вёл нас от перехода к переходу, почти не сомневаясь в направлении движения.

Пинакотекка Брера (я полагал, что некто Брера был основателем или владельцем палаццо, в котором был музей, но из справочников следовало, что Брера это место, район Милана, то есть это хранилище произведений искусства в районе Брера) была действительно в роскошном палаццо. А если учесть, что кроме сорока залов собственно музея, здесь ещё и академия художеств, то можно представить грандиозность дворца. Судьба его как-то в справочниках не освещена, не нашёл, впрочем, тщательно и не искал, будем считать, что это неважно. Поскольку в конце XVIII века северная Италия входила в состав Австрийской империи, а в данном случае, благодаря этому, императрица Мария-Терезия имела возможность проявить свою добродетельность и монаршею милостью создала богатое собрание замечательных работ, создав ещё и Академию. (Очевидно, была уверена в том, что Австрийская, как Римская, будет иметь хотя бы тысячелетнюю историю). Надо отдать должное просвещённым монархам.

Ах, не стоило так торопиться! Надо было спокойно, почти затаив дыхание, войти в эту колоннаду, медленно пересечь не двор, скорее, внутреннюю площадь, подняться по ступеням широкой лестницы... Поезд опоздал, волновала мысль, что надо спешить, мы просто были ещё в этом мире, где поезда, где машины, а не в том, где обитали Джованни Беллини, Пьеро делла Франческа, Андреа Мантенья, Рафаэль и Тинторетто. Что за прекрасные имена!

Отбросьте концепцию «Снимай побольше, дома посмотришь», — ничего не посмотришь, ну, может, при показе родственникам, бегло, при навязанной им демонстрации своего экзотического, но малоинтересного для них путешествия. Не увидать на этих фотографиях, а главное, не почувствовать чудесной атмосферы музея, запаха древних красок, выпуклости золотых рам, досады от плохого освещения или бликующего стекла. Не почувствовать того, что эти картины живые, они приглашают тебя в свой мир, где за плоскостью холста бесконечное, хотя и только угадывающееся пространство, свет, цвет, своя таинственная жизнь.

Тем не менее, вернусь к своим фотографиям как к документу, скорее — визуальному материалу (здесь запрета на съёмку не было). Мадонны, мадонны, с детишками на руках. Вот Джованни Беллини, «Греческая мадонна» в чёрном. Вот Мантенья, и Мадонна опять в чёрном, только вокруг — сонм ангелочков в облаках. Мне показалось, что самым сложным для художника были эти младенцы. В том, наверное, сложность в изображении, что не путти это, с пухленькими ручками, у которых и будущего-то нет, так они вечно и будут со своими пухленькими ручками, а этот, на руках Мадонны, он уже судьбу свою предвидит, что, конечно, очень непросто, да и тяжело для младенца. Мастерство кисти всех этих Веронезе, Беллини поражает, наверное, потому, что мы подсознательно соотносим сложность эволюционного результата того, что у нас в руках, например, телефона с фотоаппаратом, и палочки с прикрепленной к ней пучком волосков (кисти, по определению Дали). Почему-то мы полагаем, что прогресс должен был по всем трендам идти параллельно, а оказалось, что пятнадцатый век, в живописи, во всяком случае, намного выше двадцать первого. Но показалось, что это мастерство, эта изумительная техника, совершенство формы (некоторая, может быть, схематизация осталась только в элементах пейзажа), они увели за пределы таинства поклонения. Это уже не икона, это портрет, это попытка изобразить саму жизнь, только более совершенную, более красочную. Изображение Бога перестало быть иконой! Византийская, а потом и православная икона более соответствует своему предназначению, она условна. Это схема, модель веры. Как и сама вера.

Может быть, поэтому Мантенья с этим лежащим трупом Христа выпадает из общего праздника, не столько в ужас смерти, физиологическое содрогание, сколько в философию бытия и небытия. Две довольно условные женские фигурки слева, скорбящие женщины, противопоставлены реализму страшных, продырявленных гвоздями конечностей человека.

Как часто бывает (и эта частота, видимо, заслуживает специального расследования), лежащий Христос и Тайная Вечеря (сначала Креспи, потом Рубенса) совпали для меня со случайно найденным на полках интернета и читаемым до поездки «Иудой» Леонида Андреева.

«...был поднят молот, чтобы пригвоздить к дереву левую руку Иисуса, Иуда закрыл глаза и целую вечность не дышал, не видел, не жил, а только слушал. Но вот со скрежетом ударилось железо о железо, и раз за разом тупые, короткие низкие удары — слышно, как входит острый гвоздь в мягкое дерево, раздвигая частицы его...

Одна рука. Ещё не поздно. Другая рука. Ещё не поздно. Нога, другая нога — неужели всё кончено?..

На самом темени земли вздымается крест — на нём распятый Иисус. Осуществились ужас и мечты Искарота, — и он поднимается с колен... и холодно оглядывается кругом...

И вдруг так же ясно, как ужасную победу свою, видит Искарот её зловещую шаткость. А вдруг они поймут? Ещё не поздно. Иисус ещё жив. Вот смотрит он зовущими, тоскливыми глазами...

Нет, умирает Иисус. И это может быть?»

Я их не очень хорошо знаю в лицо, этих апостолов, вот они все двенадцать на Тайной Вечере, последнем ужине. Интересная трактовка у Креспи, как по мне, более бы подходящая для Рубенса с его материализмом: в овальной (вертикально) композиции — стол с богатым натюрмортом. Здесь и блюдо с каким-то судаком, и блюдо рыбок поменьше, жареная птица, соль в солонке и хлебы. К тому же, на заднем плане некий официант с блюдом над головой, несёт ещё что-то. Ко Христу с отрешённым взглядом склонил голову Иоан, все общаются с серьёзными лицами, а Пётр, только один он, обернувшись, смотрит на зрителя внимательно, держа над своей тарелкой кусочек хлеба. Масса непонятных мне символов: вот кто-то поднял нож, у троих решительно подняты пальцы, мол, слушай меня внимательно! Иуду не нашёл, как-то Креспи его не противопоставил композиционно.

После версии происходившего между этими людьми, предложенной Андреевым, как-то задумался и я, а действительно, некоторые ученики подробно описали события, но почему же они его, своего Учителя, не защитили? У них, пожалуй, был самый большой исторический шанс умереть за веру, поболее, чем у последующих мучеников-христиан. Так получилось, только Иуда-то и пошёл за Учителем. Потому и предал, что должен был пройти этот путь... Он один не поддержал сценарий Верховного Режиссёра!

У Рубенса, конечно, больше реализма, в нашем, современном живописном восприятии, как бы это сказать, в репинском смысле, и на столе только один бокал, и хлеб в руке Христа, поднявшего очи горе. Реализма больше, а идеи — меньше.

Были чудесные работы Гварди, с его фотографической точностью и высоким разрешением изображения венецианской жизни. Но я Гварди люблю не за это, а за лучезарную синеву, которой, может быть, на самом деле в природе и нет. Был прекрасный Караваджо, где Христос показывал фокусы с хлебом и вином. Несколько странная картина Коппи, где подвиг и стойкость святого Себастьяна были несколько вульгаризованы образом губатого засранца, который с близкого расстояния целился из лука Себастьяну прямо в мошонку, а за стрелком стояли в очереди ещё двое. На одной картине страшно мучили Екатерину Александрийскую и готовились зажать её между колёс с шипами несколько, в полосатых коротких штанах, воинов, а ангел грозил им мечом.

Была и современная живопись, особенно на тему дня оказалась серия Марио Мафай «Все войны одинаковы», где одни люди разнообразно издевались над другими, и так на 23 небольших полотнах. Были Модильяни и Моранди, но как-то исподволь, как нечто на минутку вынесенное из запасников. В большом стеклянном кубе, скорее стеклянной комнате, была модель реставрационной мастерской и телевизор, на котором показывали все этапы работ.

Вот и патио с колоннадой, возвращаемся в мир машин и пешеходов. Скорее последних, потому что улица Брера — для них. Перекусили в кафе, не без приключения. Официант, забежавшийся между столиками на улице, перепутал счета, я отсчитал, не произведя анализа, 23 евро, добавив щедро целый евро к счету, но оказалось, что хотел приханырить ещё 20. Не прошло. Но я не виноват, не надо было перепутывать.

Казалось бы, впечатлений достаточно, но день продолжался, город был распахнут перед нами всеми своими достопримечательностями.

Вперёд! Захват Милана! Шли, шли и очутились у подножья крепостных стен. Это Castello Sforzesco, замок, крепость Сфорца. Это строение и сейчас выглядит более, чем внушительно, а в XV веке было, наверное, совершенно неприступной крепостью. Но что побеждает все крепости? Побеждает Время. И потом, что это был за мир, в котором надо жить под прикрытием таких вот стен? Впрочем, концепция стенообразования имеет циклическо-колебательную природу. Стены то ломают, то возводят с новой силой. То они кажутся нелепыми, то крайне необходимыми. Была бы хорошая прочная стена противотанкового образца между Беларусью и Украиной, не пошли бы просто так танки на Киев в феврале. Приблизительно так думал, видимо, в своё время и Сфорца со друзьями. Во всяком случае, туристам есть на что посмотреть. Хотя бы эта пузатая башня в одном из углов крепости. Впечатляет.

С туристического вебсайта: *«Строгий и притягательный, архитектурный ансамбль по своим очертаниям весьма схож со зданием Кремля, выстроенного в Москве. Подобное обстоятельство объясняется итальянскими корнями строительного проекта русской крепости».*

Я как-то особого сходства не отметил, возможно, не хватало какой-нибудь реки.

Однако некий водный объект нашёлся в парке. Цепочка довольно хилых прудов, с карпами и черепахами. Вода притягивает всё живое, включая гуляющих, но что делать, если в данном случае её так мало, и она так насыщена водорослями, приобретает зелёный цвет?

Метро, в котором мне очень понравилась беспредельность вагонов всего поезда (при желании и определённых благоприятных условиях можно было бы бегать свободно от головы до хвоста), доставило нас на Эстасьёне Гарибальди. Здесь всё более-менее центральное носит имя славного воина. Билет обратный на поезд был на 4, так что было время для завершающей день прогулки. Провели время в суперсовременном ландшафте — под сенью зеркальных небоскрёбов, окружавших площадь с бассейном и фонтанами. А между уходящими ввысь стенами проглядывал замечательный многоэтажный дом, балконы и крыша которого были усажены деревьями. Не висячие сады, а висячие леса. Милан, он такой — изобретательный.

А вечером, в лучах заходящего солнца, около отеля нас встретил сидящий заяц, посланец ближайшего леска. Забегая вперёд, следует сделать замечание, что через день на этом месте приблизительно в то же

время сидели два зайца, но один почему-то был чёрный. Из этого наблюдения вытекало, что это были какие-то беспризорные кролики. Происхождение их, как и дальнейшая судьба, остались для нас загадкой. Загадкой города Кантú.

Тициан

Эмблемой третьего, а экскурсионного второго, дня был поход «на Тициана», всё по плану: «ПЯТНИЦА — Милан, Палаццо Реале — выставка Тициана. Схема та же: завтрак в отеле V&V, на машине до станции ж/д, поездом до Милана. Обед в Милане». На сей раз поезд шёл быстрее и без опозданий, могут же, когда захотят!

Опять метро, и выход на большую площадь. Батюшки! Вот это собор! Вот это готика! Стрелы башенок уходили в небо, фасад весь струился мраморным водопадом. Серый мрамор и бесконечность деталей.

Как говорится, спасибо Наполеону, что завершил долгострой, начатый в конце XIV века. Что бы там ни говорили, а готика явно досталась нам от инопланетян, это им были знакомы ракеты, которые стояли, стояли на земле, а потом взмывали с грохотом в небо и уносились в бесконечность космоса. Вот и получился памятник. (Только не будем вспоминать о ракетно-космических войсках.) Когда приходится видеть такое чудо архитектуры, которое создавалось не год не десять, а триста лет, приходит на ум вопрос: а как за эти годы не растерялась строительная документация? И был ли он задуман, этот собор, таким, каким мы его видим? Как удалось сохранить готическое мышление этих инопланетян через столетия. Хорошо, от Гауди остались хоть какие-то чертежи, эскизы, можно достраивать Саграда Фамилия, хотя, говорят, он много строил, что называется, из головы, но три сотни лет! Как вообще выглядел этот проект и насколько были проработаны детали? И не могли же все 3000 скульптур собора делаться в одной мастерской, где-то тут, рядом, может, их заказывали куда-то на сторону, что за логистика была тогда? Обычный вопрос эволюциониста: «Разве могло быть это всё продумано в деталях с самого начала? Возникнуть сразу в едином образе? По первоначальному плану?». Правда, Гауди продумывал даже и конструкцию мебели, и дверные ручки.

Разрезав километровую очередь (fila — по-итальянски) туристов, жаждущих попасть в чрево собора, наша четвёрка своей маленькой филой направилась к вышеуказанному дворцу, это на другом берегу площади. На Тициана!

Во-первых, был здесь не один Тициан, а была целая эпоха. XVI век. Во-вторых, как по мне, устроители несколько просчитались, затемнив залы и направив свет только на картины, света было мало, атмосферы было мало. Но это индивидуально, как для меня. В-третьих, не покидало меня чувство, чем больше я ходил по залам, что как-то XVI век много чего потерял, не сохранил от Боттичелли, Леонардо, как-то опростился, огрубел. В чём-то и потускнел. Впрочем, это можно назвать и шагами к грядущему реализму.

Остановил меня Якопо Тинторетто образом Сусанны, объявившейся здесь из венского Музея истории искусства. Ветхозаветный сюжет: два старца устроили ловушку для очаровательной Сусанны, купавшейся в пруду, с целью соблазнить и овладеть ею, однако Сусанна не поддавалась на обольщения. Эти старцы, частью спасая себя (обвинение в домогательстве и групповом сексе, наверное, могли иметь тяжёлые последствия), частью из мести, оговорили бедную женщину, обвинив в прелюбодеянии с неким молодым человеком, что могло привести к высшей мере наказания виновницы. Дело бы закончилось для Сусанны плохо, если бы не пророк Даниил, который вывел старцев на чистую воду путём хитроумного дознания. Интересно, что легенда апеллировала не к простенькому чуду спасения добродетельной женщины, а к логике и справедливости вавилонского суда. Хороший сюжет для голливудской мелодрамы: тут тебе и домогательства, и насильники, и роскошное тело, и борьба за справедливость с судебным разбирательством.

Признаться, хотя раньше не мог не видеть репродукцию, но сюжет как-то в голове не отложился. Поэтому воспринял как нечто совершенно новое. И центром внимания стал Нос. Нет, Гоголь тут ни при чём. Нос Сусанны, её лицо. Да это же типичный эль-грековский персонаж! Художник Теотокопули вот эти остренькие носы, удлинённые лица взял, оказывается, у Тинторетто! А какой замечательный натюрморт выписан перед героиней!

Если бы старцев не было двое, как в легенде сказано, то художнику пришлось бы второго придумать. Иначе, как же создать такую прочную треугольную композицию? Через две лысые головы слева направо вверх, а потом — через тело Сусанны и её ногу — в воду, в пруд. А чего композиционно стоит эта ширма, которая соединяет старцев в единый фронт тёмных сил! А вообще, если прямо спросить: на что они, собственно, рассчитывали?

Трудно сказать, была ли клевета их только реакцией самозащиты или продуманным планом, но с этим криминалом разобрались ещё много

веков назад. А вот как насчёт старости и молодости? Полагаю, что пали эти старцы жертвой какой-то фундаментальной биологической ошибки. Этаким гормонально-соматической разбалансировки. В природе должно быть так: закончился репродуктивный период онтогенеза и всё — никаких гормонов, никаких желаний. Строгий контроль, как у муравьёв: тысячи самок занимаются делами, и ни одной в голову не приходит мысль о сексе, размножении, материнстве. Но как же тогда быть с этой изображённой красавицей? Ведь всё это любование обнажённым телом, сама идея художника представить её у пруда в виде голой экоморфы, всё это замешано на нашем, видоспецифическом человеческом (*Homo sapiens*) гормональном восприятии. Сусанна, конечно же, совсем не красива и не привлекательна для самца жабы. Впрочем, мы, в отличие от жабы, можем любоваться и цветком, и красивой бабочкой, наверное, в контурах, пропорциях женского тела есть что-то от общекосмической красоты. Но такая мысль прошла как-то мимо при осмотре тициановской Данаи, через два зала от Сусанны. Вроде всё на месте: и пропорции, и фактура — но образы Данаи и её служанки, жадной до золотых монет, задарма сыплющихся с неба, как-то слились в один. В чём-то неприятный.

Хотел уж с этой темой покончить, да вдруг подвернулся вполне аморальный сюжет в интерпретации того же Тинторетто: Леда с длинношей птицей. Бог с ними, с этими античными фантазиями, грехи человеческие родились с самим видом *Человек разумный*, но диагональная композиция служанка–Леда–лебедь была очень изящна.

Пока мы бродили по залам выставки, очередь туристов в собор несколько укоротилась, видимо, разбрелись в поисках пищи материальной. Ох, эти обязательные осмотры достопримечательностей! Но и как же пройти мимо? Интересно, как бы выглядел мир без всех этих Эйфелевых и Пизанских башен, хеопсовых пирамид, таджмахалов, статуй Свободы, которые надо обязательно увидеть? Вернее, без этого туристического, несколько болезненного внимания к ним? Ходили бы в собор молиться, а не глазеть на колонны и витражи. Но ведь надо как-то выйти за рамки обыденного! В данном случае далеко за рамками обыденного были великолепные пол мраморного орнамента, колонны, несколько тяжеловатые, вследствие параллельности сторон, зато надёжные, как стволы секвой. Сияющие витражи и скульптуры, исчисляемые, как было отмечено, тысячами. И это пространство, которое уже не принадлежит какому-то зданию, пусть и готическому, но и не площади, не улице, погоде, атмосфере. Архитектор (справочно — Симоне да Орсениго), хорошо, ещё в XIV веке (дата основания собора — 1386 г), знал этот объём (высота — 108,5 м), остальное добавили молитвы.

В конце городского нашего путешествия опять сидели мы неподалёку от вокзала Гарибальди. Можно было обратить внимание на городской пейзаж, с некоторой высоты, где были те самые небоскрёбы. Какая-то извитая траектория трамвайной линии, жёлтый старинного вида трамвай. Башня вдалеке, крыши, колонны. Вот и рисунок, подкрасим цветными карандашами. Чувствую, из-за спины кто-то смотрит, поворачиваю голову — здоровенный африканец, смутился и произнёс многозначительно: «Bellissimo!». Да, прекрасный город, этот Милан.

Озеро

Если посмотреть на карту, то севернее Милана, в предгорьях Альп, целая компания озёр, больших и поменьше, и совсем маленьких. Следы работы древних ледников и тектоники. Озеро Комо по своим очертаниям похоже на идущего в сторону Швейцарии человека: на север туловище, правая и левая ноги — на юг. Уже потом, наблюдая с берега, подумал, что похоже на большую реку — потому что длинное, около пятидесяти километров, и узкие все три плёса — километров до четырёх шириной. Но было и другое впечатление стоящего на берегу: более всего похоже на какой-то узкий средиземноморский залив. И высокое солнце, и горы, и домики, виллы, городки по берегам и по склонам гор, белые с красными или оранжевыми крышами.

От нашего Канту до городка Комо, с таким же названием, что и озеро, недалеко, и расположен он в самом низу той ноги, которая ближе к Швейцарии. Три дня мы приезжали на озеро, в разные места, и везде нас встречало величие гор, несуетливая и какая-то отстранённая вода, дома, домики, виллы. Три дня как-то слились в одну картину беззаботного южного курорта. Горы были зелены, но не по-средиземноморски — соснами, а лиственным лесом. Какое, видимо, величие здесь осенью,



когда вся эта зелёная вата, покрывающая склоны и вершины, приобретает тёплые тона. Если смотреть вдоль озера, то горы, как им и положено, уходили в дымку театральными кулисами, где-то далеко отдавая уже фиолетовым. В Комо прошлись до главной площади с собором, оставив осмотр его на потом, и пошли себе неспешно вдоль озера, вдоль берега, вернее, набережной. Лодки, яхты, причалы.

Надо понимать, что сюда, в кут залива, сносится мусор как местный, так и с ближайшей, и дальней акватории. А вот — интересный объект для зарисовки. Гидроплан, небольшой самолётик, красный фюзеляж, белые крылья, на поплавках, таких лыжах. Всё зависит от мастерства пилотов, одни, как я потом наблюдал, долго, как тучные гагары, шлёпают по воде, прежде чем взлететь, другие, только чуть подпрыгнув, уже вздымаются в воздух. Но даже на маленькой волне полно брызг, а что, если хоть немного заштормит?



На озере довольно большие суда, вот, напротив, с высокой трубой, под старину, есть и современные, возят туристов, вот тяни-толкай, симметричный, что с бака, что с юта, наверное, паром, местным тоже надо туда-сюда. Меня всегда вид таких судов на внутренних озёрах, на том же

Байкале, например, приводит к вопросу: а как их сюда доставили, ведь верфи здесь, на озере, явно нет. По частям привозят, что ли? Частенько попадают мостики через каналы, которые ведут от озера к виллам. Но бросается в глаза, что многие пусты, нет воды. Каналы старые, значит уровень воды упал с тех времён? Наверное.

Пришли к большой поляне на берегу, на краю которой — жёлтого цвета палаццо о трёх этажах. Жарко стало, народ кучкуется под большим деревом, в тени. На прибрежном краю поляны бухточка, защищённая полукругом каменной стенки, от волн. Оккупировал я тут местечко, занялся этюдом озёрных просторов и гор. Казалось бы, жарко, вода здесь, в отличие от города, чистая, и спуск к воде есть, но ни одного смельчака искупаться. Может, глубоководное озеро слишком холодное (я и сам что-то не рвался пощупать воду). На мой вопрос ответ был: местные купаются, но в бассейнах. В этой связи, я уж как-то и в Германии подметил, что народ чурается естественных водоёмов, если бы купались, то больше бы озаботились качеством воды. Полагают, видимо, что бассейн надёжнее.

Территория перед палаццо так обширна и так пуста, что фонтан, сухой совсем, не выглядит нелепым, а вполне органичен на пустой, сухой и обширной поляне. В центре низкой чаши фонтана четыре мальчика путти почти в рост взрослого мужчины издевались над морским существом, по замыслу скульптора, видимо, дельфином.

Когда пересматриваю свой путевой альбом зарисовок, всегда досадную, что не так уж много их. Что же остановило взгляд тогда? Красный самолёт, которому нужна только хорошая летная погода. Профиль темнокожей девочки. Для меня всё ещё необычна эта многочисленная популяция африканцев, мусульманок в платках. Девочка в кругу своих друзей. Старшеклассников или студентов, вот тот высокий, кажется, её парень. Вот зарисовка гребня горы с белыми домами наверху, а к ним по горе ползёт маленький вагончик фуникулёра. А вот поразившее меня гигантское дерево. Чудовищные ветви прямо от земли, а ствол — как гора.

А перед отъездом из Комо зашли-таки в собор кафедральный. Свод собора совершенно изумительной работы! Эти своды надо бы вообще вынести в отдельную тему. Не хуже алтарей. Здесь — золотой орнамент в нефках и куполе, и строгая геометрия в кобальте по среднему нефу. Но главная достопримечательность собора — это гобелены. Они не на стенах, а свисают сверху, как бы отделяя среднюю часть всего пространства. По-моему, их было шесть. Не сравнить ни с живописью, которой бывает много в католических соборах, ни с фресками, ни даже с мозаиками, хотя

рисунок тоже из маленьких точек. Поражает несоответствие такого уязвимо-го нитчатого материала и монументальность результата. В соборе довольно сумрачно, а висят довольно высоко, это не музей, а церковь, видимо, решили святые отцы, нечего рассматривать. Но фото в режиме «ночь» позволяет детали увидеть на снимках. Оказалось, что не строго библейские мотивы, а сцены из средневековой и античной жизни. Вот жители под стенами города-крепости встречают хлебом-солью и кувшином вина каких-то воинов и военачальника. Освободители? Мир с захватчиками? А вот сцена единоборства: фигура в красной драпировке повергла фигуру в жёлтой и лупит её палкой. За сим эмоционально наблюдает странное животное, похожее на собаку, но с поросычьим носом-пяточком. Вот и религиозный мотив: Богородица в сверкающих одеждах в окружении двенадцати апостолов.

* * *

Если вдоль восточной ноги, с внутренней стороны, проехать на север до того места, где эти ноги соединяются, можно попасть в городок с красивым названием Белладжио. Конечно, это от итальянского корня *bella* — красота. На другом берегу откроется совершенно морской по грандиозности вид на горы, они не только зелёные здесь, но ещё и высятся голыми гранитными сколами. Здесь какой-то геологический артефакт — широкая светлая полоса древних осадочных пород, которую земные силы вздыбили, и она уходит вверх широкой дорогой. Всё это похоже на следы какого-то обвала, будто половина горы сползла, да и утонула где-то в глубинах озера, может, эта бездонность, поглощающая целые горы, и создаёт впечатление моря?

Там, в этом городке, есть чудесная улица-лестница, обрамлённая до самого верха лавочками и магазинчиками а la «Художественный салон». Местный Андреевский спуск. Замечательное муранское стекло, вазы, вазочки, разной формы, разной фактуры и богатства цвета. Вполне соперничает с нашим бывшим *гутным* *склом* из Львова. Переливы цвета, прозрачность, блеск и форма. Хорошо бы попасть на эту улочку зимой, когда пусто, без туристов. От этой улочки налево улица ведёт к собору, потом к набережной.

— Там будет отель, в котором останавливался Кеннеди! — эту фразу Татьяна повторяет уже в который раз с тех пор, как Белладжио вошло в наши планы. Почему-то этот факт из истории города особо запал в её душу.

Отель оказался жёлтый, совершенно простенькой архитектуры, название, к сожалению, не полностью запечатлено на фото («Grand Hotel Villa Serbe...»), экстерьер впечатления не произвёл, не знаю, как на покойного президента.



Мы с Командором расположились на скамейке, я решил отобразить в этюде тот самый противоположный берег с зелёным и фиолетовыми гранитами и осадочными породами. Он ассистировал и, видимо, полагал, что одной из его задач, и как радушного хозяина, и как художника, и ценителя прекрасного, было периодическое восклицание: «Bellissimo!», присутствовала, конечно, в том и доля иронии. Привлёк он этим возгласом только одну китайскую туристку, которая спросила разрешения нас сфотографировать за работой. Основная же масса туристов вся была пропитана этой иронией. Они незаметно образовали бесконечную *филу* на причале, на кораблик, и полностью своими телами закрыли вид и на тот берег, и на озеро, только что не залезли на голову. Впрочем, в один момент, подняв глаза от этюда, обнаружил неожиданно, что набережная совершенна пуста, унёс их ветер странствий на просторы Комо.

Обратная дорога была отмечена двумя церквями. Около одной, старой, с высокой колокольней, св. Алессандро, было кладбище. К нему вела небольшая аллея ещё не старых деревьев. Под каждым деревом был столбик, на ближнем к нам, на бронзовой табличке было выгравировано: «Soldatto Spinelli Camillo, Disperso Fronto Russo», то есть, пропал это Камилло на русском фронте. Другой — на греческом. Столбиков было с десятком, исчезли ребята, только души вернулись домой.

Вторая церковь была совершенно оригинальна: Santuario Madonna del Ghisallo Patrona del Ciclisti, то есть храм Мадонны — покровительницы... велосипедистов! Были здесь, в церкви, и велосипеды чемпионов, и множество фотографий выдающихся любителей педалей, и кубки. Спортивная религия! Если бы просто велосипедистов, то церковь, видимо, должна была стоять где-то в Голландии, но эта Мадонна покровительствовала именно спортсменам, чемпионам, а не тем, кто просто и лениво опускает свою задницу на широкое седло и едет на велике на работу.

У тех, наверное, есть своя покровительница. Вообще, для меня осталось загадкой, как на такую церковь смотрят ортодоксальные католики, ибо чем-то напоминает йоруба, тоже — покровители профессий, а также хобби.

Вилла Карлотта

Ах, да! Вилла Карлотта. Надо же вспомнить и о ней. Пример того, как съёживаются со временем впечатления, получилось, что вспомнил о ней как-то под конец своего рассказа.

Хотя географически её определяют в городе Тремеццо, у меня сложилось впечатление, что от Комо мы всё ехали и ехали по одной прибрежной узкой улочке, слева высились склоны с прилепленными к ним домами, справа то и дело мелькало озеро, и никакого города вокруг (а улица — это что тебе, не город?). И было потом как-то странно на старых картинах с берегом и виллой, уже на стенах самой виллы, видеть, что это высокое здание когда-то стояло совсем одиноко, среди парка, на фоне дальних гор. Существование в этой прибрежной тесноте, вдоль берега, сейчас, делает, наверное, всю жизнь здесь какой-то особенной. И её загадность, этой жизни, и неприступность казались вполне естественными — это же горы, это же озеро.

Какое-то воздушное впечатление, чувство осталось от этой виллы. Будто это не просто большой дом, но некое открытое пространство помещений, с распахнутым множеством окон и дверей, балконов. И какой-то особый, скорее морской, чем озёрный, ветер гуляет по залам и шевелит лёгкие занавески. Были мраморные люди, Марсы и Венеры, купидоны, и ветерок ласкал их тела. Была графика Кановы, тоже совершенные человеческие экоморфы. Были две живые девочки, которые старательно срисовывали какие-то растения, как бы протягивая ниточку от залов и архитектуры в парк, к растениям, лесу. Были типичные, из старых милых времён, интерьеры: то кабинет, то детская, то столовая. Но не так много осталось деталей в памяти. Может, только огромный гобелен — сцена весёлой народной жизни. Виночерпий с кувшинами перед бочками с вином, застолье с весёлыми танцами, все под сенью дерев, городок в индиговом тумане. Хорошо было застыть в таком вот счастливом танце на триста лет!

Вилла Карлотта была построена в конце XVII века, в XIX принцесса Маргарита из Нассау (дело было, говорят, так: Мари де Нассау-Дилленбург / 1568–1625 / — дочь графа Иоанна VI Нассау-Дилленбургского

и его первой жены Елизаветы Лихейхтенбергской — вышла замуж за Иоанна Луи I Нассау в 1588 году и стала матерью Маргариты де Нассау (1589–1660/) вышла замуж в 1606 г. за графа Адольфа фон Бентхайм-Текленбурга... Э-э, что-то не вяжется, века не те, но (неважно, век туда, век сюда) подарила на свадьбу эту виллу своей дочери Карлотте, так она и осталась виллой Карлотты, уже безвестной, всеми забытой Карлотты.

Парк вокруг виллы великолепный, и за счёт ботаники, и за счёт рельефа. Говорят, что весной пораньше, когда цветут азалии с рододендронами, ещё великолепней.



Обратная дорога запомнилась двумя марш-бросками, которыми руководил голодный Командор. Только проедем трактир или кафе, которое приютилось на тесной дороге, так оказывается, что парковки нет или всё занято, как проедем дальше метров двести, найдём местечко для парковки, да как по дороге без тротуаров, рискуя жизнью, вернёмся в кафе, так оно оказывается закрытым. Говорят, в этой части Италии сиесты не бывает, просто работают не долго: атмосфера отдыха, озеро дают знать о себе.

По улице Данте

Хорошее название для стиха. Название есть, стиха нет. А стих нужен, потому что нельзя идти просто так, обыденно, заурядно, по улице Данте. А они, итальянцы, ходят, как и по улице Рафаэля, как и по улице Леонардо. Но если для них это просто улицы и просто их история, то что же для них то величественное и непостижимо разнообразно прекрасное, что живёт там, за пределами обычного, ежедневного быта? Если для нас это что-то за, выше, чем обыденная жизнь, то... Тогда приходится признать, что все они просто и есть обычные данте, рафаэли, петрарки.

Мы перешли через площадь Гарибальди и свернули на улицу Данте, потому что так было проще вернуться к той линии, которую замысловато проложил на карте города Кантú джипизс от нашего отеля до дома наших друзей. Над площадью Гарибальди, которая и сама на вершине холма, высится удивительно тонкая башня-колокольня собора святого Павла, в котором, в прозрачном гробу, мощи, вернее, череп и скелет какого-то святого. И покровительница города в виде Мадонны, чем-то напоминающей лицом молочницу Вермеера, держащая в руке клещи плотницкого образца, с вырванным зубом. Она была ещё и покровительницей дантистов. (Ага, ещё одна покровительница профессиональная!)

Баптистерий давнего века на холме с кипарисами

Когда перемещаешься в городе с историей между сакральными объектами разных веков, приходит в голову, что лет 300 назад, например, от Софийского собора до Лавры расстояние осталось тем же, но ландшафт и дороги... Может, и день надо было потратить, чтобы помолиться и тут, и там. Вот и мы сейчас идём к какому-то древнему-предревнему, сакральному-пресакральному объекту, который как-то не в центре. Но, судя по тысячелетней древности, как раз и был здесь тогда центр поселения. Остальной город пристроили потом. Хорошо, что подошли с южной стороны, потому что строение это и несколько высоких кипарисов около видны как бы снизу, на зелёном холме, высоко, к храму вообще нужно подниматься, стремиться. Называется Galliano di Cantú, Battistero di San Giovanni (Гальяно-ди-Канту, Баптистерий-сан-Джованни). Поскольку двойное название, и зданий оказалось два — одно округлое в плане, это, собственно, и был Баптистерий, с греческого — крестильня, помещение для крещения, другое — каменная, простых очертаний, с пологой

двускатной кровлей церковь. Был это целый комплекс, аж XI века. В круглом Баптистерии было пусто, только колокол в колесе, которое можно было крутить — и он бы звонил (никаких тебе верёвок и педалей). Вся конструкция колокольни располагалась в проёме, в окне, где-то на хорах.

За стенами же церкви, выстроенной на принятый в те века манер крепости, были остатки фресок, ступени к алтарю и тишина.

— Пойдёмте вниз, это большая редкость — помещение под алтарём открыто, там мощи святых! — увлекла нас Татьяна по старым ступеням.

Но там было пусто и пыльно, только выбеленные стены. Как оказалось, мощи перенесли в церковь св. Павла и ещё куда-то. Что ж, мощи — это уже некий предмет, который можно принести, унести, а не только поклоняться им.

Освещённый ярким тёплым солнцем, склон зеленью уходил вниз, под нами были домики и крыши, вдалеке синие-синие горы подчёркивали горизонт.

Старая ненужная крепость

Желдорстанция, с которой уезжали на Милан, была, собственно, станцией Канту-Каримате, то есть как бы на два города одна. Так вот, в это Каримате и поехали под вечер, чтобы органически завершить день, посвящённый местным кантувианским достопримечательностям. Был тихий вечер, а мы стояли на подъёмном мосту заброшенной крепости. Ворота наглухо опущены, а через прореху можно было видеть, что двор порос бурьян-травой. Как поведал интернет, крепость эта, замок, жив с XIV века, но, как видим, давно уж нездоров. В последней стадии своего онтогенеза был отелем, но, видимо, никто сюда особо не ездил, так и эта функция оказалась излишней. Множество раз менял хозяев. Честно сказать, особыми архитектурными достоинствами не отличался: параллелепипеды, плоскости, кубизм. Особенно, если рассматривать снизу, от ворот. Но привлекли внимание зубцы по верху крепостной стены. Что-то знакомое до боли было в них, какие-то воспоминания, отдающие памятью о чём-то надёжно утерянном. Не зубцы на стене, а какие-то куцые ласточкины хвосты с бойницами посередине. Да! Ведь это же совершенно кремлёвская стена! Вот где вспомнилось примечание для туристов российского патриархата относительно того, что Кремль и крепость Сфорцеза могут быть похожи, имея итальянские архитектурно-фортификационные корни.

А ещё — окрестности были малой родиной нашего Командора. Когда в крепости располагался ресторан, он наведывался туда с гастрономическими целями.

Политика и жизнь

Сама ситуация, которая позволила приехать сюда, рождала у наших друзей интерес к происходящему, к тому, что было связано с войной — было интересно всё, что происходило, как причины, так и следствия. Итальянское телевидение с утра до ночи вело передачи на тему украинско-российской войны. Ориентация, конечно, была антипутинская, проукраинская, проевропейская и антироссийская. Если было недосуг зрителю разбираться и углубляться, то можно было, как большинство и поступает, безоговорочно и надёжно принять позицию телевизора, но Татьяне были интересны детали. А как можно определиться с истиной, если даже мы, приехавшие, два беженца, и то имели несколько разные точки зрения как на происходящие, так и на предшествующие события. То ли проклятый ненормальный Путин ни с того ни с сего напал, то ли был долгий ряд событий, разных политических просчётов, недочётов, недоучётов и печальных недоразумений, которые привели к войне?

Татьяна показала мне целую серию статей одного итальянского историка, которые путём лингвистических компьютерных ухищрений можно было внимательно прочитать и по-русски. Тему для научного историко-социального исследования задал сам Путин, введя термин «денацификация» в качестве одного из предлогов и задач агрессии. Автор исследования дотошно и отстранённо разбирал исторические факты, сыпал фамилиями, некоторые из них были знакомы по политической жизни украинской страны, но автор их знал явно больше, чем я. Впрочем, результат исследования был очевиден и до исследования: искренне исповедуют и разделяют хоть нацистские, хоть коммунистические, хоть крайне левые, хоть правые воззрения очень немногие, если считать в процентах от населения любого государства. Подавляющее же большинство обывателей придерживаются, если можно так сказать, умеренных взглядов, по большей части оставаясь в политически пассивном состоянии, где больше, где меньше пребывая в политическом анабиозе. Вывод исследования был такой: да, было и есть в украинском политическом и социальном пейзаже немножко национализма, даже неонацизма, но так это же болезнь всех современных социумов, в самой России нацистов полно.

Но одно дело — читать итальянские исследования политических пейзажей экзотических стран, а другое — жить среди экзотики.

Немудрено было уже от этой политики утомиться. От этих бесконечных вопросов, которые, к сожалению, сводились к простому: можно ли вернуться домой и можно ли там, дома, нормально жить? Что до оценок, то здесь всё было довольно просто. Выбрала ли страна когда-то единственно возможный и единственно правильный путь после развала большой страны, империи? Трудно сказать уже хотя бы потому, что варианты выбора были однополярными (или только на восток, или только на запад), негибкими. Но надо ли соседнему государству грубо вмешаться и наводить свои порядки, не преступление ли есть такое вмешательство? Преступление.

Но как жить дальше? Пожалуй, это уже не политика, а внутреннее состояние. И что было ответить итальянским друзьям за политику? Всяк на неё смотрел со своей колокольни. Но, как принято сейчас говорить, есть же общечеловеческие ценности.

Всё-таки не то, чтобы споры, но вопросы продолжились потом в переписке. Получил интернет-ролик со страстной лекцией одного философа и писателя, это было больше похоже на пассионарную речь, бурные размышления относительно империй, Российской, в частности. Всякая разнородная по населению страна, где один народ пытается стать главным — уже империя, большая или маленькая, неважно. У каждого конфликта, особенно который приводит к войне, множество корней. Один как раз был в этом. Но почему-то не хотелось уже вдаваться в подробности. Где Италия, где Украина, и на каждой территории своя правда. Это же не научная конференция, где обсуждаются разные философские, отвлечённые вопросы, а дружеская переписка.

P.S. Какой только стороной не оборачиваются путешествия, слушаются и приключения! Когда мы прилетели в Дюссельдорф из Милана, произошёл некий странный случай. У нас кроме ручной клади был ещё чемодан апельсинового цвета, довольно большой. Скорее абрикосового, у него даже фактура была с каким-то пушком, как у персика (такой апельсина-абрикосо-персик, хороший чемоданчик, хотя и старый). Вид — довольно бывалый. Прилетели, ждём багажа. Ждём-пождём, а багажа с самолёта всё нет, пассажиры, что имеют что возить по Европе, более, чем 30 на 40 на 60, и мы с ними. Табличка светится над пустым транспортёром: рейс наш, из Милана. Простоявши полчаса,

вдруг радостно вскрикнули: на далёком транспортёре, который вообще к нам отношения не имел, ползёт наш абрикосовый чемодан! Один-единёшенек. Некое чудесное пришествие чемодана! Мы его даже открыли, посмотреть, наш ли, может, совпадение, с другого рейса? Нормально, наш!

Так бы мы про этот случай и забыли, чего не бывает в дороге. Но увидел, уже в начале июля, интересные репортажи. «Тысячи брошенных чемоданов!!!» Оказывается, с нашим апельсиновым были только первые вялые симптомы багажного кризиса! На фото действительно гора брошенных чемоданов, то ли пассажирами, то ли работниками авиалиний. Оказалось, после пандемии народ бросился в полёты, на курорты, на море, на самолёты. А тут им навстречу капиталистический способ производства: пока был вирус, летали мало, работников поувольняли, тех, что чемоданы носят-возят, а набрать новых с началом сезона (какой он ещё будет, этот сезон?) не додумались, побоялись. Оказалось, что эти толпы чемоданных пассажиров вообще некому обслуживать!!!

Ну что, не удачно ли мы слетали? Этот чувак, который из многих *вализ* выбрал именно наш персиковый, был мудрым и душевным человеком!

ВИНЬЯЛЕС

Место — остров Куба, провинция Пинар-дель-Рио.

Время — 2011 год

Идея побывать на Кубе пришла довольно неожиданно. Какие приоритеты выбора места? Красная земля тропиков, пейзажи с пальмами — это, конечно, было важно, но связь существовала ещё какая-то и во времени. Через два года после этой поездки я написал небольшую книжку «Частное открытие Америки», немного долго писал, но с большим интересом. Эту книжку и взял за основу этого рассказа. Там больше подробностей.

* * *

Разбудили петухи! Но мне кажется, я уже и не спал. Время сместилось, вернее — остановилось. Внутри меня оно бежало как обычно, и внешнее время тоже бежало как обычно, «как обычно» здесь, за 8000 километров от дома. Вот тебе и Эйнштейн с утра: связь пространства и времени. Если самолёт летит со скоростью вращения Земли, то время останавливается. В два часа вылетел из Парижа, в два часа прилетел в Гавану. Мы летим куда-то в пространстве и — никуда во времени. Совсем иначе, если мы летим против вращения Земли. Но об этом будем думать при обратном полете.

День

Далее наступил день первый. ОТЕЛЬ «Жасмин» или, может, ближе к нашему — «Жасмин»? Рецепция в трёхэтажном корпусе, а я в кабаньих домиках, которые в плотном ряду спускаются по холму. Открыл утром дверь, передо мной зелень склона, а внизу — долина Виньялес. В жемчужно-сером утреннем прозрачном тумане просматривался удивительный ландшафт. Из этого почти невидимого тумана здесь и там выпрыгивали верхушки пальм. Чуть вправо дыбилась крутая, нет, не гора и не скала, одним словом — моготе.

Картина была тихая и нереальная. Ничто не мешало видеть долину, вернее — её часть. Она уходила дальше влево и вправо, и только впереди взгляд упирался в большие мотогес Два Брата. Неожиданно я почувствовал географический дискомфорт: солнце высветлило часть неба, но совершенно с противоположной стороны относительно того, где я ожидал его увидеть. Солнце в тропиках действительно встаёт, как это отмечали многие путешественники, быстро. Томительного предутреннего часа нет вовсе, как и долгого вечера. Альфред Уоллес, который стоял рядом с Дарвином у истоков эволюционного учения, долго проживший в тропиках, подходит к вопросу с необходимой для учёного точностью: «Когда солнце закатилось, уже сразу заметно темнеет. Но в продолжение следующих 10 минут темнота едва ли увеличивается. Зато в следующее 10 минут темнеет очень быстро, а примерно через полчаса после захода солнца уже царит полная ночь». Справедливости ради надо сказать, что картина, описанная Уоллесом, точна, собственно, на экваторе. Чем дальше от него, тем вечер длиннее.

Здесь вспомнился Александр Гумбольдт, он ведь путешествовал, как явствует из названия одной из его книг, в «равноденственные страны». Это у нас, в высоких широтах, день то удлиняется до 21 июня, то сокращается до 21 декабря, а в тропиках все стабильно. Конечно, лирический этюд на тему «Как упоительны на Кубе вечера» написать можно, и написано их немало, но все-таки в Канаде или Патагонии времени для упоительности намного больше. Это же относится и к упоительным утрам.

В поход!

Как отличается всеохватный взгляд из космоса и реальный, с высоты 165 см! Я стоял на пороге отеля с рюкзаком и этюдничком в руках и думал: «Куда же мне идти?». Все эти дорожки, тропинки, даже дороги, которые были видны там, дома, на экране компа, совершенно не были видны отсюда. А была асфальтовая дорога, которая, как я сориентировался, налево — вела в Виньялес, а направо — в Пинар-дель-Рио. И пошёл я по дороге налево, поскольку направо до центра провинции было километров 30. Собственно, это пока не была дорога, шоссе, а скорее улица небольшой деревни. Несколько гигантских фикусов, при дороге, с толстыми, будто у какого-то огромного животного конечности, ветвями были удивительны в своей могучести.

Метров через двести справа по улице был сельский магазин, этакая помесь автобусной остановки и барака карельских лесозаготовителей середины XX века. *Tienda* (магазин), можно сказать ещё *almacen*, был с распахнутой дверью. На дощатом прилавке — весы — совершенно невероятный измерительный прибор. С большой чашей, например, для определения массы сахара или муки, сразу килограммов 8–10, и системой рычагов. Металл покрыт той особенной ржавчиной (я бы сказал — это патина железа), которая образуется не от химического соединения железа и кислорода, а вследствие реакции Fe + время.

— Hola!

— Hola, señor! — ответил мне продавец, продолжая упаковывать что-то на прилавке, покрытом патиной дерева.

В дверях показался человек невысоко роста с блестящей головой.

— Hola, señor! — Como esta Usted? — Как Ваши дела?

Он сначала церемонно представился:

— Joze Antonio Vera, — а потом уже, после короткой паузы:

— Buenas dias!

Ассортимент в магазинчике небогат. На маленьких полочках, как в ячейках в шкафчиках в детском саду, какие-то носки, футболки, железки. Молодёжный рюкзак тщательно укутан в полиэтилен, потому что вещь дорогая, кажется, 200 песо. Со стропил свисает несколько пар ботинок. Ботинки — сносу нет, вечного солдатского образца. А в углу — большой моток добротной колючей проволоки. От всего этого небогатства веяло чем-то знакомым, даже ностальгическим — социалистической деревней. Однако, может, во времена Батисты здесь было так же? А может, и хуже? Но что изменилось? Этот вопрос меня постоянно занимал, я проецировал его на свой собственный исторический опыт. Если бы я не был «родом из СССР», я бы задал наивный вопрос: как это получается, что в магазинах пусто, а люди ходят вполне одетыми?..

А дальше... Дальше вдоль дороги было невысокое ограждение в две проволоки, белый бык с тупыми обрезанными рогами и большими обвислыми ушами, лежащий на жёсткой траве пологого склона, дорожка к небольшому дому с низкой крышей и другая — к большому сараю, скорее, шалашу из пальмовых листьев. Я остановился у входа во двор, делая какие-то зарисовки. Это не был двор, а скорее — простор, поляна, а по дорожке ко мне уже приближался плотный дядька в шляпе ковбойского типа, лет эдак шестидесяти, и радостно улыбался.

— О! Туриста! Из какой страны?

- Из СССР.
- О! Прекрасно!
- Если уточнить, то из Украины.
- Que bien! Vamos! — Как хорошо! Пойдём, я тебе покажу хозяйство.

Во мне, видимо, всегда будет жить таким атавизмом юношеское представление об интернационализме советского толка. Ну, да, был некий романтизм, сохранившийся на несколько процентов даже в сувенирно-футболочном Че, ностальгический романтизм ушедшего времени. Но надо было быть вполне живым ископаемым, чтобы представлять, что кого-то сильно трогает моё социалистическое прошлое. Отель этот «Хасмин» стоит уже полвека, и совсем другое тысячелетие на дворе его! Просто ни дружба народов, ни социалистическое братство не отменяют обычных принципов — я, мой дом, моя семья. Ну, а уж потом — моя страна. Потому что на благополучие семьи я могу ещё как-то повлиять, а страна живёт по своим, внешним для моего огорода законам.

Это я к тому, что мне стоило определённых усилий, вот сейчас, в первый день, освобождаться от иллюзий, чтобы понять, что радушие Рауля, как он мне представился, никак не было связано с моим происхождением, а было связано к нескольким, гипотетическими, песо, которыми, как он полагает, любят сорить туристы. Экскурсию по своей асьенде Рауль начал с плуга, который притулился под деревом.

— Американский! — с гордостью сказал он.

Плуг действительно был основательный по конструкции, и также основательно ржавый. Это меня как-то и потом при встречах с сельскохозяйственным инвентарём озадачивало. Я помню, в детстве, когда мать приглашала какого-то селянина вспахать огород под картошку, на телеге привозили плуг. Больше всего мне нравилась его как-то математически правильно изогнутая, сверкающая, зеркально отполированная землёй рабочая поверхность. Казалось, что не силой лошади, а именно за счёт этой гладкости и этой совершенной формы он легко отваливал землю волну за волной. И наступала настоящая весна!

Потом, в долине, я видел не один плуг, также под деревом, но ни разу не видел той самой отполированной поверхности. Может, земля другая, может, климат более коррозийный, хотя пашут они, как я заметил, гораздо чаще, практически постоянно ты видишь в долине пахаря.

— Вот смотри, это мои пальмы, это кофейные деревья.

Действительно, возле домика были небольшие с красными плодами деревья. А потом мы пошли в этот большой, даже гигантский шалаш. Это

было моё первое знакомство с секадерией (от *secar* — сушить) — сушилкой для табака. Все они в долине, наверное, по всей Кубе, были построены по одному плану. И были почти одного размера. Это было довольно солидное строение метров 6–7 высотой. Размер этот, очевидно, не случаен, а выверен годами, ибо от него зависит так много — качество первичной сушки табака. Изнутри был виден каркас из толстых жердей, а покрыт он был пальмовыми листьями. Мне потом говорили, что надо несколько сот листьев пальмы, причём их разрезают на 3 части.

В секадерии стоял невероятный аромат увядающего табачного листа. Запах был медовый с еле ощутимой горечью. Листья, ровными рядами развешанные на жердях, заполняли все пространство. Толстый слой пальмового покрытия создавал внутри особый микроклимат — не очень жарко и не влажно. В стенах были ещё вентиляционные окна. Рауль быстренько пролез в дальний угол и притащил охапку сигар, запакованных по дюжине.

— 10 КУК за 12 сигар!

Зачем я ему ещё был нужен? Конечно, я интересовал его исключительно как потенциальный покупатель.

— Нет, спасибо, уже 20 лет не курю.

— Тогда друзьям.

— И друзья не курят.

Я подумал. В моем ближнем окружении было больше курящих женщин, чем мужчин. Ну, а зачем женщине сигара?

— Этого не может быть! — воскликнул Рауль.

Я был далёк уже от курения вообще, а уж от «гаваны классика» и подавно! Но если бы тогда я знал хоть немного о том, как эти сигары делаются, я бы совершенно по-другому смотрел бы и на этот пальмовый сарай, и на эту связку сигар, и на Рауля!

Стоит здесь немного остановиться на вопросе о профессионализме и любительстве. Сколько бы ни говорили многие наши соотечественники о том, что виски — это тот же самогон, только с красивой этикеткой на бутылке, однако «Glenmorangie Single Highland» пятнадцатилетней — это все-таки некое творение рук человеческих, из разряда тех, что вносятся в список культурного наследия ЮНЕСКО! (Хотя, буряковский самогон — тоже часть культуры.) Как вы заметили, кроме прочего, дело ещё и во времени, той самой выдержке. Вот и настоящая кубинская сигара, «гава-

на» — тоже продукт времени. Знаете ли вы, что для производства самого тончайшего фарфора глиняная масса должна отстаиваться десятки, а лучше 100 лет? Какой любитель может себе это позволить? Так и сигары, которые предлагал мне Рауль, были, видимо, весьма хороши, более того, по качеству они очень близки к сигарам, которые сворачивали когда-то из листьев табака индейцы, колумбовых и до времён, однако далеки от настоящих, технология производства которых сильно усложнилась. Профессионально Рауль выполняет только первый, хотя, безусловно, один из важнейших этапов. Он выращивает табак и проводит первую сушку.

Сложность внутреннего устройства сигары, её анатомии, предполагает использование нескольких типов табачного листа. Внутри находится наполнитель. Для него смешивают три типа: *volado* (летучий), имеющий лёгкий запах, особенно ценится за горючесть; *seco* (сухой), лист с умеренным запахом, и *ligero* (лёгкий), который обладает сильным запахом и медленно горит. Далее идёт подлист, или *capote* (накидка), специальный лист, в который заворачивают листья наполнителя, определяющий форму сигары. И, наконец, покровный лист или *sara* (покров), из тонкого листа, образующего внешнюю поверхность сигары.

Классические гаванские сигары имеют маркировку «Totalmente a Mano», это значит — сделаны полностью вручную. Суть изготовления сигары — это скручивание листа, поэтому мастера этого дела и называются *torcedores*, а поскольку большинство из них женщины, то — *torcedoras*. В соответствии с тонкой анатомией сигары укладываются и сворачиваются листья. За смену квалифицированный *torcedor* может изготовить до 150 сигар.

То есть сигара не есть просто скрученные (пусть даже и достаточно искусно) табачные листья...

К сожалению (для Рауля) моё безразличное отношение к курению было правдой. Правдой было и то, что я не имел ещё ни песеты местных денег. Познакомился с его женой, очень обрадовавшейся конфете «от Рошен». Была она одета по-рабочему: в совершенно немислимых остатках какой-то кофты, состоявшей из двух рукавов, соединённых на спине узкой перемычкой. Ещё появился внук Рауля.

— Вот тебе жвачка — *chicle*.

На том и расстались. Впереди ждала меня дорога. Кроме естественного любопытства — а что там? — была ещё и вполне бытовая необходимость — обмен денег.

Виньялес — город

Прогулка моя до городка Виньялес не была захватывающей, хотя это было и первое маленькое путешествие. Была дорога чёрно-синего асфальта, и я шёл по обочине. Все мои дорожно-маршрутные планы совершенно вылетели из головы, когда я столкнулся с действительностью. Так легко было измерять расстояния на экране компьютера — и как смутили меня эти просторы долины в реальности.

Навстречу пробегали машины. То старый «Шевроле» немислимого цвета, то ЗИЛ с кузовом, в котором весело, упакованные, как початки кукурузы, стояли кубинцы и неслись, неслись куда-то, обдуваемые жарким воздухом. Я им махал рукой, и они приветливо стремительно отвечали мне.

Вот недалеко от дороги два загадочных пахаря, на двух черных быках обрабатывающие кусок рыжей земли. Загадочных потому, что непонятно мне, какое сейчас время года, ведь оно здесь практически одно и то же. (Таки объяснение бесконечному паханию земли я нашёл в одной книжке про табак. Оказывается, одним из условий высоких урожаев качественного листа есть произрастание в земле, которая перепахана бесчисленное количество раз.)

Вышел в какую-то долинку, через которую дальше стремится дорога. Замечательный для живописи сюжет: дорога, отдающая синим и фиолетовым, изогнулась вправо, огибая зелёный луг и поле, за ним тёмная полоска леса на фоне голубых гор. А справа от дороги — большое дерево фламбоян, всё в оранжево-красном облаке цветов. И стройные тоненькие сосны вдоль дороги, задающие нежный, но уверенный ритм. Несколько белых под черепичными оранжевыми крышами домиков. Так непривычно видеть столь несолидные жилища. А зачем здесь толстые стены, дымоход? Всегда тепло.

При входе в городок путника встречает большой плакат: «Para tener mas hay que partir de producir mas!», смысл изречения я понял так: «Чтобы иметь больше, надо производить больше!». И тут же местным веласкесом изображены плоды земли: листья какого-то чахлого салата, а может — табака, несколько экзотических фруктов и длинный арбуз с вырезанным ломтём. Под изречением подпись: Кастро, но уже Рауль. Спорить с Раулем трудно. Он совершенно прав!

Наконец, перед маленьким мостиком столб с дорожной надписью «Viñales». А под мостом речка, только в ней не вода, в общепринятом

смысле, а медленно проистекавшая глинистая оранжевая жижа. Вот они, эрозионные процессы. И это ещё не дождливый сезон, вообще, говорили, засуха!

Виньялес — городок муниципальный, municipio, райцентр, короче. Вся страна разбита на 14 провинций, одна из которых — это Исла-де-Хувентуд, то есть остров, а остальные нарезают остров, как большую рыбу. А внутри провинций эти самые муниципии.

Ещё дома, разглядывая космоснимки «Гугла», отметил, что улица главная из трех или четырёх, называется в честь Сальвадора Сиснероса Бетанкура, одного из первых президентов Кубы. Черепичные крыши при взгляде сверху тянутся так ровненько вдоль улиц, а между ними — внутри кварталов — много деревьев. В углу, который образуют улица Сиснерос и та, что ведёт к отелю «Ермита», веер бейсбольного поля. Почти в конце главной улицы — скопление зелени и отмечено: «Ботанический сад». Это интересно!

А вокруг городка — прямоугольники полей, зелёных, розово-коричневых, красных, да бархатные, как кочки мха, моготес.



Городок Виньялес был основан в 1878 году, а первым поселением было ранчо некоего дона Андреаса Эрнандеса Рамоса. Хорошее выбрал местечко.

А что же видно при взгляде с высоты моего роста? Городок одноэтажный, как это по нашей классификации — посёлок приблизительно городского типа. Жилища по их внешней солидности можно разделить на два типа: совсем лёгкие павильончики и побольше, покраше. Но план

строения везде одинаков. Навес, подпираемый колоннами разного цвета, конфигураций, диаметров и сечений, и собственно дом. Надо понимать, что основная жизнь идёт на заднем дворе. А на веранде — неизменные качалки, в которых можно качаться, наблюдая жизнь улицы. Функционально — это та же скамейка перед воротами, сидение на завалинке. Желание не просто сидеть, отдыхать, но наблюдать окрестности и себя показать — абсолютно внационально.

Что облагораживает и, я бы сказал, дисциплинирует улицы Виньялеса, да, наверное, и всей Кубы — так это дети, идущие из школы (или в школу). В одинаковой весёлой форме, белых блузках и рубашках, в синих, зелёных и красных (в зависимости от возраста и класса, по-видимому) галстуках. Вот и сейчас они проходят из школы мимо, а я сижу при дороге и роюсь в своём рюкзаке, обнаружив, что с собой нет паспорта, а я-то иду за деньгами в банк!

Но надо идти дальше. По этой самой улице Сиснерос. Широкий тротуар. Между ним и дорогой — трава и деревья в ряд. Справа — сплошная колоннада. Колонны, поддерживающие крыши над этими верандами. Они и есть главное украшение домов, потому что за ними обычно глухая стена с дверями. Глубокие тени, никаких украшательств. Однако вот заметил на одной старой коричневой двери круглый металлический знак. Будто тарелка, а на ней циркуль раскрытый, угольник вверх рожками и буква «G». Масоны! Здесь жил масон! А я всегда думал, что это была организация крайне тайная, криптическая и неуловимо подпольная. Я вспомнил про Пьера Безухова (подробности см. у Льва Толстого).

Продолжая движение по улице Сиснерос, вы можете увидеть один из домов в их сплошной череде, перед которым лицом к проезжей части стоит бюст в большой шляпе. Поскольку на лихо загнутом поле сомбреро красуется пятиконечная звезда, можно определить, что это какой-то герой. Так оно и оказалось. Только не герой, а героиня! Спиной к своему собственному дому, где сейчас муниципальный музей, стоит бюст Адэлы Аскуй Лабрадор (1861–1914). О! Это была удивительная женщина. Надо сказать, что, глядя на скульптуру, сложно определить даже пол героя, а вот на старой фотографии, которую я добыл потом в интернете, это прехорошенькая, с высокой причёской мадемуазель Габриэла де ла Комо Каридад Аскуй Лабрадор. Она стала капитаном и, к счастью, не погибла в бою, а умерла своей смертью.

А что до музея, то основное его достоинство в том, что он местный и каждая мелочь в нем своя, отсюда, из этой долины.

Ну вот, этот городок о трех прямых, как стрелы, улицах открыл для меня свою центральную площадь. Собственно, площади как таковой не было. Было некое возвышение влево от улицы, на которое надо было подняться по широким ступеням, и за площадкой двухэтажный дом с шестью колоннами — Дом культуры. И несколько раскладок сувениров под этими колоннами. Че Гевара на футболках, большие и маленькие игрушечные шляпы, не очень изящные поделки из дерева, маракасы. Эти музыкальные инструменты сделаны из плодов пушечного дерева, я их потом встречал в долине: большие зелёные, почти правильные шары сантиметров 8–9 в диаметре. Сначала они зелёные, потом высыхают — и в них гремят сухие семена. Только ручку приделай да раскрась, или покрой поверхность резьбой — и готов инструмент!

В банке, недалеко от этой площади, без паспорта менять деньги не захотели, но дали надежду: идите, мол, в «Кадека», там могут поменять без паспорта. Эта «Кадека», видимо, какая-то аббревиатура, насколько я потом понял — единственная кроме банка контора, в которой деньги можно поменять. Беда была в том, что на двери этого учреждения, по другую сторону площади, в распорядке дня значилось: перерыв с 12 до 16, сиеста, мол, сеньоры!

Что делать? А ничего не делать, жить по-тропически — сиестить, отдыхать.

И сел тогда я под пальмой, большой такой королевской пальмой, сел на лавочку и достал из рюкзака этюдничек. Писание этюда не считается тяжёлой работой, как для сиесты.

Что же мы здесь вокруг видим, что можно отобразить? Ствол пальмы надо мною, устремлённый в небо и поддерживающий спасительный зонтик листьев, в тени которого я скрывался от солнца, совершенно схож с бетонным столбом. Прямо как в той притче про слепых мудрецов и слона. Детали не дают представления о целом, но бывают интереснее целого. Однако не увлекайтесь деталями, ибо вы можете получить искажённое представление о мире. И все-таки, я совершенно не представляю, как по этому бетонному столбу к листьям движутся соки земли, а то, что они движутся и поэтому дерево охраняет меня от палящего солнца своими зелёными листьями, которые ещё при этом занимаются фотосинтезом — абсолютный факт!

Слева от меня, как бы на пороге площади — постамент с неизменным бюстом Хосе Марти. От постамента отходят этикие полукруглые крылья, и все это создаёт впечатление какого-то фонтана. Так и хотелось

бы, чтобы это был фонтан. Но нет, всё сухо! И там же, по траектории взгляда влево, была ещё церковь. Не отличалась она изысканностью архитектуры — дом с колокольной, высокая ограда. А колокольную венчал небольшой голубоватый купол. Но был, был-таки один своеобразный архитектурный элемент, который придавал всему строению некую индивидуальность. Четыре угла вокруг куполка были резко приподняты, и казалось, что это орех торчит из листочков. Что-то арабское, восточное проглядывалось в этом здании.

У церкви была повреждена крыша. Как мне сказали потом, повредил её три года назад могучий циклон. Думаю, что у прихожан (много ли их тут?) хватает других, более земных забот, помимо восстановления церкви.

А над церковью и всем городком бродили тучи и пугали собирающимся дождём. Нет, скорее не пугали, а подавали надежду. Но напрасную. Дождь в этот день так и не пошёл. Сухо и жарко было вокруг.

И никто ко мне не подходит. Никто не интересуется. Что этот дядька чужой сидит на лавке и малюет. Интересна эта психология туриста и путешественника! То, чем он занимается, путешествие, основной массой оседлого человечества рассматриваются как временная забава, разновидность безделья, отдыха. У людей вокруг полно простых домашних забот. Они, может быть, и рады бы свалить подальше от них, да деться некуда. Когда эта идея — «свалить» — овладевала массами и начинались

великие переселения народов, это больше походило на катастрофу, чем на туризм. Да, это уже и не туризм, когда ВСЕ твои заботы едут вместе с тобой. Но индивидуальный или мелкогрупповой турист думает, что всем вокруг тоже делать нечего, только бы пообщаться, порасспросить, откуда вы да чего вам дома не сидится?

Нет, какая-то явно нездешняя дама подкралась и заглядывает через плечо. Показывать ещё нечего. Так же незаметно исчезает. Ага, вот подходит пожилой коричневокожий абориген беззаботного вида, с такой же коричне-



вой сигарой толщиной почти с его худую руку (явно сам скрутил, листьяв для себя не пожалел). Не курит, так, посасывает. В шляпе соломенной с поднятыми вверх полями, как панамки у американских моряков. Постоял, опираясь на бетонный столб пальмы, посмотрел.

— Как дела? — это я. — Как дела, amigo?

— Bien. — Хорошо.

— А пенсию получаешь?

— Да, 200 песо.

Так вот пообщались. Этюд получился неудачный. Надо было сосредоточиться на чем-то одном. Но эта церковка и облака над ней запомнились.

Отдохнули, пора и дальше двигаться. До четырёх часов ещё далеко. Где-то здесь, в конце улицы, находится этот самый Ботсад. Конечно, это интересный объект, надо посетить. Мне почему-то представлялось, что к нему, к этому саду, ведёт тенистая аллея, и обязательно есть арка, увитая лианами и яркими тропическими цветами. Но тропических ботанических садов я видел не так много — например, на Сейшелах, на острове Маэ. Что запомнилось — зелёные склоны, покрытые жёсткой стелющейся травкой, стволы могучих деревьев и множество больших наземным моллюсков ахатин.

Я довольно долго шёл по улице и понял, что городок уже заканчивается, а сада всё нет. Вернулся по дороге и стал расспрашивать у пионеров в синих галстуках на остановке автобуса, где здесь Ботсад.

— Это там, — сказали мне они и показали в сторону центра. — Там арка такая.

Пойдём обратно искать невидимую арку. Я был прав — арка есть!

Она действительно была. Но очень маленькая. Мне, кажется, пришлось даже наклонить голову. От арки дорожка вела к небольшому дому, из которого вышла плотного сложения женщина с радушной улыбкой на лице.

— О, сеньор, добро пожаловать!

И пропала. Через минуту вышла другая — более миниатюрная, светло-шоколадной кожи, лет сорока. Уж она-то и пригласила меня на прогулку, скорее — на экскурсию. Оказалось, что Ботсад этот остался как наследие подвижнического труда одного местного жителя. Сад представлял собой довольно беспорядочное скопление тропических растений. Было здесь и дерево какао, и сейба, и древовидный хлопчатник.

— Вон, смотрите, смотрите — колибри!

Хозяйка, конечно, знала, что эта маленькая иссиня-черная с зелёным отливом птичка мне интересна. Клюв у неё был очень длинный, почти в половину тела. Она взлетела и зависла над каким-то цветком. Я нацелил на неё свой фотоаппарат.

Вдоль стены в горшках стояла великолепная коллекция кротонов. Пёстрые листья были самой различной формы. Правда, ничего особо уникального в них не было — на выходе из гостиницы я видел целую живую изгородь из этих растений, очень похожих на тот сорт, который у меня дома стоит на окне в горшочке. А потом хозяйка с немалой любовью показывала мне свою коллекцию орхидей.

На деревьях тут и там были эпифиты — растения, которые обитают на растениях же. Это очень характерная для тропических лесов жизненная форма. Большие деревья почти полностью перехватывают весь солнечный свет. На почву попадает не более одного его процента. Вот растения и поднимаются в более высокие этажи на плечи своих могучих собратьев. При большой влажности необходимая вода поглощается листьями, не нужны мощные корни. Правда, среди этих эпифитов есть много паразитических растений, вроде нашей омелы. Такая вот ботаника.

Очень интересны были кактусы-лианы. Они, как ребристые колючие ленты, ползут вверх по стволам деревьев. Типичное явление для тропиков Нового Света, где и сосредоточено наибольшее разнообразие кактусов.

Была и сейба с настоящими, типичными именно для тропических деревьев досковидными корнями, которые поддерживают дерево опять же с типично небольшой корневой системой. Сейбу ещё называют хлопковым деревом, потому что в плодах её много волокон, из которых делают экологически чистые подушки. Было также ещё хлебное дерево с пупырчатыми плодами.

Закончилась наша экскурсия отдыхом в плетёном кресле и блюдом с фруктами из этого сада, съел я маленький банан. И понял, что все это делается на энтузиазме нескольких человек, вот этих двух женщин и их помощника. Оставил несколько международных монет, как и все туристы.

Кстати, о деньгах. Пора уже и в обменку. Действительно, кассирша согласилась без паспорта обменять, посмотрела на мою страховку и выписала квитанцию. Курс такой интересный: этот КУК дороже доллара, ну прямо как у нас в старые времена — некий мифический доллар, которого никто никогда не видел (кроме как в карикатурах на капиталистов в журнале «Крокодил»), стоил ведь 90 копеек!

Вечер

Маленький тропический вечер опускался над долиной. После жаркого дня, после томного погружения в гостиничный бассейн, после незамысловатого ужина из концентратов, мангового сока с водкой я сидел в своём кресле-качалке, или сильоне, с кружкой чая и созерцал вечерний ландшафт. Может, где-то и есть точка получше для любования этим пейзажем, но мне моя очень нравилась.

Передо мной, несмотря на лоскуты вспаханных полей, простирался совершенно доисторический пейзаж. Юрско-меловой, лет эдак 150 миллионов тому назад. Всмотриваясь через уплотняющийся вечерний воздух, я поджидал появления из-за ближайшего моготе какого-нибудь динозавра. Единственное, что меня смущало — это его размер. То ли он будет огромным и, высунув голову из-за скалы, будет осматривать долину, и, может быть, покосится на меня. То ли это будет стайка мелких рептилий, пугливо пощипывающих траву в предчувствии появления тираннозавра. Пока не появились — и стало уже темнеть.

Пейзаж. Это и есть та самая окружающая среда, которую надо охранять. Только менее всего заботятся об охране того, что для глаза, для души, больше — о том, что для тела и организма. Сводя все к здоровой пище, здоровому воздуху, здоровой, конечно же, воде. Без сомнения, в этом есть смысл. Ибо — бытие определяет. Ибо — окружающая среда — это не только, как написано в учебниках экологии, источник энергии и полезных и необходимых веществ, но и место, куда организм выбрасывает ненужное или вредное для него. К счастью, биосфера устроена таким образом, что ненужное для одних есть необходимое для других. Все дело в балансе. Если этого ненужного становится слишком много и потребители уже не могут его переработать, неминуема катастрофа.

Это к чему всё? К тому, что биологическое в человеке преобладает над духовным (сначала поужинал, потом сел любоваться пейзажем). Тем не менее, окружающая среда — не только место для отходов. И не с пейзажа ли всё для человека начинается?

Тот пейзаж, который раскинулся передо мной, был лишён обычной, привычной логики. Вот, например, степь. Плоская или чуть всхолмленная земля. Она вся выглажена, будто огромным утюгом — ни резкой

складки, ни вертикали, ни пика. И нет ничего, за что можно было бы зацепиться глазу. Только воздух дрожит вдалеке, размывая горизонт. И оказывается, что в пейзаже доминирует не земля, а небо! И облако, гигантское облако Куинджи логически дополняет весь пейзаж. В этом дополнении ландшафта есть логика: горизонталь уравнивается вертикалями, дополнительными массами.

Или логика горного пейзажа. Всё устремлено вверх, и всё это противостоит естественному, под силой тяжести, движению вниз, к центру Земли! Это внутреннее противоречие создаёт всю драматичность пейзажа. А если над всем этим (или при всём этом) ещё и человек, как у Каспара Фридриха — «Путник над морем тумана» — то этот драматизм доведён до высшей точки напряжения. И эта логика принимается, она органична, закончена.

Здесь же ландшафтно-географическая логика отсутствовала. Плоская равнина намекала на существование древнего моря с его мелким илистым дном, в котором вольготно жилось трилобитам. И вдруг из этого покоя, застоя, благополучия прогретой солнцем колоссальной лужи вздыбливаются, выпирают, всё ломают эти холмы, моготес, невысокие упрямые горы. Эта смесь была алогична, но тем и притягательна.

Нашёл когда-то у Максимилиана Волошина интересную мысль о пейзаже. Для него это окружение Коктебеля холмами было очень важно, для него как художника и поэта это была часть его жизни. Он писал: «Вообще о пейзаже надо не только *очень много думать*, но и много *сравнивать*. У пейзажа есть самый разнообразный возраст. Есть пейзаж совсем молодой, есть глубокой древности. Потому что пейзаж как лицо страны может быть также разнообразен, как человеческое. Всё, что пережито землёй — всё отражено в пейзаже».

Сравнивать, сравнивать... Не геоморфологические структуры, а настроение. Вот такое сравнение. Тёплым ласковым октябрьским днём стою я на холме, а за спиной у меня Карадаг, а передо мной — бухта Коктебеля. Плавной-плавной дугой она врезается в холмистую землю. А холмы пологи, очертания их мягки. Древний пейзаж. Нет этой юношеской вздыбленности, рваности скал. И горчичный цвет пожухлых трав, он не отражает осень и увядание, а жаркое лето и высыхание. И от горчичного цвета — горький запах осени. А где же сам Коктебель? Вот он, здесь, если присмотреться — целый посёлок или городок. Но он мало уместен здесь, в этом древнем пейзаже.

Правда, за спиной у меня — Карадаг — тоже древний пейзаж. Но древний не потому, что я знаю, что это юрский взорвавшийся вулкан, а потому, что он чувствуется как древний. Может быть, потому что в каком-то смысле — варварский. С этим нагромождением скал, неожиданных поднятий и провалов.

И если в коктейльском пейзаже растительность не играет никакой роли, только придаёт холмам осенний цвет охры, то в пейзаже Виньялеса — одна из доминант. Мягкие очертания моготес создаёт растительность, уходящие вдаль планы в тумане — тоже. Каждая пальма занимает композиционно чётко выверенное место.

Небо становилось лимонно-жёлтым над фиолетовыми горами. Ближние моготес ещё хранили дневную зелень, а поля уже погружались в сумрак. Я включил свет в своём патио, ибо писать было уже темно, и на свет начали собираться квакши.

Эти шустрые лягушки умели не только отважно прыгать с крыши, а потом, как мячики, отскочив от пола, приклеиваться к стене, но и долго сидеть неподвижно, притаившись около лампы. Собственно, затаиваться было негде, только голая стена, но они сидели и ждали. Вокруг носилось множество мелкой мошкеры, эти мошки сидели и на самих лягушках, но те ждали, видимо, крупную добычу. Попробуем рассмотреть их поближе. Они сейчас бледно-зелёного цвета. Вообще, квакши очень легко меняют окраску, в зависимости от того, на чём сидят — на листке или на коре дерева. Даже наша, европейская, квакша-древесница, у неё такое красивое латинское название — *Hyla arborea* — как её тропические собратья, быстро становится то ярко-зелёной, то почти лимонной. У них чудесные артистические лапки с длинными пальцами, которые совершенно не портят присоски на кончиках. Присоски-то и делают их акробатами, легко цепляющимися за любую поверхность. Надо сказать, что мои гости были намного крупнее наших квакш. Да ещё кожа у них была не гладкой, а вся в прыщиках. И совершенно роскошными были глаза! Огромные и золотистые. На фотографии потом я смог разглядеть их подробнее. Золотистая полусфера по экватору пересечена коричневой полосой, на которой горизонтальный чёрный сплюснутый ромб-зрачок, обведённый жёлтой полоской. А от экватора к полюсам — словно речки на глобусе — маленькие сосуды сливаются в более крупные. И это всё придаёт глазам вид отполированных сверкающих драгоценных камней.

Никакой охоты, надо сказать, я так и не дождался. Крупная добыча сегодня на свет не прилетела.

Чтобы читатель не подумал, что вот, мол, прогулялся по жаре туда-сюда километров 15, посидел, посмотрел на пейзаж — бодр и свеж, как молодой огурчик, поведаю об окончании дня. Оказалось, что усталость проникла в весь организм, отключила все механизмы самозащиты. Пора спать. Пошёл чистить зубы. И пока, как у Крамарова в «Джентльменах удачи», не пошла пена изо рта, я не догадался, что чищу зубы кремом для бритья!

День второй

На следующий день я долго колебался: а не остаться ли дома, для любования пейзажем и зарисовками долины, или все-таки двигаться в природу?

Долг путешественника пересилил. А долг этот всегда зовёт в дорогу, которую надо было начать с первого шага, предварительно выбрав направление. Дело в том, что сразу за моим двориком начинался склон, покрытый зелёной, но очень какой-то нешелковистой травой. Она была прочна, упруга под ногами, зеленела и вполне сопротивлялась жаркому солнцу. А упирался склон в сетчатый забор. Время от времени за ним показывалась белая корова, как-то вскарабкавшаяся на этот вверх, но забор этот довольно эфемерный был непреодолимой преградой как для неё, так и для моего спуска в долину. Удивительно, что забор этот, как оказалось, был совершенно цел по всему периметру, ни одной дырки!

В силу целостности забора пришлось далеко обходить, просто-напросто выходить через главный вход в отель, зато я увидел тропу, которая уходила вниз почти по оврагу, по узкой такой расселине. Здесь я обнаружил коновязь и нескольких осёдланных гнедых лошадей, и тех петушков, что разбудили в первое утро. Позже я заметил: все лошади здесь гнедые или почти черные и очень уж грациальной конституции. Эти шеи стройные, эти ножки, как палочки. Как-то было трудно представить себе, что их можно впрячь в плуг или вообще как-то использовать в работе. Это лошади под седло, а в седло — бравых стройных вакерос! А седла на лошадях, кстати, были сложной профессиональной, какой-то даже старинной работы!

Мимо лошадей, мимо стайки кур и петушков, тоже маленьких и стройненьких — вниз по тропе, в долину!

А долина обескуражила. Эффект взгляда сверху пропал. Горизонта не было видно. Были видны голубые приземистые горы. Видны были несколько моготес и довольно плоская равнина между ними. Туда и сюда убегали грунтовые дороги красного и оранжевого цвета.

Передо мной был тот самый зелёный бархатный моготе, который украшал наблюдаемый мной сверху пейзаж. Дорога мимо него вела по небольшому склону и какими-то старыми дождями была размыта, обнажая кусок красной земли. Несколько деревьев со стволами цвета яркой жжёной охры цепочкой выстроились вдоль дороги. Я пошёл к каменной стене, как-то трудно сказать — к скале, над которой в вышине висела зелень деревьев, прицепившихся к камню.

Все то же чувство нереальной древности. Это не производило впечатления скалы, камня. Это было похоже на какую-то тестообразную субстанцию, которая вот только недавно текла, как холодная белоохристая лава, и застывала причудливыми потёками. Как-то сразу стало ясно, что ни при каких геологических обстоятельствах в нашем XXI веке такое происходить не может, а тогда, миллионы лет назад — это было обычное явление. Но ты как будто только чуть-чуть не успел на это геологическое представление. Даже хотелось пощупать: успело ли затвердеть? Были здесь и пещерки, и небольшие ниши, которыми, как казалось, начинались бесконечные пути в чрево этого каменного острова. На север от Виньялеса как раз такие пещеры и есть, там в своё время скрывались беглые рабы.

Рядом с моготе было «Вечное поле», может, и не совсем вечное, но на снимке в кубинском учебнике географии 1960 года, что стоит у меня дома на полке, это поле точно на том же месте. На этом вечном поле такой же вечный крестьянин выполнял свою вечную работу — обрабатывал землю. На данный момент это было боронование (вчера они там пахали). Зрелище, достойное внимания. Два белых быка, как бы совершенно не замечая этого, тащили борону. Что это была за борона! Огромная рогатка, но без ручки, такая, из большого дерева, снизу торчали зубья. Чтобы орудие работало более эффективно, погонщик стоя ехал на этой бороне, для веса. С некоторыми поправками вполне похоже на езду на собаках в Канаде, только гораздо монументальнее и совсем не стремительно.

Дороги разбегались по равнине, а между дорогами были поля, и ни на одном не увидел я буйной зелени. Что маис-кукуруза, что канья-сахарный тростник, что ананасы — все было чахлое, какое-то сухое, неплодородное. Засуха, видимо, была нешуточная. Потом Леонардо, крестьянин и, мне кажется, хозяин этого вечного поля, рассказывал, что, действительно, небольшое водохранилище, которое было очень важным для полива в этом году, практически высохло.

Но так здесь не всегда. Вот пример: почти все кольца, вбитые в землю для проволочной изгороди, выпустили ветки и стали почти деревцами.

А над долиной и надо мной кружили и кружили черные птицы. Это были падальщики — тиньоса, довольно крупные грифы, размером почти с индюка. Они ведь не зря кружат и кружат над долиной. Где-нибудь, да и найдётся добыча. Я в разных местах в долине встречал такие микропитомники: под деревом несколько свинок, куры, те самые крикливые петушки. Корыто для воды, в которое эту воду хозяин время от времени наливает. Часто можно встретить компанию поросят с длинными рыльцами и быстрыми ножками. А птицы не нападают, они ждут. И дожидаются непременно, иначе их не было бы так много.

В один день на опушке леса, довольно недалеко от моего жилища мне удалось разглядеть их поближе. Я шёл через лес по тропинке и, выйдя на поляну, натолкнулся на небольшой пир. Посреди полянки был кол с оборванной верёвкой, на большом пальмовом листе — кровь. За кустиком чьи-то останки, кажется, телёнка. И вокруг ходили по земле и сидели на ветках эти тиньоса. Как ни хорош собой может быть мусорщик, грациозно переворачивающийся мусорный бак в чрево машины-мусоровоза, как ни грациозно он вскакивает на подножку ея, ан никогда не сравнить его с самым захудалым гонщиком Формулы-1. Так же и гриф отличается от орла. Вроде и большая птица, представительная, но эта голая красная головка, клюв, вроде и хищно загнутый, но какой-то слабый — все напоминает индюшку, рядящуюся в перья настоящего хищника. Кроме красной головы, ещё и ноги были красные. Птицы меня не боялись, подходили, клевали падаль, лениво взлетали на дерево.

Что до уважения к этим птицам, то вспомнился рассказ кубинца из одной книги о его первой встрече с Эрнестом Хемингуэем. Этот Хорхе был ещё пацаном, и они гоняли тиньос, которые, кстати, и в небольшие посёлки залетают, и ведут себя подобно нашим воронам, по мусоркам промышляют. Подошёл к ним высоченный американец и назидательно сказал: «Не трогайте этих птиц, они пользу приносят, они санитары», — что-то в этом роде. А потом спросил, где эта «Финка Вихия», приехал посмотреть, да и остался потом на много лет.

В тот день я шёл по дороге, спасаясь от солнца под зонтиком, подобно Робинзону Крузо. Оказалось, что очень удобен зонтик на длинной палке, его, кроме удобства при ходьбе, можно было ещё поставить над собой, присев для рисования. Что я и сделал, увидев один прекрасный знойный сюжет: уходя в замечательную синеву, стояли несколько мого-

тес, крутолобые, как лежащие мамонты. А на их фоне мощно зеленело большое далёкое дерево манго. Ошибиться было нельзя, только манго так прочно и основательно утверждается в тропическом в пейзаже, сравнимо с нашим дубом в поле. А на переднем плане, посреди давно паханного поля, по которому уже пошла какая-то поросль, стояли и лежали семь камней! Именно семь, я их пересчитал. Самый большой был похож на скрюченного старого шамана. Они были черны и местами покрыты рыжим ржавым налётом.

Я обошёл их с каким-то почтением и недоумением. Дело в том, что все эти моготес были явно известняковые, а эти камни были такими, будто своим происхождением обязаны какому-то вулкану. Больше всего они напоминали огромные куски обгоревшего дерева. Что за дикий костёр горел здесь в давние времена? А между камнями и силуэтами гор стояла стройная высокая королевская пальма, с серым, грациозно утолщённым посередине стволом и перистыми листьями. Пейзаж был строг и не тропически аскетичен.



В левом нижнем углу пейзажа двигалась живописная группа — два белых быка и зелёный человечек в сомбреро. Обуреваемый вежливостью и несколько патологической общительностью, я помахал этому объекту: «Hola!». Человечек тотчас бросил свой плуг (благо можно пахать

круглый год, не боясь упустить такие важные для крестьянина пятидесятой параллели весенние деньки!). И двинулся ко мне в своих резиновых, зелёных же, сапогах по своей пахоте.

Через минуту он был тут как тут. Длинное мачете в ободранных ножнах чудесно шло к его военному костюму. Картинно выложив его на боку, Лазаро, как он мне представился, стал позировать для фотографии. Сделав фото, я расположился на земле со своим этюдничком, всем видом демонстрируя крайнюю степень занятости. Во всяком случае, не меньшую, чем у этого типического представителя тружеников полей — *campesinos*. Кроме того, я зычно провозгласил: «*Trabajamos!!!* — работаем, господа!», призывая пахаря вернуться к его делам. В глазах его явно сквозило ожидание чего-то.

Ему было лет за 60, такой крепкий нос, обтянутый выдубленной солнцем кожей, седая щетина, уставшие от солнца глаза. Он понял, что я не собираюсь расплачиваться с фотомоделью, он спросил: «А вода есть?» — и выдул полбутылки моей драгоценной воды. Потом сел рядом и стал выхватывать из этюдника то одну, то другую тубу с краской. Я живо вспомнил, как мореплаватель Джеймс Кук описывал посещение их корабля туземцами, которые всё брали и сразу же взятое считали своим. Еле отбил свою палитру. Дал ему ручку в качестве сувенира, он потребовал альбом и стал что-то старательно изображать. Это был рисунок крайне высокого смысла. Треугольник и полосы у него вполне соответствовали конструкции кубинского флага. Линий от треугольника шло всего три. Это были, как он пояснил, Фидель, Рауль и, конечно же, Хосе Марти. Не знаю, может быть, эту символику он почерпнул из какого-то плаката, но если сам придумал, то это характеризовало его как глубокого философа-пропагандиста.

Я высоко оценил эту графическую работу Лазаро и с той же воодушевлённостью опять провозгласил: «*Trabajamos!*», — на этот раз он встал и пошёл к своим быкам.



Дерево

С сейбой, местным символическим деревом, я впервые познакомился, читая книгу «Хемингуэй на Кубе» советского журналиста Юрия Папорова. В поместье «Финка Вихия» у Хемингуэев росла сейба, корни которой начали поднимать плиты дорожек и уже подбирались к дому. Мари, жена Хемингуэя, приказала то ли вырубить эти корни, то ли срубить всё дерево. Ужас обуял всех работников. Как можно рубить сейбу, ведь это священное дерево! Этот образ могучего дерева, способного развалить дом, к тому же обладающего магической силой, время от времени всплывал у меня позже.

И вот я — под сейбой. Это огромное дерево, в котором, однако, не чувствуется времени и старости. Можно представить себе дуб такого же размера, это — многостолетняя мощь. Его окаменевшая кора уже как бы не из мира растений, а из мира минералов. Сейба же по-молодому обильна ветвями, древесиной, листьями. Толстые ветви растут как бы против законов тяготения, горизонтально, не чувствуя своего веса, не так, как велит закон Ньютона, а как хочется. Она вся напоминает мне крепких, а совсем не тучных рубенсовских женщин.

Я лежал на скамейке возле сарайчика Леонардо, который вместе с секадерией представлял собой этакий загородный сельскохозяйственный комплекс. Доносился сладкий запах сохнувшего табака. Я устал, бродя под солнцем по долине, и сквозь дремоту у меня родилось хайку:

Лежу под сейбой,
Сохнущего табака доносится запах.
Вот она, квинтэссенция Кубы!

ГАВАНА

Место — столица Кубы. Время — продолжение той же поездки

Перешёл к следящей главе и понял, что надо читателю объяснить: прилетел-то в Гавану, но сразу уехал на природу, вернулся в Гавану дней через десять.

Гавана ничем не пахла. Даже около океана. Может быть, только однажды, на набережной залива ощущался сильный запах нефти и ГСМ, поскольку в глубине его чёрно дымил нефтеперерабатывающий завод. Само по себе это выглядело несколько диковато, такое соседство. Но берег Кубы не очень богат удобными бухтами, а танкерам надо куда-то заходить. Впрочем, ни одного не видел. Но раз воняло нефтью, значит было что перерабатывать. Это было время все-таки, когда в городе можно было встретить группы венесуэльцев-чавесистов в красных галстуках.

Гавана была жаркой. Улицы Старой Гаваны были не то, чтобы раскалены, но песчаного цвета дома как-то были более похожи на дома города в пустыне, нежели приморского. Жаркая Гавана хорошо смотрелась из окна Музея искусств, где вовсю работал прекрасный кондишн. Город не был пустынным, напротив, заполнен людьми, хотя явно в большем количестве — только в центре.

Гавана была просторной. Широленные авениды не переполняли толпы машин, что придавало улицам несколько сонный вид. И несколько загадочный: ведь для чего-то они были сделаны такими широкими? Может быть, для демонстраций, я помню такие фотографии, с этими тысячами, пришедшими слушать Фиделя. Но эта гипотеза явно не проходила, поскольку планировка и строительство происходили «до того».

Гавана имела свой ботанический особенный вид. Мой отель в районе Мирамар окружал обширнейший и, опять же — просторный, парк. Деревья на бульваре были причудливо подстрижены. А фикусы с воздушными корнями! Это были не деревья, это был целый маленький лес из этих корней, висячих стволов, могучих ветвей, оставивших странное чувство созерцания не то биологического, не то ми-

нерального, скалистого мира. Площадь около железнодорожного вокзала украшало огромное дерево фламбояна с оранжевыми бабочкоподобными цветами.

Вечереет. Площадь перед собором в Старой Гаване.

— O, tio, como estas? — подседа высокая, нескладная, тёмнокожая, не очень молодая, но какая-то очень оптимистичная особа женского пола. Надо же так сформулировать обращение — не сеньор, не амиго, не камарада, а дядюшка, удачное обращение к немолодому туристу. В то же время, вполне оставляет надежду на дальнейшее общение. Как подседа, так и отседа, поняв, что от меня не будет должного внимания, тем более — каких-либо предложений.

Гавана, живущая во многом за счёт туристов, как и вся Куба, существует в недоступном для понимания чужаков мире как бы с двумя солнцами — КУКом — конвертируемой валютой (песо конвертибле), и простым песо. За поездку водитель такси может запросить полста долларов, а мой друг по интернет-переписке столько же получает за полгода работы на железной дроге. И все живут, и все танцуют. И платят по 3 КУКа за то, чтобы на автобусе поехать на пляж от центра города. Не очень понятно, куда уходят заработанные простые песо и что можно на них купить. Правда, перед входом на рынок видел тачку каких-то плодов, которые стоили именно по 5 песо простых за штуку.

А ещё Гавана богата памятниками. Множество их сконцентрировано естественным образом, на кладбище Колон, да ещё на Авениде Президентов.

Опыт жизни в СССР позволял мне, видимо, немного понять жизнь хабанерос, то есть гаванцев, немного и изнутри. Существование под властью Партии, оно конвергентно сходно, независимо от времени и места. Однако за этим высоким именем «Партия», как я понял довольно поздно, совершенно не обязательно должна была стоять Коммунистическая. Подметил я и то, что открываются эти социальные феномены не столько при частном соприкосновении, а как бы при взгляде извне. Надо либо придумать, как Оруэлл, либо посмотреть со стороны, как Плинио Мендоса (Колумбийский журналист, друг Габриэля Маркеса), либо сравнить, например, ушедшее с настоящим.

Как очень метко — и с некоторым ужасом — в своё время подметил Мендоса, созерцая длиннущую очередь в кассы за авиабилетами из Гаваны в Штаты, чувство ислафобии, боязнь островной жизни, вечной изоляции, чувства выброшенности из какого-то содружества, это, наверное, и есть самое страшное и человекоубийственное в результатах деятель-

ности партийной бюрократии. Если ты мыслишь не так, как указывает тебе Партия, тебя не обязательно отправят на Соловки или пристрелят в твоём же собственном дворе партийцы-экстремалы. Тебя изолируют, отчислят из университета, лишат работы, лишат свободы думать, точно укажут, какие флаги надо вывешивать, а какие нет, во что верить.

Те, кто наблюдал за жизнью послереволюционной Кубы сначала изнутри, как Мендоса, потом извне, смогли уловить (уже в который раз!) почти неизбежную трансформацию революционного романтизма. Расползание партийного аппарата, сектантская замкнутость Партии были базой трансформации революционного социума. Стереотипы живучи, но мне было обидно и неприятно видеть в хрониках ликование кубинцев в Майами после известия о кончине Фиделя. Этаким 1953 год, смерть Сталина. Почему обидно? Потому что с мифами расставаться сложно.

Эти Партии, аппарат, секта, обособление приверженцев какой-то идеи, в чём-то имеет свои био-социальные корни. Само устройство государства, не колонии муравьёв, где всё рационально, а ассоциации людей, у которых слишком много своего Я. По сравнению с муравьями, это устройство неизбежно растит бюрократический аппарат, систему, которая поддерживает систему. Неважно, на какой основе. Из этого вытекало, что первична идея, опять же — неважно какая.

К сожалению, эти построения и объяснения заводили в другой тупик, тупик анархизма или хотя бы либертарианства. Или — романтического чегеварианства. Странная получалась диалектика. На одном полюсе государство, с его неизбежной бюрократией и поисками идеи, которая должна, обязательно должна сплотить народ вокруг управляющей верхушки. Социальная, национальная, неважно какая, потому-то государства и схожи конвергентно между собой, из чего вытекает, что чем меньше идей, тем меньше предпосылок к противоречию ко второму полюсу: полюсу индивидуума. Либертарианство в крайней форме ведёт к анархизму. Это всё та же философская задача: найти оптимум между интересами целого и части. Ибо целое, что бы там ни думали партийные лидеры, это не только они сами и их прихлебатели, но и другие части, индивидуумы. Ключ к оптимуму, наверное, в том, что индивидуумы должны делегировать избранным всего лишь некоторые полномочия собственно целого, а не наоборот — когда целое (олицетворённое в партийной верхушке) навязывает свои законы и правила каждому.

Итак: иерархия снизу вверх и поменьше идей. Говорят, эту проблему философии мировой демократии западного толка уже решили. Правда, автору не пришлось ещё в полной мере хлебнуть счастья этого разлива, пока не довелось. Пойдём дальше.

Скамейка

В первый день, выйдя из отеля, взял азимут на центр города и поначалу долго шёл вдоль высоченного забора российского посольства с колючей проволокой наверху. Потом на улице справа появилась церковь довольно простых лаконичных очертаний, с колокольной. А сразу перед церковью — футбольное поле, с которого открывалась довольно своеобразная архитектурная композиция, состоящая из этой церкви и здания посольства. Причём первая сильно выигрывала в своих простеньких очертаниях, с колоннообразными выступами на фасаде и незатейливой розеткой над порталом. А вот какое насыщенное цветами дерево — оранжевый фламбоян! А рядом — живая изгородь из кактусов. А вот — чугунная скамейка около тротуара.

Под толстым и многоцветным слоем разных красок угадывалась нежная тяжеловесная ажурность чугунного литья. Кроме того, что ценна она сама по себе, функционально, и я это ощутил, присев на металлическое же сиденье, она ещё была историческим документом, поскольку имела отлитый на ней герб Гаваны. Внутри венка, может быть, даже и из дубовых листьев, на щите были изображены три крепостные башни и ключ. Да-да! Гавана — это ключ ко всей Америке! Спросите у Колумба.

Было такое чувство, что она стоит здесь сто лет, и это придавало ей ещё большую солидность, хотя была она довольно невелика. Опять же, параллели — наши парковые скамейки тоже с чугунными боками, но с сиденьями из деревянных реек всегда почему-то имели склонность к миграциям. Это было их главным парадоксом, при всей их массивности. То их сдвинут друг против друга, чтобы играть в шахматы в парке, то уволочут в кусты трудолюбивые влюблённые. Вершина этого миграционного парадокса была мною отмечена при обследовании одного озера в России, при некоем санатории в лесах Мещёры. Погрузившись с аквалангом на глубину около 5–6 метров, исследуя довольно неинтересное дно, я с изумлением наткнулся на это чудесное произведение мелкой парковой архитектуры. Гипотеза могла быть только одна: зимой(!) её зачем-то затащили на лёд, а потом, когда лёд растаял, она печально ушла на дно. Что-то в этой истории было от судьбы Титаника —

лёд, погружение, безвозвратность. Хотя нет, с последним не получилось, я привязал ходовой конец к ножке скамейки, и мы, подобно бурлакам, подбадривая друг друга всякими криками и высказываниями, извлекли скамейку из пучины.

Может быть, стоило, никуда дальше не двигаясь, сидеть и писать про гаванскую эту скамейку историю в духе Андерсена? Как поставили её ещё задолго до революции, как сидели на ней бабушки с внуками да влюблённые по вечерам. Как мечтала она, чтобы покрасили её в броский оранжевый цвет, под стать фламбояну. Когда-то давно он и стоял здесь поблизости, но чугун гораздо долговечнее дерева. Пришли люди, дерево, уже состарившееся, спилили, а скамейку, наоборот, подкрасили. Так всегда бывает, когда внешние могущественные, неумолимые и равнодушные ко всему силы между делом разрушают маленькие уютные мирки.

Некрополь Колон

Вообще-то у меня был план. Я собирался достичь Мемориала Колон, который располагался там, за рекой. Вот и добрался. Сiju в маленьком скверике, а через дорогу — высокая стена с большими белыми крестами на ней. На моем плане района Ведадо прямоугольник кладбища с небольшим хвостиком, нарушающим эту правильность формы, отмечен как «Necropolis Cristobal Colon — Некрополь имени Христофора Колумба». Тоже красиво!

У самого входа в Некрополис, за красивыми воротами была большой план всего кладбища. В центре, на круглой площади и пересечении двух авенид — Кристобаль Колон (север-юг) и Обиспо Фрай Хасинто (запад-восток) возвышался храм Капелла Принсипаль, построенный от в 1886 году. Перед этой площадью ещё одна небольшая тоже круглая площадь, улицы, проспекты, площади — настоящий город.

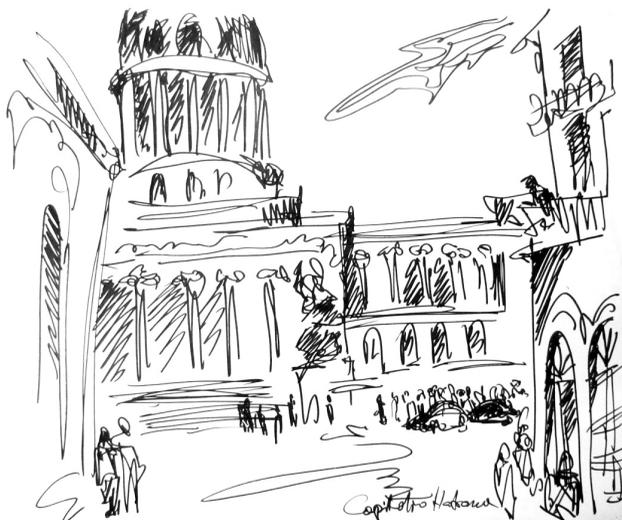
Стоило мне, заплатив обязательные 5 песо конвертибле (с туристов — плата, а если моя бабушка здесь похоронена?), вступить на территорию Города мёртвых, из-за ближайшего склепа возник чернокожий кладбищенский абориген. Швабра в руках безошибочно указывала на род его занятий — limpero, или блюстителю чистоты! Это вызвало у меня досаду, поскольку хотелось побродить здесь одному. Но судьба свела нас с неизбежностью восхода солнца: я был единственный турист, а он — единственный самозванный гид. Он был так стремителен, этот Эдуардо, что я не успел насладиться покоем и тишиной, кладбищенской умиротворённостью. Опираясь на швабру, как на библейский посох, прихватив

в свой африканский образ что-то от Харона и Озириса, он повёл меня от могилы к могиле. Я думаю, что любая могила по-испански называется «tumba», но эти сооружения действительно были тумбами, сложенными из больших мраморных пластин. Вообще-то могилы эти в основном братские, это osario, вроде склепа, куда помещаются останки многих членов семьи, в соответствии с очерёдностью, определённой судьбой.

Посмотрели и на могилу чемпиона мира по домино, и на могилу благотворительницы Жанетт Райдер, и на осарио — склад костей, которые остаются после пребывания покойников в саркофагах. Осталось чувство чего-то основательного, фундаментального, как сама смерть.

Авениды и пласас

Потом дошагал до Пласа Революсьон, которая мало походила на площадь, больше на перекрёсток авенид, с какой-то сельской рощей в западном углу. Оттуда добрался до Авениды президентов с целых галерей памятников латиноамериканским деятелям. Авенида вывела на берег. Океан был тих, проспект-набережная как-то особенно широк и пуст, мальчишки лениво плескались под старой ржавой вывеской «Купание запрещено», на том и заканчивался такой длинный гаванский день. Засыпая, я начал придумывать сказку — «В одном тропическом городе...».



Вчерашний день — это были только подступы к Гаване. Город был ещё впереди. Самая главная часть города — Центр (El Centro) и Старая Гавана (La Habana Vieja) — расположены как бы на небольшом полуострове, вдающемся в Гаванскую бухту. А может быть, правильнее сказать, что это Гаванская бухта вырезает в острове силуэт Центра и Старой Гаваны? Но важно то, что скучная и малоудобная для прибывших на остров мореплавателей ровная береговая линия вдруг прерывается входом в огромную бухту. Александр Гумбольдт, прибыв сюда в 1820 году из Венесуэлы, писал так: «Панорама Гаваны, когда вы приближаетесь к ней с моря, одна из самых весёлых и самых живописных, какую можно увидеть на побережье равноденственной Америки к северу от экватора!».

Не знаю, насколько этот залив сейчас далёк от своих древних первоначальных очертаний, лет 500 назад, однако, более благоприятное место для порта найти было бы трудно. Крепость Сан-Карлос на восточном берегу пролива, а крепость Реаль на западном надёжно его защищали. Сам залив (3 на 3 км) в виде трех лопастей глубоко врежется в остров, узкий пролив длиной около полутора километров, как бутылочное горлышко. Довольно большое поселение испанцев на месте Гаваны было уже 20 лет спустя после открытия Кубы.

Перед поездкой не без труда списался по интернету с одним местным парнем, позвонил из отеля. Я как-то совершенно легко узнал Хорхе. Он повёл меня по маршруту, по которому водил, видимо, и других своих гостей. Мы пошли по улице Обиспо, быстро попав в Старую Гавану. На краю парка нам встретился совершенно великолепный Санчо Панса, восседающий на осле несколько утомлённого вида. Странно, но нигде не было видно его патрона. Санчо приветственно поднял руку — явно на той стороне улицы должен был стоять Дон Кихот. Не исключаю, что такова была задумка автора скульптуры, однако, может быть, литейщики не рассчитали и потратили весь запланированный металл на одну фигуру?

На углу Обиспо и какой-то авеню встретился бар «Флоридита», такое розовое здание, частично о двух этажах, частично — с площадкой на крыше первого. Трудно сказать, чтобы с этим зданием было, если бы не захаживал сюда лет так 70 тому назад Хемингуэй. Во всяком случае, на другом здании, которое служит ему фоном, выросло большое дерево на четвёртом этаже. А так — на ухоженном розовом доме было в виде рекламы, которая вовсе и не нужна, написано: «Mi Daiquiri!» — и дробно-размашистая подпись: «Ernest Hemingway».

На берегу великой сибирской реки Енисей стоит пароход, крепкий и добротный, как начищенный английский башмак. На нём когда-то Ленин В.И. отправлялся в Шушенское в ссылку. На улице Обиспо — бар, в котором попивал Хемингуэй, в Киеве, около площади Контрактовой, беленький, похожий на маленькую крепость, стоит домик Петра Первого, в котором он, кажется, никогда и не был. Таковы детали истории, которым почему-то было суждено не согнуться в пучине времени. Это как судьбы людей — одних помнят, других напрочь забыли. Это и хорошо — если бы сохранялись все, это была бы не История, а просто склад древностей, скорее — барахолка, в которой сложно поддерживать порядок. (Если в Истории вообще есть порядок...)

— Это моё любимое место, — сказал Хорхе.

Мы стояли на берегу залива.

Пролив, или проход между собственно бухтой и океаном, был не так уж и широк. На мысу у входа в пролив был виден маяк, а на возвышении ближе к нам располагалась приземистая Fortaleza de San Carlos — крепость. А прямо перед нами на высоком противоположном скалистом берегу стоял белый домик о двух этажах и огромная статуя Христа в лесах.

— В этом доме жил Че, — сказал Хорхе. И больше он ничего не добавил.

Здесь, видимо, следует сделать некоторые отступления об этом легендарном человеке, однако, когда я сейчас смотрю на фотографию, сделанную с этого места, на ум приходит только банальная мысль, что вот как важно увидеть всё самому. Этот домик небольшой вообще-то и не так уж виден издали, но создаётся чувство причастности к реальной истории. Все эти изображения: Че с большим пистолетом на боку рубит сахарный тростник, Че в боливийском лесу, Че в Москве, Че в ООН, Че на футболках, Че на заборах — встают в памяти. Уже и не так важно, а был ли он на самом деле, как Христос или Илья Муромец. Символ перерос, стал больше человека. А здесь — дом. И хорошо, что далеко, что не видно деталей, но в реальном доме жил, ходил, спал реальный человек.

Собор

Улицы Старой Гаваны имеют цвет сильно разбавленного молоком шоколада. Только кое-где детали выделены цветом, почему-то преимущественно синим. Первые этажи обычно с высокими арками, видимо, это когда-то были купеческие дома, здесь были лавки, лавки. И очень редки на балконах цветы.

Если идти по улице Сан-Игнасио на север, то можно легко попасть на очень милую Соборную площадь, Plaza del Catedral. Вернее сказать, видимо — «Кафедральную», потому что на ней расположен Кафедральный собор. Поскольку все площади в Старой Гаване находятся внутри прямоугольников между улицами и обрамлены домами, то проникнуть на них можно с угла. Мы и проникли. Напротив стоял красивый барочный собор, несколько ассиметричный, поскольку две его башни по бокам были различны по высоте и ширине. Левая была высокой и стройной (муж, так мне представилось), и на ней были круглые часы (все правильно, только не хватало золотой цепочки), а правая была колокольной пониже и погрузнее (жена, мать семейства, звонит по разным поводам). Собственно здание собора можно было рассматривать как отпрысков: в центре всей композиции — старший сын, вокруг него — две сестры. Собор San Cristobal de la Habana — Св. Христофора Гаванского, сложен из блоков серого с лиловым отливом известняка, с большими красно-коричневыми деревянными воротами. По бокам от собора площадь ограничивали два больших дома с колоннами и арками, создавая уютное пространство, которое использовалось совершенно по назначению: в центре площади стояли столики ближайшего ресторана. Украшением площади был и огромный водопад вечноцветущей бордово-красной бугенвиллии, спадавший (точнее, поднимавшейся) почти от/до крыши трёхэтажного дома. Собор начали строить в 1748 году как иезуитскую церковь, но после изгнания с кубы иезуитов (1767) здание получило новое назначение, став кафедральным собором.

Испанцы, конечно, строили, как у себя дома. Но был это уже свой, колониальный стиль, своё колониальное барокко. Это была часть новой культуры, которая несла только некоторые, многочисленные, правда, черты метрополии, уже была своей, оригинальной. Это удивительное явление — растекание по планете человеческой массы со своими обычаями, законами, представлениями о красоте. Ведь и индейцы американские тоже пришли откуда-то. Смешение, слияние, борьба, конкуренция, сотрудничество... И вот вся Земля в этой человеческой оболочке.

В тени дома, как раз напротив собора, сидел художник, изображая каменные очертания св. Кристобала. Он был худ, носат и зубаст в своей дружеской улыбке. Было видно, что изображал он это в сотый раз, рисунок был ближе к архитектурному проекту, нежели к городско-

му пейзажу, старательный и правдивый. Подумалось, что пленэр ему уже давно не нужен, он знал каждую деталь. Всё это можно было тиражировать и дома. Но обычных, для туристов, ярмарок с изображениями разных достопримечательностей я что-то в городе не видел.



Старая Гавана

Старая Гавана, если бродить по ней в знойный послеполуденный час, вызывает смешанные чувства. С одной стороны, всё здесь дышит стариной, ты чувствуешь это прилагательное «Vieja» в лаконичных (только стены, мостовая, небо) улицах портового города, в высоких облупленных дверях, балкончиках. Она запутана своей перспективой неевклидовой геометрии улочек, потому что они, достаточно прямые на планах города, почему-то не имеют длинной перспективы, на взгляд изнутри.

Старая Гавана однообразна в своём серо-розово-песчаном цвете общего настроения вечного лета и бесконечно разнообразна в деталях. С другой стороны, она «старая», обветшала, как старуха с офорта Гойи, которую можно украсить, но в которую нельзя вдохнуть свежесть и бодрость. Время, отсутствие немалых денег на реконструкции и ремонты, тропическая безалаберность, простая бесхозяйственность разрушают её медленно и неумолимо.

Говорят, что на Кубе практически нет преступности (во всяком случае, по отношению к туристам), но чуть ли не на каждом перекрёстке на

посту стоят юные полицейские, как положено всем госслужащим, в голубых рубашках, с какой-то амуницией на поясе, не помню, с пистолетами ли, кажется, нет. Один из этих мальчиков сказал мне, чтобы я не носил фотоаппарат на шее, на всякий случай. Обилие полицейских, видимо, есть и отражение местной политики: человек при деле, приносит определённую социальную пользу, служит обществу и, что важно, государству — это свой человек.

Что ещё бросается в глаза, это вполне прилично одетая толпа на улицах. Правда, что в тропиках нужно? Молодёжи — шорты да футболка, правда, с обувью сложнее. Тем не менее — половина в хороших кроссовках. Источник, вероятно, заморский, ведь около миллиона кубинцев живут в Штатах, и когда посылки и переводы оттуда были запрещены, всё равно ухитрились своих снабжать. А теперь почта работает... Это нам тоже знакомо.

Кое-что о религии

Как много вариантов реального воплощения в жизнь разных мудростей мира! Например, такая поговорка — про ловца и зверя, который на первого бежит. В первый день, прогулявшись от отеля к океану, я нашёл двух мёртвых белых куриц на берегу. Они мне сразу показались подозрительными, но никакой другой версии, кроме бесхозяйственности и слабого санитарного контроля, я выдвинуть не мог, опираясь только на свой опыт, что вполне естественно. Но вот попадаю я, уже много позже, на остров Тенерифе, что в Атлантическом океане, покупаю какую-то керамику, тарелочка какая-то, которую услужливая продавщица в магазинчике заворачивает в целую многостраничную газету, чтобы канарский сувенир, не дай Бог, не разбился. Газета, как оказалось, «La Opinión de Tenerife» за 10 июня 2012 (можете при желании проверить), страница 7. Оказывается, в овраге в рыбацком районе Санта-Круса существует «практика жертвоприношения животных в соответствии с афро-кубинской религией!» (выделено мною). И фотография четырёх обезглавленных кур (куры отдельно, головы лежат отдельно). Это же совершенно иной уровень экзотики! Правда, курицы были не белые, как там, на берегу, а с такими шоколадными пятнами. Это же было не просто усекновение голов, а способ общения с богами, какие-то заклинания, вероятно — надежды...

Я в Гаване видел только один государственный магазин с сувенирами, да ещё в аэропорту пару киосков. Магнитики, футболки. Без особого изыска. Кое-что интересное, похожее на ремесленные поделки, можете найти в микроскопических лавочках прямо на пороге домов. Захожу в одну, эту уже начало какого-то жилья. Всякие безделушки. Какие-то амулеты.

— Это же йоруба, религия, — объясняет мне чернокожая хозяйка.

— Да-да. Я уже слышал и что-то видел: такие маленькие магазинчики — *Articulos Religiosos* — религиозные товары.

Я шёл себе потихоньку от Капитолия в сторону бухты, может быть, по улице Бразиль. И, завернув за угол, наткнулся на довольно большую лавку, в сумраке которой скрывалось множество странных предметов. Слева в углу стоял череп коровы, совершенно шерстистый, это уже была не голова, но ещё не настоящий череп. Она была вся в клочьях черной шерсти, нижней челюсти не было. Над ней на полочках было множество венчиков каких-то трав. Рядом на полу — полмешка коровьих рогов. В глубине на шесте висели целые связки бус, в основном из мелкого бисера или раковин. Многоцветье их в сумраке особенно привлекало взгляд. По одну сторону прилавка, на улице, стоял я, а по другую, за прилавком, в лавке — продавщица, и потом я понял — хозяйка. Лицо у неё было совершенно славянское, белокожее, открытое и строгое. Она была кругла как лицом, так и всем остальным.

Чего только не было на горке у неё за спиной! Стояли какие-то коробочки с бусами, камешками, пакетиками. Наверху — керамические слоны явно индийского происхождения (как-то сложно их вписать в местный колорит...), деревянные скульптурки. Нижняя полочка была занята целой шеренгой фигурок, которые я назвал сразу спортсменами. Они были подтянуты и строги. Что-то в их позах было от боксёров. Нуки были согнуты в локтях и плотно прижаты к туловищу. Двое из них стояли на одной ноге — и не было видно, то ли это инвалиды, то ли футболисты, замахнувшиеся для удара по мячу. А один был о двух головах! Все это было необычно, многообразно и загадочно. Ведь все эти фигурки, бусы, пакетики были частью какой-то особой жизни.

Но я посмотрел на всё это и с другой стороны. Дело в том, что я собираю свистульки. А всякие свистульки и вообще всё, что издаёт звуки — очень важный элемент всех языческих религий. Свистом и другими звуками мы отгоняем злых духов и ублажаем приветливых, добрых. Поэтому я стал расспрашивать, нет ли у них каких-нибудь *silbado*, то

есть свистков. Собственно, свистков не оказалось. Вообще, гончарное искусство здесь, видимо, было не развито: дерево, раковины, какие-то инкрустированные раковинами цементные сосуды.

Тем не менее, я обратил внимание паренька, сидящего по ту сторону прилавка, на небольшие фигурки. Те самые грубые изображения мужчин и женщин с прижатыми к бокам локтями: Адамы голые, а Евы — топлесс, в юбках до пят. Обратил внимание теперь: наверху в головах у них были отверстия, например, как для нашей церковной свечки за гривну.

— А ты умеешь свистеть, как на ключе? — я вспомнил историю о Трех Толстяках. И показал ему, как можно свистнуть в эту дырочку.

Честно сказать, я думал, что строгая хозяйка это не одобрит, все-таки религиозная лавка. Но она не обратила внимания. А парень просил. Это так ему понравилось, что он начал брать из кучки всех подряд человечков и свистеть. Поскольку отверстия были разной глубины, их этих фигурок можно было бы подобрать целую флейту на две октавы. Я купил на память три фигурки, зачем-то долго торговался со строгой хозяйкой за полпесо. Она все-таки уступила.

Ещё можно было наблюдать приём нового товара в лавку. Некие мастера, а может, коммивояжёры, принесли три загадочных сверкающих предмета. Это были совершенно потрясающие короны на манер тех, что у нас держат над головами молодых во время венчания. Они были сделаны из замечательной лужёной, сверкающей жести! Детали были соединены вполне аккуратными заклёпками. Вероятно, самым важным элементом в них были с полтора десятка, из жести же, изображений предметов, которые на крючочках свисали с ободка. Здесь были, как я смог рассмотреть, дельфин, грабельки, топорик, мачете, якорь, ключ, лопата, поросёнок и так далее. Назначение всего этого роскошного предмета установить мне не удалось. Однако всё это явно обозначало всю человеческую жизнь, всё, что окружает человека в его деятельности. Видимо, коронация была связана с каким-то важным для человека ритуалом.

Что же она собой представляет, эта афро-кубинская религия? Во-первых, за ней стоит некая значимость самой Кубы. Рабов-то африканских привозили во многие уголки Карибского бассейна, в Бразилию, на Гаити, но вот эта афро-кубинская как-то выделилась. И получила название сантерия.

В основе её лежит религия народа йоруба, что обитает в Нигерии. Это не совсем точно, поскольку йоруба живут в основном в Нигерии (сейчас их там более 25 млн. человек), но также в Бенине, Гане, Того.

Йоруба — христиане (протестанты, англикане, баптисты, методисты), часть — мусульмане-сунниты, много приверженцев традиционных верований. Так повествуют справочники.

Следует, видимо, полагать, что для большинства жителей это та же традиция — синтетических, а точнее, мимикрических религий, когда под видом одного верования скрывается другое. Пантеон йоруба — приверженцев традиционных верований, состоит (по наиболее распространённым поверьям) из четырёх сотен божеств. Верховное божество — Олорун — «хозяин неба», Одудува — божество земли, и так далее. В настоящее время «функции» традиционных божеств расширяются: например, Огун ныне считается покровителем и шофёров, не только военных. Существуют свидетельства, что из привезённых почти миллиона рабов на Кубу, преимущественно между 1820 и 1860 годами, чуть ли не треть были йоруба. Очевидно, что они привезли с собой и часть своей культуры, но рабам ничего не оставалось, кроме как адаптироваться, в чём-то мимикрировать под католицизм, прикрывая свои божества католическими святыми.

Религию йоруба не зря называют религией выживания. Что ещё оставалось у черного раба, у которого отняли всё — имя, семью, родину, привычную пищу и погоду, друзей, надежды, планы, предков — только то, что отнять невозможно — веру?! Веру в помощь богов, духов. Это связывало людей между собой и с далёкой, навсегда утерянной родиной. Синтез двух религий привёл к неожиданному феномену: говорят, что по своей силе в афро-католическом пантеоне большую силу имеют именно последние. Например, считается, что особо страшное заклятье, связанное с йоруба-божками, может снять только сам Иисус Христос.

Музеи

Определённо скажу: два музея — Изыщных искусств — Museo Nacional Bellas Artes и кубинского искусства — Arte Cubano — представляют собой два замечательных острова спокойствия и красоты не только в море житейской городской суеты, но и среди неустроенности, запущенности архитектуры и городского быта в этой части столицы.

Это, собственно, один музей из двух корпусов. Здание, где размещается собрание иностранного искусства (на бронзовой доске перед входом отлито «Arte Universal»), было построено ещё в 1885 году, но затем перестраивалось в стиле Ренессанса в 1927. Пять этажей! Стоя на главной лестнице, наверху, и любясь плавным её изгибом,

под огромным витражным потолком с морем и каравеллами, через который льётся яркий, но мягкий свет, уподобившись эмоциональным итальянцам, можно только воскликнуть: «Bellissimo!». Я так и сделал, только тихо, про себя.

На втором этаже среди многих старых европейских работ привлёк моё внимание небольшой триптих. Кранах! Распятие Христа и двух разбойников. Сюжет более чем распространённый для живописи XVI века, однако интересным было изображение толпы вокруг. Справа на центральной части триптиха был рыцарь весь в железных латах на добром гнедом коне. Мещанки в одеяниях отнюдь не иерусалимских. А над толпой торчали пики, трезубцы, алебарды. Такое вот смешение эпох. Несколько залов посвящено испанской живописи, в том числе недавней. Много работ Игнасио Сулоаги, плодовитый был такой живописец в первой половине 20 века.

Меня озадачило единственное полотно Сикейроса. А именно своим местоположением, тем, что располагалось прямо рядом с туалетом в каком-то закапелке. Этот мексиканец всегда считался революционным художником, был коммунистом. Чем же не подошёл, что это его запрятали куда-то подальше? А полотно было вполне добротное и чётко отражало его своеобразный стиль — женщина индейского типа, в красном фригийском колпаке, устремляется с радостной улыбкой прямо на зрителя, будто летит к вам.

Если вы вдруг услышите «P-s-s-s-s-s...», это значит, не кошку зовут или наоборот прогоняют, а просто привлекают ваше внимание. Например, вы, мол, сеньор, идёте в дамский туалет, перепутали. Здесь это прозвучало по поводу: не идите в тот туалет, а в этот, потому что воды нет (при всём благополучии музейных интерьеров), а я полью вам водичку на руки из бутылки — это уборщица музейная.

На следующий день я был в музее национального искусства. И тоже меня поразили добротность залов, богатство экспозиции.

Вот я стою в зале Вифредо Лама. Большие полотна, странные фигуры. Фигуры ли это вообще? Фигуры. Вот угадывается рука, вот женский торс. Это вполне реальный мир. Только свой, особенный. Его считают великим кубинским художником, и в его образе, его судьбе очень много такого, что раскрывает феномен Кубы вообще. Отец его был китайским торговцем-эмигрантом, мать — мулаткой. До двадцати лет и

считал себя китайцем, но потом, когда уехал в Испанию, носил фамилию матери — Кастильо, и стал считать себя кубинцем. В период испанской гражданской войны перебрался в Париж, где подружился с Пикассо. Здесь его настигла Вторая мировая война, и он возвратился на Кубу. Прожив там 10 лет, уехал в Европу, уже навсегда.

Действительно, Куба была из всех латиноамериканских стран ближе всего к Европе, не только географически, но как-то и по духу.

На днях, двигаясь по направлению к Мемориалу Колон, я наткнулся в пыльном и не очень тенистом парке на странный монумент в виде человека-птицы. Птица будто зацепилась в полёте крылом за землю, что предвещало какую-то катастрофу. Никакого постамента. Просто небольшой холм. И доска на земле «Летающий Лам». Я долго стоял в музее на лестнице, рассматривая через высокие окна, из прохладной атмосферы музея улицу и дома, жаркие и пыльные.

А перед музеем Революции на постаменте советская, ещё времён Второй мировой, самоходная артиллерийская установка САУ-100. Это в память победы на Плая-Хирон. Полезной оказалась машина. А за музеем — павильон со шхуной «Гранма» и тоже техника, самолётики. Я решил сфотографировать из-за низкой ограды, но далеко стоящий военный охранник сразу увидел и резко запротестовал. Что за милитарные секреты были здесь, я не понял. Но желание пойти в музей пропало. Может быть, я не увидел чего-то очень важного.

Хемингуэй

Путешествие — явление конечное и в пространстве, и во времени. Надо прощаться и с этим местом. С городом, неприметным каким-то океаном. Надо уезжать, понимая, что сколько бы ни пробыл в этой точке Земли, что-то — да и не увидел, а это вызывает досаду.

Хотя нет. Существует некоторый предел времени, некая граница между «я путешествую» и «я здесь живу». Взгляды совершенно разные на то, что тебя окружает. И описывается это уже не как «их жизнь», а как «наша жизнь». Кто-то их журналистов писал: прожив в экзотической стране три дня, запросто напишешь очерк, три недели — книгу, три года — ничего не напишешь, страна перестаёт быть экзотической. Важны, конечно, не календарные дни, а ощущения. Кроме того — цель. Цели путешествий разные, но есть одно

ключевое общее слово — «Новое». Это «новое» весьма различно. Особенно в наше время информационных технологий. Телевизионный экран беспрестанно переносит вас во все точки мира и без всякого сомнения вы никогда, не будучи профессионалом, не сможете увидеть сотой доли того, что может показать вам BBC или National Geographic. Но! Все эти эффектные закаты, подводный мир, вулканы и водопады, охота крокодила или анаконды, прогулки слюнявых комодских ящеров, охота пигмеев и торговля туарегов — они находятся вне вас, это чья-то чужая жизнь и чужие переживания. Пусть вы в своём маленьком путешествии не увидите и десятой части всех этих обязательных красот, но вы почувствуете запах других цветов, другой дорожной пыли, увидите, как просто и величественно из моря встаёт солнце. Или садится, так же обыденно и так же величественно. И это будет ваш закат и ваше переживание.

Кроме того, путешественник всегда — чужой. Он на всё смотрит отстранённо, издалека, как бы сидя у себя дома. Одно дело пребывать здесь, другое — жить. Ходить в магазин за хлебом, ругать своё правительство и налоги. И преимущество путешественника в том, что его отстранённый взгляд часто замечает то, что уже примелькалось аборигенам. А сколько надо прожить в данном месте, чтобы уже не быть путешественником? Видимо, вопрос не совсем корректный.

Дело не во времени, а в отношении к этому месту. Вообще, человек за три дня обживает любое место, а если лежит душа, то и раньше.

Существует такое расхожее представление об американцах, как о таких «перекати-поле». Мол, они привыкли менять место своей жизни, и вроде как, ничего им не дорого, терять нечего. Свободы больше, возможностей больше. Интересно, как бы выглядела этническая карта Советского Союза, если бы крестьянам паспорта давали, а в них, этих паспортах, не было бы места для штампа о прописке? Это к тому, что осёдлость часто бывает вынужденной.

Хемингуэй в начале сороковых годов купил усадьбу на Кубе и прожил здесь почти до 1958 года. Он уезжал и возвращался — и оставался американцем, кубинцем не стал. Но был ли он «путешественником», посторонним?

Пребывание в Гаване подходило к концу, в душе закрутилось: обидно уезжать, не увидев чего-то, связанного с Хемингуэем. Вряд ли

стоит говорить, что Хемингуэй вообще был гораздо больше, чем просто писатель. Ах, этот романтический портрет с белой жёсткой бородой! На скольких стенах в разных общагах я его видел. (Что интересно, часто рядом с портретом Есенина.) Эта романтика необыкновенной жизни — Африка, коррида, испанская война, огромная рыба! С годами все это романтическое великолепие тускнеет для нас в соответствии с естественным ходом отрезвляющей жизни.

Я не знаю лучшего повествования в жанре рассказа, чем «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера». Никто не написал лучшего рассказаромана. Уже будучи достаточно взрослым, я прочитал «Острова в океане» — и вся эта островная жизнь Томаса Хадсона, конечно, для меня проецировалась на кубинский период жизни самого автора. Я вполне понимаю моего отца, который, прочитав эту книгу в тоже время, что и я, с некоторым недоумением отнёсся к описаниям войны в южных тёплых морях. Он прошёл до Берлина и, к сожалению, не мог посидеть между боями в баре, но это была его жизнь, а я был вполне рад этой ещё одной встрече с писателем. У каждого свой Хемингуэй.

Утро последнего дня в Гаване было таким же солнечным и жарким, как и все предыдущие мои утра здесь. Охватывала обычная досада, что вот, не туда поехал, не то смотрел, а того и совсем не заметил. Я вышел из гостиницы без всякого плана. Ехать в город — в этом был уже какой-то повтор, возвращение на круг, из которого я, кажется, уже вышел. Просто побродить по окрестностям? Они были так обширны и как-то очень широки, чисто геометрически. Надо было куда-то ехать. Я лихорадочно направился к океану, мимо больших гостиниц, на широкий, из древних кораллов берег. Утро, уже утро, а день такой короткий, и после обеда надо уже отправляться восвояси.

Выходя из гостиницы, я повстречался с Бернардо, который сидел в своём зелёном «Шевроле» 1961 года и поджидал клиентов, похоже, без большой надежды. Он как-то подвозил меня из центра в отель.

— Hola!

— Hola!

— Paseando? — Прогуливаетесь?

— Si!

И брёл я, и мучила меня досада о неправильно спланированном таком важном последнем дне. И тут пришла идея: если я сейчас поверну назад, а Бернардо будет всё так же сидеть, ожидая у моря погоды, поеду с ним в «Финка Вихия»!

Я сразу так засуетился, заторопился, а вдруг он уже уехал?

Нет, стоит. Стоит, родной. Юная акула таксобизнеса.

— Знаешь, где «Финка Вихия»?

— Конечно!

— Сколько стоит? Только мне надо к трём часам вернуться.

Ответ мгновенный (акула!):

— Сорок КУК!

Поторговались, сошлись на 50 долларах, что практически то же самое. Я, конечно, понятия не имел, где это и как далеко. «Где-то у моря», — думал я. Если за 20 КУК меня подряжался отвезти таксист на пляж, да ещё 20 обратно, то вот тебе и 40. Мало ли что, 50 долларов — это полугодовая зарплата местного рабочего, я же — турист. Приеду домой и уж вряд ли в обозримом будущем куда-нибудь поеду, хоть и на такси за 400 гривен (*был 2011 год, доллар был по 8*).

Я все время полагал, что Хемингуэй, как его герой Томас Хадсон, жил на берегу океана. А ведь читал же книгу Папорова, где всё вполне подробно описано. Но читал-то дома, отвлечённо, без «привязки к местности». Юрий Папоров, советский журналист, писал книгу «Хемингуэй на Кубе» ещё при жизни тех людей, что были знакомы с Хемингуэем, работали у него в доме или рыбачили с ним. Живость и документальность их рассказов ничем не заменить.

Ехали довольно долго, но подъехали как-то неожиданно. Большие ворота, за ними парк (лес?), служительница в неизменной голубой блузке, всё те же 5 КУК за вход, вернее — за въезд. Есть, наверное, и некий антитуристический Бог, который мне покровительствовал! Не было никого! Ни одной туристической души! Ни одного автобуса, ни одного организованного туриста. Я и Бернардо, служители, как дополнение к деревьям сада. Дорога ведёт сначала вниз, между панданусами и пальмами, а потом вверх, уже к дому.

После возвращения из Испании, тяжело переживая поражение республиканцев, Хемингуэй приехал на Кубу и арендовал усадьбу за 100 долларов в месяц. В 1941 г он купил имение за 18 000 долларов. Мне бросилась в глаза фраза из очерка в той самой книге: «По сути дела, отъезд Хемингуэя из США на Кубу был поражением. Война в Испании, фактически — первая реальная, кровавая война с фашизмом была проиграна, но (!) от этого в мире не изменилось ничего!». Не было ни бития в набат, ни раскаиваний в бездеятельности.

Что-то ему это напомнило! Шёл 2024, как радовались многие в мире, очень многие нашим успехам, успехам украинцев в этой войне! А потом всё меньше и меньше было как эффектных побед, так и внимания вообще к самой войне. Мир устаёт. Как радоваться, так и огорчаться. Да и новые войны стали разгораться...

Если дом переживает своего хозяина, что обычно и бывает, то душа человека продолжает жить в нём, даже если все книги убраны с полок. Но в окна смотрит всё тот же пейзаж. Когда Хемингуэй присмотрел «Ла Вихию», ему было 40 лет. Почему он выбрал Кубу как пристанище? Он жил и работал в Париже, в Испании, у него было два дома в Штатах, он уже был известным, достаточно богатым и, что важно, свободным человеком, он мог жить именно там, где хотел. Значит, хотел именно здесь.

Дорога к дому ведёт сначала вниз, а потом, когда поднимаешься выше к дому, создаётся впечатление, что дом венчает вершину большого холма. В общем, так и есть, не зря его сравнивали со сторожевой вышкой. К дому ведут пять высоких и широких ступеней, это тоже создаёт впечатление массивности и основательности постамента. А далее — собственно вход с тремя или четырьмя ступенями. Пустой, я бы сказал, аскетический фасад, украшают большие прямоугольные окна, довольно мелко рассечённые на квадратики рамами.

На левой от входа колонне высоко висит колокол, говорят, что он сохранился ещё с времён, когда им подавали некие сигналы рабам. А Папоров особо отмечает, что Хемингуэй, Папа, как его называли здесь, никому не позволял его трогать.

В дом сейчас не пускают, можно рассматривать и фотографировать через окна и двери, благо весь дом можно обойти кругом. Видимо, так и должен выглядеть дом в тропиках, да ещё окружённый парком — он удивляет жителя нетёплых стран своей открытостью. Стоя в дверях, я обзираю столовую — напротив, и большую гостиную — налево. Убранство эклектичное и гармоничное одновременно. Вот два больших, широких кресла светлой обивки, напротив — ещё два — затейливого изгиба, красного дерева с сетчатыми спинками. На стенах грациозно изгибающиеся шеи чучела антилоп, добытых хозяином в Африке. Их довольно много, и они создают особенный стиль интерьера. Это весьма габаритные предметы. Вот голова оленя с рогами в 5 отростков больше метра в размахе. Вот голова антилопы куду, рога почти метровой длины. Вообще-то все эти чучела — вещи очень хрупкие и нежные, особенно если представить, какой путь они проделали по свету, чтобы навсегда ос-

таться здесь, и с какой любовью и тщательностью надо было запаковать их в большие ящики. Светло, просторно! Белые стены, бежево-охристый плиточный пол и такого же цвета потолок.

Простые полки с книгами. Пятьдесят лет их не касалась рука хозяина. А там, наверное, на страницах этих книг — какие-то пометки, следы. Книга, которую читает писатель, мне кажется, какая-то особенная, он читает её не так, как другие люди. Он читает её, как мастер. Как столяр оценивает стол, или как кузнец воспринимает топор чужой работы. Наверное, радуется за автора, критикует, а может, и завидует.

Обходим дом вокруг, рассматривая окрестности, интерьеры через окна и двери. Под перголой нечто вроде стола с мраморной крышкой на кубическом основании, облицованном прекрасными изразцами. Бернардо говорит, что эти изразцы были привезены из Испании.

Кабинет. Просторный, белые стены, белые книжные полки. Рабочий стол, большой, дугообразный. Кресло приставлено к выпуклому изгибу, то есть хозяин должен был сидеть спиной к стеклянной двери и окнам, думаю, что было не так, хозяин сидел внутри дуги и смотрел в сад, когда работал. На столе — голова львицы, может быть, и при хозяине она там лежала, стол просторный, места много. На другом конце стола — старый глобус с океанами цвета древнего пергамента. А на невысоком книжном стеллаже — два больших черепа с огромными клыками, вероятно, львиные. На стене голова быка, сплетённая из лозы, наверное, это что-то вроде тренировочной головы для начинающих матадоров, а рядом большой круглый майоликовый медальон, тоже с головой быка, работа и подарок Пикассо.

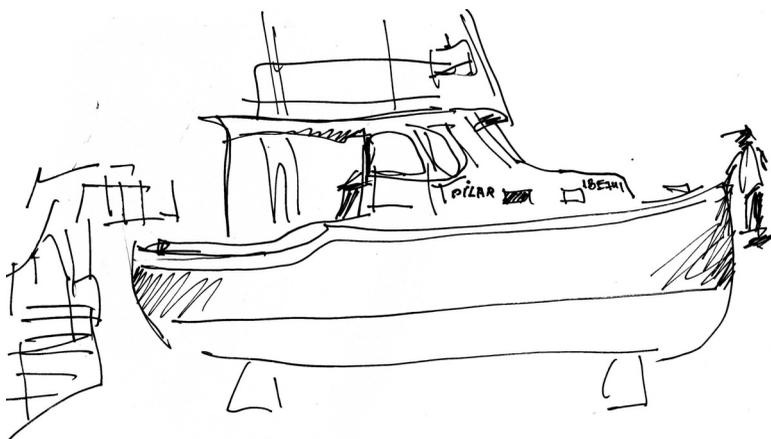


Около двери, через которую из кабинета можно выйти прямо в сад, на стене тёмная риска на высоте под два метра. Бернардо, парень сложения нехилого, специально встал под ней для фотографии, указывая на эту метку, сантиметрах в семи над своей головой. Это отметка роста Папы. Вообще, вещь примечательная, но нигде об этом не читал, кто её сделал и когда, эту отметку? Я уверен, что вся жизнь Хемингуэя в большой мере была данью вот этой риске на стене. Биологическое, морфологическое определяет психическое, а через него — социальное. Большой, могучий человек и должен жить крупно.

Если идти от дома к башне, которую когда-то построили по указанию Мари специально для уединённой работы мужа, то в направлении Гаваны виден склон холма, покрытый лесом. Зелень тропиков. Цветы. Вот голая серая ветка франчипании заканчивается пучком нежных кремовых цветов, а всё дерево представляет собой этакую кружевную конструкцию. Башня вообще-то четырёхэтажная, самый нижний этаж вписывается в склон. Там, как мне сказал Бернардо, была столярная мастерская, где делали некоторые элементы домашней мебели. А три остальных этажа — просторные комнаты, лестница идёт снаружи. Оказалось, что у башни нет ни какой-то особой истории, ни особого предназначения. Сам Хемингуэй в ней практически не работал, хотя кабинет на верхнем, третьем есть. Помещение метров пять на пять. Окна по всем стенам, простой, но оригинальной конструкции стол, кресло. Зелёный плиточный пол. Полки с книгами. И небольшой телескоп. Как мне сказали, это больше интересовало Мари, она любила смотреть на небесные объекты.

Я оказался неправ: океан оказался гораздо ближе, чем я мог предположить. Мы спустились немного по дорожке от башни и увидели просторный открытый павильон, скорее просто навес. Перед ним был маленький мемориал. Четыре одинаковых небольших могилки с одинаковыми белыми округлыми обелисками. На них было: «Black», «Negrita», «Linda», «Negon». Здесь были похоронены хемингуэевские собаки. Ни дат, ни эпитафий. Рассказывают, что однажды солдаты Батисты ворвались в его дом в поисках оружия, убили Блэк Дога — старого пса писателя, пытавшегося героически защитить дом и хозяина. Его могилка была первой. Место для кладбища выбирал, конечно, хозяин. А раньше здесь был теннисный корт. Теперь на этом месте был тот самый навес. А под навесом! Под навесом, скорее, как дорогая игрушка, а не как рабочее судно, стоял катер «Пилар». Рыболовное судно, 38 футов, то есть метров 12 длины, он был построен на верфи Уиллер в Нью-Йорке в 1934 году. Это было очень добротное судно, почти 80 лет ему дать ни-

как было нельзя. Вряд ли какими-то музейными ухищрениями можно было бы создать этот вид выносливого, работающего судёнышка. Корпус его был чёрен выше красной ватерлинии. Рубка приземиста и прочна. И хотя форштевень не был остро устремлён вперёд, а, наоборот, упрямо почти вертикален, обводы и весь вид свидетельствовали о его прекрасных мореходных качествах.



Pilar de Hungary

Вокруг судна была галерейка с лестницей, и можно было обойти вокруг. На жёлтого цвета корме были буквы «PILAR». На корме было то, ради чего и ходило судно в море. Это было рабочее место рыбака! Оно имело вид несколько странного, но очень крепкого кресла на одной ноге, прочно закреплённой в палубе. Спинка была груба и мощна — всего три толстые планки — под стать, видимо, спине самого могучего рыбака, другому здесь было не место. Дополняло кресло такое ногоупирательное устройство, в виде доски на двух блестящих стержнях, куда действительно можно было с силой упереться. В общем, все было рассчитано на БОЛЬШУЮ рыбу! Мы обошли катер. Я ещё раз подивился его прекрасной сохранности. На нём не было никаких украшений, только на носу серебристая пластинка с именем верфи да буква W, говорящая о том же, на форштевне. Почти никакой начищенной бронзы, никакого сверкающего металла.

Вот и весь дом... Весь музей. Мы пошли к нашей машине. Бернардо сфотографировал меня на прощанье под панданусом, и мы поехали.

Он был не просто таксист, а настоящий гид, как у него было написано на визитке, и настоящий патриот! Поглядев на часы, он сказал:

— Я хочу показать тебе ещё и Кохíмар.

Да, это был роскошный подарок! Мы довольно долго ехали к морю. Пустынная дорога и большая надпись из белых букв на красном постаменте среди деревьев — «COJIMAR», ударение надо делать на «и». Дорога уходила вправо. Посёлок, скорее городок, по которому мы проехали, приятно удивил своей ухоженностью и порядком. Простенькая, приземистая, какая-то страшно одинокая крепость на самом берегу (ох, и тоскливо было в ней нести службу, наверное, на этой «точке!»), низкий парапет, море. Синий спокойный простор.

Мы стояли у памятника Хемингуэю. Он был необычен, этот памятник. Это был не просто бюст, один из множества великим и выдающимся людям в этой стране. Это была композиция, совершенно гармонизировавшая и с этой крепостцой, и с этим морем. Бронзовый бюст, уже покрытый патиной, возвышался как бы из маленького, но вполне живого моря. На постаменте из розово-белого известняка было просто написано: Ernest Hemingway — 1898–1961. А окружала памятник белая ротонда о шести колоннах с капителями простого дорического ордера. Разорванное белое кольцо, поддерживаемое этими колоннами, создавало некое пространство, в чём-то отличное от всего остального мира, в котором была современность, там — память.

Бернардо не выключал мотор. Только потом я подумал, что эта поездка была довольно смелой авантюрой с оглядкой на то, что самолёт ждать не стал бы, если бы этот «Шевроле», на котором вполне мог ездить в бар ещё Хемингуэй, вдруг по дороге бы сломался. Но всё обошлось. Когда я уже сидел на чемоданах в холле гостиницы, поджидая транспорт до аэропорта, мелькнул Бернардо, он здесь был свой, и мы помахали друг другу. У него были, видимо, другие клиенты, день, надеюсь, его удался...

Удался и мой: самолёт взлетел вовремя и ушёл над океаном навстречу солнцу, преодолевая не только пространство, но и время.

МАДРИД, ТОЛЕДО

Место — столицы Испании. Время — 2015 год

В качестве эпиграфа к этой главе можно было бы взять слова из «Путевых впечатлений» Константина Скальковского, как раз этот том его путешественнических записок (1873 год) был посвящён впечатлениям об Испании, о Мадриде, в частности. Так вот, он заметил, что «...путевые очерки имеют какую-либо цену только когда набросаны с натуры. Восстановленные на память, они отзываются сухостью географического или статистического описания без полноты обстоятельности...». И он был совершенно прав.

Честно сказать, я попал как раз в такую ситуацию. Вместо путевых заметок, написанных по горячим следам, только зарисовки в путевом блокноте (вызывают всегда у жены недоумение — неужели из этого клубка линий можно составить вменяемое воспоминание?). Я же всегда ими гордился, воображая, что эти летучие линии непременно воскресят всю обстановку, как факты, так и впечатления, но, как оказалось, они делали это очень выборочно, и было непонятно, то ли они подталкивают память, то ли я помню не сам предмет, а уже его изображение. Были фотографии, сделанные, надо сказать, без какой-то системы. И несколько книг, то есть «материал», читанных ещё до... Странная вещь, но в этом «материале» доминировали не современные путеводители, а книги более, чем полуторастолетней давности. Книга Василия Боткина «Письма об Испании» и вышеупомянутые «Путевые впечатления» К. Скальковского. Доминирование это было оттого, что возникало недоумение: что такого особенного в этих странах и городах сейчас, когда и в одежде, и в культуре, в системах коммуникаций в современности все народы так сходны, а несхожесть, особенность проявляется в первую очередь в истории и давно ушедшем быте. Вот в старину мир был разнообразен! Трудно было тогда представить, что весь мир может пить одну и ту же «Кока-Колу» и ездить на одних и тех же машинах. Но ещё Скальковский, как бы оправдываясь за свою поездку, писал, что ему известно совершенно точно, что «нет в Испании больше ни инквизиции, ни монахов, ни гитар, ни кастаньет, ни разбойников, ни серенад, ни остроумных цирюльников (всё, что принято

называть Испанией, можно встретить только в балетах)», но... но всё же он поехал. Давненько, надо сказать, начались эти процессы глобализации. Но всё это, видимо, лукавство, ибо одинаковость джинсов, моделей телефонов не столь сильно влияет на некоторые важные особенности человеческих популяций. Хотя тот же Боткин сожалел, ещё посреди XIX века, об уходящей моде носить мантильи, вы, переместившись в чреве «Боинга» за часок из немецкого Эссена в Мадрид, сразу понимаете, что дело всё-таки не в мантильях. Хоть и без мантилий и кастаньет, но люди другие.

* * *

Итак, в порядке осуществления мечты (скорее — мечт), которая у жены состояла из конкретного плана встретить день рождения непременно в столице Испании, а у меня была тонким слоем с оттенком малоосуществимости размазана по многим годам жизни, очутились на Пласа Пуэрта-дель-Соль тёплым апрельским вечером, ощущая как прелесть золотистого пыльного света, так и лёгкое возбуждение от людской суеты, которая царила здесь (и это было очевидно) всегда. Первый же попавшийся прохожий на вопрос, где эта улица Принсипе, с готовностью выхватил из кармана телефон и стал ради нас изучать местоположение и окрестности. Вот она, эта улица! Gracias! Идём туда, чемодан за ручку на колёсиках по тротуару. До сих пор осталось впечатление не чужих улиц, а как будто уже виденных когда-то. И люди вроде не совсем чужие. В чём-то не посторонние.

Маленький отель с каменными полами и окном, выходящим в колодец со стенами и окнами соседних номеров. В центре большого города (бюджетно), так, очевидно, и должно быть.

Подлетев к городу на самолёте, переместившись потом посредством метро под землёй из аэропорта в сам город, нынешний путешественник лишён возможности выразить недоумение (или, наоборот, одобрение) относительно местоположения столицы в окружающем ландшафте. Все же путешественники в старину, подъезжающие к Мадриду, в один голос повторяли: место для столицы крайне неживописное. Вот какие мысли рождает вид окрестностей Мадрида у Боткина: «По пустынной равнине подъезжаешь, наконец, к Мадриту, который стоит здесь Бог знает зачем, потому что среди этих пыльных полей решительно нет никакой причины стоять не только столице, но даже ничтожному городишке».

Интересно, не возникала ли у него такая мысль при подъезде к Петербургу? Лес, болота, дичь. В этой связи мысли, высказанные св. Андреем относительно грядущего появления Киева, мне более понятны.

Вторит ему Скальковский: «Проезжая совершенно безжизненную пустынную Новую Кастилью, не можешь понять, какая мысль руководила Филиппом II, когда он переносил свою столицу в такое место». Мол, и выбор Эскориала как своей резиденции тоже говорит о мрачном образе мысли короля. Мол, и Толедо тоже практически в центре Испании — почему бы не оставить столицу там? Никакой нет логики. У самодержавной власти своя логика. Разве не мог предполагать Пётр, что при ветрах с моря будет Нева выходить из берегов? Или Филипп, как он думал снабжать водой большой город, если этот Мансанарес, который, по словам Боткина, «даже весной едва влачащий тонкий слой воды, производит печальное впечатление...?». И куда девать отходы? Ничего он не думал, захотел и всё. Но что ж мы так критикуем вслед за старыми туристами самого короля! А может, он просто предвидел, что через несколько веков будут здесь жить себе вполне благополучно три с лишним миллиона человек. Но совершенно очевидно и то, что одной воли или прихоти монарха мало для таких начинаний. Впрочем, Филипп мог позволить себе разные прихоти, в XVI веке он был одним из самых могущественных монархов Европы. А могущество монархов держится, в первую очередь, на полноте казны. И она пополнялась более или менее исправно за счёт заморских владений (расхожее предположение, даже убеждение).

Честно сказать, я, как, наверное, и многие, всегда полагал, что эти заморские владения были каким-то волшебным источником богатства. Вон, в книге Жоржа Блона про освоение океанов и про пиратов ярко описывается, как слитки золота из Перу перевозились кораблями до Панамы, потом на мулах до атлантического берега перешейка, потом до Кубы, потом курсировавшими караванами галеонов — в Кадис. Потом опять, наверное, на мулах — в Мадрид. (Нет, как пишет Скальковский, сначала складывали в какой-то башне в Севилье). Само богатство в чистом виде, слитки богатства. Поэтому неожиданностью было для меня рассуждение такого рода.

«У Испании был ея разьедавший внутренний изъян — колонии», — писал Скальковский. Во-первых, сама колонизация требовала огромных усилий. Целые города пустели, государство лишалось многих наиболее энергичных и трудолюбивых людей». Во-вторых, колониальная империя разрослась до таких размеров — от Канарских островов до Филиппин,

что управление ею выходило за рамки возможного при тогдашних средствах коммуникации. А сколько чиновников! Управление требует энергии, то есть тех же денег, система добычи богатства пожирает сама себя (что-то это напоминает, да-да, вот она — онкология империй). Поэтому «только с потерей колоний началась эпоха относительного испанского благосостояния», торговля с колониями стала приносить вдесятеро больший доход, чем колониальные подати и простой грабёж.

Золотыми буквами стоило бы записать на вывесках всех империй! Хотя для того, чтобы было на что, на какие-то части развалиться империи, надо её всё-таки построить. В начале второго года этой войны появился у меня такой хайбун:

...есть некий тезис о сдвиге, шифте эволюции. Это когда не форма меняется, к примеру, вид биологический вроде тот же самый и выглядит, как миллион лет назад, но уже не тот. Эволюция идёт в другом, невидимом месте. У человека, например, в области социальной. В XII веке захват территорий, рабов, земель и пастбищ за счёт конкурентного вытеснения, агрессии, силы выглядел вполне нормально, соответственно эпохе. Сейчас мы даже такую историю одобряем, канонизируем как полезную для народа активность вождей наших предков. Но сдвиг произошёл, этикие захваты теперь выглядят некрасиво. Рудименты, однако, остались. И вырваться из XII века непросто. Хуже всего, когда иллюзии старины стоят на плечах вполне современных танков.

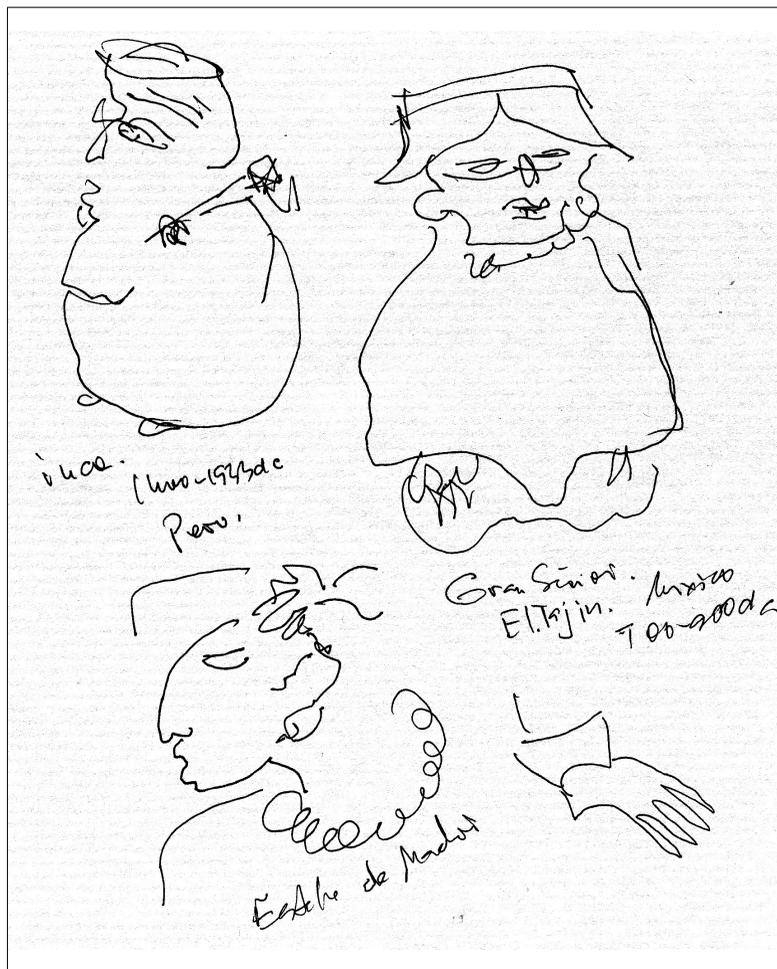
С Галлией торговать бы, но
Цезарь, как динозавр,
В клещах эволюции.

Рассуждения правильные, о приличествующем и неприемлемом — для народов и их вождей. Просто диалектика: закон отрицания отрицания. Сначала империя отрицает слабые национальные общины, потом отрицает самоё себя, ибо потребности экономики выше прихотей принуждения, потом и это отрицается глобализацией.

Музей Америки

Но история была такой, какой была. И частью этой истории (с географией) было содержимое музея Америки, куда мы направились на

следующий день, выяснив, что как раз он и есть день бесплатного посещения. Это на проспекте Католических Королей. Ехать на метро до Манклоа (конечная).



Интересная вещь: в моих музейных зарисовках в основном различные сосуды, керамика. Осколки индейских культур. Почему-то при изысканной орнаментальности, определённой условности монументальных изображений, хотя бы на храмах Майя, именно в этих сосудах

видим так много реального отражения моделей. И эти лица, и эти позы — всё живое. А, казалось бы, совершенно утилитарные вещи. Вряд ли какому-то индейскому гончару приходило в голову изображать портрет соседа, но лицо-то выразительное, не условное, реальное. И, потом, сама природа керамического сосуда недолговечна, тиражи неизбежно должны были быть большими и очень большими, для возмещения того, что стало грудой черепков. Это, очевидно, значит, что чувство прекрасного было просто бытом. В этом смысле колонизаторы не могли принести ничего нового и хорошего, прогрессивного.

Но история сложилась как история миграций, принудительных и добровольных. Вот целая живописная серия: расовые типы в кубинском, в данном случае, тогдашнем социуме. За двадцать-тридцать тысяч лет человек, очутившись на Американском континенте не только постепенно осваивал его, но и сам менялся, сформировалась целая новая раса. А потом появились бледнолицые, которые устроили существенное пополнение населения выходцами из Африки. И всё это начало смешиваться. На картине — муж индеец и жена его африканка, на другой — европейский хозяин дома и жена его индианка. А вот ещё одно интересное полотно. В XVII веке любили сопровождать содержание картины описью деталей или каким-то комментарием. «Пласа Майор-де-Лима», центральная площадь Лимы, я насчитал больше ста персонажей. Здесь и кареты с дамами, и монахи, и торговцы, и фонтан. И площадь, и пейзаж окрестный. Как, интересно, она могла, эта картина, выглядеть в каком-то мадридском доме, привезённая из-за моря, тогда, в XVII веке. Экзотика, манящая кого-то, такая дивная далёкая страна!

Как ни богаты эти этнографические музеи, не отобразить им всей непонятной прелести чужой жизни. Представить себе обратную картину: музей Евразии в столице Империи Инков. Ходят индейцы по музею и удивляются: смотри, они на каких-то больших животных ездят верхом, вот седло, очень странно. Повозки с круглым как солнце колесом, вот как странно. А одежда! Ну, совсем странная!

Недалеко от музея какая-то весьма солидная Триумфальная арка. Был, очевидно, в истории какой-то триумф.

Прадо

Вернулись в центр. Пойдёмте вниз по улице Садовой (Calle Huertes) в сторону Пасео-дель-Прадо («пасео» от слова *pasear* — прогуливаться). О! Какое это было значительное место лет сто пятьдесят

назад! «Самое интересное место в Мадрите есть его загородное гуляние. Prado — широкое шоссе, по обеим сторонам которого идут аллеи каштанов». Правда, замечает путешественник, они не столь могучи и развесисты, чтобы укрывать от солнца. Заметим, «загородное», видимо, ещё в середине XIX века это была самая окраина города. Но на этой окраине уже тогда высился дворец. Вернее, похожий на дворец музеев.

Прав был Скальковский: хочется заглянуть в справочники, выписать количество единиц хранения, выразить в ошеломляющих цифрах потоки жаждущих посетить и осмотреть...

«Здание, в котором сегодня находится Национальный музей дель Прадо, было спроектировано архитектором Хуаном де Виллануэвой в 1785 году. Оно было построено для размещения Кабинета естественной истории по приказу короля Карла III. Тем не менее, окончательной целью здания оказался Королевский музей живописи и скульптуры. Это было решение внука монарха Карла, короля Фердинанда VII, которого поддержала его жена королева Мария Изабелла де Браганса»... и так далее.

Эта вечерняя прогулка была посвящена созерцанию экстерьеров, в том числе и Прадо. Какая замечательная идея была у архитектора — пустить колоннаду по второму этажу, это сразу придало хоть какую-то лёгкость огромному зданию. Конечно, наш план был отправиться в музей с утра и на целый день (хотя взяли на заметку, что из музея можно выйти и зайти потом обратно, прогулявшись по свежему воздуху). Но множеству людей такой план не подходит, может, у них другие обстоятельства, другой расчёт. Вот они и выстроились в огромную очередь (ту она уже называется *cola*, в отличие от итальянской *fila*), потому что с какого-то часа (кажется, за час до закрытия) вход бесплатный. А что, если не первый раз в этом музее, и хочешь на ночь глядя насладиться вполне конкретным произведением, это вполне разумно. Но в музее в экспозиции более 12000 произведений (несколько тысяч в фондах, надо сказать, разные источники дают разные цифры, но очень много!), выбрать — большая сложность. Что бы я выбрал, если бы сейчас (когда там мы уже побывал и пишу эти строки совсем в другом месте), очутился в этой очереди? Не из расчёта и «как принято», а по впечатлению, вернее, по остаткам впечатлений? Скорее всего, я пошёл бы в зал, где «чёрный» Гойя. Наверное, потому что он был для меня неожиданным. Вообще Гойя для меня загадка. От невыразительных набросков какого-то Человека-скелета до этих огромных мощных картин «чёрного» цикла. Глядя на Маху обнажённую, думаешь, а была ли модель реальная, или это «по памяти», да ещё как-то не сильно в дружбе с анатомией. Глядя на неё же, но уже в 3D-варианте, в мраморе, как деталь постаumenta па-

мятника самому художнику рядом с музеем, не можешь отделаться от чувства, что смотришь на какой-то гибрид Барби с Матрёшкой. Но его же кисти великолепные портреты. А эти образы «Капричос» и ужасы войны. Скальковский пишет, что Гойя был последним великим испанским художником. Вместе (после) с Риберой, Мурильо, Веласкесом (ничего об Эль Греко) и не догадывался о... не предвидел Пикассо, Дали (не, про Дали это я покривил душой...). Но между великими и известными, прекрасными есть какая-то неуловимая грань.



Когда произошли события в Буче, вылезла вся эта мерзость войны, я выставил в Инстаграме на своей странице картинку того офорта Гойи, где повешенный, а его тело разглядывает развалившийся оккупант-француз. На следующий день администраторы изъяли, как слишком уж... Актуальность Гойи ужасает.

Наверное, дело здесь в «обывательском» взгляде на искусство вообще. Иосиф Бродский как-то заметил, что везде, в разговорах об искусстве, оценках присутствует этакая избирательность с неизбежной дискриминацией. Мол, Баратынский был поэтом ничем не ниже и не хуже Пушкина, но выбрали Пушкина, вознесли как классика. Договорились. А всё дело в том, что весь пласт поэзии тогдашней как систему не охватить не то что простому читателю, но и учёному-литературоведу. Надо про ранжировать если не всех, то хотя бы первых. Так и с Гойей: не совсем уключая парочка Мах, одетой и ню, загородили эту богатейшую и сложнейшую систему под названием Гойя. Именно систему: цвета, света, формы, сюжета. А ещё скрытой или явной, как в «Капричос», фантазии. На возражение, мол, всякая живопись есть цвет, свет и форма, заметим — где у Пикассо свет? Он ему был не нужен. Форма нужна. Свет был нужен Тьеполо, Писарро или Соролье, не тот свет, что лепит форму вместе с тенями, а свет сам по себе, как элемент картины. А что до «чёрного» Гойи, так то — не компания ведьм и не их портреты, то собирательный облик разных/всех революций, так мне показалось, когда я был в том зале.

Коррида

По некоему стечению обстоятельств, я знаю, где находится Пласа-де-Торрес в Барселоне и в Санта-Круссе, на острове Тенерифе. В Санта-Круссе я даже зашёл в этот амфитеатр и видел арену. Вот и всё моё знакомство с корридой. Теперь можно дополнить Скальковского: не только кастаньет и разбойников, но и корриды нет больше в Испании. Почему-то любовь к животным работает лучше, чем любовь к людям. Так вот, цитируя великого Жванецкого, «давайте поспорим о книгах, которые не читали и фильмах, которых не видели!», обсудим корриду. Офорты Гойи или рассказы Хемингуэя с Ибаньесом не вызывают отвращения или той жалости к животному с могучими рогами, которая и приводит к вымиранию (или — уже смерти) тавромахии. Эти бои с быками уходят, наверное, корнями в истории с гладиаторами, даже, скорее — с Тесеем

и Минотавром... В историю уходит, как оказалось, и проблема запрещения корриды. «Общественное мнение в Испании сильно возрастает против боя быков и требует его воспрещения законом» — это писалось в середине XIX века. В то же время Боткин добавляет: «однако, бой быков способствует улучшению породы рогатого скота в Испании».

В небольшой, богато иллюстрированной биографической книжке о творчестве Гойи за разделом о корриде следует раздел «Ужасы войны». Ну, да, коррида — это смертельно опасный спорт. Но тут речь не о быках и матадорах, а о зрителях (оставим в стороне голый зрелищный бизнес). Автогонки тоже опасный спорт, хотя Шумахер показал, что и лыжный тоже, в чём ни машины, ни лыжи не виноваты. Хлебнуть за свои деньги немножко адреналина, глядя, как матадор пьёт его целыми вёдрами — может, это двигало развитием тавромахии? Теперь таких зрелищ не счесть, как вдали, так и вблизи, хоть по телеку, хоть в натуре, можно подумать и о быках.

Перелистывая глянцевые странички книжки с биографией Гойи, он почему-то, в эту зиму 2024 года, не мог отделаться от параллелей. Война России в Украине не выглядела ли поэтизированной корридой, при взгляде откуда-то из Аделаиды или Лос-Анжелеса? Однако в корриде настоящей ни один из участников не мог рассматриваться как воплощение зла.

Поедемте в Толедо!

«Посещение Толедо обязательно для каждого путешественника в Испании. Поездка туда из Мадрида, для которой требовались прежде конвой и тысячи предосторожностей, очень удобно делается теперь по железной дороге в три или четыре часа», — писал Скальковский. Сложно сейчас представить, что все эти тысячи предосторожностей были простым бытом.

На мадридской Пласа Элиптика какие-то сложные и запутанные этажи подземных паркингов и автостанций. Стою, как дурак, перед огромным кассовым автоматом и пытаюсь купить два билета до Толедо и обратно. Кто же мог представить, что одним из вопросов от этого железного ящика будут цифры телефонного кода Украины, откуда родом моя кредитная карточка? А автобус уже подошёл и забирает пассажиров. Все-таки, в стрессовой ситуации я ещё могу резко и плодотворно о чём-то подумать! Вот они — билеты!

По дороге между Мадридом и Толедо можно, наверное, вспомнить упомянутых путешественников, что, мол, за пейзаж вокруг, и стоило ли здесь возводить столицу? Открытые пространства, кое-где поля, кое-какие деревья, строения, но, в целом, угнетающего впечатления не оставляет. Может, потому что весна? Где-то на середине дороги по правую сторону огромный силуэт торре — быка, из толстой листовой стали, чтобы ветром не снесло.

Автобусная остановка в Толедо внизу, недалеко от подножья той самой скалы-полуострова, который вырезала река Тахо на Лике испанской земли, огибая эту скалу. (Может, не скалу, холм, но не гору, большую возвышенность, вот). Городские ворота (одни из нескольких оставшихся, которые помнят ещё вестготов) где-то справа, поднимаемся по какой-то тропе, да, ещё был эскалатор на каком-то участке подъёма. Почти сразу вышли на площадь со звучным названием Сокодовер. А за спиной, внизу — терракотный город, не весь же он уютился на полуострове, может, только во времена мавров, вон, у Эль Греко — «Вид Толедо», очень даже обширный город. Разные оттенки обожжённой глины — от охры и разбелённого марса коричневого до английской красной. Как оказалось потом, эта площадь, во всяком случае, на нашем пути, была единственным осколком современности: площадь, дома, деревья, магазинчики. Дальше шла история.

Скорее всего, ещё до того, как лет двести до новой эры Марк Фульвий, одержав победу над жившими здесь кельтиберами и основал боевой пост Толетум, здесь эти самые кельтиберы (такой этносплав кельтских и иберских этносов) жили посёлком. Уж больно хорошо защищённое место было. Прошло шесть веков, стал город столицей вестготов. В самом начале VIII века город завоевали мавры, которые оставались там почти до конца XI столетия, когда пришла Реконкиста. Через пятьсот лет, в 1561 году король Филипп II совершил тот самый прихотливый шаг, перенёс свою резиденцию в Мадрид. И перестал быть город Толедо столицей всей Испании, только областным центром — Кастилия Ламанча. Теперь в городе нет и ста тысяч жителей. Зато туристов множество. Как одни из таковых зашли в турцентр. Вот вам карта города, вот, девушка обвела кружочками, мы здесь, площадь Сокодовер, а вот в этом кружочке и кафедральный собор, и церковь Сан-Томе, и музей Эль Греко.

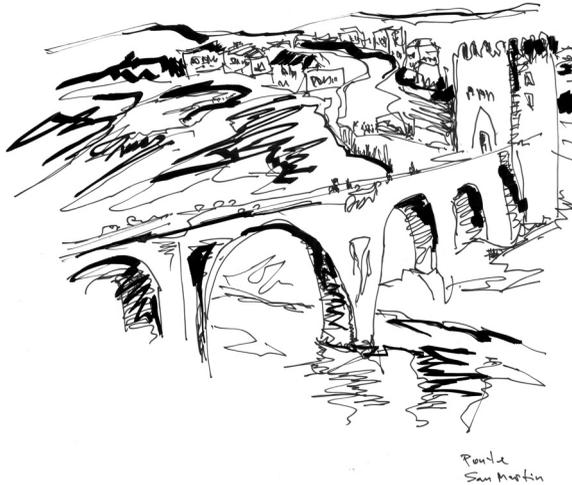
«А всё вокруг, — подумали мы, — городской пейзаж». Хорошо осматривать такие пейзажи, но как тут было жить, в такой тесноте? А во-

да? А канализация? Но зачем туристу об этом задумываться, улочки-то эти фантастически живописны! Кафедральный собор огромен, масса деталей, сложные кладки, фризы, скульптуры в нишах, но не оставляет впечатления целостного сооружения. Может, опять же, из-за тесноты, или надо снимать очень широкоугольным объективом. Считается классикой испанской готики, в чём-то, как готике и положено, устремлённой к небесам, но, в основном, прочно стоящей на земле. Час был какой-то неурочный, интерьера увидеть не удалось. Стали искать Катедральде-Сан-Томе. Не ради неё самой (оказалась как-то в сторонке от улицы), а ради картины Эль Греко, посвящённой погребению Оргаса. Одни пишут, что он был граф, другие — просто гражданин Оргас и очень хороший человек. Надо сказать, что, глядя на это полотно, ни та, ни другая версия не кажутся верными, это похороны воистину королевские! Эти негнущиеся золотые одеяния церковников, а торжественная толпа идальго! Этот ряд благочестивых лиц, как бы лежащих на блюдах белых воротников, отделяют мир земной и мир небесный, в котором как-то меньше строгости и порядка. Интересно противопоставление композиций: круг в прямоугольнике в нижней части и уверенный прочный треугольник в небесном мире. Сразу видно, что нижняя зыбкая композиция — совсем не основа, верхнему она вообще не нужна, он сам — основа.

Эль Греко умер в 1614 году и не оставил, по сути, никакой школы. Да и можно ли было передать эту экспрессию, фантастические образы? Говорят — сыну, но тот не оставил яркого следа. А потом старшего Теокопули и вовсе как бы забыли, исключили из числа выдающихся новаторов. Пришло время барокко с его завитушками, без напряжения, без зигзага. Наверное, это закономерности эволюции не только живописи: подъём до какого-то пика, предела, динамика сменяется более или менее выраженным покоем. Теперь Эль Греко понятнее и роднее зрителю, чем в XVIII столетии. Волны жизни.

Дом художника ближе к реке, если идти от Сан-Томе. Классическая конструкция: внутренне патио и галерея по второму этажу. Свой замкнутый мирок. Здесь и галерея образов, святой Пётр, Иоанн...

Это почти по-сказочному — выйти из городских ворот, увидеть реку, мост. А ворота только от стены крепостной древней и остались, они больше похожи на самостоятельную маленькую крепость, стены давно уж нет. Дорога ведёт вниз к мосту Святого Мартина. Добротный мост, стоит с XIII века. С башней, тоже как часть крепости.



Не буду настаивать на приоритете, но, видимо, А. фон Гумбольдт положил начало жанру научных краеведческих путешествий. От фауны и флоры страны до общественных нравов и порядков. Для такого исследования необходимо, конечно, достаточно времени, к тому же — усердия, знаний, определённой подготовки. Ещё — сравнений своих впечатлений с впечатлениями других. А впечатления иногда показывают, что страны разные, народы не только уникальны, своеобразны, но во многом похожи. Читаю у Боткина. Середина позапрошлого века. «Вот уже 30 лет Испания постоянно находится в судорожных конвульсиях. Она хочет оторваться от своего прошедшего и хочет в то же время сохранить все свои старые, заветные предания. Делать и переделывать на иностранный лад свои конституции — и хранить всю свою старую, ужасную администрацию».

Ей Богу, мне это что-то напоминает...

Как и это: «Война против неверных, маэров вошла в нравы, в нужды Испании. В продолжении веков не встречаешь никакого плана, грозная близость неприятеля не мешала ни распряму, ни ссорам за наследство, ни междоусобным войнам...». Это, наверное, — этюды о Времени: у истории свой ход лет, столетий (шутка ли — более семи), а у человека — свой, измеряемый в часах, днях, неделях. Онтогенез и эволюция малосопоставимы, хотя жить друг без друга не могут...

МОСКВА

Место — европейская часть России. Время — от давным-давно до сейчас (или от и до)

Все винты завертелись, самолёт мелко задрожал, гул наполнил уши. Эти Ту-114 каждый день из Хабаровска пролетали как раз над нами, высоко. На запад. Однажды, правда, один чуть не целый день кружил. Что-то, видимо, случилось, а сажать с полными баками в Хабаровске боялись. Дальняя дорога. Теперь мы с Серёжей Селивёрстовым были пассажирами. Он (геолог в миру, на гражданке) закончил службу, возвращался к себе домой, в Москву, я летел в свой первый и последний армейский отпуск, начать который и планировалось у него в гостях. Там же и Колю Зайцева хотелось бы повидать.

Дорога от аэропорта до столицы была полна живописности средней полосы. Стоял сентябрь 1973 года, но не киевский, ещё летний и тёплый, а с желтизной берёз, хмурым небом. И лес вдоль доги был большой. красивый, но какой-то эпически-театральный, как-то не тянуло собирать в нём грибы, скорее — искать избушку Бабы-Яги.

Сергея семья встретила радостно, я как-то был не очень кстати. И с Колей встретился, даже были с ним на каких-то московских танцах. Но Коля был уже не солдатик из моей роты, а москвич, со всеми, хотя и радужными, но покровительственными интонациями. И пальто польское с твидовыми пестринками я себе купил в ГУМе (подготовка к будущей гражданке?), добротная вещь, подстёжка искусственного меха до сих пор на даче висит, иногда согревает. Вот и все почти воспоминания об одной из первых встреч со столицей.

* * *

Сейчас, в 2023 году, во время этой московитской войны, может, это и хорошо, что начата главка давно, когда войны ещё не было. И не было этой горечи потери, потери того, что эти московиты украли. Горечь, если надо объяснение — от потери нормального стремления к нормальности — добрым отношениям. Там, в их столице, живёт моя одноклассница Анна,

с которой время от времени обмениваемся коротенькими сообщениями, и хоть очевидно, что не поеду, не полечу, не встретимся, всё-таки это связывает с Местом. Послал ей электронную версию книжки своей, где и про наш класс вспоминаю. Она написала, что сын распечатал, теперь можно читать. Но потом пропала, может, страницы, где про войну, ей не понравилась, или... Бог знает, но ниточка оборвалась. Но это она написала мне 25 февраля 2022 года: «Вчера рыдала весь день».

Столица

Вот уж где сейчас смешалось время и пространство! Всегда она была как-то далека, эта столица, это место, но была из разряда того, что как-нибудь туда, да и попадёшь, то ли проездом (а все пути вели через Центр), то ли по какой-то серьёзной надобности. Правда, это было давно. Уж не одно десятилетие тому перестала быть центром, во всяком случае, для многих. В каком-то смысле это равно Копернику, его революции. Все думали, что Земля в центре мира, а оказалось, что заурядная планета. Но на роль центра мира всегда много претендентов.

Какое-то очень раннее детское воспоминание. Мать с отцом поехали в Москву за покупками. Мать привезла шубу «под котика», а отец, конечно же, очень необходимый в семье патефон. Я и сам, бывая в командировках, получал заказы, лазил по этим ГУМам и ЦУМам, почему-то это не казалось странным, ведь это был Центр, там должно было быть всё! Или такой сюжет: мы, то есть я, Александр Иванович Иванов, Наташа Никитина, Лидия Журавлёва стоим на фотографии в предместье Владивостока на железной дороге, около столба верстового, с четырёхзначным числом, что-то 8000 и ещё сколько-то километров (одна пятая экватора планеты). Это от Москвы. Или до Москвы. А откуда ещё считать? Может, от Бреста или Калининграда? Это казалось естественным — точка отсчёта. Много чего.

Странная вещь — эта естественность. У него ещё в раннем возрасте было такое двойственное чувство, когда, листая журналы «Наука и жизнь», раз за разом натыкался на обширные статьи то про названия московских улиц, то с картами московского метро, то с историями всяких там московских событий. С одной стороны, думалось, кому на Чукотке интересны эти подробности московского ландшафта? С другой — это же естественно: это же столица! С этими империями сложности и неоднозначности: Рим был столицей Римской(!) Империи, а Па-

рижской или Венской империй не было. Естественность центра, как чего-то большого, казалась неоспоримой. Класа до шестого он думал, что столица США — это Нью-Йорк, потому что самый большой город.

Впрочем, это уже историческая банальность — была столица большой страны, стала — меньшей страны, многое в мире меняется, вон, Константинополь, уж какой могучей столицей империи был, теперь простой турецкий город.

Но вот о чём я жалею: не пришлось мне погулять по Москве с москвичом, чтобы он мне показал какие-то закоулки, переулки, дворы, те самые Чистые пруды, а то я и не знаю, есть ли там собственно пруды, или, как Кузнецкий мост — а моста-то и нету. Зато Крымский мост знал я хорошо, я всегда, когда бывал в Москве, шёл туда, чтобы пойти в выставочные залы, филиал Третьяковки. Олег Германович Резниченко всё обещал поводить по Москве, да как-то не сложилось.

Олег Германович

Познакомила меня с ним Ольга Глебовна Кафтаникова, она с Олегом то ли на одном курсе в МГУ училась, то ли на близких. Ну, и важнее всего, он был одним из ведущих в Союзе специалистов по морскому обрастанию. Это было близко и понятно. Кстати, когда летом 1986 защищал кандидатскую мой аспирант Сергей А., было совершенно ясно, что оппонентом должен быть Олег Германович Резниченко. Приехал Олег, не побоялся Чернобыля, более того, сетовал, что мы не работаем на водоёме-охладителе ЧАЭС сразу после аварии, но это уже другое место и другой рассказ.

Как-то всё в нём располагало к себе. Большой нос, реденькие волосы, усы торчком и зычный голос. И каждая встреча потом — событие. У него было интересное отношение к Месту и Времени. Он дарил мне книги и всегда подписывал: «Сане, Москва, ул. Такая-то, дом №, квартира №, в 18 часов 35 минут». Или «Гостиница, Конференция, часов, минут...».

Ездил со мной в МГУ, где я представлял свой диссер докторский, вил меня к тамошним профессорам. Всё с тем же — познакомить, представить работу, помочь, короче. Он был большой романтик. Как-то на полном серьёзе предлагал уехать на Камчатку, там некий центр науки организовывался. Вот бы в рейс с ним морской пойти! Он же был морской биолог. Вернее — океанического размаха, в Институте океанологии и работал. Не сложилось.

Старый магнитофон, он просто почти умер от старости. Но можно же по ископаемому ДНК восстановить давно ушедшую жизнь! Так и я, ради тех двух кассет: на одной голос матери с отцом, их рассказы о жизни прошедшей, на другой — голос Олега Германовича — нашёл-таки мастера по реанимации старых аппаратов. И услышал голоса. Это вам не старая фотография, это целый мир воспоминаний, это звук, это эхо звука! На кухне у Олега, где мы обычно сидели при моём приезде, на стенке был рисунок (самого Н. Кондакова того, что нарисовал множество животных всяких во множестве книг про природу). На скале сидит розовая чайка, а далеко внизу по кромке моря идёт человек.

— Это я, — с гордостью говорит Олег, показывая на человечка.

В 2000, кажется, году кем-то и как-то загадочно мне передана из Москвы была эта магнитофонная кассета. Отремонтированный «Panasonic» позволил ещё раз услышать знакомый голос:

«Москва, улица Судостроительная, дом 14, квартира 5. Обращаюсь к Александру Протасову. Саня. Здравствуй! Рад передать тебе большущий привет и мою симпатию. Сколько было бесед, надежд на будущее. Сейчас я живу прошлым, очень хорошим прошлым. Не было бы этого прошлого, не было бы и настоящего. Будущее — это сплошная чернота, а может быть, и тишина. Я сегодня специально ездил на Птичий рынок, купил сумку для моего кота. А в сумке есть окошко. Теперь, куда я ни поеду, буду брать своего кота. Два года назад я подобрал его на улице, теперь неотразимый красавец. Усы белые, говорит со мной. Огромный привет твоим сотрудникам! Пока, Саня, пока!»

Уж более двадцати лет я храню эту кассету, этот голос. Как объяснить? Не работали вместе, не были соседями, да и виделись нечасто. Что же выделяет из той массы людей, которые прошли рядом или далеко, тех, которых хочется вспомнить, будто отдать какой-то долг? Жизнь проходит, и думаешь, почему-же так мало общался, так мало узнал о человеке? Обстоятельства, лень души, заботы — как они уменьшают этот круг близких людей.

Алексей Гиляров

В 2013 году пришла весть о смерти Алексея Меркурьевича, я тогда записал в дневнике: «Вот ещё один из моих ушедших корреспондентов. А.И. Баканов, А.И. Кафанов, А.П. Остапеня, теперь вот Гиляров. Эти уходы опустошают мой мир. Хотя Алексей и не был в числе близких. Он был

старше и москвич, профессор МГУ, всё это заставляло его поучать и учить. Но мне было приятно, что статьи присылал мне и такое своё произведение как «Татьянин день». Я написал на его адрес последнее письмо: в Киеве его будут помнить и учёные, и в музее, где страстно работал его дед. Вот и всё. А один профессор написал в ответ на моё соболезнование МГУшникам, что, мол, не здоровался, и заносчив, и высокомерен был страшно. Хай спит с миром...».

Между московскими и питерскими гидробиологами всегда существовал какой-то барьер. Мы были ближе к питерским. Впрочем, когда директором нашего института был одно время В.И. Малюк, вдруг наладились интенсивные контакты с МГУ, но следующий директор эти связи упразднил. Первое «знакомство» произошло у меня с кругом Гилярова на одной конференции в Литве. Проходила она на озёрах, на какой-то базе отдыха. Жили в тщедушных домиках, как раз за фанерной стенкой были москвичи. До поздней ночи был у них балаган, спать не давали. А как наладилась переписка потом — уже и не припомню. И почему снабжал меня последними своими статьями, книгами, трудно сказать. Тот самый рассказ «Татьянин день», думаю, нигде напечатан не был. Москва, Дворец Съездов, собрание учёных по поводу юбилея университета.

Из очерка «Татьянин День» А. Гилярова (прислал мне в 2005 году)

...После заключительного гимна МГУ все устремились в туалеты. Ведь продолжалось всё действие три часа в режиме нон-стоп, а преобладающая категория публики — это мужики около 60–70 лет (в таком возрасте у каждого второго то простатит, то аденома) — и слушать изображающего безграничный оптимизм Лещенко им было уже наверняка невмоготу. В мужском сортире (пardon за подробности) стояли очереди по 10 человек к каждому писсуару.

Соотношение полов и физиологических особенностей явно не учитывает архитектура. Всегда удивляло то, что в театрах всяких оба типа туалетов одинаковы по площади, хотя если соотношение даже 1:1, то... да это всем понятно, кроме архитекторов. На них, наверное, нападает какая-то стыдливость, не хотят заострять вопрос. В случае из рассказа Алексея всё наоборот (а если торжественное собрание к 8 марта?). Архитекторы подкачали, можно было предусмотреть подвижные стены, чтобы в каждом варианте устанавливать оптимальную сортироплощадь. Вот такие глубокие мысли навеяло...

Через три года после его смерти младшие коллеги издали последнюю, дописанную им до точки за двадцать дней до смерти книгу «Экология биосферы». Жаль, что сам он её не довёл до публикации.

Тесен мир. Оказалось, что племянница незабвенной Веры Павловны Коваль, с нашей кафедры, была в родстве с большими друзьями Гиляровых, когда те жили в Киеве. Когда Лена узнала, что я в переписке с Алексеем, она вручила мне конверт с фотографиями какими-то семейными, мол, передадите при случае. Передал. Потом завязалась переписка о его деде, Сергее Алексеевиче Гилярове. Алексей прислал мне большую свою статью «Мой Кранах». История оказалась киевской, киевской трагедией. Вот отрывки из этой статьи:

«...дело в том, что это мой дед, Сергей Алексеевич Гиляров (1887–1946), был первым, кто разглядел шедевр мирового значения в огромной (почти два метра в высоту и полтора в ширину) доске, грязной и обшарпанной, но всё же ещё сохранявшей остатки красочного слоя: изображение двух стоящих обнажённых фигур — слева мужской, справа — женской. Известна точная дата этого события — 11 июня 1928 года. Именно в этот день С.А. Гиляров — специалист по западному искусству, заместитель директора Киевского музея искусств Всеукраинской Академии наук, пришёл по приглашению профессора Ф.Л. Эрнста, инспектора по охране памятников культуры, в Киевскую Лавру (тогда уже музей-заповедник). Целью визита было взглянуть на картину, которую уже чуть было не включили в список предметов, «не соответствующих профилю музея или не имеющих значения для украинской культуры».

Тучи над музейными собраниями страны стали собираться в том же 1928 году. На заседании Политбюро (главенствовал Сталин) в августе была одобрена бесхитростная идея, как можно легко заработать столь нужную для страны твёрдую валюту. Для этого нужно взять и продать за границу хранящиеся в музеях наиболее ценные произведения искусства, прежде всего западного.

Интересно, что считать первичным — это революции так изменяют отношение людей к таким фундаментальным понятиям, как справедливость, милосердие, или, напротив, глубинная смена представлений готовит базу для разных пертурбаций, переделов, катастроф? Наверное, немало было людей, которые считали вполне справедливым то, что Варвара Ханенко жила в комнатушке, а весь дом был отдан под музей Западного искусства, который, кстати, входил до-

вольно долго в состав ВУАН, Всеукраинской академии наук? Но Ханенки, Третьяковы собирали, а революционеры ничего не собирали, только тратили. Истории, к сожалению, имеют свойство повторяемости.

Как ни старался Сергей Гиляров отстоять найденного им Кранаха, ушло произведение искусства с молотка на каком-то аукционе в Берлине за совсем небольшие деньги. В конце концов Кранах Гилярова попал в коллекцию крупного американского бизнесмена Нортон Саймона: в 1970 году — «Ева», а в 1971-м — «Адам» (сейчас диптих в Norton Simon Museum, Калифорния, США).

Собственно, о находке картины А. Гиляров пишет так: «Картина поступила в Киевскую Лавру в июне 1927 года, когда сотруднику этого музея-заповедника было поручено обходить киевские церкви (в основном, уже закрытые) и изымать предметы, представляющие художественную ценность. В Троицкой церкви на Васильковской улице под лестницей, ведущей на колокольню, он и обнаружил картину, заваленную каким-то хламом и землёй».

Что касается дальнейшей судьбы Сергея Гилярова, то она, подобно судьбе найденного им диптиха, оказалась драматичной и даже трагичной. В 1933 году он был арестован за «связь с иностранцами» и угодил в Лукьяновскую тюрьму, где отсидел 9 месяцев. Однако по прошествии этого срока был не только освобождён, но и оправдан. Когда началась Великая Отечественная война, С.А. Гиляров с больной женой не успели уехать из Киева. Да и сил у них на это не было.

«Проработав всю жизнь в музее, дед и в этой ситуации не мог оставить его на произвол судьбы. Он продолжал туда ходить каждый день, стараясь в меру своих сил поддерживать порядок. Музей не был разграблен и открылся сразу же после освобождения Киева Красной армией. Но работа в учреждении на оккупированной территории, конечно же, стала поводом для нового ареста. В 1946 году дед умер в тюрьме, находясь под следствием, фактически это было самоубийство — дед умер от истощения, отказываясь принимать пищу».

Вот такая судьба. А связь между Киевом и Москвой была через отца Алексея — ставшего известным биологом Меркурия Сергеевича Гилярова. Он долгие годы был «главным биологом» Большой академии — академиком-секретарём Отделения общей биологии. Основал новое направление в науке — эволюционную почвенную биологию.

* * *

Но как необычайно переплетает жизнь разные явления и обстоятельства! Попалась мне статья Алексея Гилярова, недавно, война уже была, статья довольно старая, но раньше не встречал. Мне показалась интересной, потому что была попыткой связать музыку с теорией фракталов. Поделился с одним бывшим музыкантом. Бог с ним, музыка ему уже не интересна, но, выстроив родственную цепочку, сделал он заключение, что и автор статьи ему малосимпатичен, поскольку дед его, оставшись в оккупации, стал коллаборантом, писал этот Гиляров что-то про музей и про искусствоведение в какую-то тогдашнюю газету (будет лишним заметить, что, видимо, особым разнообразием газеты по своей содержательной направленности в 1942 году в Киеве не отличались...). А мог и не писать. Наверное, мог, но почему-то написал. Как сегодня меняет характер оценок вчерашнего!

Для моего корреспондента оценки были абсолютны, для меня — в чём-то относительны. Изучая историю украинской академии наук, прочитал, к примеру, о делах одного великого учёного, сильно он когда-то озабочился судьбой Академии. Пришла одна власть, гетьман подписал указ, мол, Академии быть, сменилась власть — отменила указ, а он, академик, к этой власти: нет, не отменяйте, Академия Украине нужна! Пришла третья власть, похерила и первую, и вторую, вместе с Академией, он опять к третьей власти — надо сохранить. Пришла четвёртая власть, опять проблемы, Вернадский, а это был он, в завшивленном вагоне едет за тридевять земель доказывать, что дело хорошее, пригодится и этой власти. И что? С точки зрения четвёртой он был коллаборантом в кубе. А у него просто был долг — и чхать он хотел на все эти власти. Впрочем, все четыре пропали в недрах истории, а пятая воспользовалась плодами его трудов. И что тут считать, и кого обвинять? Разные судьбы: у музыкантов, учёных, да у всех...

Погружение в долг.
Ни надежды, ни простого расчёта,
Просто дело. Надо закончить.

* * *

А что сама Москва? Когда я готовился писать этот очерк, задолго до войны, всё воскрешал для себя какие-то эпизоды. По делам попал как-то в здание Университета, то, что такое высокое, со шпилем, почти

как кремлёвские башни, тоже символ города. И не испытал того трепета, что когда-то в Красном корпусе Киевского университета. Хотя огромные старые, как раз той эпохи — пятидесятых — живописные полотна на стенах запомнились, пейзажи страны Советов. Времени в командировках всегда было мало, день-два. Конечно, надо потратить на музеи. Но, что странно, из всего Пушкинского только одна картина Милле, да и то не картина, впечатление, как хорошо вставлено красное пятно, и Барбизонский лес вокруг.

Действительно, что же город, сам город Москва? Должен же был остаться какой-то образ этого Места? Очень большой город, с большой крепостью в центре, построенной по итальянскому образцу (в Милане и окрестностях меня сильно удивило это сходство зубцов крепостных стен в виде ласточкиного хвоста), с невыразительной рекой, путаницей улиц. Наверное, мне не повезло, как Кнуту Гамсуну, которого цитирует В. Солоухин: «С Кремля открывается целое море красоты... всё вокруг пестрит красными и золочёными куполами и шпицами». Единственный храм, что у меня оставил впечатление, был храм Христа Спасителя, своей казённостью, и не потому, что новодел, а потому, что так было задумано. Не о победе народа в 1812 году, конечно, а победе своей империи думал царь при утверждении первоначальной идеи и проекта. Существовали ли когда-нибудь несамовлюблённые империи?

Когда же это было? Где-то в 80-е, наверное. Не дай Бог было попать в Москву зимой в оттепель. Грязное месиво снега везде. И всё это тащится в присутственные места. Киевский вокзал. Не то приезд, не то отъезд. Наверху, на архитектурных антресолях, вывеска насчёт «Комнаты матери и ребёнка». Неким чутьём бывалого пассажира чувствую, что там можно что-то съесть. Действительно — большущая, даже очень, одинокая кастрюля манной каши! Как я люблю манную кашу!

Клинописью шумеров
На кассете нацарапано что-то.
Разговоры на кухне московской.

Г О А

**Место — западный берег Индостана.
Время — 2013 год, наша весна, у них — всегда лето**

В своей путевой тетради обнаружил целый раздел, посвящённый приготовлениям к этой поездке. Начиналось с поисков — «Куда?». Но только не «Зачем?». Казалось, что это «Зачем» понятно. Изучать что-нибудь, наблюдать — что придётся.

Оказалось, что сформулировать внятно цели и задачи не очень-то просто. Ещё древние римляне практиковали поездки на отдых, на море, правда, не массово. Пляж, отель — это, конечно, не наша цель. Но и выдавать такую поездку за краеведческую экспедицию тоже глупо. Чтобы что-то увидеть, почувствовать в другой стране, надо там пожить, правда, не очень долго, проживши долго, ничего не напишешь. Надо неспеша ходить по улицам, глазеть на толпу, витрины магазинов, посидеть просто так на берегу реки (если такая имеется) или моря.

Из моей записной книжки, 2014: «Как хорошо поехать во Львов, Мадрид или Париж, тем более, в Буэнос-Айрес. Безо всякого плана. Просто бродить по улицам, слушать людей. Пойти на рынок. Сфотографировать фонтан».

Действительно, это прекрасно объясняет «Зачем?», а «ни За чем», просто так! Ибо всякий план не может быть выполнен идеально полностью, что влечёт за собой такое-сякое разочарование. Планы рождают надежды, а надежды хороши вечным ожиданием. Только от ожиданий не остаётся внятных впечатлений.

Итак, рассматривались разные варианты. Например, Канары и остров Teneriffe, фотографии драконовых деревьев. На следующей странице: «Поедьте на Цейлон!», с таким резюме — «На Цейлоне хорошо, там тепло». Да, тепло, но далеко. Однако, по дороге на Цейлон есть целая Индия. Появилась карта, чему предшествовал просмотр туристических сайтов: куда летают? Летают в Гоа. Что пишут те, кто летал: «Была поездка в Хампи. Это развалины». Другие пишут: «Хампи — это потеря-

сауще!». Разнообразие впечатлений говорит о разнообразии наблюдателей. Этот или это Хампи как стоял/стояло, так и стоит себе на земле, где-то там, далеко. Для кого-то просто руины, для другого — память веков. Здорово, что можно вот так взять, да и полететь, да и самому посмотреть, может, даже и на Хампи. Может, и развалины (скорее всего, руины, а может, и то и другое), но, вероятнее всего — потрясающие.

Что касается Индии, не сказал бы, что была она страной моей мечты. Самое раннее, может, и самое яркое впечатление от чего-то индийского был рисунок в учебнике истории моей старшей сестры, видимо, истории всемирной. Четырёхрукий Шива танцует, стоя на одной ноге, а под ногой — маленький ребёнок! Что-то в этой парочке было загадочное и довольно жестокое. Как показали более поздние расследования, не имевшие, правда, признаков систематичности, этот несчастный был не младенец отнюдь, а карлик Апасмара. Тогда мне его было по-детски жалко, а весь смысл этого танца выглядел почти трагически. Не исключаю, что некий художник, изображавший Шиву для учебника, несколько омолодил этого карлика, так сказать, инфантилизировал, что повлияло на детскую психику, но вряд ли бы тогда, в детстве, у меня родились в голове параллели с другим младенцем, которого обычно изображают на руках.

Сейчас хотелось сделать акцент на другом. Этот карлик, Апасмара, тот, кого попирает почитаемое божество — совсем не серийный злодей, не символ жестокий и неправильно используемой физической силы, а символ невежества! Вот оно, самое страшное, что следует попирать — незнание или нежелание знать. А сам Шива Натараджа и его танец есть символ вечного движения, которое представляет собой циклы созидания и разрушения. Что сказать, ни Перун, ни Озирис, ни Зевс не были нагружены такой глубокой философией.

Но эти рассуждения пришли потом, да и вообще, они мало связаны с собственно путешествием. Теперь был самолёт какой-то арабской компании. Вследствие чего никакого завтрака или, там, обеда предоставлено не было, а за пять долларов принесла стюардесса нечто, что назвать обедом было сложно. Зато вода бесплатно и вполне обычная. Запись в путевом блокноте: «Девушка на таможне спросила: “Отдыхать? Один летите?” — в голосе слышно недоумение. А себе говорю: “Не отдых, а перемена работы”». Это значит, что весь был полон иллюзорных пла-

нов и надежд, что экзотика сама собой превратится в какой-нибудь рассказ или картину. Но заметочки были. Как результат одного из первых наблюдений — этот рассказик из моей книжки «Terra cognita»:

Загадки в пути

Поездки, скажем так — путешествия, всегда насыщены деталями, как, в общем, и вся жизнь. Наверное, разнообразие деталей скорее, чем общий фон, создаёт впечатление, хотя часто мы их и не замечаем.

Путешественники, любите детали! Они-то и останутся.

Летели долго. Как мне показалось. Сначала в неудобном, без традиционного самолётного завтрака, летательном аппарате типа «Боинг» до Эмиратов, потом пересадка длинная, ночная, неудобная, потом уж приземлились в Гоа. Индия!

Взяли багаж. Прилипчивые носильщики. Одна наша попалась: доверила свой чемодан. Обошлось за дорогу 100 м до автобуса — 5 долларов.

Автобусы на площадке под какой-то стеной. Это скорее даже какая-то большая подпирающая стена, там, выше — какие-то строения. В общем — внушительно.

И через всю стену, такими же огромными буквами: NO URINATION! Это значит, по всем словарям — не мочиться, НЕ СЦАТЬ! Это не просто крик души, как в том анекдоте про заветную мечту продавца пива в при- базарной палатке, это уже какой-то административный вопль!

Озадачивала не столько сама надпись, сколько невообразимость того количества нарушителей, того количества янтарных струй, которые могли подвинуть кого-то изобразить сей антиэнтропийный лозунг.

Как-то непонятна была и сама проблема.

Вот, к примеру, стучит копытами многотысячное мамаево войско по степи. Военный порядок вряд ли позволял каждому справлять нужду индивидуально. Звучит армейская команда. Спешиваются. Последствия сложнопредставимы.

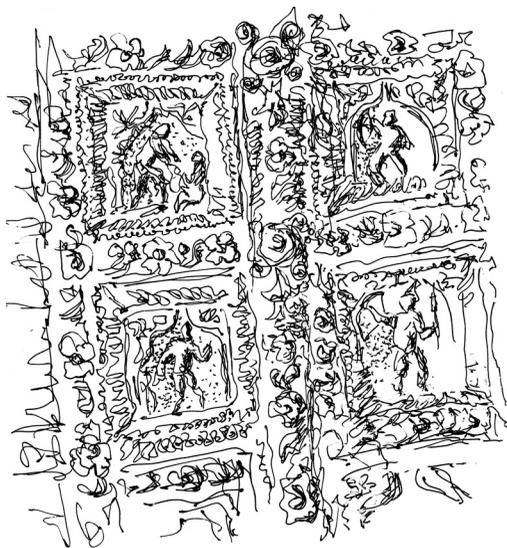
Много ещё родилось всяких идей и ассоциаций. Но только я подумал: «А что, если я не понял чего-то и перевод сделал слишком буквально?».

Так всегда в чужом мире, в чужой стране. Все меряешь на свой манер. А жизнь-то здесь совершенно иная. Загадочная.

Во так началась Индия. Потом была дорога. Эта первая дорога из аэропорта к отелю в новой стране, она как-то особенно запоминается. На Майорке запомнились какие-то ветряки, что-то из старой Испании.

А здесь, по дороге на юг, мелькнуло какое-то болотце и белые цапли, ехали всё вдоль берега невидимого океана. Среди деревьев были белые ворота, высадили из автобуса какую-то девушку, в отель, мне показалось, что он такой отдалённый от всего, тоже одна путешествовала.

Ну вот, план начал осуществляться. Отель «Старый якорь». Мне сюда. Якорь, видимо, намекал на относительную близость океана, но старость была видна и без намёков. Как и следовало из картины, наблюдаемой из космоса, отель стоял скорее на берегу реки Сал, чем на берегу океана. Во всяком случае, тем обитателям, кои жили на стороне, обращённой к реке, была видна лужайка. Окно же моего номера выходило на



какие-то задворки, украшением пейзажа был ветхий дощатый туалет типа «сортир». Я был настолько обескуражен этим курортным видом, что как-то даже не подумал пойти на рецепшн и договориться о замене номера. Впрочем, в дальнейшей жизни это всё никак не имело значения, ибо я приходил сюда только ночевать, а что там ночью за окном, неважно. Возможно, лет с десяток назад этот отель и тянул на три

крепких звезды, но сейчас «всё в прошлом». Но была и здесь одна примечательная вещь, однако, только с точки зрения далёкого европейца. В небольшом доме неизвестного предназначения на территории, мимо которого надо было ходить на завтрак и ужин, была дверь. Что это была за дверь! Надо понимать, всей функции она давно не выполняла, была украшением.

Это было старое дерево, когда-то, наверное, очень твёрдое, потому что казалось, будто это вообще бронзовое литьё. Замысловатого орнамента выпуклыми полосами всё полотно было разбито на 32 квадрата, будто это были квадратного формата картины в красивых рамах. Что-то мне это напомнило. Ах, да, картина Верещагина «Двери Тамерлана», не

по сюжету, не по размеру, а по общему облику и, наверное, по материалу. За такими дверями обязательно должна была жить какая-то восточная сказка. В квадратных рамках была вырезана самая разная жизнь: воины или охотники, может быть, с луками; отдыхающая под каким-то тропическим деревом, с веером, женщина в широкой юбке с какими-то предметами обихода. Для автора это, наверное, были очень понятные и близкие образы, да и для тех, кто каждый день открывал и закрывал эту дверь.

Берег

Теперь, конечно — к морю! Как его правильно называть? То ли это просто северо-западная часть Индийского океана, то ли это Аравийское море? Почему-то на другой стороне Индии такое же море называется заливом, Бенгальским. Короче, пойдёмте на берег, на пляж. Песчаная дорога. А что же ещё может быть, ведь это как будто коса, между рекой, которая много километров течёт вдоль морского берега, прежде чем отдать морю свою воду, и собственно морем. Дорога идёт через некое подобие пальмовой рощи. Сухо, сухой сезон. Вот они, две стратегии выживания: вдоль берега, метров 250 до воды, за голопесчаным пляжем — полоса высохшей травы. «Сухо, нет дождей, так мы на несколько месяцев умрём», — решили травы. «Нет, мы лучше будем сберегать немного влаги в своих мясистых глянцевых листьях», — сказали другие, поэтому назывались суккуленты. Пальмы вообще не участвовали в полемике, они просто как-то росли на этом песке, зимой и летом одним цветом.

Этот пляж, если посмотреть на космоснимки, тянется на сотни километров, с некоторыми перерывами. Берег очень пологий, поэтому волны в большой шторм заливают эти сто метров песка. Да, на границе растительности как раз полоска плававшего некогда в воде мусора. Я вырезал довольно длинную бамбуковую палку, походный посох. Если привязать к нему зонтик и воткнуть в песок, то под этой небольшой тенью вполне можно скрыться от солнца, которое палит уже с утра. Можно рисовать. Только вот сюжетов не много. Песок и волны. Небо, безоблачное. Но на пляже своя скрытая жизнь. Краем глаза замечаю какое-то движение. Поворачиваю голову — прекратилось. Это же краб-привидение! В каком необычном мире он живёт!

В необычном, относительно чего? Или кого? Одна из ипостасей великого разнообразия, хотя бы и жизни. Например, можно зайти на «Гугл-Земля» и увидеть всю эту местность с большой высоты, даже

измерить, что по пляжу от Старого Якоря почти 4 км до мыса, за которым река Сал впадает в океан. Можно подняться на воздушном шаре, увидеть нечто подобное. Но всё это — результат использования каких-то инструментов. А мой ландшафт, моё окружение, просто человеческое, намного-намного меньше: квартира, район с гастрономом. Чтобы добраться до работы — уже инструмент транспортный нужен. Какой-нибудь планктонный рачок и его водное окружение, лев и участок саванны — они, эти системки, представляют собой какие-то пиксели биосферы. Краб-привидение и его пляж. По цвету его не отличить от жёлто-палевого песка, он вообще имеет какой-то полупрозрачный вид, торчащие в верх глазки похожи на большие песчинки. Стремительность его поражает. Его назвали привидением не потому, что хорошо маскируется, а потому, что так стремительно исчезает, что и не верится, что только что был виден на этом месте как материальный объект. На ровном открытом пляже ни спрятаться, ни укрыться, потому и держится возле норки. В случае чего мгновенно скрывается в глубине. Пищу ему, надо понимать, приносит океан: всякий мелкий съедобный сор, мёртвых гидробионтов. С моей точки зрения, все эти километры плотного мокрого песка были стерильно чисты, но не для краба, раз живёт и бегаёт, значит есть добыча. Так и живёт, и нигде больше на всей Земле нет ему места, кроме как на таких пляжах. Родичи его живут себе по старинке — под водой, на дне. Этим привидениям морские экосистемы особо вроде и не нужны, но для жизни в атмосфере надо было многому научиться. А что насчёт ископаемых пляжей? Когда он вообще, это песок, появился? Мне неизвестно.

А на другой день повстречал весёлую компанию уже на берегу речки. Здесь не песок, а заиленный берег. Но для крабов — вполне подходящая опара. Вот и обитает здесь большой коллектив. Вид у этих манящих крабов презабавный. Одна клешня гипертрофирована, чуть ли не с сам панцирь длиной. Он ею размахивает, как бы зазывает: иди сюда, сюда. Большинство около норки своих сидят, но есть и бродяги. Их домохозяйцы не любят, отгоняют.

На пляже сделал хороший снимок. Рыбаки местные, которых не видел, бросили на песок просушиваться длинную, метров тридцать, сеть, она как-то уходила в перспективу замысловатыми и изгибами коричневой дели. А в точке схода лучей чернела большая, с острыми носом и кормой, наверное, просмолённая, лодка. И на всём этом берегу была она единственный предмет, за который цеплялся взгляд.

Лодка

Лодка была большая, метров 6 или 7, конструкции преинтересной. Я долго её изучал. Килевая часть была, по сути дела — узкая и длинная долблёная пирога. Не исключая, что в неё могли насыпать песок, как балласт. На её бортах стоял первый ряд досок и, что поразило, он был пришит к килю. Прямо через дырочки связан, вероятно, каким-то растительным волокном. И так далее, наращивалось килеватое днище и борта, доски сходились на форштевне и ахтерштевне и тоже были туго привязаны. Да, такой бечёвкой, четыре или пять раз в одно отверстие. Изнутри стыки были проконопачены, но всё равно, конструкция в целом имела, вероятно, некую подвижность. Я тут вспомнил Тура Хейердала, который комментировал конструкцию плота «Кон-Тики». Брёвна были связаны канатом и поэтому на волнах были достаточно подвижны, если бы они были сбиты в единый щит, плот бы перевернуло или разнесло бы его первым штормом. У лодки был балансир, эта вся конструкция называется *проа*, широко распространена в Индийском океане для малых судов и лодок. Балансир этот был просто маленькая долблёнка с поднятыми носами, которая соединялась с лодкой длинными шестами. Ни мачты, ни паруса видно не было, по всей видимости, двигателем был винт подвесного мотора, который закреплялся на борту. Лодка-то была безтранцевая. Инвентарь в лодке, сети — всё указывало на использование, но рыбаки, наверно, уходили в море очень рано и рано возвращались. А может, это был какой-то реликт, используемый как место склада тех же сетей. Много бывает загадок при беглом знакомстве, как с лодками, так и с людьми.

Поставив свой рюкзак в маленькую тень от лодочного борта, обнаружил недалеко пляжную сумку яркой расцветки. (Дальше — из записной книжки):



«Далеко в волнах плескалась какая-то особь. Я подумал, что она, видимо, волнуется за свою сумку, заметив, что появилась другая, береговая особь. Вообще-то это некоторая проблема — купаться в одиночку. Вещи надо оставлять на берегу, и быстро к ним вернуться, в случае чего, непросто. Я сел зарисовки делать про эту лодку. Подходит из-за плеча. Особь молода и очень милостива. Видимо, из отеля пятизвёздочного, что там, за пальмами, ближе к реке, чем к морскому берегу. На берегу здесь вообще ничего не строят, видимо, океан — ненадёжное соседство.

— А, вы художник! Для себя или настоящий?

— Что-то между. А вы откуда?

— Из Иваново.

— А, город невест.

— Все так говорят.

— Так это же слова из песни.

— Ой, снимите меня моим фотоаппаратом возле лодки!

Она достала из сумки телефон (пожалуй, за него, плавая в отдалении, стоило волноваться).

— Попробую. А может, я своим? Пришлю потом фото вам по почте? Куда здесь нажимать?

— Вот сюда.

Экран на солнце чёрный, ничего не видно, что снял.

Достал свой. Готов. Как посмотрел в видеискатель — батюшки! Незнакомка изобразила такую позу, опираясь на жерди балансира, что не в каждом стрип-баре увидишь. Потом в следующей позиции. Ей, наверное, казалось, что это очень круто и шикарно. Что вы хотите, это вам не берег Волги, а океана. Это как раз из тех фото, которые только подругам, возвратясь из одиночной поездки на курорт, показывать, чтоб зависть их снедала. Адрес электронной почты записал, но потом, отправивши в то самое Иваново фотографии, ответа с благодарностями не получил. Пошла она по пляжу в сторону скрытого где-то за пальмами отеля, а я — дальше по твёрдому мокрому песку, хотел дойти до мыса, что был вдалеке, там устье реки Сал».

На обратном пути попал в небольшое приключение. Шёл-шёл по этому бесконечному пляжу, надо сказать, и малолюдному. Да как-то пропустил поворот к своему «Якорю», дошёл до пляжа какого-то отеля. О, какая территория! Зелено, ухожено, 5 звёздочек.

— Where is the exit? — вопрос к охраннику.

— This way, — махнул рукой в направлении входа-выхода в отель и подозрительно на меня посмотрел.

Вышел я из красивых ворот в мир простой улицы, скорее дороги, и пошёл себе обратно, надо было успеть на ужин. Содержание его передать не берусь, что-то вегетарианско-экзотическое: рис, лапша, что-то сладкое.

Хампи

Спал мало, потому что боялся проспать, ранний выезд, часов в пять. Заехали на двух машинах ещё в несколько отелей, за попутчиками. Поездка на два дня. На карте как-то этого не видно, однако за побережьем, если ехать вглубь страны, дорога идёт всё выше и выше, но нет перевала за этим серпантинном, просто мы поднялись на большое нагорье. Влажный воздух с океана перехватывают его склоны, там зелёная полоса вдоль берега на карте, выше — сушь, что-то вроде саванны, редколесье.

Так вот, из справочника, про Хампи: «в 1343 году было завершено строительство города» (непонятно, как можно завершить строительство города, если он живой, он строится всё время, перестраивается и изменяется) — завершено строительство города Виджнянагара, который стал столицей империи, она охватывала своим владением всю южную часть Индостана». Охватывала, охватывала, целых триста лет, но потом пала под натиском мусульманского Севера. А Хампи — это местечко, деревня, которая сейчас недалеко от остатков этой столицы. Если посмотреть на карту той империи, то как раз половину Индостана и охватывала. Таким образом, надо полагать, именно эта империя взяла на себя историческую миссию сохранить индуистскую Индию, на севере-то властвовали пришельцы, в основном мусульмане.

Дорога заняла больше пяти часов. На две машины был один гид, девушка, родом откуда-то из Уфы, уже больше пяти лет живёт здесь, в Индии, на обратном пути ехала с нами. Но обратная дорога скорее посвящена впечатлениям, а приготовления к ним нас как-то обошли стороной. Впечатления, наверное, специфические, а может, характерные для этой части страны. Вне населённых пунктов ощущение какой-то пустоты. Сухой ландшафт, редкие деревья. В городе же люди появля-

ются сразу в больших количествах, а вокруг них — беспорядочная суета урболандшафта. Улица, забор, свалка, мусор горит, вернее — тлеет, дым вьётся, поросыта чёрные бродят. Корова стоит и меланхолично жуёт газету. Много людей. Проезжаем через город Хубли. Вроде по улице, по дороге, но осталось впечатление какой-то демонстрации, в которой мы на машине были неуместны. Индия — страна контрастов, об этом писали разные путешественники.

Прелесть старой географии тех стран, что до неузнаваемости изменились. Тот самый К. Скальковский, что путешествовал по Испании, через Суэцкий канал, Красное море добравшись до Бомбея в конце XIX века, подробно излагает свои впечатления. Он живо описывал ужасы, с точки зрения обитателя средних широт, индийской жары: «Вам кажется, что весь мир в огне. Одно желание, одно эгоистическое чувство — избавиться лично себя от пожара всей природы, овладевает каждым. В это время никто ничего не любит, ни книг своих, ни друзей, ни жены...». Это впечатление приобретает сейчас, в эпоху устрашающих предсказаний, особое значение: стоило бы обратить внимание в этих прогнозах потепления не только на экономические проблемы. А, действительно, как могут измениться отношения между людьми, если жара усилится, и совсем ничего любить не будут — ни книг, ни друзей, ни жены?..

А что до контрастов, то во времена Скальковского между полюсами людского положения расстояние было гораздо меньше, чем сейчас. Он смотрел, естественно, со своей, нашей, европеизированной точки зрения, мол, «британский порядок» лучше справлялся с обычной жизненной энтропией тогдашней индийской жизни, чем свой, родной, национальный подход. Тогда был свой диапазон — полуголые торговцы и офисы Ост-Индской компании. Теперь — индийский луноход где-то там, на спутнике Земли, а корова, жующая газету, как стояла, так и стоит. Промежуток между полюсами вырос существенно. В чём же общественно-экономический прогресс? В активном росте той составляющей, что в космос стремительно уходит, или в том, чтобы составляющие росли параллельно. Может, не надо в космос, пока так много голодных? Или космос таки потянет за собой и всё остальное? Мы в детстве когда-то с большим энтузиазмом искали на ранне-ночном небе движущуюся звезду — «Спутник! Спутник!», а с утра надо было пойти занять очередь за хлебом.

Этот наш гид, девица была толковая и любящая своё дело (больше всего она переживала, чтобы мы не проспали и на следующее утро поехали встречать рассвет в Хампи), много интересного нам на экскурсиях рассказала.

Вот, например: «Покинутый город Хампи включает в себя древние храмы и сохранившиеся руины столицы великой Виджаянагарской империи, В самом центре руин Виджаянагары расположена деревня Хампи, с названием которой отождествляют разрушенный город».

Надо сказать, что своим неопытным туристическим взглядом никакой собственно оформленной деревни Хампи я и не заметил. Были небольшие поля, базарчик. Был вечерний свет и какая-то дымка (почему-то всё время казалось, что пейзаж в загадочной дымке), и откуда-то сверху вниз струилась цепочка индийских женщин, между этими скалами-валунами. Эти яркие обтягивающие, с коротким рукавчиком индийские блузочки придавали им какой-то молодой и очень спортивно-оптимистичный вид. Это была довольно длинная процессия, и тогда мелькнуло в голове: а куда же они идут? Это и были те самые обитательницы загадочной деревни Хампи, кто же ещё?

«Архитектурно-исторический комплекс насчитывает более 1600 объектов, имеющих разную степень сохранности. Они представлены фортами, мемориальными памятниками, священными холмами, культовыми строениями, колоссальными статуями божеств, королевскими дворцами, мандапами (открытыми колонными залами, предназначенными для совершения публичных ритуалов), водными сооружениями и другими. Все они свидетельствуют об экономическом процветании и высоком уровне развития жителей покинутого города Хампи».

Вообще-то турист может переварить два-три объекта, ну, пять. Когда речь идёт о тысячах, то нет смысла их и перечислять. Запечатлеваются или самое большое, или самой детализированное. У входа в храм возвышается 48-метровая надвратная башня — гопура (ударение на первом слоге). Даже если бы это была просто пирамида, и то она бы осталась в памяти. Но она вся резная! Собственно ворота, над которыми эта башня возведена, представляли собой довольно узкий прямоугольный (хотелось, чтобы была арка) проход на территорию храма (никак не запечатлелся как архитектурный объект). Но мне повезло! Низкое уже солнце творило из этой гопуры замысловатый по очертаниям силуэт, бросая це-

лыми горстями золотой, оранжевый мягкий свет сквозь эти ворота, прямо в объектив моего фотоаппарата. И теперь я смотрю на фото, как этот свет струится по каменным плитам, воскрешая минуты того вечера. А вот — дерево франжипани, усыпанное белыми цветами, тоже облаканное солнцем. А вот обезьянка, осматривающая мой рюкзак (хорошо, что ничего не украла, не надо оставлять вещи в царстве обезьянок)!

Гармония и хаос! Порой жизнь подсовывает такие сюжеты, что начинаешь сомневаться в однозначности ответа — что же больше впечатляет?

Здесь, в этом городе, царствует камень В двух ипостасях. Вся долина усыпана валунами, округлыми обломками скал. Мягкие обводы. Округлые объёмы. И не податливые породы, а гранит. Сколько миллионов лет природа обтёсывала, сглаживала, вода, ветер, микроудары песчинок. Правда, есть и теория о магматическом происхождении, но тогда это должны были быть базальты. Большие скалы изрезаны глубокими трещинами, на них и у их подножья множество отдельных огромных валунов. Эти камни встречаются в невероятных комбинациях. Вот огромный, похожий на голову барана, одним концом лежит на скале, а второй опирается на совсем маленький, но, наверное, очень прочный камень-подпорку. Под большим можно пролезть, если бы не было страшно, вдруг свалится.



А там ещё какое-то сооружение, будто кто-то специально складывал такие композиции. Первая мысль: неужели за последние миллионы лет не было здесь какого-то землетрясения, чтобы все камни перешли из своих неустойчиво-равновесных положений в устойчивые? Если согласиться

с доктриной Жана-Батиста Ламарка (всё стремится к устойчивому равновесию и только проявления жизни поддерживают разные неустойчивые комбинации), то где же найти этого живого архитектора?

Архитектора мало, нужен ещё и какой-то необыкновенный исполнитель, думаешь, когда тебя окружают стены, колонны, целые многометровые пирамиды, украшенные орнаментами, замысловатыми фигурами, вырезанными в твёрдом камне. Вот гипюра: много-много ярусов небольших стройных горельефных колонн, вроде бы незамысловатый рисунок, а создаёт впечатление лёгкой ажурной конструкции. Другую ряд за рядом, этаж за этажом украшают фигуры мужчин и женщин, в разных жизненных позах.

На большой гранитной скале мы сидели и провожали солнце. Обезьяны пасут здесь туристов, клянчат угощение. Потом — гостиница вполне цивилизованная, ужин. А утром ранний подъём — на восход солнца. Уж и не помню, как выглядел восход, помню фотографию, а на ней (наверное, настройка была на очень широкоугольный объектив) солнце совсем маленькое. Пришла на память одна фотография, из первых, полученных с какого-то марсохода. Маленькое солнце над горизонтом Марса, потом, когда в интернете стало полно роликов и с маленьким вертолётком в марсианской атмосфере, и с пейзажами, было удивительно, что при таком маленьком солнце достаточно светло. Мы немного всё-таки опоздали, солнце уже вышло из-за горизонта, земного, в данном случае. Над долиной была дымка, сероватая с фиолетовым. Камни розовые, и только немного зелени вносит что-то родное в этот космический пейзаж.

Такой каменный мир, а камешек в коллекцию взять забыл. Из разных поездок всегда привозил какой-нибудь, самый характерный для местности. С берега моря на Майорке лежит в коллекции кусок известняка с круглыми дырками — ходы моллюсков-камнеточцев, зелёный камешек из Черногории, серый, неизвестной породы камешек с блестящими включениями из Татр... А тут просто забыл, потом подумал, может, это к тому, что надо бы вернуться. Да уж, видимо, не судьба.

Чисто индийская деталь — дорога обратно, у переезда. Подъехали к переезду, остановились и ждём, когда проедет поезд. Наблюдаю из окна машины: с нами ожидает и целая семья: отец, мать, трое или четверо детей. Около мотоцикла, какого-то тщедушного. Значит, на нём приехали. Как это они на нём уместились? Меня это явное несоответствие количества пассажиров и количества посадочных мест на их транспорте как-то сильно озадачило. Но раз приехали, ожидают, значит — собираются

ехать и дальше. Вот и пропыхтел какой-то состав, собирается подняться шлагбаум. Ну, прямо цирковой номер: отец — за руль, мать сзади, а между ними хоп-хоп, втискиваются несколько детей, а самый старший пристроился на багажнике. И мотоцикл затрещал и покатил, весь увешанный пассажирами. И всё это обыденно, натренировано. Жизнь как цирк. Даже некая модель местного социума: адаптация к повышенной плотности населения, в некоторых местах, во всяком случае.

Верфь

Ещё дома, рассматривая космоснимки региона, увидел что-то на берегу реки, строения, и пометка — рыбацкая верфь.

На эту верфь я попал, но, как следует из путевых записей, во второй половине дня, что-то задержался в отеле, в частности, изучал историю Гоа в смертях. Местная газета, которую взял на рецепции, наполовину была некрологом. Что за имена, что за фамилии у этих усопших индусов! Adelina Fernandez, Antonio Jacinto do Rosario Miguel Fernandez же, Joan Rosario Fortado... и так далее. Интересное наследие португальского колониализма. Впрочем, наследие своеобразное. Всё поглотила Индия: и моголов, и англичан, и португальцев — поглотила, на свой лад трансформировала и осталась сама собой.

Кроме того, зашёл в магазин. Где-то слышал, мол, в магазине «Ватсон» всё есть. Пошёл я по улице-дороге искать, где этот магазин, встречу толстяка с фотоаппаратом и дочкой, познакомились на завтраке.

— Где же этот «Ватсон»?

— Да вот же он, вывеска, на фанере написано: «Watson».

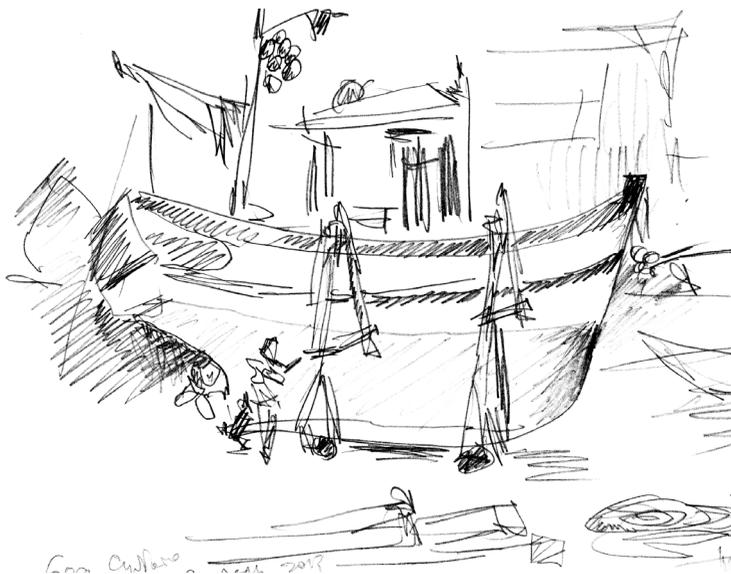
Ассортимент для небогатых туристов, девочки по-русски говорят.

— Самогон. Самогон из кешью!

— Ром, ром, хороша какой!

Но это были не главные события дня. Берег реки, среди редких пальм такой чудесный антураж: канаты, доски, на куче обломков лежит отполированный многими руками штурвал, куски сетей, гирлянды белых, оранжевых поплавков. В общем — верфь, ремонт и строительство судёнышек рыбацких. На реке корабликов нет, наверное, собственно рыбпорт где-то на морском берегу. Кораблики метров 10–12 в длину, дерево, но при морской килеватости, вытасценные на берег, они довольно высоки. До борта метров пять, не меньше, если смотреть с земли. На один такой, стоящий на земле, любезно пригласили ремонтники

сверху. Залез по лестнице. Ой, как тут маловато места! Маленькая рубка посередине, на баке трюм для рыбы, под палубой на юте двигатель внутри. А где же команда обитает?



Стоят эти судёнышки на берегу на киле за счёт довольно хитроумной комбинации нетолстых брёвен и канатов. Два бруса лежат на бортах, на двух брёвнах стоит киль, а между ними туго натянуты канаты, что-то вроде бутерброда с помидором. Даже удалось увидеть, как после ремонта судно по брёвнам же закатывают в воду, а уж всю конструкцию разбирают потом, иначе бы судёнышко просто завалилось на борт. Не сказать, чтобы рабочий ритм был сильно напряжённый, но дело движется, вот уже и новое судно обшивают красивыми полосами какого-то тропического дерева. Кстати, наверное, из-за того, что кораблики периодически заходят в пресную воду, обрастания на бортах почти нет, древоточцы, похоже, тоже не безобразничают.

Барабанчик

По дороге на берег океана — маленький базарчик. Несколько индийских женщин, очень живописных, горка бананов, горка инжира, ещё фрукты. И, конечно, пацаны со всякой туристической мелочью, сувениры.

Главное — не проявлять излишней заинтересованности, не отстанут. А я заинтересовался каким-то барабаном. Еле отбился, изложив мальцу, что мне такой большой не нужен. И что вы думаете, уже в день отъезда он меня поймал на этой тропе к морю. С маленьким барабанчиком. А у меня уже все вещи туго сложены, ну, куда мне этот барабанчик! Получается, не сдержал слова я, стыдно до сих пор, тем более что уже дома в кармане нашёл заваливавшиеся десять рупий, а он просил восемь.

А что насчёт камней, минералов для коллекции, то, как оказалось, формально минералы привёз. Когда писал один этюдик — берег, уходящий вдаль, горы серо-голубые и, конечно, та чёрная лодка вдалеке. Для пущей фактурности добавил мастихином песка, прямо с пляжа. Теперь можно посмотреть, какой он тонкий, мельчайший. Песок в красочном слое — приём известный, создаёт фактуру и бархатистую такую поверхность.

Странно, но этюд получился в каких-то охристо-палевых тонах. Будто на берег тропического океана пришла осень. Наверное, хотелось домой.

ПИТЕР — ЛЕНИНГРАД — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

**Место — суровый край, где летом бывают белые ночи.
Время —1970–2013**

Что касается суровости края, тот тут, конечно, смотря кто оценивает. Перемещаясь с южной окраины Киева (лесостепь), потом через Полесье, под Питером вид бореальных лесов, болот, шишкинского толка, путешественник, конечно, приходит к мысли о суровости. Да это и один из самых северных больших городов на планете. Но уже где-то в предместьях я всегда обращал внимание на какие-то ивы рядом с дорогой, они были очень кудрявы и наоборот, совсем не ассоциировались с суровостью.

Для меня имя «Ленинград» было словом невероятно звонкого звучания, хотя и звонких звуков-то почти нет в нём. Или другое имя — Питер, будто ты получил эксклюзивное право какого-то короля, Карла Двадцать четвёртого, называть Карлушей. И ни малейшей ассоциации Ленинграда с политикой, вождём, насильственными сменами режимов. Кстати, о разных переименованиях. У В. Солоухина в его «Письмах из Русского музея» есть большой пассаж на эту тему. Хотели, рассказывает, трудящиеся переименовать город во имя какого-то деятеля (был 1925 год), а он говорит им, мол, наша власть и так много переименовала. «Вот когда мы умрём и пройдёт лет пятьдесят, и наши потомки поймут, что мы совершили что-то, заслуживающее внимания, тогда они смогут вынести решение. Слишком самоуверенно думать, что мы заслуживаем переименования места нашими именами», — такая была речь одного товарища. Действительно, прошло лет 80, оказался прав, не надо было спешить.

И всё же не выходило из головы: как писать о городе, может, и замечательном, красивом, необычном, но городе вражеской страны? Казалось очень важным обозначить для себя эту позицию. Можно просто написать, что это город тогдашний, не сегодняшний. Что-то вроде древнего Рима. Есть другой выход: надо просто писать об архитектуре. Или о тех людях, что ушли и чья совесть чиста. Или представить (в перерывах между ракетными воздушными тревогами), что ты потомок иберов, кельтов или галлов, который вспоминает античность. Галлы, галлы... Всё перемолола история — и уже готова к будущей активности.

Как-то пришло в голову, что за свою жизнь увидел несколько эпох. Пожил в разных. Перемены, целые эпохи перемен. Лучше, спокойнее, конечно, без них. Но эпохи приходят как-то очень глобально и мелких наблюдателей (они же — участники) не спрашивают. После одной киевской выставки, большой, разрекламированной, подумалось, а что же этого автора, давно ушедшего, не вспомнили просто как художника, и таких же рядом с ним, которые трудились тогда, искали, мучились в своём творчестве, а вспомнили потому, что можно в каком-то смысле причислить к своим соратникам по политическим взглядам? Важная вещь: надо уметь уважать эпохи. Все. Как минимум, это позволит сэкономить на переизданиях учебников истории. Давайте уважать ту эпоху, в которой Мандельштам не побоялся написать: «Мы живём, под собою не чуя страны...», за то, что были те, кто не побоялся. Давайте уважать себя, в любой эпохе.

* * *

Не знаю, наверное, улице, что ведёт к Михайловскому дворцу, где нынче тот самый музей, о котором писал Солоухин, вернули первоначальное имя, но сейчас, как по мне, улица Бродского — вполне приемлемо для центра города, кто знает, какого, кто теперь помнит того Исаака Бродского, художника (портрет наркома, Ленин в разных видах и стадиях онтогенеза), пусть все думают, что Иосифа, поэта. Тем более, что они, видимо, земляки, предки их были из украинского города Броды.

Ты вернулся сюда — так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей!

Как-то поздно, задним числом, узнал, что это Мандельштам, а я думал, что Бродский.

Читаешь стихи, и вдруг наткнёшься на особую удачу поэта, как-то радостно становится за него. Казалось бы, аптечный термин, этот жир, а какая масса ассоциаций, вполне поэтических. Рыбий жир — это что-то из детства, мама заставляет с ложкой, очень полезно! «Пей, это полезно!!!» Пятна света на воде каналов, они имеют свойство вторичного сияния, это не только отражение, но и отражающее. И отражение подвижно, жидкий свет. И почему-то сразу понятно, что это не Амстердам и не канал на Русановке, хотя физика отражения одина. Это питерская вода и питерские фонари.

Вода каналов, она совсем другая, чем вода моря или реки. Она отражает рукотворные берега и входит в какой-то сговор с внешней формой. Та вода, которая, по словам Бродского (Иосифа), «плюёт на форму, ибо есть воплощение времени». «Пространство-то и осознаёт свою неполноценность по сравнению со временем и отвечает ему тем единственным свойством, которого нет у времени: красотой» — это он про воду Большого канала, венецианского. Я смотрю на воду, которая плещется меж двух каменных берегов канала Грибоедова, и в этой, на первый взгляд, беспорядочной суете волн и всплесков отражается Спас на Крови, уже без лесов, который и сам похож на всплески цвета и формы. Архитектура, она всегда прекрасна, особенно когда отражается в воде.

* * *

Почему-то именно в Питере мне казался особо заманчивым, но недоступным космос других жилищ. Что за этими окнами? Следы каких-то необыкновенных времён. Лет тридцать назад так естественно было сидеть на чужой кухне или, по торжественным случаям, в «зале» о двенадцати квадратных метрах. Не то, чтобы я хотел подглядеть особенности чужого быта, просто пространство моего друга было когда-то в чём-то и моим пространством, и наоборот. Теперь настало время замкнутых (на замок) пространств. Или так: клаустрофобия не приобрела характер пандемии.

«Бывало, в петербургском доме, в отдалённой из её комнат, мать вынимала из тайника в стене целую грудку драгоценностей, чтобы позанять меня перед сном» — это Владимир Набоков. Часть из них, драгоценностей, потом, при бегстве во время революции, она спрятала в причёске, там пригодилось на жизнь. На другом полюсе питерских обиталищ другая картина: «Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид со своими жёлтенькими, пыльными и всюду отставшими от стены обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и всё казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок». Это жилище Раскольниковы, в каком-то смысле, видимо, типичное для бедных студентов, вообще бедного люда, но это, пожалуй, пример не только этого города. Но я не мог бы написать «не столько» потому, что именно в Питере виденные, правда, мало исследованные колодцы дворов, как-то сильно удручали.

«Наши полторы комнаты были частью обширной, длиной в треть квартала, анфилады, тянувшейся по северной стороне шестиэтажного

здания, которое смотрело на три улицы и площадь одновременно» — это Иосиф Бродский. Но всегда можно найти повод для радости. «...нам неслыханно повезло, ибо коммунальная квартира была очень мала, часть анфилады насчитывала всего шесть комнат, разгороженных так, что они давали приют только четырём семьям. Там жило всего одиннадцать человек».

И вот что интересно, совершенно невозможно предположить, смоделировать, какими были бы воспоминания Бродского, как и многих пиетерцев и многих советских горожан, сохранилась та «отдалёнейшая комната» с тайником, полным драгоценных украшений? В том смысле, если бы идеи отца Владимира Набокова относительно перехода к конституционной монархии, а потом, возможно, и дальше, восторжествовали бы? Впрочем, как повествует биограф Бродского, то ли дед его, то ли прадед был вполне обеспеченными, имел своё дело, часовую мастерскую и право жить вне еврейской черты осёдлости.

Статистика и история... Советская трактовка истории должна была приводить нас к мысли, что распределение благ во времена царизма было очень далеко от нормального, гауссовского, при котором мало очень богатых (мать Набокова была дочерью промышленника-миллионщика), как и мало несчастных бедняков, мол, распределение было сильно смещено в сторону бедных и убогих. Простой экологический подход заставляет усомниться. Тот же Петербург, огромные затраты энергии были при его строительстве, но эта энергия не должна была иссякнуть и в дальнейшем, иначе развалился бы город, руины были бы. Откуда бралась и вообще берётся эта энергия? Вестимо, в биосфере это — трансформированная солнечная. Трансформированная хлорофиллом (сельское хозяйство), запасённая в угле и нефти (промышленность). Есть, правда, и космическая, энергия ядерного распада, так сказать, частичка Солнца-звезды на Земле. Социальные отношения только перераспределяют потоки энергии. Причём, в «хорошем обществе» — таким образом, что нормальное распределение сохраняется. Попытка насильственного изменения естественности статистического распределения (вместо того, чтобы повысить уровень поступления энергии) привело только к краху иллюзии, что можно улучшить жизнь превращением обычного жилья в «анфиладу на полквартила». Если опять же из экологии, то надо множить и поддерживать экологические ниши, а не дробить их до бесконечности.

С детства для меня за этим городом была в историческом спектакле (страны и даже мира) роль революционера, что вполне объяснимо под лирическую детскую песню «Что тебе снится, крейсер “Аврора”?».

Как ни велика радость революционной победы, у вершителей их где-то в глубине сознания всегда сидит хотя бы маленькое чувство вины. Ибо созидательность революций по большей части сомнительна, разрушительность абсолютна. Может быть, даже стоит выделить несколько плоскостей этой вины: перед несогласными, которых так или иначе следует убирать с дороги (как правило, они потом оказываются «сами виноваты»), и перед приверженцами, которые с некоторым изумлением, увы, обнаруживают, что реалии мало совпадают с запланированным и никак не связаны с характером желаемого (которое бывает очень даже привлекательным). Кроме простого чувства самосохранения, ещё и эта подспудная вина есть основа и причина разнообразной мифотворческой деятельности. Для меня было большим недоумением осознать, что столько раз виденное в кино героическое действие с этими узорчатыми воротами, на которых висят, как обезьянки, представители народа и матросики, и которые поддаются, поддаются — и вот уже Зимний в наших руках! — смахивало на марьышкин труд, поскольку на Дворцовую площадь ведёт много открытых улиц. Но чтобы это осознать, надо просто посетить это место, чтобы сравнить с эффектами экранного свойства. Следующим кадром этой экранной эпопеи я бы поставил, как и положено в старом историческом кино, пульсирующие титры: «Прошли годы...». За ним бы шёл кадр следующий, может, даже эпизод. Какой-то там 2006 год, мы приехали на конференцию, как принято писать в программке, «С международным участием», в Зоологический институт. Познакомился с немцем Отто Хансом, он ещё состоит редактором одного научного журнала. Он из восточной части Германии, из бывшей ГДР. Я даже почувствовал, что хочет что-то по-русски сказать, да не решается, отвык, понятно, после школы много лет прошло. На следующий день экскурсия по городу. Выйдя из туравтобуса, стоим мы на набережной Невы. Здравствуй, революционный крейсер «Аврора»! А на трапе, что ведёт в этот плавающий музей революции, пришит большой рекламный транспарант, где по белому красными завитушками (напомнило чугунные тех самых ворот) начертано *Coca-Cola*. Что же получается? Победа капитализма? Не за это же боролись? А за что? Мы с немцем переглянулись, всё-таки, мы, как биологи, ближе к пути развития по модели этакого спокойного, эволюционного свойства.

Ленинград — город не моего размера. Тем более Санкт-Петербург. Красивый город! Но не мой. Может, это я слишком маленький.

Запись в путевой тетради от 2008 года, приехал на хорошую конференцию: «Не люблю я этого города. Каменный. Хотя камень танцует. Свой, мне не очень понятный танец. Но скорее дело в одиноком хождении по улицам. А так, всё прекрасно!».

Так много городов
Чужих, но почему-то этот,
Обиднее всего,
Что так необитаем.
Друзьями, ждущими
Хоть за полночь,
Хоть в полночь.
Но лучше встретиться бы
Белой ночью.

Чужие города,
Мне ваши силуэты
Взрывали горизонт, но
Ничего не ощущая,
Как будто
Сквозь туман,
Я проходил,
А время
не оставляло
ничего
на память.

Чужие города.
Ни одного родного.
И я — как эмигрант, иль беженец,
Покинувший страну,
Которой
Больше нет.

Были мы как-то проездом (ехали в Карелию, на Онежское озеро) с дочкой в Питере, поезд на Петрозаводск был поздно вечером, день надо гулять, идём по Гороховой, прямая как стрела, ни одного дерева, камень, асфальт и летнее небо. Тут я и начал критику наводить на столь унылый, к тому же крупногабаритный ландшафт.

— Папа, ты ничего не понимаешь! Это же Питер! — запротестовала дочка.

Для неё этого названия было достаточно. Это было неповторимо, как термин, обозначающий нечто прекрасное, необъяснимое, необъяснимое.

С чем, собственно, оказалась моя несовместимость? Масштабирование пространства, надо сказать, проблема очень сложная и слабо разработанная. Не могу я воспринимать Неву как реку! Это какой-то морской пролив в час то ли прилива, то ли отлива. Отсюда недоумение: зачем мост и трамвай через море? Правда, Стамбул и пролив имеет, и мосты из континента на континент, а тоже — город. Но я там не был (на суше не был, только проходил вместе с судном по этому проливу, под мостом), может быть, там другое восприятие масштабов.

Таких, скажем так, безэмбрионных городов немало — Бразилиа, Одесса, Канберра, Припять... Большинство были когда-то деревеньками, росли, росли и выросли. Впечатляет эта задуманность. Сразу — города!

Этюды о жизни

Так вот, дорогой Александр Федорович, собравшись написать что-то о Питере, достаю с полки Ваш альбом. Где-то мы, при какой-то встрече, заговорились за полночь, и вспоминали Вы свою встречу с забайкальской осенью. Вот этот этюд: кадмий жёлтый средний разгулялся под голубым небом. Ещё — зайду в свою маленькую мастерскую, там на стене висит уже живой этюд, не альбомная репродукция, и тоже — осень, сияет берёзами на Куршской косе. Пастозно написано, со смаком. И я переносусь туда, к Вам на эту косу, может, сам стою с этюдником. Хорошо бы! Я перелистываю альбом, который подготовил и издал Ваш сын — «Этюды разных лет», и вижу целую историю, целую судьбу. Первая работа, этюд в парке, 1958 год, последняя 2009 года. Я бы не сказал, что стиль и манера сильно изменились. Не было формальных поисков формы, оставалась суть. А она была в непреодолимом желании запечатлеть. То, что радовало, что вдохновляло.

Задумался в который раз о форме и содержании. Тем более, что уж очень похоже сложилось у них с А.Ф. Наука на первом плане, летучая живопись в поездках, неочевидный успех результатов. А над всем — идея превратить мгновенное впечатление в образ, новый материал

ный объект — отражение. Вот здесь и лежит бифуркация — «настоящему» художнику важна, почти всегда, новая созданная им форма, новая реальность, аматору, любителю, важнее отразить, сохранить в каких-то условных знаках впечатление, а может, даже и информацию. Аматору не столько важно признание результата (но все не без тщеславия), важнее возвратиться к тем впечатлениям, к тому месту, тому времени, потом, позже, когда, кажется, уже начинает забываться.

Оказалось, что места наши пересекались. Байкал, бухта Песчаная. Её охраняют две скалы, скорее — два скальных комплекса: Большая и Малая Колокольни. Я как будто увидел Александра Фёдоровича за этюдничком походным. А перед ним тайга и скалы, и синь озера. У меня тоже есть этюд: Малая Колокольня отражается красными своими скалами в воде. И озеро Иссык-Куль тоже мы видели, только в разное время. А Куршская коса со своими огромными дюнами! Это вода, волны намыли их когда-то, но как уловить этот процесс? Извечная загадка происхождения реальности. Ещё — мыс Картеш, на Белом море — камни, скалы, и неожиданно — тихая вода.

А вот замок Люборта в Луцке. И что теперь с этим делать, Александр Фёдорович, если Лора Павловна, половина Ваша, оттуда, и в гости к родичам приезжали Вы с ней в Киев? Я думаю, у Вас был бы ответ.

Две фотографии автора этюдов в альбоме, в начале и в конце. На одной он стоит, этюдник в руке, смотрит на озеро, выбирает точку, оценивает освещение, любитесь. На другой уже пишет свой этюд, весь в работе. И на обеих — почти со спины, лица не видно. Будто я пришёл вместе с ним к этому озеру — и смотрим мы вместе вдаль, в одну сторону, оцениваем сюжет.

На столе у меня ещё две книги академика А.Ф. Алимова. Одна, с очень солидным названием: «Элементы теории функционирования водных экосистем», с дарственной надписью, вся в заметках на полях. Получается, что книга эта — диалог с автором, с наукой, отвечает на вопросы и формирует новые. Как-то очень удавалось Александру Фёдоровичу из массы точек на графиках получать неординарные выводы. Вот, например, такой: «постоянство структуры биотических сообществ сохраняется не за счёт устойчивых связей между элементами системы, а за счёт воспроизводства элементов при постоянных затратах энергии». Подумалось, что также и в социуме: ничего нельзя построить на основе заостеневших догм и одеревеневших отношений, всё должно обновляться, двигаться.

Вторая книга, вместе с его учениками написанная, посвящена продукционной гидробиологии. С какой нескрываемой гордостью сообщил Александр Фёдорович мне при встрече в Киеве, летом 2013, о выходе книги. Была мечта, сбылась мечта. Нет, не просто мечта, а плодотворный план. Долгий путь в науке увенчан большим обобщением.

Скажите мне, дорогой читатель, у Вас есть собственная планета, или, там, звезда? Вот и у меня нет, космос большой, даже очень, но раздел уже, кажется, начался. У Александра Фёдоровича, как у Маленького Принца, есть своя планета, может, теперь он там и живёт, называется, согласно документу «Официальное свидетельство о присвоении имени малой планете» от 6 марта 2004 года, 58097-AIimov. Небольшая, правда, всего несколько километров в диаметре, зато закаты, сидя на ней, можно наблюдать через каждые полчаса.

Письма из музея

Какими только глазами нельзя посмотреть на город! Владимир Солоухин в своих «Письмах из Русского музея» совершенно серьёзно полагал, что «рано или поздно, у каждого человека, приехавшего в Ленинград, наступает минута, когда он с Невского проспекта сворачивает на перпендикулярную к проспекту улицу в сторону Русского музея». Я думаю, не более, чем у одного из десяти тех самых приезжих. Но благодаря этим «Письмам» я вошёл в эту небольшую группу, хотя чаще бывал в Эрмитаже или в филиале Русского, что на набережной канала, а не в Михайловском дворце.

Вспомнились эти «Письма» не случайно, не просто так. Они были одним из первых путеводителей в так называемом «мире прекрасного». Что знал он до приезда в Киев об этом мире? Репродукции в журнале «Огонёк» — вот самый крупный источник информации оттуда, из того мира. А вообще-то это шок, который ещё мало исследован: после слабоглянцевых репродукций, на которых никак нельзя ручаться за передачу цвета, увидеть живой холст, живой красочный слой, мазок, а ещё — почувствовать этот волшебный запах красок! Так и эта повесть, оказалось, что можно писать о том, что видимо и вроде бы не требует описания, важно углубиться в детали, важно познакомиться с автором, почувствовать мотивы его творчества. Короче, за простым взглядом, на пример, на картину, была большая работа для мозгов, для души.

Бывает так, что в какой-то книжке попадаете фрагмент, описание чего-то, что оказывается тебе знакомым. Оказывается, вы с автором шли параллельными курсами, а может быть, вообще были в том же месте в то же время. Только написанное им в книге, оно как-то на века, а то, что ты видел, так и осталось при тебе. Но эта сопричастность «вечности» радует.

В каком-то смысле Солоухину повезло, сама жизнь подбросила сюжет для более или менее глубоких обобщений. Вот он в Русском музее любит фресками Дионисия (чудесные копии!), а вот (как бы другой полюс) «раскалённые полосы и синие звёзды кричат с афишных стендов», две параллельные выставки: эта с фресками и «Архитектура США». Пересечение наше оказалось в том, что я был на этой, американской выставке, правда, не в Ленинграде, а в Минске, надо понимать, у американцев было такое турне по стране Советов. Действительно, как и писал Солоухин, стояли кучки местных, окруживших американцев, не об архитектуре, о жизни были вопросы. Я был ещё в юном возрасте, но помню этот интерес. (Как потом писала газета «Правда», один из этих американцев, что, по словам Солоухина, пропагандировали американский образ жизни, оказался шпионом и агентом... я ещё эту статью в газете отцу показывал, вот, мол как мы приобщились к таким серьёзным межгосударственным проблемам, да и повезло, конечно, живого шпиона видели). Выставки, естественно, за давностью лет, не помню. Витрины были, стенды, фотографии большие — как ещё через океан показать архитектуру? Но остался альбом, который раздавали задаром (!), и вот этот альбом я потом рассматривал много лет. Фрэнк Ллойд Райт! Необычно, красиво, хотел написать «современно», но что я тогда знал о современности? Просто другой мир. И форм, и технологий.

Но вопрос, которым задался Солоухин в связи с этими выставками, перекинул мост и к этой самой современности: «...почему мы можем допустить, чтобы на территории Ленинграда велась организованная и продуманная пропаганда чуждых нам (да и вообще человеку) архитектурных стилей?..». Так знакомо! Сейчас — вот они, посеянные тогда семена, взошли весьма ядовитыми ростками. Солоухин был не один, некто Лернер, видимо, задался тем же вопросом относительно чуждости поэзии Бродского... и с определённым успехом, надо сказать.

* * *

Военное время, стою в киевском метро. Рекламные плакаты на стене туннеля, пока ожидаемый поезд не закрыл, рассматриваю. Акварельные, на основе портретов милых зверушек из Киевского зоопарка, полит-

агитки. Лемур, в частности, провозглашает: «Наволо деяких культур мае бути міцний мур!». Когда я был на Мадагаскаре, точно таких же лемуров с полосатыми хвостами видел... так что портрет удался, свидетельствую.

Что до «муров», или хотя бы условных границ между направлениями, течениями в культуре (в самом широком смысле), то время, жизнь, традиции, взаимосвязи между людьми сами собой организуют разные бифуркации, биосферная роль которых как раз не в «мурах», а в разнообразии, на чём социум-то нормальный, здоровый и держится. Вот те же солоухинские оды русской иконе. И спорить не стоит, что православная икона есть мировое достояние, шло время после вынужденного импорта из греческих, византийских земель, однако родилось своё направление, свой мир новый, именно русской иконы, но посмотрите на украинскую! Куда делись эти византийские каноны? Трансформировалось под влиянием идей и эстетики Ренессанса, барочности. Вот бы в XVI веке тогдашнему солоухину посетовать на тлетворное влияние Запада! Если бы... но история обратного хода не имеет, только повторяется, как писал Иосиф Бродский, «с периодичностью дурного сна».

В филиале Русского музея, что на канале Грибоедова, посчастливилось как-то попасть на выставку Павла Филонова. Тоже ведь судьба, тоже признавался властями чуждым, хотя выставку как-то развесили, да только не открыли, простояла закрытая несколько месяцев и всё... Но жизнь идёт, стены то падают, то снова возводятся. Архитектура это называется...



БЫДГОЩ

Место — северо-западная Польша.

Время — наше время, в апреле

Совершенно странным образом достаточно подробный отчёт о пребывании в этом месте получился прямо по горячим следам путешестввенника, да ещё и в стихах! Если верлибр можно назвать таковыми.

Спасибо пану Крыстиану, профессору, он как пообещал пригласить меня почитать лекции у него на кафедре, в университете Казимежа Великого, так и выполнил своё обещание. Но сразу скажу, отношения были такими, может быть, слишком официально-уважительными, что не решился устроить на кафедре посиделки, взявши в «Бедронке» бутылку. «Бедронкой» — «Божьей Коровкой» — называется у них сеть простеньких супермаркетов. К своему удивлению, более роскошных не встретил.

Мне, пожалуй, ничего не остаётся, кроме как представить читателю свою поэму (не пугайтесь, фрагментами, целиком опубликована в книжке «Terra cognita») и сделать комментарии. Пока не знаю, что важнее.

* * *

Когда сел в поезд до Варшавы, в некий апрельский день, где-то в 2017 году (год, впрочем, не важен, был некий промежуточный исторический период), открыл путевой блокнот и под зарисовкой киевской привокзальной площади ни с того ни с сего начал писать поэму. Поэма называлась «Странные польские заметки», странность была, видимо, в форме.

Была такая у меня задача:
В поездке этой посвятить
Побольше времени
Своим воспоминаньям. Не
Биография, а жизненный рассказ
В каких-то маленьких сюжетах.

Как жил я в той стране, какая,
Ну, прямо на глазах,

Из родины преобразилась
В заграницу. Тут, видимо,
И суть повествованья.

А разобраться бы хотелось
В секрете шариков китайских,
когда один из них, восстав,
порвав все путы
и оковы,
глядь — сам уже внутри
содержит шарик (угнетённый),
Который, в свою очередь,
свою мечту лелеет
О свободе.
Что я? Моя судьба —
Лишь повод.

* * *

Второй час ночи. Империи наследье: у нашего вагона (поезда, конечно, у всего) имперские колеса.

Сменить!
Неподходящие
Для европейской узкой
Колеи.
Хорошая идея —
поменять колеса.
Сменил —
и въехал,
Хоть в Африку, а хоть — в Европу. Но!
Тут не обойтись
Без договора.
А договор — всегда морока.
Нет договора, или там —
переговора — будет посложнее,
Нужна
Хотя бы —
Небольшая рево-
Люция.

* * *

Варшава. Двожец под землёй. Ждём поезда. Опаздывает. Как потом сказали, это следствие работ по улучшению дорог. Здесь тоже будут бегать сверхскоростные. Вот она, Уния! Имея давние связи с этой страной, был свидетелем первых шагов в эту Унию. Были скептики — и немало, да и сейчас не перевелись. Все хотят свободы при желании получить по максимуму от консорциумов.

Слово за слово, разговорились на платформе. Собеседник моих лет:

— Что там у вас на Украине?

— Порядка мало.

— Это я — спрашиваю, а большинству в Европе это все равно. Что, в Португалии кого-то интересует Украина?

— Даже не знаю, что ответить. Не был в Португалии.

* * *

Когда-то Польша
Была морем.
Такая плоская
Равнина, как дно,
Покрытое давно
Илами, водорослями,
Устричным ансамблем.
Давно ушло,
Усохло море.
Передвиженьем плит
Земных
Замещено было
Равниной,
Предоставляя место лишь
Истории волнам
Здесь волноваться.

Действительно, глядя из окна вагона, когда едешь из Варшавы на север, представляешь себе, что такой ровный горизонт мог сформироваться только как следствие передачи эстафеты от моря к суше.

Насчёт волн истории. Вся Европа, включая Польшу, в той или иной мере пребывает под влиянием Имперства. Попеременно склоняясь в ту

или иную сторону: объединение — разъединение. Тоска по утраченному и обидчивость бывших вассалов, неприязнь или даже ненависть порабощённых, реальных и мнимых, к поработителям (реальным и мнимым) — всё это в большой мере и двигало историческое колесо. Но почему только в Европе? Везде.

Самой большой ошибкой историков является безградиентная история, можно сравнить со щербатой расчёской: зубчики целые — это события, где отломано — ничего не происходило... но предмет-то, гребешок этот, един.

Никому в голову не придёт написать: 1248 год — ничего не происходило. В смысле, все были живы, работали, размножались. Это же не история! Всему что-то предшествовало. Даже Большому Взрыву. Не говоря уже о последствиях. Иногда бывает больно находиться в тесном настоящем между причинами и следствиями, последствиями.

* * *

Добрался-таки до места назначения. Университет, отдел приёма иностранцев, всё добротное. Только до места жительства гостей пока рука Брюсселя, через Варшаву, не дотянулась: коридор, пустая комната, туалет без гендерных различий, кухня с двумя электроплитами, несколько кастрюль в шкафчике, душ печального вида — две лейки на всех. Это к слову, контрасты украшают любое путешествие.

* * *

Привычка давняя
Веденья дневника
В каком-то смысле
Повергает в рабство.
Описывать события
И боле —
Свои какие-то сомненья,
Даже, как Дали, следить за де-
Фекационным
Циклом. Но есть и кое-что
Полезное в слеженьи
За ходом времени
(Отринем в сторону желание
Оставить след
В каких-то там
Записках).

Так был составлен график лекций, что появились сводные дни, а, кроме того, приближалась католическая Пасха, что в Польше большое событие. Лекции мои экологические шли обычным чередом, только вот эта заминка с графиком. Но я был готов, это же прекрасно — свободное время, рюкзак с этюдником и походным мольбертом, да эта поэма. Чем не занятия для интеллигента? Уже не в первый раз вот так, приглашённым профессором, пришлось выступать с кафедры. Есть такая иллюзия, мол, если в университете есть средства для приглашения, то это некий элитарный ВУЗ, значит и учиться должны какие-то особые студенты. Самые обыкновенные, с нормальным распределением интеллекта и интереса. Кроме того, им можно было посочувствовать на лекциях, ибо мой польский далёк был от совершенства, хотя и не болтался около абсолютного нуля.

С утра такая мысль:
Что есть страна чужая?
Чужой язык? Другие нравы,
Климат и погода?
Архитектура — вид домов?
Деревья? Высота
Над горизонтом
Солнца? Тягучесть вечера?
Боюсь, что нет, скорей всего —
Большая толщина
Той оболочки,
Что нас окружает.
И одиночество.
А так — весь мир един.
И радоваться надо,
Что занесло куда-то.
Далече от
Родного очага.

*

Вдоль речки столь
Несладкозвучного названья,
Понятно, что на наше
Ухо — Брда,
Иду верх по теченью.

Довольно странный мост —
Технократический модерн.
Положено считать
Красивым.
Цветёт форзиция,
Своими жёлтыми шарами,
Как жёлтыми
Трёхмерными блинами,
Встречает время года,
Наподобье запоздалой
Масленицы. Две
Утки проплывают
Чинно. Весна!
Попробуем отобразить
Её в этюде.

*

Вот в этом доме
Выходила
Газета польская, хотя
Земля была немецкой.
При этом мельницы
Работали исправно.

Бытует мысль, мол,
Императоров идеи,
Страсть к власти,
Собственно,
И создают — империи.
Неправда,
Обыкновенный ход
Истории народов —
Формирование конструкций
Власти. Уж потом
Избыток средств
Преобразует тех царьков
В тиранов, что приводит
К загниванию и падению
Империй, распаду. Ну, и,
Конечно — к новым циклам.

Истории.
Все дело в размноженьи.
Толпа все больше,
А делами
Толпы ведь кто-то
Должен заниматься.
Тут вариантов множество —
Казацкие полки, республика,
Парламент плюс король,
Король без плюса.
Но проблема в том,
Что идеальной нет системы.
Ни обустройства той толпы,
Ни, собственно, системы
Власти.
Тут парадоксов
Пруд пруди. К примеру,
Вдруг стали сечові стрільці,
Что воевали за империю
Австрийцев, эмблемой
Нации, стремящейся
К свободе, от всяческих
Империй. Например,
Российской.
Или дело —
В *качестве* империй?
Хороших, соответственно —
Не очень?
Империи большие, потому
Следы в истории
Большие остаются.
Вот не было б заместника,
Пилата, Христа с его идеями
Тихонько б придушили.
И тридцать тех монет
Остались бы в
Казне.
В каком-то смысле,
Рим и создал христианство.
Наверно, потому,

Что вроде оспы
Привил вассалам
Элементы
Демократы.

И что ни говори —
В истории, не только
Современной,
Несметная плеяда парадоксов.

Никаких особенных достопримечательностей в городе нет. Некоторые старые, более чем солидные амбары превращены в музеи. Есть одно остроумное гидротехническое сооружение. Чтобы не делать плотины на реке и, соответственно, водохранилища, придумали сделать такой дериват реки в виде рукава, канала, за счёт перепада высот, хоть и небольшого, образуется напор, что крутил когда-то мельничные колёса. Мельничный остров получился. Теперь это всё — парк. С моста через Брду как турист, так и местный житель может осмотреть арт-объект: на натянутом от берега до берега тросе на одной ноге стоит, скорее, сидит, канатоходец, вся конструкция в неожиданном равновесии, потому что у него в руках длинный согнувшийся шест. Симпатичная композиция. Интересно, как она себя ведёт при сильном ветре?



Пришёл к воде, текущей
Совершенно
В другую сторону. Загадка.
Смотрю на карту:
Это ж остров,
«Млынска выпса»,
Одна из главных
Досто-
Примечательностей. Город
Отсюда исть пошёл.

Так вот, река, верней —
Рукав реки. Дома чудные.
Мне напоминают...
Что напоминают?
Да! Как ни странно,
Именно — Жирону,
Каталонию.
Конечно, свет не тот,
и цвет не жёлтой, а зелено-
серой пыли.
Однако те же кубики.
Богатство
Цветовое кирпичей
Увидел только из окна
Музея
Современного
Искусства.
Ненужное скопление
Помещений складского назначения
Теперь хранит
Богатство экспозиции.

Устал. День серый был,
но не было дождя.
На том спасибо.

*

Свобода — это факт
Того, что можешь
Обращаться
Со временем
По собственному разумению, без
Оглядки. Но в таком чревата
случае она
Особым одиночеством.
И понимаешь, что
Для счастья неизбежно
Свободой этой
Надо
Поделиться.

*

Ни греки, ни
Средьморье, ни
Тем боле уж скифы
Здесь не оставили
Следа в обличии
Народа местного,
В особенности
Женщин. Красивое
Лицо увидеть — редкость.
Хотя понятия
Красоты, особенно
Лица — конечно,
Субъективно. Тем
Не меньше. Во вниманье
Не беря гормоны,
Мы можем циркулем
Сравнить пропорции.
А чем пропорции лица отличны от
Пропорций здания или пейзажа?
Подсоставляет память
Картину из того музея островного.
Лицо одно, совсем немного —
Глаза расставлены, широкий нос, и
Не могу отделаться от впечатления,
Что эта ню, гребёнкой приводящая
В порядок локон, расставленные ноги
Прикрывая широким
Полотенцем — утро —
Совсем не ню, а кошка, маленькая львица,
Что-то в этом роде.
Всего одна черта меняет
Облик весь. Однако
Я уклонился, ибо
Здесь речь не о
Красоте лица, но красоте
Другого рода.
Вот и ответ:
Здесь красота
Другого рода.

Нерелигиозные прогулки по соборам — одно из важных занятий неохваченного экскурсионными планами туриста. Экстерьер может не совпадать по стилю с интерьером, но это и создаёт некое необходимое для сакральной архитектуры напряжение.

Собор.
Нет рифмы никакой.
Ну что с того —
Собор XV века?
В нём очень кстати —
Ни души, а я
Рассматриваю арки,
Своды и
Богатство цвета.
Свет
Струится, в нано-
Частицах пыли,
Отражаясь и
Каждую из них в пространство
Отправляет своим
Давлением. Почему-то
Колонны фиолетового
Цвета и арки цвета спелого
Граната. И суета деталей. Сей
Собор — жилище Бога или
Духа. Архитектура — только
Оболочка, как те узоры
Крашенных яиц, в которых
Содержимое (белок —
желток) никак не отражают
Смысла содержанья.

Собор. Собор.
Религия, как ни крути,
Из всех искусств —
Важнейшее
Искусство.

*

В этом городе
Нет главной площади.

В том числе —
С трибуной и мавзолеем,
И непонятно, как они
Празднуют 1 Мая. Но

Опера, филъхармония и
Театр дают
Представления, то есть
Свидетельствуют о
Высокой культуре
Местного населения.

Благословенный край!
В каком-то смысле —
Европейская пастораль:
Нет ни беженцев тебе,
Ни терроризма.
Но всё-таки было мало —
Просто так
Отказаться от
Коммунизма. Сам по

Себе отказ ничего
Не значил. Работали
Хорошо, вот и получилось
Иначе, чем, например, у нас.
Кроме того, помощь
Была щедрей, оттуда,
Где солнце чаще
Заходит, чем всходит.
В общем — никакого
Чуда.

Но многим не нравится.
Едут в Лондон, освобождая место,
Тем, кто, движим верным расчётом,
Приходит оттуда, где солнце
Чаще всходит, чем
Заходит. Сами
Уподобляясь
Солнечному
Круговороту.

Давно замечено, что предпасхальные дни холодные, поскольку, когда погода неважная, известно, кто виноват, то все кивают на праздники иудаистского толка, а те меняют погоду независимо от юлианского или григорианского календаря.

Эти еврейские Кучки
Что-то вроде Крещенских
Морозов. Обязательная
Случайность, к сожаленью,
Случилась. И холод
Заползает за
Воротник, напоминая,
Что вот придёт Пасха и
Будут целоваться все, как
Баргамот и Гараська.

*

Циклон, по-видимому,
Недельный,
Заставляет подумать о
Том, что всё-таки
Это счастье —
Иметь хоть какой-то
Дом. Крышу над
Головою.
Возвращаюсь с прогулки
Вдалеке — здание.
Очень мило!
Вот что значит привычка.
Но дело даже не в этом.
Вполне понимаешь
Собаку, выгнанную
Из дому.

*

Какой, к чертям, пленэр!
Собачий холод,
Дырка в небе.
Мягутся тучи ошалело,

Будто стадо
Кастрированных пьяным
Зоотехником
Баранов, так им и надо!

Заместь того, чтоб облачком
Висеть на тихом небе,
Купаясь в свете
Солнечном и нежном,
Паскуды
Носятся, своей мочой
Поганую
Свет окропляя.

Никуда
И ни пойти,
И ни поехать, разве что —
Уплыть.

*

Что нового на Свете?
В том вопрос.
Взгляд «макро» —
Бегать между городами. И
«Микро» взгляд —
спокойно наблюдать
Движенья речки Брда. Тогда
Не проще было бы,
Не покидая
Днепровских берегов,
Отдаться созерцанью
Того, что рядом?
Что же
Заставляло старого Басё
Писать свои стихи то
Тут, то там?

Не знаю...

В часе езды — город Торунь. Была у меня как-то много лет назад короткая экскурсия. Мне вспоминались какие-то совершенно чудесной готики соборы и памятник Копернику. Собрался-таки, поехал.

Как оказалось,
Для меня
Сей город Торунь
Несколько великоват.
Выходит за
Пределы
Моего масштаба.
Собор готический,
Почти как в Гданьске,
И тоже, видимо,
Святой Марии,
Тянет ввысь свои
Колонны, где почти
Что космос, а там
Вдруг неожиданно —
цветочки!
Поэтому от мощи экстерьера
Внутри не остаётся
Ничего. А что угодно
Богу? Ведь поскольку
Он живёт внутри —
Ему дороже интерьер.

Суббота.
Праздник Пасхи.
Есть время для различных
Ритуалов.
Толпа на площади
С корзинками, в которых —
Нехитрые дары
Природы. Для освящения.
В соборе — очередь
К кабинкам, чтоб
Свои грехи сдать
Сквозь решётки
Прямо в ухо Богу

В лице священника. Ему
Не позавидуешь —
За год такого люди
Накопили! Мрак
Информации похлеще,
Чем ТВ.
Хотя задача здесь иного
Рода. Не информация
(Система Пастор — Бог),
А, очевидно,
Что желанье —
Освободиться
От грехов.
Желание
Свободы!

Подумал:
Как прекрасно —
Ходить в собор, в который
Ещё тому три века
Твои ходили предки.
Помолиться.

В соборе

Город Быдгощ, в общем, небольшой, вот и кружишь по старым улицам да около речки. За что уважаю католичество: собор чаще всего открыт, можно зайти и передохнуть.

Задам себе вопрос:
Чем человек, который
Верит в Бога,
Отличен от меня?
Я вижу интерьер,
Архитектуру, позолоту
Барокко (при
готических колоннах).
Я слышу тишину и
Лавок скрип под тощими
Задами старых
Прихожанок.

Во что же они верят?
В чудо? Воскрешение
Христа?
Откуда
Пришло всё это?
Нет, не эти свечи,
Что
Коричневый монах
На алтаре зажёт, и
Не скульптуры, образа,
Которые — материя, а
То, что называется
Любовью.
К Богу? Нет. В том
Дело, что у той любви нет
Адресата.

Средь готики зажётся
Телевизор. Вошёл священник
В белом одеянье,
Какие-то софиты —
В потолок
распространили свет.
На хорах
Запел орган.
Начало действия.

Колокольчик зазвенел.

Фонтан

Несколько раз проходил мимо, думал, что какой-то памятник революционерам. Каким революционерам? Почему революционерам? Додумался-таки подойти поближе.

На Гданьской за
Костёлом, состоящим
Из множества
Непараллельных
Плоскостей
(Разгул кубизма
В кирпиче), заметил

Некий монумент.
Свобода?
Независимость?
Война?
Чему ещё возводят
Монументы?
Прошёл однажды мимо,
Но сегодня решил
Приблизиться.
И что же?
Оказалось:
Фонтан.
«Потоп»!
Какая мысль! Что может
Быть естественней
В фонтане, чем
Максимальное количество
Воды? Вода и
Человек. Стихия.
Миф, в общем-то, ужасный,
Как пример природной
Катастрофы, в глобальном
Выраженьи. Слава Богу, что
Удалось свернуть всю
Биосферу до Ноева ковчега.
Нет, не всю, гидробионтам
Стало жить привольней, хотя,
По логике, исчезла жизнь
Материковых вод.
По сути, все вернулось
Прямо в Кембрий, так
География с историей
столкнулись.

Несчастный и счастливый Ной
Не только возродить
Былую биосферу, но род
людской, и как в Адамову эпоху,
Обязан был начать всё
С некой одинокой яйцеклетки.

Чернобыль или Хиросима —
Явления локальные
По сути. А тут — потоп!

Так что же монумент?
Многофигурен. И
Антропогенно териологичен,
Хотя присутствует рептилия
Одна. Какой-то странный змей
Одну фигуру обвивает,
И пасть открыв, кусает, это
Нелогично: трагедия — в
Потопе, но отнюдь не в
Лаокоона выкрутасах.
(Хотя, возможно —
Это змей морской,
Ему потоп практически
Не страшен).
Особняком от группы —
Медведица спасает
Мальша, промокшего (в сухом
Бассейне вид его промокший — огромная
Удача и заслуга,
Конечно, скульптора).
А в центре
Композиции —
Скала, как некий символ
Остающейся надежды.
Одна фигура,
Возрожденчески могуча,
Вытягивает за руку
Другую, не менее могучую
Фигуру, она,
Однако, в то же время
В охапке держит тело
Женщины, в котором, правда, мало
Жизни. Ещё фигуры —
Маленький ребёнок при мёртвой
матери, он устремился к ней,
Но всё потеряно —
Она уж бездыханна.

Круг замыкает напряженный
Лев, который как-то
Недвусмысленно
Стремится к
Ребёнку, что, увы,
Остался без защиты.

Фонтан, конечно, восстановят. Там
Список спонсоров на четырёх
Таблицах. Наверно, летом
Будет здорово от этих
Весёлых струй
Разбрызгиваться солнце,
На солнечном пути
Десятки ярких радуг оставляя.
Жизнь торжествует.
Дело прошлое.
А может,
Лет через двести-триста
Соорудят Фонтан
«Вторая Мировая» или
«Вьетнам», или
«Цунами в Фукусиме»,
«Последствия Октябрьской революции»...
И много есть ещё печального
В прошедшем.

Как ни странно,
С водою связаны печали.

Храни нас Бог от
Экокатастроф.
Да и вообще —
Храни от нехороших
Встреч
С огнём, водой,
Злым человеком.

Амен.

Загадки этносов

Ущербность всякого путешественника — в его одиночестве. Может, встретит его в дальней стране какой-то знакомый, может, заведёт новую дружбу, всё равно, смотреть ему на всё происходящее вокруг с позиций обычаев своей земли, на всё он смотрит со стороны, издалека. На балконах многоэтажек — ничего!

Ну что за жизнь
При этакой
Стерильности
Балконов?
Стерильна чистота —
Сродни бесплодью.
Страх штрафов иль
Стремление к порядку?
И странный результат раздумий:
Похоже, пустота равна порядку!
Как антитеза — тезису,
Мол, что
Не пусто — то
И энтропийно?
В аспекте эволюционном
Гипотеза проста —
Сей мир пустых балконов
Сродни Тому порядку,
Что был и До,
Ещё до Сотворенья
Мира.



Встречи

Стал проявляться
Путешествия эффект:
Уже знакомы улицы,
И нет того желанья
Остановить мгновенье.
Новизна
Уходит, оставляя место
Спокойной
Созерцательности
Гостя. Хотя уже
И не чужого.
Попал на рынок:
Фрукты, овощи и тряпки.
Кривая каменная мостовая.
(Особо криво с тыла),
Лавчонки, очень
Похожие на нашу Куренёвку.
Короче — как блошинный рынок.

Попалась деревянная скульптурка,
Взял в руки, слышу:
— То Будда! Тши злоты.
Крючковатый нос.
Похож довольно на семита
Будда, но пузо мощное.
— Неужели?
Сказав, включил родные кнопки:
— Ну, так давайте ваши три рубля!
Поговорили. Что-то
Не сильно сладко тут.
И с прибылями — худо.
Везде — платить. Налоги.
Мама в Миргороде где-то, а
Что поделать, жить-то надо.
Вот и живём.
— Вы приходите.
Мы это любим — поговорить.

А заключительный выход мог оказаться бесплодным. Собор дверь затворил на замок. И не сложилось прощанье с собором. Зато повстречались три молодых патриота, харцеры с листами бумаги в красную полоску, белый фон.

— Тут у нас акция, мы раздаём флаги, флажки и такие наклейки.

— Это зачем?

— Праздник такой — Второго числа — День Польского флага.

— Это прекрасно, давайте! С любовью бяло-червоны приклею к себе на путевой блокнот. Только взгляну на него — сразу вспомню Польские эти заметки.

Вот и всё.

Дорога закончена.

Новые мысли

Складываются в мозгу,

Не настолько способном,

Как телефон на две

Симки — общаться

С прошлым и

Настоящим. Дорога

Ставит вопрос (кроме

Прочих, которых

Немало): что нам

Остаётся после?

Вот, Робинзон. Оставил свой остров...

Счастлирое возвращение? Бегство из Рая?

Просто — иное пространство?

Не знаю.

Но об одном пожалел Робинзон:

Там можно было

Писать стихи.

Здесь —

Неуместно.

Эпилог

Храм пустой.

Никакого движенья.

Но какая-то сила

Подняла и оставила
В воздухе рой
Пылинок, они
Отражают
Свет,
Который сквозь окна
Цветные струится.

Следя за пространством,
Начинаю
Подозревать, что они
Так
Висят уже тысячу лет.

.

Может, это
И есть
Квинтэссенция храма?

КРЫМ

Место — полуостров в Чёрном море.

Время — с детства по наши дни

Написавши «с детства», подумал, может, кто-то решит, что меня возили «на море» или пионером отправили в Артек. Ничего подобного. Никуда меня не возили и в лагерь не отправляли. И моря я не видел лет до двадцати. Просто сестра, обучаясь в Харькове в фарминституте, каждое лето ездила на практику куда-то на крымские поля, где выращивали лекарственные травы (видимо, это были поездки студенческие «в колхоз», а также «на практику»). Правда, один раз — собирать виноград, сезонные рабочие из весёлых и жизнерадостных студентов. Как я завидовал её рассказу, ведь они могли обжираться сладкими ягодами, но рассказывала, что уже не хотелось и не было сил. У меня бы нашлись силы! Из каждой такой поездки она привозила мне или набор экзотических открыток (О! Эти горы, Медведь, который вечно пьёт воду Чёрного моря, это синее южное небо!) или книжки. Любимая была «Легенды Крыма». Я их любил читать: то греческие, то татарские названия, герои. Так или иначе, для меня это был какой-то особый уголок мира, в чём-то почти знакомый.

Хвост дельфина

Сейчас на даче, на мансарде, над столом, стоящим рядом с окном, которое обычно, архитектурно, называется почему-то слуховым, наверное, чтобы хорошо слышать с чердака, что делается во дворе, торчит из ромбической доски, наподобие головы трофейного (на охоте, не военного) оленя, чёрный, блестящий от жира хвост. Две красиво изогнутых лопасти, сантиметров 25. В сильную жару на кончике одной из них, которая пониже, начинает сгущаться капля жира. Потом (я обычно этого не замечаю) эта капля срывается и оставляет на моём

столе липкий маслянистый след. Какое-то мумиё. Пожалуй, сродни ему, потому что мумиё — это какая-то очень древняя пещерная смола. И здесь тоже сильно отдаёт древностью. Но ещё и какой-то силой, может быть, силой жизни после смерти. Этому экспонату музея дачных реликвий больше полувека (возрастам самого дельфина можно пренебречь, маленький, молодой совсем был).

Загадочны пути факультетской управленческой жизни. Почему-то выбор пал на наш второй курс. Поступило из деканата предложение поехать в Крым, там спортивная база университета, сделать некий косметический ремонт, посадить деревья. Весна, самая пора подготовки к лету. Вызвались мы, зоологи, и пара примкнувших биофизиков. Не было привычки ещё записывать в дневнике состав экспедиции. Коля и Орест были точно.

В четыре пополудни 21 апреля 1969 года сели в автобус. Сейчас эта точность не имеет никакого значения, но отдадим дань подробностям дневника. Автобус был — старый ГАЗон, кои царили тогда на просёлках страны. Замечательна была длинная никелированная ручка, которой водитель открывал и закрывал дверь, сидя на своём кресле, находясь в каком-то небособлениии от пассажиров. Зимой в таком транспорте был собачий холод, летом жарко. Но ездил, и на том спасибо! Водитель наш оказался колоритной личностью, он нам потом ещё даст прикурить в дороге. Приставленный к нам начальник, из каких-то хозяйственных университетских служб, сказал, что этот Игорь когда-то играл в хоккей за сборную Украины, да как-то спортивная карьера не сложилась. Как оказалось, потом и водительская тоже как-то не шла.

Ехали всю ночь. Было холодно, тарахтела наша старая машина, сидеть неудобно. На заправках или просто на остановках технических Коля Горовой призывно, как молодой марал, кричал в тёмную ночь, в соответствии с нашим маршрутом:

- Здрастуйте, шановні полтавчанки!
- Здрастуйте, дорогі кировоградчанки!
- Здрастуйте, шановні херсончанки!!!

Украинская ночь была тиха и молчалива. Ехали дальше. С рассветом стали попадаться попутчики. Игорь останавливался по перво-

му требованию, как маршрутное такси. Двигал им отнюдь не гуманизм, а жажда наживы. Порой около некоторых городов автобус был набит пассажирами, как киевский трамвай. Вот они — народные типы! Как-то запомнилась молодая женщина с маленьким ребёнком в аккуратном свёртке. Куда она ехала с младенцем в такую рань? И как бы она сидела и ждала на обочине, если бы не Игорь. Нет! Всё-таки он был гуманист!

Надо сказать, южные трассы скучны для наблюдателя из окна: равнина, поля, поселения. Проехали перешеек, мелькнул за окном Сиваш — первый намёк на что-то морское. Это уже и была, собственно, часть моря. Едем, едем, перед Симферополем стали попадаться цветущие деревья. Так странно было видеть их после киевской серой холодной весны. И где-то вдалеке появились горы. Никогда раньше не видел гор. Настоящих, голубых, которые то зубцами, то плавными обводами ломали горизонт. Но были они далеко, грандиозностью своей, как того толстовского героя, не поразили.

Вот и приехали, западное побережье. Встретил сторож с собакой, он же и завхоз. Перекусили, вина выпили, познакомились. А вот оно, море. Совсем рядом, только внизу, берег обрывистый. Завидую тем, кому только предстоит встретиться с морской далью! Хочется ещё и ещё раз пережить это чувство неожиданного простора. Ничто не мешает глазу бежать и бежать по волнам, по поверхности планеты, окутанной водой. Там, где-то далеко, горизонт только угадывался, вечер, сумерки приближались. И тихая, тёплая ночь.

Хоть Коля и будил меня с рассветом (вставай, пойдём на море!), проспал, наверное, усталость переезда победила любопытство путешественника. Когда вышел на улицу, навстречу уже идут Коля, Батя, Горовой. У Коли в руках тушка дельфина. Чёрное обтекаемое тело, безжизненный хвост. Оказывается, их на берегу много, выбросило море. И всё малыши. Сантиметров по 60–70. Может, они попали в сети, а рыбаки выбросили, может, эпидемия на них напала?! Известно, киты иногда устраивают суицид, выбрасываются на берег. Но это же дети! Батя сразу принялся за таксидермическое дело: стал снимать кожу и сказал, что будет добывать и скелет, на кафедру зоологии позвоночных. Оказалось это непросто, провозился он целый день.

Пошёл, конечно, и я к морю. Берег крутой, глинистый, дождик моросит. Непростая дорога. Сверху видно, как большой залив изгибается к северу и к югу, небольшая полоска пляжа под крутым берегом. На море тихо. Да, действительно, трупы дельфинов то тут, то там на пляже. Взял и я одного. Сделать зоологический экспонат. Весь вечер потом вырезал мясо из отрезанного хвоста. Вот он и оказался после долгих-долгих перипетий, переездов, через много лет на даче, это отец ему когда-то сделал дощечку и укрепил, как охотничий трофей.

Поехали на завтрак в посёлок, на обратном пути Игорь на совершенно ровной дороге заехал в кювет. Пришлось искать трактор. Эти заезды в кювет как-то потом повторялись с периодичностью непостижимой, к счастью, без последствий. Последнее было странно, потому что Игорь не считал дорогу в посёлок за серьёзную причину не выпить перед обедом хороший стакан водки. Красили окна, двери, что-то где-то прибывали. Копали ямы для деревьев. Горовой с Валиком поехали за саженцами в Бахчисарай. Надеюсь, дневник не врёт — посадили 80 деревьев, это же целый сад! Трудно сказать, не пропал ли наш труд даром, за водой приходилось ходить далеко, в балку, если их не поливать, то как им выжить?

«В Игоря мы потеряли последнюю веру. И даже боимся его и нашей «Антилопы». Сегодня утром опять был дождь. Это хорошо для наших деревьев. Но дорога раскисла и, как следствие, опять сидим в кювете. Потом чуть не врезались в столб. Покрасили и привели в порядок пять домиков. Уже пора собираться домой. Поедем, видимо, через Одессу». Игорь решил ехать через Одессу, потому что на этой трассе больше пассажиров можно подобрать. Больше заработать.

Так много изменилось с тех пор, а хвост всё так же неизменно блестящ.

Карадаг

После «Легенд Крыма» следующей знаковой для меня крымской книгой была «Волны над нами» Ольги Хлудовой (недавно вычитал в одном рассказе Г. Е. Шульмана, что была она Ольга Флорентьевна, красивое отчество). Многие тогда, в середине 50-х, пытались проник-

нуть под эти волны, но мало кому удалось так интересно описать разные приключения на пути в подводный мир и в нём. Этот мир был для неё не просто увлечением, но и местом работы, ведь она, как и её муж, Николай Кондаков, была художником-анималистом и специализировалась на гидробионтах — от моллюсков до рыб. Увидеть, наблюдать вживую, в реальной среде, всё это царство было большой удачей для художника. А в Чёрном море можно было, наверное, выбрать немало мест для своей работы, но они выбрали Карадаг. Всё, что их окружало — и сосна около биостанции, где стояла их палатка, и море, и массив Карадага, всё было описано так красочно, что я будто сам попал туда, нырял возле Кузьмичёва камня, сидел на берегу Сердоликовой бухты. Конечно, безо всякой надежды когда-то попасть туда реально, это был далёкий, почти мифический мир.

И вот, не прошло и полвека, стою я перед биостанцией, могу увидеть и ту сосну, и глыбу Карадага, вот он, рядом. Могу вдохнуть этот горячий крымский воздух.

Но путь сюда не был простым. Есть одно диалектическое противоречие — всякие красивые, уникальные места привлекают народ, однако, народ же, теперь уже в лице государства, точнее, в лице определённых учреждений, становится на страже. Те, кто охраняет, всегда старается сделать из этого культ, а народ разбивается на две неравные группы. Одна, большая, ропщет, поскольку оказывается за пределами, а меньшая, которая бывает эксклюзивно допускаемой, говорит, что так и надо. Сложнее всего маргиналам (как всегда, впрочем). Дело в том, что недалеко от биостанции располагалось несколько летних домиков разнообразной архитектуры, на манер тех, что в приморских городах сдают отдыхающим. Поскольку это не курорт совсем, было это для своих. Таковых в академии к лету набиралось довольно много. Маргинальность моя была в том, что к «своим» не принадлежал, но вроде и к простому ненаучному народу тоже. Понадобилась пара звонков, один друг из академической бюрократии очень хотел поделиться увиденными приятными пейзажами, потом звонок от друзей директора заповедника. Порядок есть порядок, такие вещи нельзя пускать на самотёк, особенно когда касается охраны окружающей среды. Собственно, за это можно было не волноваться: от меня, мой жены и дочери никакой угрозы среде не исходило.

Георгий Евгеньевич, абсолютный фанат Карадага, специально приехал из Севастополя, чтобы нам всё показать. Получили от Аллы Леонтьевны, директора, пропуска и строгий наказ с тропы не сходить. Но не таков был наш проводник. На следующее утро мы как побежали вслед за ним прямо в горы, так молодые ребята из охраны заповедника еле смогли нас догнать.

— Как это нельзя?! Я же писатель, — горячился Георгий Евгеньевич, — я, знаете, сколько книг про Карадаг написал?!

Всё же пришлось вернуться на тропу. Проводник наш действительно был знаток местности. Знал каждый подъём, каждый поворот, каждую точку, с которой открывался изумительный, особо примечательный пейзаж. Так, он показал нам страшное (для меня, боящегося высоты) место, с которого совершенно необыкновенно выглядели Золотые ворота. Мы поднимались к скалам, которые снизу, от моря, особенно вечером, выглядят, как король и его свита, которые спускаются к трону. От этих скал открывается грандиозный вид, если смотреть в сторону биостанции и Сюрю-Кая, а впереди выползают гигантские каменные нагромождения. А вот ещё одна точка обозрения: «Перед нами умопомрачительный, фантастический обрыв главного массива Карадага, отвесно уходящий в море. Венчают стену рваные контуры совершенно непостижимых своей грандиозностью и вычурностью утёсов», — это я цитирую один из очерков Георгия Евгеньевича Шульмана.

В душе моей вечно живёт Карадаг,
Как символ величья и света.

Это тоже его.

Самое восторженное описание, однако, всегда отдаёт какой-то геологической наукой. Потрясающий обрыв — так это же рухнувший кусок древнего вулкана (куда только он мог рухнуть, что за глубина моря была тогда, миллионы лет назад?). Но только поэтические строки могут передать чувства от увиденного. Вот Карадаг от Максимилиана Волошина:

Как рухнувший готический собор,
Торчащий непокорными зубцами,

Как сказочный базальтовый костёр,
Широко вздувший каменное пламя...

Особенно мне понравился «базальтовый костёр», который вздымает каменное пламя! Великолепные слова рождает вид потухшего вулкана.

Самая заповедная часть Карадага меня очаровала в Городе Мёртвых. Никаких ближних, средних, дальних планов, хотя скалы торчат на разном удалении, некоторые, самые дальние, вообще где-то в море стоят, но отсюда не видно. Разгул, вакханалия каменных утёсов, а всё равно — гармония!

А что же море Карадага? Для меня, как оказалось, почти ничего. Искупались разок-другой, да и всё. Вот как странно оказалось: интерес и любовь к Карадагу началась с воды, подводности, с книги Ольги Флорентьевны, а вылилась в любовь к базальтовому пламени.

* * *

А в следующий раз, и последний, оказался я один на один с Карадагом. Год 2005, ещё так далеко до Времени Больших Перемен, и всё на нашем научном съезде было по старинке. Оргкомитет, делегаты, вечный Президент Научного общества, доклады, вялые дискуссии, довольно бурный банкет. Последний был на славу, «Мадера» коктельского винзавода лилась... Правда, нагишом ночью в море не купались (это о своём круге коллег, наверное, постарели, тем более, был уже октябрь). Но и научные форумы заканчиваются.

И тут передо мной ребром встал вопрос: через четыре-пять дней защита диссертации в Севастополе, я там должен быть как оппонент, что же мне, ехать в Киев, а потом опять в Крым? Нелогично, затратно, утомительно. Набрался смелости, подошёл к измученной этим съездом Алле Леонтьевне (правда, предварительно работу провёл с некоторыми севастопольскими друзьями), так, мол, и так, не будете ли так любезны, чтоб я тут у вас, в несезон, перекантовался, а потом поеду на защиту.

— Нет проблем!

Поместили меня совершенно неординарно — в домик на колёсах, дача на колёсах, что-то в этом роде. Довольно просторный и по-

нездешнему комфортабельный. Когда-то, как мне кто-то сказал, его подарили какие-то заокеанские друзья самому Президенту АН. Ему он был не нужен, и он отправил его в заповедник. Очень мудрое решение. Было это, видимо, достаточно давно, интерьер отдавал 70-ми годами. Но ещё такой крепенький, под стать хозяину, который от него отказался, как потом вышло, в мою пользу.

Полюбовался я Карадагом с нижней точки, этим хребтом Сюрю-Кая, который мне напоминал гребень на спине бронтозавра, даже к морю не пошёл, а поехал на маршрутке в Коктебель. Как хороша осень в Коктебеле! Пустые улочки, немногочудный пляж. Спросил у какого-то местного парня, где же могила Максимилиана Волошина? Он показал мне на дальние, за пляжем, горы (я бы назвал их сопками) и на далёкое деревце на вершине. Вот и ориентир, дерево рядом с могилой.

Но вместо того, чтобы свернуть вдоль пляжа налево, к тем сопкам, я пошёл направо, в сторону Карадага. Я довольно долго поднимался вверх — и вот, стою спиной к этому потухшему вулкану, а передо мной большой дугой бухта и море, россыпь домиков, холмы цвета охры, жёлтой и жжёной, небо. Осень. Эта картина крепко впечаталась в память, часто всплывала потом. В доме Волошина висит его одна картина, взгляд как раз от подножья тех холмов, где потом упокоилась его душа. Я по фотографии, сделанной в доме-музее, воспроизвёл её, в несколько меньшем формате. Сейчас она висит на стене у меня, я прямо стал искать свою маленькую фигурку на одном из возвышений. Поднялся я и к могиле. Огромная плита (я ещё подумал, как же её сюда доставили), дерево кривое, не живо не мёртво, и бархатные холмы, и море. Я даже упрекнул усопшего поэта в том, что сделал он такое сложное технически в исполнении завещание, с этой плитой, мне казалось, что это некая вершина (даже представлял, как эту плиту тащат вверх по склону), но там, наверное, была и дорога поспокойнее. А я её не заметил, настолько образ вершины был ближе. Мыс, далеко уходящий в море, прикрывает залив с востока. В ту сторону ведут несколько троп. Нет, там целая сеть троп и тропинок по холмам. Всегда поражает обилие следов человека в видимом безлюдьи.



Я спускался с вершины, где была могила, к морю по одной из тропинок. И вышел к узкой полоске, подобие пляжа, которая была между водой и обрывистым, довольно высоким берегом. Шёл, шёл обратно в Коктебель. Господи!!! На этой узкой полоске и отскочить было некуда. В нише такой, в обрыве, сидит голая женщина, вся обмазанная голубой глиной. Ну да, восточный край пляжа нудистского, а глина — это местное поверие, мол, помогает от всего, а может, и медицинский факт. Остановиться и взять медицинское интервью у мадам было как-то не совсем удобно, хотя очень даже может быть, она бы и раскрыла какие-то секреты лечения. Вот и пляж... Приходит чувство, что я уже где-то про это писал. Да это же хайбун был такой:

Ю. Лифшицу

Коктебель. Пляж. Октябрь. Одинокие нудистки украшают горизонт. Галька. Кажется, что её бесконечно много. Но я посчитал, что на площадке 10 на 10 сантиметров их в среднем на поверхности 12 штук, а пляж шириной 300 метров, а до той скалы 2 км, то их всего-то 32 миллиона 543 тысячи 817 штук. И если одну взять и запустить в море подальше, ничего от этого на пляже не изменится. Я почему-то вспомнил Юлия Ароновича¹ и его патриархальную непоколебимость.

¹ Лифшиц Юлий Аронович — один из героев очерка «Галерея», см. книгу Первую.

Вот галька морская.
И что бы на свете ни произошло,
Ничто повредить ей не может.

Две нудистки, совершенно банальных форм и пропорций, образовали неподалёку спокойную уравновешенную композицию. Я расположился неподалёку. Украдкой сделал в альбоме пару набросков. Отчего украдкой? Может, они бы и хотели попозировать. Мой собственный нудистский опыт был крайне мал и беден. Но, в целом, оставляет очень хорошее чувство, будто попал в мир, где, с одной стороны, существует некий договор относительно условностей, с другой — мир либертарианства, где каждый сам решает насчёт своих пляжных трусов.

На другой день я пошёл по берегу в сторону Лисьей бухты. Как хорошо смотрелся Карадаг! Волны не спеша разбивались о большие валуны. Говорят, там, в Лисьей, летом бывает много голого народа. Но кроме аккуратно сложенной пирамиды пустых бутылок на пляже ничего и никого. Правда, поднимаясь уже в гору, заметил в лесу редком какой-то лагерь, по которому по-райски безмятежно прохаживался некий Адам. Мне приглянулась дорога, которая уходила от моря куда-то в горы, одна из них была похожа на Фудзи. Я довольно долго поднимался по тропе и пришёл к источнику, из аккуратно пристроенной трубы лился радостный ручеек. Какой-то парень, вполне одетый, по сезону, в шортах, набирал воду в бутылки. Пока он упаковывал свои бутылки, я напился из источника холодной-прехолодной воды. Когда уж собрался уходить, парень, закидывая на спину большой рюкзак, спросил:

— А вы кран закрутили?

Я виновато вернулся к трубе. Он засмеялся. Это был, видимо, местный прикол.

Выставка «Крым»

На фоне всех политических событий название этой выставки в Доме художника осенью 2014 года звучало с ясным подтекстом. И звучало в зале при открытии: «Ось дивиться — Крым, він наш». От этого никак ничто не менялось, только порождало досадно-ностальгические чувства. Но из уст одной искусствоведческой дамы прозвучала мудрая мысль. Пройдут годы и годы, а Крым будет, и эти картины будут, и новые будут. И всё это — историческая суета для него, для Крыма. Дейст-

вительно: мелькнули скифы, греки, генуэзцы, татары, Екатерина... А Крым был и будет, и море будет. Картины эти, может, и растворятся во времени, но они передадут дальше дух творчества, любви к вещам, ландшафту, предметам, людям, свету. И удивительное Чёрное море будет плескаться.

Но всё это уже было сказано Волошиным, ещё в 1926 году:

Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет всё — Европа и Россия,
Гражданских смут горячая стихия
Развеется... Расставит новый век
В житейских заводях иные мрежи...

Но справедливость должна торжествовать даже на относительно малых исторических отрезках. Это несомненно. Хотел вспомнить ещё о крымской науке здесь, да что вспоминать, были и коллеги, были и друзья, да как-то все связи волею тёмных, сильно не научных сил распались. Но минет всё, как писал Максимилиан Волошин...



МЕСТА-ПРИЗРАКИ

Ну, не совсем призраки, в некоторых я бывал, даже и часто.

Тогда — призрачные и мимолётные места.

Иногда это бывает одно и то же

Однажды приснился какой-то город, страшный тем, что был совершенно чужим. И надо было куда-то бежать, искать что-то, давно уж потерянное. Квинтэссенция всех чужих городов. Нет, подумал, приснившиеся города не в счёт. Это не место, это ощущение себя в месте, скорее, в обстоятельствах. Было лишь подобие, необходимое подобие визуализации. О какой визуализации может вообще идти речь во сне? О простой: Я ВИДЕЛ сон!

Возможно, оно, это место, и было где-то. Может быть, это было воспоминание, а не видение. В своей гимнастике Ци-Гун он делал одно из упражнений — массаж точки Бай-Хуэй. Точку эту найти просто — надо представить, что голова равномерно висит на ниточке, подвешенная как раз за это точку. И вот при массаже Бай-Хуэй стало приходить это место, видение этого места. Это было где-то в горах или на больших холмах. Вечер, солнце садилось и в воздухе висела золотая пыль. Наверное, он был каким-то маленьким существом, а может, лежал себе на этом склоне, потому что одно-единственное растение (кроме чахлой травы на альпийском лугу) — чертополох — было большим. С фиолетовыми цветами, растение тоже отдавало золотом в предвечернем свете. И больше — ничего! Ни движения, ни действия, но при этом — всё полно жизни, очарования вечера и какой-то загадочности. Он даже привык к этому месту, и когда видение не приходило, сожалел об этом.

* * *

Было и ещё одно место. Когда Джонатан, чайка, уже сам стал Учителем, он несколько раз брал его с собой в какой-то мир с двумя светилами. Мир был странный и очень пустынный. Они сидели на скале и смотрели на океан. Небо было жемчужного цвета, одно светило, большое, как Солнце, бледным диском поднималось из-за горизонта, второе, маленькое, горело голубым, несколько нервным светом. Они наблюдали так долго, что становилось понятно, что светила движутся довольно несинхронно, по своим собственным траекториям и законам. Они созерцали этот мир почему-то всегда в рассветный час. Ви-

дение этого места приходило не раз, он даже пытался изобразить его на холсте, но что-то не давалось, видимо, этот свет, сложный свет двух таких разных звёзд.

Мы перемещаемся от места к месту, живём то тут, то там, но всегда есть мечта обрести необыкновенное для себя окружение. Может быть, где-то здесь корни легенды о Рае?

— Тело слишком тяжёлое, а дорога дальняя, придётся оставить его здесь, — сказал Маленький Принц.

Это не эпиграф, это эпилог.

Мои-не-мои места

Вообще-то, в заглавии этой книги совсем не стояло — мои места, моё время. Мой Киев, мой Мадрид, какие же они мои? Они общие. Вот только НЕ побывать где-то — это, пожалуй, индивидуально.

Вот как раз здесь и проходила важная граница: были места, которые оставили какой-то след, даже без присутствия в них, а были места, где пришлось побывать, но они остались призраками в сознании и памяти. Может быть, и не столь уж незначительными. Бывает: несётся поезд, а ты смотришь в окно, и всё пролетает мимо, самое ближнее — просто сливается в одну полосу, но вдруг какой-то маленький полустанок, какой-то домик, большое дерево, девочка в красном платье, которая, наверное, изо дня в день как бы случайно оказывается здесь, когда на 1 минуту задержался поезд дальнего следования, и она стоит, смотрит и мечтает, как однажды он увезёт и её в какую-то другую, страшную и заманчивую жизнь. А ты смотришь в окно на этот домик, дерево, девочку-аборигенку, которые вот уже и уплывают навсегда, и понимаешь, что это такой же мир, как и тот, куда несёт тебя вагон, и как тот, откуда он тебя принёс, и что реальность не там, за окном, а у тебя в голове.

Манагуа

Это точно — призрак. Совсем. На четвёртом курсе, а может, ещё и на третьем, пришла информация, что набирают студентов по обмену в Никарагуа. Такой экзотики ещё поищи! Препод, что нас курировал, говорит: «Хочешь? Давай!». Я побоялся. В первую очередь, побоялся оставить родителей так далеко. Думал о них, а скорее, конечно — о себе. Как я буду без их? А без Родины?!

А что! Могло бы и склеиться. Представления ни малейшего об этом месте тогда не имел. Не было интернета, да и книг толковых. Смотрю на современные фото и комментарии редких, побывавших там туристов. Самая беднейшая страна в Центральной Америке! Землетрясение было страшное в 1972 году, аккурат к моему несбывшемуся учению. Революция. Думаю, что наши, тогдашние, надеялись, что это будет вторая Куба. Какова же была полит-роль наших там студентов? К тому же около города упал большой метеорит. Ничего этого увидеть не удалось. Но место такое в биографии мифическое осталось. Всегда думаешь: а что, если бы оно оказалось реальным? Параллельных биографий не бывает.

Донецк

Манагуа, конечно, так далёко, что вполне может сойти и за физический призрак. А вот призрачный Донецк — это совсем рядом.

Никогда не был в Донецке. Нет, как-то был, проездом, но это не то. Но там живёт (точнее — жил) мой хороший друг, Анатолий. Когда я звонил ему в 2018 или 2019 годах, то спрашивал у него всегда: «Как там обстановка?» — имея, конечно, в виду реалии того самого времени. И он отвечал уклончиво, нетелефонный разговор, мол, бабахает, то меньше, то больше. Жизнь прифронтовая. Но занимался он, трудно поверить, созданием миниатюрных книг, целую серию, чуть не сто книжечек задумал запланировать: «Поэты Серебряного века!»

— Будет 96 томов, — увлечённо говорил он.

Вот такое место: война и поэзия. Поэзия и война.

* * *

После февраля 2022 года стал Донецк ещё более призрачным городом, Анатолий уехал с семьёй в Россию, к родичам, не знаю, перестал издавать поэтов Серебряного века или нет.

Большие Коты

В Больших Котах (это на берегу Байкала) Саша Новицкий из Лимнологического института дал нам трехбаллонник — и мы по очереди погрузились в Байкал, гидрокостюм был свой. Чувство парения над бездной, хочется ухватиться за скалу, чтобы не упасть куда-то в глубину, в эту синеву. Лицо вне маски и руки начинают окоченевать, и это ещё больше де-

лает всё похожим на восхождение, на горы, на парение в холодной атмосфере. Но отблагодарили мы озеру странно: надрали (правда, немного) с подводных скал губок эндемичных, которые растут здесь, в этих холодных водах, очень медленно. Отмывали их от зелёных водорослей, с которыми они живут в симбиозе, в чистом ручье, по которому от наших губок струилась зелёная кровь Байкала. Теперь стоит скелет этой губки у меня на полке, пыльный и некрасивый. Чувство стыда.

Много переменялось и в жизни, и в голове. Как, например, отношение к коллекции кораллов, которую бы уже не стал собирать на рифе, если бы туда попал.

Таллинн

Отстал от коллег, не смог поехать вместе со всеми. Приехал в Таллинн вечером. Конференция, всесоюзная, по мшанкам — геологи вместе с биологами, ископаемые и современность.

Профессор, организатор конференции, пригласил в организационной переписке переночевать у него, чтобы утром на электричке ехать куда-то в эстонскую глушь, на базу Геологического института, где и был научный форум.

Мы с женой профессора ели помидоры, которые были у меня с собой, прямо с дачного нашего участка, и хозяйка устало как-то спросила, нет ли в них следа Чернобыля. А профессор куда не ехал. Был дома. Лежал в постели у себя в комнате и курил. Жена сказала, что у него рак и что жить ему осталось... Бог знает. Как и всем нам. Вышел вечером прогуляться. Еле нашёл магазинчик или базарчик, скорее, чтобы купить хозяйке цветы. Мне определённо казалось, что вернуться во временное жилище надо непременно с цветами. По-западному.

Попал в Эстонию в первый (как оказалось, и в последний) раз. Прибалтика! С этой Прибалтикой было связано какое-то представление о чём-то ненашем, заграничном. Загадочное слово «Спидола» всю Прибалтику объединяло во что-то ценное, высококачественное. Но электричка утром ползла по обычным лесам, а хутора и посёлки выглядели неожиданно простыми и даже бедными.

Мы прогуливались по высыпанной битым камнем дороге. День конференции прошёл, наступил длинный вечер, Лимонное небо заката, тако-

го же медленного. Север совсем рядом. Идём по дороге, девушка-палеонтолог из Москвы поминутно нагибается и поднимая камешки.

— Вот брахиопода, вот мшанки. 450 миллионов лет, не меньше.

Проедет машина по этой дороге, вошёл колесом в грунт какой-то экспонат из этой коллекции. Ну, была бы высыпана дорога гранитным гравием, а не известняками, осадочными породами, так он ещё старше, бери миллиард-другой. Да и нет в окрестностях гранита, есть известняк с этими ископаемыми.

Мариуполь

Уже мало кто помнит, что город когда-то назывался Жданов. Да и Донецк был Сталино, тоже — когда-то. Были какие-то особо тиражируемые герои той эпохи. Киров, Кировск, Кировоград, Кировское, улица Урицкого в Киеве была южным притоком площади Урицкого же. А вообще, на берегу Азовского моря жили когда-то греки, возможно, у них там, и в той самой древности, была улица Платона или Софокла. Может, и Гераклита...

Отложил другие разделы и главки. Потому что получил, через десять руки, коротенькое сообщение в феврале 2024 года от Елены Михайловны: «Невозможно пересказать пережитое. Но жива. Это чудо Всевышнего. Если в эти моменты думали обо мне, то всё это приобщалось к молитве». Думал, конечно, думал, как звучало название города, а звучало часто, так и вспоминал. Как обо всех, кто попал в это состояние «мирного населения» в «военном положении». Вот как раз об этом и есть та самая наука, которой посвящена её, Елены Михайловны, книга, написанная в довольно мирное ещё время, в 2020 году: эниология, или наука об энергоинформационном обмене в природе. Похоже, она, эта наука, про то, как переплетаются молитвы, которые, как оказалось, есть не что иное, как энергоинформационные потоки в природе и социуме.

Елена Михайловна была в прежние, уже далёкие годы одним из самых активных исследователей биологического обрастания Азовского моря. Хотя и московские исследователи-океанологи не обошли вниманием этот небольшой полуморской бассейн, она же там, на его берегу, жила, это было её море, её моллюски, её гидроидные полипы. Много полезного она сделала для завода «Азовсталь», там же километры трубопроводов, разных водопотребляющих систем, где эти моллюски сотоварищи и жили. Диссертацию она защищала в нашем Совете. Работа была хорошая,

в чём-то уникальная, но были разные бюрократические препоны. В тот период она работала в каком-то детском учреждении. Где проводить апробацию диссертации? Но не из тех Елена Михайловна, что сдаются перед ВАКом, защитилась.

Прошли годы. Вот теперь — книжка «К истине тайн». Теперь она эниолог и целитель. Книжка полна загадочных историй. Про оборотней, внушения, передачу мысли на расстоянии, видения, предупреждения судьбы... Наверное, это просто такой дар: улавливать некие связи в этом окружающем мире, которые нам, простым неэниологам, совершенно незаметны. Пристальней надо смотреть вокруг — «невероятных чудес» станет меньше, это просто жизнь. Мир намного богаче деталями, чем мы представляем. Наш внутренний мир — тоже. А ещё она поэт. Наверное, это просто другая форма того же — ясновидения.

И вовсе не боюсь я
Страшного Суда, того,
Которым часто
Нас пугают...

Он, Страшный суд,
Здесь, на Земле.
Да! Страшный Суд
В моей душе.

Вспоминает в своей книжке, как мучило её предчувствие черной катастрофы. Что же творилось в душе её так числа 20 февраля 2022 года?

Несерьёзная литература, ненаучная, может быть, скажет кто-то. Но где эта грань между научным и ненаучным? И Галилей, считали некоторые, был далёк от истинной науки. Наука как раз тем и жива, что сомневается в этих границах, постоянно их перемещает. Что ж, есть у неё и «вполне наука», традиционная — «Обрастание в Азовском море», Мариуполь, 2003, 378 страниц. Сомневаюсь, что в ближайшие 50 лет кто-то сделает больше. Страница 220: «Водоводы доменной печи №6 завода «Азовсталь» (имени Ильича) — обрастание: мидии, баланусы. Биомасса 2 кг/м²». И что, и где теперь эта печь №6? Но баланусы, очевидно, по-прежнему фильтруют азовскую воду.

* * *

Ещё, в книге по эниологии нашёл:

«При защите от вредных воздействий эффективны:

- а) молитвы;
- б) ангелы, призыв их;
- в) призыв Божественной помощи».

Раз письмо от Елены Михайловны получил, значит, эти рекомендации помогли как-то от вредных внешних воздействий.

Владивосток, или в просторечье — Владик

Когда всплывает название города, точки на глобусе — Владивосток, то я вспоминаю Грина, его какой-нибудь Зурбаган или другой романтический город при море. При Океане. Но тут, как всегда, два полюса, как бы это сказать, не то впечатлений, не то ассоциаций. На одном — далёкая студенческая романтика, Дальний Восток, в образах серо-розовых далей на картинах Нисского, на другом — пара конференций, куда попадал при разном стечении обстоятельств.

На одном научном форуме отправились на остров Попова, что, вроде, и недалеко, в заливе. Судёнышко небольшое. Туда пришли, а обратно — дело к шторму, еле вернулись в город, капитан всё выбирал маршрут под прикрытием берега. Это пограничье материка и океана чувствуется во всём. В центре города жить не пришлось, всё окраинные гостиницы. Один раз был какой-то пансионат на берегу залива. Тепло, солнечно, можно купаться, но осторожно: на дне было много устриц, которые создавали свои каменные постройки из сростков раковин, а верхушки раковин острые как ножи.

Хотел бы привязать Место к какому-то персонажу, но как-то всё эпизодично получается. Не сложилось. Когда гулял по городу, встретился мне старый дом, я его сразу назвал «Обкомовский», какая-то странная смесь конструктивизма со сталинским модерном. Вроде и жилой, а как экспонат эпохи. На лестнице, что-то вроде парадного входа, но без особых следов использования по назначению, стайка десятиклассниц устроила фотосессию, но всё никак не могут сняться все вместе (время селфи ещё не наступило). Пришлось поучаствовать как фотографу. Хорошие весёлые лица, впрочем, фото не сохранилось. Только настроение.

Где и как пересеклись мы с Сашей З., уж и не помню, наверное, какая-то конференция научная. Связала исследовательская и практическая проблема: обрастание, у него — морское, у меня — пресноводное. Да ещё водолазное дело, опять же, у него и у меня. Тут он на десять голов выше. Где они только не работали: и в тропиках, и дома у себя, в портовой бухте Владика. У меня на полке его большая книга, научный итог многолетних работ. Раз в год поддерживали переписку, почему-то зашла речь о песнях. И что вы думаете? Прислал Саша свои записи, поёт, послушал. Поёт с душой, это было главным в характеристике концерта. Начало присланного — из воровской лирики, потом песни Высоцкого и разных бардов. И представился мне какой-нибудь кубрик, экспедиция, лампочка мигает, за бортом волна осенняя. Сидит Саша со своей гитарой, поёт, не это, а что-то задушевное, спирта разбавленного стопочку пригубит, и опять поёт. И чем дольше сидят ребята — водолазы, учёные, матросы, кто не на вахте, тем песни всё лучше, всё теплее, всё задушевнее.

Захотелось раскопать в старонаписанном то, что касается этого места. Нашёл такое:

Во Владивостоке почему-то понимаешь сразу, что это город не на берегу большого озера, не моря, а на берегу океана. Гостиница моя была недалеко от речки. Речка называлась Вторая Речка. Это довольно далеко от центра, но это был город, город, который тянется вдоль морского берега. Речка небольшая и городская скорее, чем загородная. Желая прогуляться и изучить окрестности, вышел из гостиницы и направился через мостик, а потом по берегу в направлении залива. Строения, никакого уютта. Горожанина захолустной речкой не удивишь. Но вот это было неожиданно: в речку вторгался какой-то отвратительный поток, резкий запах сгнивших отбросов. И чайки, множество чаек. Больших, настоящих, морских. Они что-то вылавливали, галдя в этом мутном потоке, забыв и о романтике, и о всяких приличиях. Как это там у Вознесенского: каждая чайка на 90% из химикалиев, на 9% из инстинктов и рефлексов, но на 1% из Джонатана. И ошибался. Во всяком случае — здесь. В последнем.

Становилось как-то тревожно. Не могла такая речка протекать по безмятежному ландшафту. Странное впечатление и воспоминание осталось в душе. Хотя мне попадались и люди, запомнилась какая-то пустыньность, что-то вроде одиночества. Есть пейзажи, которые запоминаются навсегда. Этот был из таких. Волны Океана были маслянисты и черны. Им было тяжело накатываться на берег. Город сбрасывал свою грязь

в речку, речка несла свои воды в океан. И приходило в голову, что вот, стою на берегу, гляжу на эти уродливые волны, а за спиной, совершенно в буквальном смысле — вся Россия. Вся Евразия, а там и Атлантика. Но что делать именно с этой географической деталью?

Небольшой тот рассказ заканчивался воспоминаниями, как мы с дочкой Олей поехали в Карелию, это было в 2005 году. Идея хайку в конце была в контрастах. Такой финал:

Приехали на речку Лижма, почти при впадении её в Онежское озеро. И село Лижма называется.

— А колодец у вас где?

— А зачем колодец, мы из речки воду берём...

Написано было и перенаписано в 2005, 2009, 2018...

* * *

А ещё на этой самой Второй Речке в годы сталинских репрессий был пересыльный лагерь. Тогда здесь, наверное, была полная глушь, лес, может, и меньше грязи в океане. Только люди, люди, которые издевались над другими людьми, люди, которые страдали. Здесь, на Второй Речке, погиб Осип Манделштам.

Была когда-то политическая идея: расширение Евросоюза, скорее, Евро-Азиатского Союза, от Бреста, что во Франции, до Владивостока. Можно было целый роман-утопию написать, как бы жили в таком Союзе. Теперь получается — антиутопия.

Париж

Что написать о местах, в которых никогда не был? Самым естественным образом список мест посещённых всегда выглядит очень маленьким относительно непосещённых. Вернее, последний приближается к бесконечности. Однако в этой бесконечности есть область, в которой живут особые места, которые как бы тебе подарены художником, писателем, поэтом. Они не просто отразили, запечатлели то, что им было интересно, дорого, они хотят поделиться этим местом. На картине Альбера Марке серый день и силуэт Нотр-Дам, и снег, тоже серый, и река с чёрной, как это бывает зимой, водой. Странная вещь: я смотрю на фрагмент этого города, и именно такой, на полотне, в этом тумане, который просто оптический живописный фокус, в этом зимнем дне, который длится бес-

конечно, именно такой он мне интересен, невраждебен, как многие большие чужие, пустые города. Я не буду месить эту кашу снега, не зная, где потом просушить обувь, не буду тащиться в отель, где за чужим окном чужой дом, в котором уже с трёх часов дня горит в окнах свет, не пойду отбывать повинность осмотра всего и вся в Лувре... Но есть места, в которых как-то особенно обидно быть чужим.

Вот, скажет читатель, все мечтают побывать в Париже, а он, якобы, не хочет. Большой оригинал! Конечно, хотелось бы увидеть какое-то лицо и этого города. Но, наверное, оно осталось где-то на бульваре Капуцинов в том зимнем парижском свете. И того, что было перед глазами Писарро, Моне или Кайботта, уже не вернуть. Не увидать каменоломни и мельницы Монмартра, отдыхающих на острове Гранд-Жатт, прибытия поезда в паровозном дыму и клубах пара на вокзале Сент-Лазар. Так много людей вложили душу в отображение этого места, что оно стало в своём отражении, может быть, более ярко, чем реальность. Но я сравнить не могу.

Я вполне в согласии со своими впечатлениями от московского дворика Поленова, киевских задворок на фоне Софии Васильковского, туманного вида парижской площади Согласия Лебурга, которые совсем не возбуждают тяги к современности. Но оказалось, что Париж Моне и Писарро мне ближе, чем мутноватый город в вечернем снегу Луиджи Лоира (или Луара, это как произнести). Оказалось, что перенять туманный снег и свет фонарей, и принести их аж в 80-е годы XX столетия гораздо проще, чем передать вибрацию воздуха маленькими чёткими мазочками импрессионистов. Город всё тот же, время меняется, взгляд меняется.

* * *

«Остров Сите ниже Нового моста, где стояла статуя Генриха IV, заканчивался, как нос корабля, острым мысом, там был маленький парк у воды с каштанами, огромными и раскидистыми, и прекрасные места для рыбалки и на стремнине, и в заводях». Это из наблюдений Эрнеста Хемингуэя в начале 20-х годов. Через 100 лет, когда в Париже проходила Олимпиада, был большой скандал, потому что пятиборцы отказались от заплыва по Сене из-за «плохой экологии». Наверное, они были слишком «экологистами», ибо пару лет назад мэрия разрешила в необычайную жару устроить пляж прямо в городе, и все купались. Впрочем, когда жара, хочется залезть в любую воду.

Это просто город. Был и есть. Это как с женщиной — никогда не знаешь, то ли это ты молод и силён — и она лишь оптический инструмент, чтобы это разглядеть, даже в деталях, то ли это она сама — и цель, и средство. Об этом, в общем-то, не стоит задумываться, поскольку ни то, ни другое само по себе не приносит счастья, счастье — в гармонии.

Париж, Париж... У меня во взводе был солдатик, щуплый такой, из Челябинской области, из села Париж. Уже в наше время (паренёк уж стал пенсионером) обитатели села вышку сотовой связи сделали в виде Эйфелевой башни, в Википедии видел. Что им экзотика, они сами экзотика.

Венеция

Если бы мне предложили как-нибудь туда поехать (на что теперь надеяться уж никак не приходится), я бы неизбежно принял позу буриданова осла, который, говорят, так и не решился на выбор (но что это за поза, точно сказать не могу), поскольку летом там масса туристов, а зимой холодно, туман и какие-то наводнения. Правда, один поэт появлялся там «с периодичностью дурного сна» много лет на Рождество и, судя по результатам, противная погода только бодрила.

Летом, понятно — жарко и людно, зато «зимой в этом городе, особенно по воскресеньям, просыпаешься под звон бесчисленных колоколов, точно в жемчужном небе за кисейй позвякивает на серебряном подносе гигантский чайный сервиз»¹. Никогда не задумывался о родственности посуды и архитектуры, хотя, наверное, это лучшие примеры экоморфных связей. Как форма, так и размеры, объёмы — всё определено человеческим масштабом (ну, там, некоторые соборы, у них масштабы сверхчеловеческие, мифо-божественные, другая совсем экология, как сейчас принято говорить — «хорошая»). Поэтому стоит добавить к сервизу «гигантский» — и образ вполне воспринимаем.

Мокрая коновязь пристани....

Скрипучие грифы гондол покачиваются, издавая
вразнобой тишину².

¹ И. Бродский. *Fundamenta legi incurabili*.

² И. Бродский. Венецианские строфы.

Сумерки, плеск воды, тишины не нарушает, вплетается в неё. Волн не видно, только маятники гондол отсчитывают ритм, как метрономы — настройка беззвучного оркестра. Потом приходит утро.

Смятое за ночь облако расправляет мучнистый парус.
Мусорщики плывут...

Плывущие мусорщики — квинтэссенция необычности. Но солнце встаёт как везде, как всегда. И освещает декорации дня.

День. Невесомая масса взятой в квадрат лазури,
Оставляя весь мир — всю синеву — в тылу,

Вместе с живописцем Гварди Бродский возводят лазурь в немислимую степень. Лазурь эта возникает, может, потому, что город не У моря, а НА море? Каждый художник знает, что не написать небо без земли, нужна опора, нужен масштаб. Даже не очень чистая вода Венецианской лагуны отражает много света и пополняет лазурь небес.

Вода. Этот город не архитектура, это вода. Если бы высохла Лагуна (в условиях потепления климата, когда тают ледники Антарктики и Антарктиды, скорее можно ожидать обратного, с другой стороны, Средиземное море, говорят геологи, высохло несколько раз), а каналы замостить — город превратился бы во вполне банальный итальянский среднеполис.

«...Я всегда считал, что если дух Божий носился над водой (в некий день творения. — А. П.), вода должна была его отражать» — размышления Бродского. Но важно другое: есть указания на то, что Бог создал землю, твердь, но точно не известно, создал ли он воду. Ибо планета Земля есть предмет, каменный шар, конечный в пространстве, вода же есть субстанция, сродни самому Духу. Меняет ли это что-то для города? Очевидно: расположение, местоположение в ближних кругах Вечности.

Вечность — понятие относительное. Места и Времена связываются не только целостностью поверхности глобуса и континуальностью истории.

* * *

Палаццо, палаццо, музей, отражения в воде этих мавританских и готических кружев, которые вода дробит и ещё более утончает. Но, как бывает всегда, большая часть окружения — это серость, в данном случае — розоватая серость. Воды, стен, с обязательной тёмной мокрой полосой внизу. Фотографии, привезённые оттуда одним моим знакомым, поразили: ни одного палаццо, ни одной гондолы, только правда жизни — обшарпанные стены, двери с облупленной краской столетий, металл ржавых решёток. Автор очень гордился этими фотографиями.

— Что гондолы, их можно и на туристических открытках посмотреть!

И он оказался в полном согласии с Бродским: «содержание кирпичных банальностей этого города всегда интересовало не меньше — если не больше, — чем мраморные раритеты... есть, наверное, какой-то извращённый снобизм в привязанности к здешнему кирпичу, к его красным воспалённым мышцам в струпьях слезающей штукатурки».

Для меня близость кирпича и воды — загадка, ведь кирпич гигроскопичен, он пропитывается водой, втягивает её как губка. Продолжение Лагуны в стенах — сплошной ревматизм.

* * *

Что древний город, что новый, что красивый, что убогий, а все имеют своё окружение, ближнее и подальше. Присылает моя корреспондентка Татьяна (www.plumatella), эколог итальянского сообщества защитников окружающего всего от всего же своё исследование: «Венеция — порт Маргера»:

Нефтехимическому центру в порту Маргера, основанному в 1917 году, 107 лет, Венеция была основана в 421 году и ей 1603 года. Исторический центр города Венеция находится всего в 5 км от Нефтехимического центра. Из-за этой близости загрязнение, производимое промышленной зоной, оказывает сильное влияние на древний город. В 1987 г Венеция вместе с Лагуной была признана ЮНЕСКО объектом Всемирного наследия. Лагуна является одним из самых крупных водно-болотных угодий Западной Европы, местом обитания огромного количества видов птиц.

И так далее... мало чего хорошего. Спасибо неравнодушным людям. А беда, кроме прочего, в том, что Венеция, в отличие от Парижа, Лондона или Киева, которые обосновались при реках, стоит в лагуне, заливе, почти изолированном от моря, что делает воды малопроточными, выражаясь профессионально, сильно снижает самоочистительную способность экосистемы.

Нужно ли миру так много нефти? Вопрос неоднозначный, но насчёт того, нужно ли некоторым так много денег — ответ однозначный.

...Плещет лагуна сотней
мелких бликов, тусклый зрачок казны.
За стремленье запомнить пейзаж, способный
обойтись без меня¹.

Мэдисон

— Мистер, мистер, не туда, тот самолёт летит в Толедо, — кричит мне служительница аэропорта Чикаго, указывая, куда надо идти.

— А Мадрида у вас тут нету?

— Нет, тем более что вам надо в Мэдисон.

Мэдисон — это столица штата Висконсин. Мне действительно туда надо. Там конференция. Про науку.

Прилёту в Чикаго предшествовала ночёвка в аэропорту Вены. В те времена, в 1994, представления не имел о расписаниях дальних полётов, стыковках рейсов, какой билет выписало какое-то агентство, такому и был рад. Ещё какой-то фонд и оплатил дорогу, тем более.

Это была первая моя большая заграничная конференция, принято говорить «научный форум». На третий день организм запротестовал: в огромном здании, каком-то конгресс-центре, совсем не в городе, было всё — от ресторанов, до зала на 1000 человек, бассейнов, боулингов, можно было жить, как в комфортабельной тюрьме, годами. Хотелось на воздух, на природу.

В город, на воздух как-то попал, всё-таки это шок —ходишь в автобус, а там самые заскорузлые пассажиры (иные ездят в своих машинах), и те говорят свободно (!) по-английски. Вернее — по-американски. В центре возвышался, как и положено в областном центре, небольшой Капитолий, чем мы хуже Вашингтона?

Традиционный банкет был украшен каким-то примитивным концертом в стиле дикого Запада, с ковбоями, банджо и шутками, которых я не понимал, но все гоготали. Потом была некая имитация казино, но этих подробностей уже не видел, потому что имел несчастье пересечься с каким-то местным учёным, который легко перешёл на стиль наших конференций. В номере гостиницы, благо, лифт рядом, была заветная

¹ И. Бродский. Там же.

сувенирная бутылка украинской горилки, потом присоединился какой-то француз. Слова для общения стали находиться сами собой, тематика дискуссий была крайне обширной, учитывая смутные представления западных коллег о жизни и быте науки у нас. В общем, американец вызвался сгонять в гастроном, его джип стоял под гостиницей. И я с ним увязался, благо полиция местная на что-то отвлеклась. Гастронома ночного мы не нашли. К счастью.

Не обошлось и без встречи с соотечественниками. Они меня вычислили. Организовали поездку в Mall, загородный торговый комплекс. Тряпки, барахло, товары. Правда, одни туфли, хотя и с ремонтом, ношу, не на параде, до сих пор, крепкий такой китайский товар оказался. Видимо, чтоб закрепить дружбу, всучили новые друзья-соотечественники большую сумку — передачу в Киев. Не смог как-то отказать, хоть потом и проклял всё на свете, у меня своих две было. Как потом оказалось, эту передачу независимо от меня организовал мой один сотрудник, сумку забрал, особого спасибо не сказал.

Был со мной коллега из одной бывшей братской республики. Если я как поехал, так и приехал, то для него поездка оказалась знаковой, в каком-то смысле поворотной в жизни. Расплывчатые планы переместиться на как можно более долгий срок за океан стали приобретать более живые черты. Сейчас, вспоминая об этом, думаю, что у меня бы не получилось.

Хорошие ребята были американцы, особенно запала в душу одна черта. Как только было сказано: «Гуд бай», — он тут же исчезал. Никаких тебе стремленных разговоров, на посошок, ах, забыл, ещё передайте привет...

Как преступника, говорят, тянет на место преступления, так и путешественника случайная, может быть, встреча с местом заставляет считать его уже каким-то особым, хоть немножко, но своим, тоже тянет. Вот с американским Толедо у меня не сложилось. Хотя, почему же и не посмотреть на него из космоса? Ближайший Толедо (оказалось, что есть в Штатах ещё несколько) находится в штате Огайо, недалеко от озера Эри. И что меня заинтересовало при рассмотрении этой части планеты. Сеточка какая-то, увеличим, оказалось, что вся эта территория: и штат Висконсин, и штат Иллинойс, и Огайо — разбиты дорогами(!) на квадраты — миля на милю. А внутри этих квадратов поля, поля. Куда пропала

эта традиция — закладывать поместья, селения, где хочешь, а потом соединять их прихотливой вязью дорог? Может быть, более выгодно построить дорогу ближе к кратчайшему пути, чем устроить регулярную сеть, а потом в узлах располагать фермы? Но таков американский порядок!

Токио

Точно так же я мог написать «Киото» или «Нара», «Фудзияма», «дорога Токайдо», или ещё что-то японское топонимическое, чтобы как-то обозначить Место. Токио — потому что там живёт и работает мой друг Изуми, которая и выполняет функцию ниточки для связи с дальним местом как с некой реальностью. Кроме того, она знает русский язык, причём, как профессионал. Филолог она, студентов учит. Ближайшее моё место на подступах к Токио был Владивосток, где ощутил влияние Японии исключительно в полной замене автопарка на праворульный. Импорт б/у транспорта был налажен оттуда, из Японии.

Хороший повод задуматься: есть ли что-то общее между импортом автомобилей с «не тем» рулём и импортом поэтических форм? Руль справа находится не просто так, а потому, что порядок такой установился там — ездить по левой стороне дороги. А как насчёт хайку? Здесь то же самое — не родилось и не живёт оно вне какой-то своей особой поэтической среды. И не только поэтической. Импорт имеет разные формы. Не только то, что написано, но импорт идей, которые можно перенести и взрастить на кириллической почве. Идеи вряд ли подлежат полной расшифровке. Вот, например, что передал в будущее, в вечность Басё почти 400 лет назад:

*Мир быстротечен.
Дым от свечи уходит
В дыру на крыше...
?*

Три столбика иероглифов, для меня более похожих на каких-то насекомых, не несущих никакой информации. Перевод — не просто помощь, а единственный выход (ибо с английского или польского сам бы перевёл, это уже хоть какая-то связь с автором). Но эти членистоногие только часть, каркас, скелет. Главное, сущность — в настроении, идее.

А может, и не стоит разгадывать тайну каждой прыгнувшей лягушки и каждого пруда? Это же большая природа, часть большой природы и её движения. Полмиллиарда лет назад то одного рачка занесёт волной на берег, то другого, то кое-где успеют, пока влажно, произрасти какие-то водоросли, то один фрагментик водной экосистемы прижился на суше, то другой. Неважно! Не в этих материальных объектах дело, грандиозность происходящего на планете была в передаче идеи, идеи жизни в новой, воздушной среде! Сидит Басё, смотрит на свечку, дым струится потихоньку к дырке в крыше. Бог знает, о чём думает поэт. Может, о ненужности дырки, нарушающей целостность крыши, может, о необходимости дырки, что создаёт тягу, направление для дыма? Неважно, из чего появилась форма, три строчки, за строчками — ночь, тишина, одиночество, грусть. Сядь и ты на месте Басё, да и смотри на свечку.

Хайбун как поэтическая форма родился, как мне кажется, не случайно. Традиции стихосложения (три строки — пять слогов — семь слогов — опять пять) прочны и строги, но кто может запретить автору поделиться и своим собственным комментарием к хайку? Так подумал Китакура Кигин и, говорят, первым добавил к хайку свои комментарии, что было ещё до Басё.

Но я бы пошёл дальше. Представим такой ряд: 1) хайку как икебана, изысканно, но не вечно, есть даже элементы искусственные; 2) букет, простой, но живой, просит пить; далее — 3) розовый куст, распустились цветы и умерли своей смертью; далее — 4) сад роз, почва и воздух, дождь — и всё это одна система. Даже гусеница-листоед здесь. Это и есть жизнь — система жизни! Это всё есть жизнь: и роза, и дождь. Форма жизни не роза и не гусеница, а вся экосистема, ибо каждый элемент важен.

Так вот, хайбун и есть модель живой экосистемы, даже, если хотите, маленькой биосферы. Хайку — это биоценоз, живые организмы (не зря похожи на жучков эти иероглифы!), а проза — это среда обитания этого хайку.

Как Вам, дорогая Изуми, такая концепция? Филология с экологией. Одна беда — неуниверсальность концепции хайбуна. Впрочем, попытки были. Пастернак целый роман написал, чтобы в конце нашло своё место:

Свеча горела
На столе,
Свеча горела...

Когда-то давно на зданиях, особенно казённых, красовались не рекламные слоганы, а коротенькие и броские констатации, а может, выражения надежды, например: «Слава КПСС!», «Миру — Мир!». Последнее ещё со школьных времён меня озадачивало своей цикличностью. Отсутствие идеи заглянуть в словарь Даля было обусловлено тем, что я был убеждён, что два эти примера были изобретением чисто партийным: мол, только при условии соблюдения первого будет обеспечено второе. Изуми, лишённая мифологии, привязанной к моему место-временному ландшафту, открыла мне глаза на то, что исконно не было ни тавтологии, ни цикличности. Как во многих языках, хоть и в японском, это два разных слова, ибо два разных смысла. Это всего лишь следствие постоктябрь-революционных реформ. Было так: «*Мір*» — это вселенная, сообщество людей («всесвіт», «суспільство» — украинською, «el mundo» — по-испански, «сэкай» — по-японски. А отсутствие войны — это «Мирь» — мир, la paz, хэй-ва. Кстати, последнее пишется двумя иероглифами, один из которых в имени Изуми. Хорошо иметь друга — филолога широкого профиля. Сколько раз пробегали глаза по какому-то плакату «Миру — Мир!», теперь только его глубинная сущность стала понятна. Сильно хотелось мира, как состояния отсутствия войны, и не только для себя, для всего мира.

Есть у меня альбомчик такой, книжечка небольшая «Стежками Басё». Некая поэтическая натура ездила по тем местам, где скитался Басё, где строил свои хижины из хвороста. Да уж нет давно той окружающей среды, что окружала поэта.

Но некоторые храмы стоят.

Припять

Меня всегда озадачивала неизобретательность властей, которые ничего другого, как назвать город (топоним) по имени протекающей рядом реки (гидроним) не додумывались. Тем более что за гидронимами, как правило, ох какая древняя история. На реке Припять появился город Припять, Екатеринослав, он же Днепропетровск — стал Днепром. Хоть бы добавить Нью: Нью-Припять, Нью-Днепр.

В студенческие годы основной моей дорогой домой, к родителям, на родину, была река, вернее две. И вот как-то отметил, что «Ракета» идёт неким другим курсом, это было где-то километрах в 20 выше Чернобыля. Старое русло поглотил водоём-охладитель Чернобыльской АЭС.

Из всех пяти городов, которые возникли при украинских АЭС, Припять, как на мой взгляд, был самый толковый, разумно спланированный, симпатичный. Пришлось все объехать в своё время. Хотя, надо сказать, в своих экспедициях мы почти в самом городе этом и не жили. Не были тогда приучены к гостиницам, ставили лагерь около водоёма-охладителя.

Последний раз видел живой город в осенью 1985. А потом уже через 18 лет. Жутко наблюдать город, который покрывается лесом. Не только города майя поглотила сельва. После работы на водоёме попали по каким-то делам в Припять, за колючую проволоку. Я сидел под бывшей школой, ожидал Олега Н., он пошёл по делам, а я сочинял поэму.

ЗОНА

Поэма

1

Иду
По мёртвому городу,
Как Шлиман по Трое.
Вокруг
Только птицы поют,
И духи народа
Пропавшего
Где-то
Снуют...

2

Майя покинули город.
Сельва его поглотила.
Было много причин,
Но
Мы не знаем,
Зачем
Этот город покинули
Майя.

3

Поездка в город затянулась.
Пришлось сидеть и ждать,
И наблюдать,
Как тополиный пух,
Подобно колесу Фортуны,
Под ветра дуновением
Без остановки
Катится, всё
Меня направленья...

4

Растительность заполнит
Все пробелы
Оставленного города,
И летом
Здесь бушевать
Зелёный будет шум.
А соловьи —
Отмеривать участки
Своею песней.
Город Припять жив.

Растительною жизнью.
Амен...

Так бывает. Был хороший город, стал призрак. Я отношу города к особому типу экосистем в биосфере — урбозекосистемам. Оказалось, что слишком, чересчур уж большое количество природных элементов в них (например, деревья на крышах и балконах, или прорастающие сквозь асфальт) так же пугают, как «каменные джунгли».

Красноярск

Иногда то или другое Место в число внесённых предварительно в план этой повести не попало, но потом уже чужие воспоминания вдруг заставляют оживить разные детали, и ты приходишь к выводу, что надо, надо включить в план.

Героем места должен стать Миша Г., теперь уж Михаил Иванович, хотя бы потому, что он единственный в городе человек, с которым я давно знаком. Году так в 1985 приехал он в Киев из своего красноярского Академгородка защищать диссертацию, а я был учёным секретарём Совета. Так и сложились многолетние контакты, во всяком случае, при встрече на какой-нибудь конференции, в Питере или Мурманске, потом радостно обнимались. Стал он и замдиректора, и проректором большого университета. Во всяком случае, многим хорошим и интересным, увиденным в этом месте, обязан ему. У них в университете было принято приглашать почитать лекции профессоров издалека, вот как-то пригласили. Это был второй приезд в этот город.

Дело было в конце марта, ещё лежал снег. Из окна моей гостиницы, из большого и одинокого номера, был виден мост на правый берег Енисея. Красноярская ГЭС, что выше по течению, устраивает здесь большую термическую аномалию. Летом в реке холодно, потому что сбрасывается холодная придонная вода водохранилища, зимой глубинные те воды теплее, чем поверхностные, подлёдные в водохранилище, поэтому река зимой не замерзает. И прослеживается эта аномалия, помаленьку затухая, аж на 800 км по течению. Большая река, большие аномалии. Вот эту реку и мост через неё и наблюдал каждое утро, поджидая машину, которую присылали от факультета. Всё должно быть красиво, считал Миша, а деньги найдём. Например, если лететь на международный конгресс в Кейптаун, то всей лабораторией, сфоткаться на фоне Столовой горы, достижения сибирской науки показать.

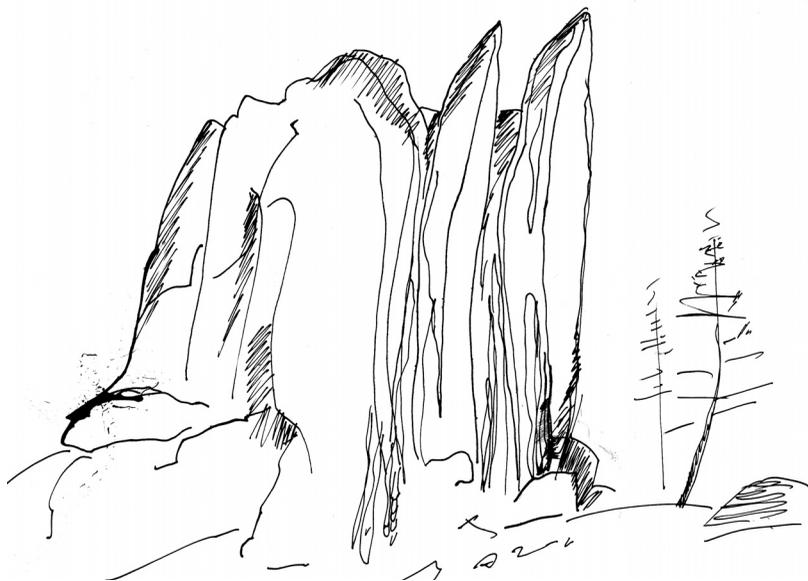
* * *

В чём же сработал триггер одного путевого очерка из книжки Георгия Евгеньевича Шульмана? А очерк его назывался «Столбы», про то, как они, поехавши на скучную конференцию в Новосибирск, в одночасье сорвались, за ночь на поезде проскочили в Красноярск, день провели среди тех самых красноярских Столбов и были счастливы. А я вот, наблюдая за течением тёмных, ещё зимних енисейских вод, про достопримечательность эту и не вспомнил. Наверное, потому, что был там в свой первый приезд. Таков эффект новизны-неновизны. А может, я подумал, что в зимней тайге не столь уютно, как в осенней.

Итак, где-то в середине 80-х происходила в Красноярске научная конференция, совершенно забытого названия и содержания, были мы вдвоём или троём. Миша и предложил поехать посмотреть Столбы.

Я про них раньше и не слышал. «Столбы» эти представляют собой древние гранитные останцы, одинокие скалы, очертания их сглажены водой, ветрами — временем, короче. Если исключить самолёт, то основных взгляда на них может быть два. Один, когда стоишь рядом, задрав голову, второй, мне недоступный, взгляд скалолаза, поднявшегося на вершину. При первом поражаешься их необычной красоте форм и фактуры, при втором, говорят, чувствуешь себя награждённым за трудный подъём таким чудесным видом сопок, уходящих к горизонту, к Саянам, среди которых торчат эти голые скалы, что все трудности подъёма забываются. Вот эти счастливики, что наверху, в большинстве своём принадлежат к «столбистам». Как мне рассказала Катя, девушка, которую Миша привстал ко мне показать эти самые чудеса природы, «столбизм» — это целая философия, а может, и религия. «Столбисты» — не в первую очередь скалолазы, это члены небольших коллективчиков, что-то вроде сект, со своим уставом, традициями, пренебрежением к обычным фамилиям, что остаются там, «в миру», у своих же позывные, скажем так, псевдонимы. Это продолжение ещё дореволюционных традиций.

Одним своим краем заповедник практически примыкает к городу, поэтому поехали на рейсовом автобусе. И пошли по тропам осенней тайги. Вечная зелень сосен, желтизна лиственниц, берёзки белеют где-нигде.



Показалось странным, что эти скалы как бы окружены ничейным пространством, лес вроде бы робеет перед гранитом, можно подойти свободно и пощупать. А может, это от множества ног туристов и «столбистов». Поскольку подняться наверх и испытать это чувство полёта нам было не дано, удовлетворились взглядом пигмеев. Скалы необычные, красивые, но, в общем-то — скалы. Только вот «Перья» заворожили меня своей композицией. От скального массива отделились, как два паруса, два гигантских «пера», выглаженные ветрами и дождями. Как сказала Катя, одним из особо сложных у «столбистов» — это подъём на «Перья», как раз по щели между ними. Где-то даже сохранился этюдик с этими скалами. Чтобы показать масштаб, рядом со скалой изобразил изогнутую сосну, на китайский манер. Ещё и ещё, разные скалы, у каждого столба своё имя — «Дед», «Львиные ворота» и т.д. На обратной дороге зашли к знакомым Кати. Строения заповедника и зоопарк целый, скорее, амбулатория со стационаром, подобранных животных, нездоровых сюда отравляют. Например, был небольшой медведь.

Окончание встречи запомнилось совсем по другому поводу. Зашли в нашу гостиницу, чаю выпить, поделиться с Шурой впечатлениями, он же не захотел ехать, мотивируя тем, что не любит посещения «туристических объектов». Может, он и пожалел, но не признался. Пошёл я Катю проводить, да имел неосторожность в комнатных тапках выйти за двери отеля. Возвращаюсь обратно, а швейцар пропуск требует. Я, говорю, вышел только на минуточку, вон, в тапках. Швейцар оказался крепче скал местных. Пришлось идти под окна и кричать Шуре, чтобы спустился с пропуском моим, благо был третий этаж.

А с Шурой на туробъект таки попали. Тогда его можно было в некотором смысле причислить к туристическим. Поехали на Красноярскую ГЭС, тогда туда и туристов возили, показать плотину грандиозную да машзал. И мы это посмотрели. Но остались в памяти осенние крутые берега большой реки. Был солнечный тёплый день.

И в этих деталях увидишь, как изменился мир! Плотина, машзал — разве можно пускать на стратегические объекты посторонних? Книжек про шпионов и диверсантов было гораздо больше, чем самих шпионов. Не знали тогда мы и про другую опасность: вот, вчера (август 2024) российские ракеты летели на Киевскую и ДнепрогЭС. У этого терроризма оказалось так много обличий.

А вот другая точка, другой взгляд, другое время. Весенняя, почти ещё зимняя пора. На полдороги до плотины есть смотровая площадка. Теперь взгляд вверх по течению. Серое небо, белые берега и река цвета индиго, с прозеленью. На правом берегу, на низком участке вдоль реки — россыпь домиков, это село Овсянка. Поскольку это родина писателя Астафьева, на смотровой площадке Большая Рыба в бронзе. Из осетровых.



Видно Битва и Овалес 6.4.10.

А что город? Чтения лекций занимали полдня и то не ежедневно. Бродил по городу с альбомом, пополняя набросками серию «Красноярская весна». Набережная с музеем всякого краеведения, почему-то в египетском стиле, именно — древне-, впрочем, для исторического музея это и прикольно. Только он как-то не помирился с большим мостом, кажется, что этот длинный мост навис прямо над египетской архитектурой. Есть там мамонт и шерстистый носорог, а уж стрел всяких, копий древних людей не счесть! Ходил по улицам да церкви рисовал. Понравился мне термин «сибирское барокко», как пишут — это провинциальный вариант русского барокко, испытавшего влияние украинского барокко же, а также ламаистского декора. Знатки архитектуры утверждают,

что только Покровский храм можно отнести к этому разряду барочных. Однако, как по мне, все они отличались массивностью, основательно-стью, грубоватостью декора.

Надо сказать, тот триггер-рассказ Шульмана имел некий сюжет: спонтанно сорвались со скучной конференции, за ночь уже в другом городе, увидели желаемое и остались счастливы. Я же съездил бессюжетно. Сказать честно, и без триггера вспоминал это место, только мне казался малообъяснимым тот факт, что после начала войны никакого слова, ни полслова от Миши не получил.

Стокгольм

Это будет, наверное, самый короткий очерк, полная призрачность и эфемерность при вполне реальном присутствии.

Году этак в 2012 (Егору было лет пять) решили мы с Машей, его мамой, моей дочкой, навестить родственников в Риге. Строго говоря, в предместьях. У них есть что-то вроде дачной квартиры на взморье, в Юрмале, посидим там недельку, потом у них, дом большой, недельку посидим ещё, пообщаемся. Это не более, чем прелюдия к Стокгольму, совсем другое место. Что-то с квартирой не сложилось, оказалось, что у неё много хозяев и все родственники, что само по себе чревато недоразумениями. Хотя несколько дней побродили по холодным пляжам, планы несколько поплыли. Тогда кузен с женой предложили: а не сгонять ли вам на пароме в Стокгольм? Заманчиво. Купили билеты, Лена (жена брата) вызвалась сопровождать.

Вот и вечерний порт. Огромный паром, видимо, родной брат той «Эстонии», что как-то затонула в этих водах. Только, наверное, не брат, а сестра, потому что название на борту было «Cinderella». Надо было предполагать, поджидал нас сказочный успех нашего предприятия.

Огромный корабль, его за вечер и за ночь не облезать весь. Правда, мы только на день в столицу Швеции, туда-сюда, то есть впереди ещё одна ночь для исследований. Оказалось, что всё на этих палубах довольно однообразно — магазинчики, бары, кафе, детские комнаты с играми. Спиртное то ли вообще не продавали, то ли на манер горбачёвских времён — с определённого часа. Нам не надо, но здесь же масса водителей, траки которых где-то в трюмах плывут

вместе с ними в Швецию. Во всяком случае, проблема как-то витала в воздухе. Но интереснее всего было море, вернее, морской вечер, который растянулся в соответствии с летним временем и широтой. На какой-то палубе в носовой, баковой части было что-то вроде зала со стеклянными стенами-окнами, вот и сиди себе и смотри, как судно всё идёт и идёт на закат.

Поскольку нам только переночевать, да и дешевле так, каюта была без иллюминатора, на какой-то глубокой палубе, ниже ватерлинии, наверное. Коридор и одинаковые двери, десятки кают, ни одной указки или надписи, куда бежать, если что. А какая наша шлюпка, если что? И как до неё на палубу быстро добраться, если что? Никаких инструкций, во всяком случае, бросающихся в глаза. Идя по такому безликому, как в тюрьме, коридору, вполне легко себе представить, как он чуть ли не ложится на бок, а под ногами начинает плескаться вода. Да и свет тусклый, еле-еле, вот-вот погаснет. Наверное, лучше атомная бомба, чем медленно тонущий корабль.

Но утро вполне благополучно застало нас у берегов Швеции. Великолепная картина: островки, острова, на некоторых дома, домики, целые хутора. А этот здоровенный корабль идёт между ними и, кажется, вот-вот захлестнёт их волной.

Порт, как это обычно и бывает — на задворках города. Добралась до центра на автобусе. И вот мы пошли к королевскому дворцу. Там туристы — и мы с ними. Лена, как бывавший здесь турист, говорит, мол, будет что-то вроде парада, развод караула. На этом мой Стокгольм и закончился. В толпе мы как-то разошлись, скоординировать действия, мол, хватит, пошли что-то ещё посмотрим, стало невозможно. Кроме того, Егор был полностью поглощён этими довольно простенькими и, я бы сказал, любительскими упражнениями в строевой подготовке. Парад сильно затянулся. Трудно сказать, повезло нам (говорят, по полной программе, как сейчас, бывает не каждый день) или не повезло.

Всё остальное время и место запечатлелось в одной картинке, будто передо мной туристическая яркая открытка. Заливы, каналы, кораблики, архитектура, мост. Где-то вдалеке на здании была не то вывеска, не то реклама — Национальный музей, или Галерея, совсем ненужная.

Вечереет, пора в порт на свой челнок. Закат был за кормой, это совершенно иное впечатление, чем по носу. Коридоры и ночь совершенно выпали из впечатлений. Утром на причале нас поджидал Николай, такой маленький с борта такого большого корабля.

Прошли, как пишут в романах, годы, внуку Егору, который вряд ли помнит тот парад, скоро 18. А я читаю по видеосвязи младшим внукам повесть про Карлсона, который живёт на одной из стокгольмских крыш. Такая вот связь Места и Времени.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Даже не знаю, каким оно должно быть... В жанре самоописания не бывает заключения. Естественный финал не может быть объективно описан. Поэтому можно только написать: «Продолжение следует...»

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Хабаровск	8
Рудня Дымерская	35
Вильнюс	45
Страконицкий бульвар	53
Океан	58
Одесса	105
Мер'аба	109
Цюрих	113
Грудзёндз	124
Любень Великий	127
Львов	140
Дрогобыч	150
Хайфа	155
Lloret de mar	166
Ковель	183
Варшава	193
Аахен	198
Милан Канту	203
Виньялес	226
Гавана	248
Мадрид, Толедо	272
Москва	285
Гоа	294
Питер — Ленинград — Санкт-Петербург	310
Быдгощ	321
Крым	345
Места-призраки	356
Послесловие	382

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»

Заснована у 2023 році

Александр Протасов

МЕСТО И ВРЕМЯ

Книга вторая

(російською мовою)

Редактор О. Мордовіна

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16. Зам. №7363
Папір 80 офсет. Ум. друк. а. 24
Гарнітура «Arial Narrow».
Підписано до друку 12.10.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.



«События, что есть вехи времени, наводят на размышления. Я понимаю простую, в общем, вещь: эпохи надо уважать! Как уважаем мы людей в каждом Месте, так нужно уважать людей в каждом Времени. Плохое не заслуживает уважения, но заслуживает знания. У незабытого плохого меньше шансов вернуться».



**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА**

